

-
- [Этимологии. Книги I—III: Семь свободных искусств](#)

- [Книга I. О грамматике](#)

- [Глава I. О науке и искусстве](#)
- [Глава II. О семи свободных искусствах](#)
- [Глава III. О всеобщих \[греческих\] буквах](#)
- [Глава IV. О латинских буквах](#)
- [Глава V. О грамматике](#)
- [Глава VI. О частях речи 33](#)
- [Глава VII. Об имени](#)
- [Глава VIII. О местоимении](#)
- [Глава IX. О глаголе](#)
- [Глава X. О наречии](#)
- [Глава XI. О причастии](#)
- [Глава XII. О союзе](#)
- [Глава XIII. О предлоге](#)
- [Глава XIV. О междометии](#)
- [Глава XV. О буквах у грамматиков \(фонетических знаках\)](#)
- [Глава XVI. О слоге](#)
- [Глава XVII. О стопах](#)
- [Глава XVIII. Об ударении](#)
- [Глава XIX. О знаках ударения](#)
- [Глава XX. О пунктуации](#)
- [Глава XXI. О пометках в предложении](#)
- [Глава XXII. Об обыденных знаках](#)
- [Глава XXIII. О юридических знаках](#)
- [Глава XXIV. О воинских знаках](#)
- [Глава XXV. О знаках букв \(тайнописи\)](#)
- [Глава XXVI. О знаках пальцами \(жестикуляции\)](#)
- [Глава XXVII. Об орфографии](#)
- [Глава XXVIII. Об аналогии](#)
- [Глава XXIX. Об этимологии](#)
- [Глава XXX. О глоссах](#)
- [Глава XXXI. О различениях](#)
- [Глава XXXII. О варваризме](#)
- [Глава XXXIII. О солецизмах](#)
- [Глава XXXIV. О прочих ошибках](#)
- [Глава XXXV. О метаплазмах](#)
- [Глава XXXVI. О фигурах речи](#)
- [Глава XXXVII. О тропах](#)
- [Глава XXXVIII. О прозе](#)
- [Глава XXXIX. О стихах](#)
- [Глава XL. О басне](#)
- [Глава XLI. Об истории](#)
- [Глава XLII. Об авторах первых историй](#)
- [Глава XLIII. О пользе истории](#)
- [Глава XLIV. О родах истории](#)

- [Книга II. О риторике и диалектике](#)
 - [Глава I. О риторике и ее названии](#)
 - [Глава II. Об изобретателях искусства риторики](#)
 - [Глава III. Об ораторе и частях риторики](#)
 - [Глава IV. О трех родах дел](#)
 - [Глава V. О двухчастном статусе дел](#)
 - [Глава VI. О трехчастном споре](#)
 - [Глава VII. О четырех частях речи](#)
 - [Глава VIII. О пяти видах побудительных причин](#)
 - [Глава IX. О риторических силлогизмах 269](#)
 - [Глава X. О законе](#)
 - [Глава XI. О сентенции](#)
 - [Глава XII. О доказательстве и опровержении](#)
 - [Глава XIII. Об олицетворении](#)
 - [Глава XIV. О придании характера](#)
 - [Глава XV. О родах вопросов](#)
 - [Глава XVI. О стиле в речи](#)
 - [Глава XVII. О трех манерах говорить](#)
 - [Глава XVIII. О комме, колонне и периоде](#)
 - [Глава XIX. Об избегании ошибок в \[сочетании\] букв, слов и предложений](#)
 - [Глава XX. О сочетаниях слов309](#)
 - [Глава XXI. О фигурах в словах и предложениях](#)
 - [Глава XXII. О диалектике](#)
 - [Глава XXIII. О разнице между искусствами диалектики и риторики](#)
 - [Глава XXIV. Об определении философии](#)
 - [Глава XXV. Об «Исагоге» Порфирия](#)
 - [Глава XXVI. О «Категориях» Аристотеля](#)
 - [Глава XXVII. Об «Об истолковании»](#)
 - [Глава XXVIII. О диалектических силлогизмах](#)
 - [Глава XXIX. О классификации определений \(сокращение из книги Мария Викторина\)](#)
 - [Глава XXX. О топике](#)
 - [Глава XXXI. О противолежащих445](#)
- [Книга III. О четырех математических дисциплинах](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Титул I. Об арифметике](#)
 - [Глава I. О наименовании науки арифметики](#)
 - [Глава II. О ее создателях](#)
 - [Глава III. Что есть число](#)
 - [Глава IV. Что числа представляют](#)
 - [Глава V. О первом разделении \[чисел: на\] четные и нечетные](#)
 - [Глава VI. О втором разделении всех чисел](#)
 - [Глава VII. О третьем разделении всех чисел](#)
 - [Глава VIII. О различии арифметики, геометрии и музыки](#)
 - [Глава IX. Сколько существует бесконечных чисел](#)
 - [Титул II. О геометрии](#)
 - [Глава X. Об изобретателях геометрии и ее имени](#)

- [Глава XI. О четырехчленном делении геометрии](#)
- [Глава XII. О геометрических фигурах](#)
- [Глава XIII. О \[средних\] геометрических числах](#)
- [Глава XIV. Представление фигур, нарисованных ниже 509](#)
- [Титул III. О музыке](#)
- [Глава XV. О музыке и ее имени](#)
- [Глава XVI. Об изобретателях ее](#)
- [Глава XVII. Что может музыка](#)
- [Глава XVIII. О трех частях музыки](#)
- [Глава XIX. О тройном разделении музыки](#)
- [Глава XX. О первом разделе музыки, который называется гармоникою](#)
- [Глава XXI. О втором разделе музыки, который называется органикою](#)
- [Глава XXII. О третьем разделе музыки, который называется ритмикою](#)
- [Глава XXIII. О \[средних\] музыкальных числах](#)
- [Титул IV. Об астрономии 544](#)
- [Глава XXIV. Об имени астрономии](#)
- [Глава XXV. Об изобретателях ее](#)
- [Глава XXVI. О наставниках ее](#)
- [Глава XXVII. О различии астрономии и астрологии](#)
- [Глава XXVIII. О смысле астрономии](#)
- [Глава XXIX. О мире и его имени](#)
- [Глава XXX. О форме мира](#)
- [Глава XXXI. О небе и его имени](#)
- [Глава XXXII. О положении небесной сферы](#)
- [Глава XXXIII. О движении той же сферы](#)
- [Глава XXXIV. О беге той же сферы](#)
- [Глава XXXV. О быстроте \[вращения\] неба](#)
- [Глава XXXVI. Об оси неба](#)
- [Глава XXXVII. О небесных полюсах](#)
- [Глава XXXVIII. О точках вращения неба](#)
- [Глава XL. О вратах неба](#)
- [Глава XLI. О двойном лице неба](#)
- [Глава XLII. О четырех частях неба](#)
- [Глава XLIII. О полусферах](#)
- [Глава XLIV. О пяти кругах неба](#)
- [Глава XLVI. О белом круге](#)
- [Глава XLVII. О величине Солнца](#)
- [Глава XLVIII. О величине Луны](#)
- [Глава XLIX. О природе Солнца](#)
- [Глава L. О движении Солнца](#)
- [Глава LI. О действии Солнца](#)
- [Глава LII. О пути Солнца](#)
- [Глава LIII. О свете Луны](#)
- [Глава LIV. О фазах Луны](#)
- [Глава LV. О новолунии](#)
- [Глава LVI. О движении Луны](#)
- [Глава LVII. О близости Луны к Земле](#)

- [Глава LVIII. О затмении Солнца](#)
- [Глава LIX. О затмении Луны](#)
- [Глава LX. О различии светил, созвездий и звезд](#)
- [Глава LXI. О свете светил](#)
- [Глава LXII. О положении светил](#)
- [Глава LXIII. О движении светил](#)
- [Глава LXIV. О различном пути светил](#)
- [Глава LXV. О расстояниях до светил](#)
- [Глава LXVI. О круговом числе светил](#)
- [Глава LXVII. О светилах-планетах](#)
- [Глава LXVIII. О предшествовании и прямом движении светил](#)
- [Глава LXIX. Об удалении и попятном движении светил](#)
- [Глава LXX. О стоянии светил](#)
- [Глава LXXI. Об именах светил, которые получили имена небеспричинно](#)
- [Приложения](#)
 - [Л. А. Харитонов «Исидор Севильский» Историко-философская драма](#)
 - [Пролог](#)
 - [Эписодий 1. Визиготское королевство в Испании](#)
 - [Эписодий 2. Жизнь Исидора Севильского](#)
 - [Эписодий 3. Сочинения Исидора Севильского](#)
 - [Эписодий 4. Свободные искусства: путь «из греков в латинь»](#)
 - [Эписодий 5. Тривиум: «второе дыхание»](#)
 - [I. Грамматика](#)
 - [II. Риторика](#)
 - [III. Диалектика \(логика\)](#)
 - [Эписодий 6. Квадривиум: потерянное наследство](#)
 - [IV. Арифметика](#)
 - [V. Геометрия](#)
 - [VI. Музыка](#)
 - [VII. Астрономия](#)
 - [Эписодий 7. Метод «Этимологий»](#)
 - [Эписодий 8. Заключительный](#)
 - [Эксод](#)
 - [От переводчика](#)
 - [Список сокращений имен авторов и их произведений](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)

- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)

- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)

- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)

- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)

- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)

- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)

- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)

- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)

- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)

- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [*](#)
- [**](#)

Введение

Содержание

Domino meo, et Dei servo, Brauloni episcopo, Isidorus... Господу моему и рабу Божиему, епископу Браулону¹, Исидор. Вот тебе, как я обещал, мой труд о началах всяческих вещей, из прочтенных древних [сочинений] по воспоминаниям собранный и так же снабженный в некоторых местах примечаниями, как и сохраняющий [дословно] написанное стилосом предков.

Глава I. О науке и искусстве

Наука (disciplina) имя получила от научения (discendo), потому она также может называться и знанием (scientia). Ведь «знать» (scire) произошло от «учиться» (discere), ибо никто из нас [ничего] не знает, если не учится. А иначе она названа наукою, ибо всему учит (discitur plena).

(2) *Искусство* (ars) же называется так потому, что состоит из наставлений и правил искусного мастерства (ars). Другие же говорят, что греки вывели это слово ἀρτιότης, то есть «от добродетели», которую они называли знанием².

(3) Платон³ и Аристотель⁴ считали, что между искусством и наукою существует различие, и говорили, что искусство — в тех [вещах], которые могут быть теми или иными⁵, тогда как наука имеет дело с теми [вещами], которые не могут быть иными. Ведь когда нечто разбирается в [необходимо] истинных суждениях, то это будет наука, когда же нечто трактуется как правдоподобное и сомнительное, то это получит имя искусства.

Глава II. О семи свободных искусствах

Наук *свободных искусств* (artes liberales) семь⁶. Первая — грамматика, то есть опытность в речи (loquendi peritia). Вторая — риторика, которая из-за красоты и величия красноречия считается совершенно необходимою в делах гражданских. Третья — диалектика, называемая логикою, которая посредством тончайших рассуждений отделяет истинное от ложного. (2) Четвертая — арифметика, которая содержит причины и различия чисел. Пятая — музыка, которая состоит из стихов и песен. (3) Шестая — геометрия (geometrica), которая охватывает измерение и <размеры> земли. Седьмая — астрономия, которая содержит законы звезд.

Глава III. О всеобщих [греческих] буквах

Основанием искусства грамматики являются всеобщие буквы (*litterae communes*), которыми занимаются и книжники, и счетоводы. Наука об этих [буквах] — это как бы детство грамматического искусства: и поэтому Варрон⁷ назвал ее буквистикою (*litteratio*). Буквы же суть образы (*indices*) вещей, знаки слов, и их сила такова, что у нас недостаток дикции называется немотою, <ведь слова проникают через глаза [при чтении], а не через уши>. (2) Употребление букв было изобретено для запоминания вещей, а именно, чтобы они не уходили в забвение, их связывают словами. Ведь при всем таком разнообразии вещей никто не смог бы ни выучить слышимое, ни сохранить в памяти. (3) Буквы же называются как бы законодателями [речи], ибо они отвечают за правильность речи или за то, что выводится в речи.

(4) Кажется, что латинские и греческие буквы произошли от еврейских⁸. У них ведь первая [буква] называется «алеф», [от которой] потом по сходству названия греки вывели альфу, и отсюда у латинян А. Ведь переводчик (*translator*) создал букву другого языка по схожести звука, чтобы мы могли знать, что еврейский язык евреев всем языкам и буквам — мать. Однако евреи пользуются 22 буквами (*elementa litterarum*), как в книгах Ветхого завета, а греки — 24, а латиняне, помещаясь между ними, имеют 23 буквы. (5) Еврейские буквы получили свое начало от Закона через Моисея, а сирийские и халдейские — через Авраама. Ибо последние, хотя и согласуются с еврейскими по числу и произношению, но различаются одним начертанием.

Египетские буквы царица Исида (Ио), дочь Инаха, пришедшая из Греции в Египет, открыла и передала египтянам. Ведь у египтян у жрецов были одни буквы, а у народа — другие; жреческие называются *ἱεραὶ*, а народные — *πᾶνδημοί*.

Употребление греческих букв первыми открыли финикийцы, поэтому Лукан⁹ [говорит]:

Если молве доверять, финикийцы впервые дерзнули

Звуки людских голосов закрепить в новосозданных знаках.

(Lucan., Phars., III, 220).

(6) Вот почему финикийским¹⁰ цветом пишутся заголовки книг — потому что они получили начало от их букв.

Кадм, сын Агенора, привез из Финикии в Грецию¹¹ сначала 17 букв — А (альфа)¹², В (бета), Г (гамма), Д (дельта), Е (э-пси́лон), Ζ (дзета), Ι (йота), Κ (каппа), Λ (лямбда), Μ (мю), Ν (ню), Ο (о-микрон), Π (пи), Ρ (ро), Σ (сигма), Τ (тау), Φ (фи). Паламед¹³ во времена Троянской войны добавил такие три — Η (эта), Χ (хи), Ω (о-мега). После этого лирик¹⁴ Симонид¹⁵ добавил еще три: Θ (тхета), Ψ (пси), Ξ (кси). (7) Букву Υ (ю-пси́лон) первым создал Пифагор Самосский¹⁶ по образу человеческой жизни. Ее нижняя палочка обозначает детский возраст, неопределенный, который не отдает себя еще ни добродетели, ни пороку. С развилки выше начинается юность: ее правая дорога крута, но приводит к счастливой жизни, левая же легка, но доводит до падения и гибели. Об этом так говорит Персий¹⁷:

Ты, для кого развела самосские веточки буква,

И указала идти, поднимаясь по правой тропинке.

(Pers., Sat., III, 56).

(8) Ведь у греков есть пять мистических букв. Первая — Υ (ю-пси́лон), которая обозначает человеческую жизнь, о чем только что мы говорили. Вторая — Θ (тхета), которая [обозначает] смерть, ибо судьи эту самую букву ставили против имени тех людей, которых приговаривали к смертной казни. И называется [она] тхета α πὸ τοῦ θανάτου, то есть «от смерти». Поэтому она имеет посередине стрелу, то есть знак смерти. О чем следующее:

О более пред прочими несчастливая буква тхета!

(9) Третья, Т (тау), показывает вид креста Господня, почему по-еврейски [тау] и значит «знак». О чем сказано у пророка Иезекииля ([Иезек., 9:4](#)): «Пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих... сделай знак «тау''' [18](#). Остальные две, первую и последнюю, взял Себе Христос. Ведь Он начало и Он конец, говоря: «Аз есмь Алфа и Омега» ([Откр., 1:8](#)). Ведь они сходятся одна с другой: то А к Ω ниспадает, то Ω к А обращается, ибо являет в Себе Господь и стремление начала к концу, и стремление конца к началу.

(10) Все буквы у греков и слова составляют, и числа образуют. Так, буква альфа у них среди чисел произносится как единица. Там же, где они пишут бету, то говорят «два», когда пишут гамму, произносят по своему счету «три», когда пишут дельту — «четыре». И так все буквы у них имеют числовое значение. (11) Латиняне же числа с буквами не сопоставляют, а [из букв] составляют только слова, за исключением букв I, а также X, которая и обозначает вид креста, и образует число десять [19](#).

Глава IV. О латинских буквах

Латинские буквы первая передала Италии нимфа Кармента²⁰. Карментою же она названа, поскольку предсказывала будущее в песнях (*carmina*), кроме того, она собственно была названа Никостратою. Буквы же эти всеобщие, или свободные. (2) Всеобщими (*communes*) они названы из-за того, что многие ими обычно (*in commune*) пользуются, чтобы читать и писать. Свободными же — поскольку их знают только те, которые пишут книги и знают законы правильной речи и письма²¹.

(3) Вида (*modus*) букв два, ибо изначально они разделяются на две части: гласные и согласные²².

Гласные (*vocales*) — это те, которые произносятся при прямом зиянии зева, безо всякого стеснения (*collisio*) [выдыхаемого воздуха]. И названы они гласными, так как сами собою наполняют голос (*vox*) и сами собою образуют слоги (*syllaba*), не присоединяя никакого согласного.

Согласные (*consonantes*) же суть те, которые произносятся различными движениями языка или смыканием губ. И называются они согласными, поскольку сами собою они не звучат, но будучи соединены с гласными, звучат совместно с ними (*consonant*). (4) Они делятся на две части: полугласные и немые. *Полугласные* (*semivocales*) названы так, поскольку имеют некоторое подобие с гласными. Ведь они начинаются с гласной E (э) и заканчиваются на [свой] природный звук <как F (эф), L (эль), M (эм) и другие>. *Немые* (*mutae*)²³ же названы так потому, что никогда не произносятся, если не имеют присоединенных к ним гласных. Ведь если ты у них уберешь этот последний гласный звук [“э«], то оставшееся прозвучит как шум, <как B (б), G (г), D (д) и другие>. Древние же называли гласные, полугласные и немые [соответственно] «звуки» (*sonae*), «полужвуки» (*semisonae*) и «беззвучные» (*insonae*)²⁴.

(5) Среди гласных для I (и/й) и U (у/ў/в) у грамматиков имеются разные классификации (*significationes*), ведь они и «гласные», и «полугласные», и «средние». (6) Гласными они являются потому, что, будучи поставлены одни, образуют слог и связываются с другими согласными. Согласными же — потому что иногда имеют после себя гласные, с которыми составляют [один] слог, как, например, в «ianus», «uates»²⁵, [где] их считают согласными. (7) Средними же они называются, так как в естественном состоянии (*naturaliter*) они содержат только средний звук, как в «illius», «unius», а в соединении с другими звучат глухо <как в «ianus», «ianus»>. Ведь они, будучи изолированными, звучат одним образом, а в соединении — другим. Вследствие этого I (и/й) иногда называется двойною, так как всякий раз, когда она встречается между двумя гласными, она считается за две согласные как [в слове] «Troia», ведь здесь ее звук удваивается²⁶.

(8) Буква же U (у/ў/в) также иногда есть ничто (*nihil*), поскольку она в некоторых местах ни гласная, ни согласная, как в [местоимении] «quis» (что). Ведь она [здесь] не является ни гласною, поскольку за нею следует I, ни согласною, поскольку [ей] предшествует Q. Таким образом, раз она не является ни гласною, ни согласною, то, очевидно, она есть ничто. Греки же ее называют дигаммою (ϕ), поскольку она соединяется с собою и с другими гласными. И еще потому она называется дигаммою, что является двойною [по начертанию], наподобие буквы F, состоящей из двух гамм (Γ), от какового сходства грамматики решили называть связанные гласные дигаммами, как в «uotum», «uirgo».

(9) А среди полугласных некоторые называются *плавными* (*liquidae*), потому что иногда, находясь в одном слове после других согласных, ослабевают и выпадают из метра. Из них у латинян плавными являются две — L (эль) и R (эр), например в «fragor», «flatus». Остальные —

М (эм) и N (эн) — у греков, как в «Mnestheus».

(10) Древние же латинские писания состояли из 17 букв. И по этой причине эти буквы именуются «законными» (*legitimae*), а именно: они или начинаются с гласной E (э) и заканчиваются на немой звук, и тогда являются полугласными²⁷, или начинаются со своего звука и заканчиваются на гласный E (э), и тогда являются немymi. <Это: A (а), B (бэ), C (кэ), D (дэ), E (э), F (эф), G (гэ), I (и/й), L (эль), M (эм), N (эн), O (о), P (пэ), R (эр), S (эс), T (тэ) и U (у/ў/в)>.

(11) Буква же H (ха) была добавлена потом для [обозначения] одного только придыхания, поэтому многие считают ее не буквою, а выдохом. Она потому называется знаком придыхания, что облегчает (*elevat*) голос. Придыхание же есть звук сильно повышающийся, противоположностью чего является *просодия*²⁸, звук равно смягчающийся (*flexus*).

(12) Букву K (ка) впервые в латинский язык добавил школьный учитель Сальвий, чтобы сделать различие в звучании двух букв C (кэ) и Q (ку/кў у)²⁹. Поэтому ее и называют лишнею, ведь [везде] кроме «Kalendae» (календы), она признается избыточной и вытесняется буквою C.

(13) Букву Q (ку/кў у) не произносили ни греки, ни евреи, ведь кроме латинского, этой буквы нет ни в каком другом языке³⁰. Да и [в латыни] ее вначале не было, поэтому она тоже называется лишнею, ибо древние все писали через C.

(14) Буквы X (экс) до времени Августа у латинян не было, <и она справедливо стала писаться в это время, ибо тогда стало известно имя Христа, которое пишется с этой буквы, обозначающей вид креста³¹>. А вместо нее писали C и S; и потому она зовется двойною, что содержит C и S. Отсюда она и название имеет, составленное из этих двух букв.

(15) От греков же к латинянам перешли две буквы — Y (ю-грек) и Z (дзэт), отчего они получили имя греческих, и они не писались у римлян до времен Августа: вместо Z ставились SS, как [в слове] «hilarissat» (да возрадуется), а вместо Y писали I.

(16) Всякой букве три [качества] присущи: *имя* (*nomen*), каким образом она произносится, *начертание* (*figura*), которым показывается ее своеобразие (*character*), и *сила* (*potestas*), за какой гласный или согласный ее считать. Некоторые причисляют [сюда] и порядок (*ordo*), то есть какая [буква] ей предшествует и какая следует за нею, как, например, A идет впереди, а за нею идет B. Буква же A у всех народов — первая из букв потому, что новорожденные открывают ее [для себя] самой первой. (17) Имена же букв народы вывели из звуков своих языков, обозначив и различив звуки, [произносимые] ртом. После того, как они их открыли, они дали им имена и начертания. Начертания были отчасти устроены произвольно, отчасти сообразно звучанию буквы: как, например, I и O, из коих первая является тонким звуком, потому рисуется тонкою линиею, а вторая является полным звуком, потому и начертание ее полное. Силу же буквам дала природа, а порядок и долготу — воля [человека].

(18) Среди начертаний букв древние выделяли и *знак долготы* (арех, «черточка»). А зовется он знаком долготы, поскольку он большой по длине и рисуется сверху буквы. Это черта, находящаяся над буквою, соответственно вытянутая. <Начертание же это то, как пишется вся буква.>

Глава V. О грамматике

Грамматика (grammatica) есть знание (scientia) как правильно говорить; это начало и основание свободного письма. Среди [прочих] наук она была открыта сразу после [науки] о всеобщих буквах, так чтобы те, кто уже выучил буквы, после этого узнал способ правильно говорить. Грамматика же получила свое имя от букв, ведь греки называют буквы γράμματα.

(2) <Искусство (ars) же называется так потому, что состоит из наставлений и правил искусного мастерства (ars). Другие говорят, что оно выводится из греческого слова ἀρτιότης, то есть «от добродетели», которую [греки] считали знанием.>

(3) *Речь* (oratio) же названа так, словно «разум рта» (oris ratio)³². Потому изрекать (orare) — это разговаривать (loqui) и произносить (dicere). Ведь речь есть соединение слов со смыслом (sensus). Соединение же без смысла не есть речь, ибо не есть разум рта. Речь же состоит из смысла, звучания и букв.

(4) Разделов же искусства грамматики некоторые насчитывают тридцать: то есть восемь частей речи (partes orationis), а также произношение (vox articulata), буква (littera), слог (syllaba), стопы (pedes), ударение (accentus), пунктуация (positurae), [условные] знаки при письме (notae), орфография (orthographia), аналогия (analogia), этимология (etymologia), глоссы (glossae), различия [по смыслу] (differentiae), варваризмы (barbarismi), солецизмы (soloecismi), [прочие] ошибки (vitia), метаплазмы (metaplasmi), фигуры речи (schemata), тропы (tropi), проза (prosa), стихи (metra), басни (fabulae), исторические произведения (historiae).

Аристотель первый вывел две *части речи* (*partes orationis*): *имя* (*nomen*) и *глагол* (*verbum*)³⁴, затем Донат³⁵ определил восемь, но не все они сводятся к двум первым, то есть к имени и глаголу, которые обозначают лицо и действие. Прочие же являются дополнительными и от них происходящими. (2) Ведь *местоимение* (*pronomen*) происходит от имени, обязанность которого оно выполняет, как, например, «он» [вместо] «оратор». *Наречие* (*adverbium*) рождается от имени, как «учёно» от «учёный». *Причастие* (*participium*) — от имени и глагола, как «читающий» от «читаю». *Союз* (*coniunctio*) же и *предлог* (*praepositio*) или *междометие* (*interiectio*) появляются в их связях. И поэтому некоторые определяют [только] пять частей, полагая, что этого достаточно³⁶.

Слово «имя» (nomen) произносится почти как «notamen», что у нас в словаре обозначает «знак вещи». Ведь если ты не знаешь имени, то исчезает и разумение (cognitio) вещей.

Собственные имена (propria nomina) называются [так], ибо являются индивидуальными (specialia), ведь они обозначают только одно лицо³⁷. Видов собственных имен четыре: личное имя, [родовое] имя, прозвище и второе прозвище.

1. *Личное имя* (praenomen) названо [так] потому, что ставится впереди [родового] имени (nomini praenonitur), как «Люций», «Квинт»³⁸.

2. (2) *[Родовое] имя* (nomen) названо [так] потому, что обозначает род, как «Корнелий», ведь все в этом роду Корнелии.

3. *Прозвище* (cognomen) — поскольку присоединяется к имени, как, например, «Сципион».

4. *А второе прозвище* (agnomen) как бы присоединяется ко [всему] имени, как «Метелл Критский», ибо он покорил Крит. Кроме того, второе прозвище делается и из другого соображения: ведь широкою публикою оно называется прозванием (cognomentum), поскольку предоставляет дополнительную возможность определить [человека] по имени³⁹, либо потому, что оно ставится при имени.

(3) *Нарицательные имена* (appellativa nomina) называются [так] потому, что являются общими и служат для обозначения многих [вещей]. Они разделяются на 28 видов, среди которых называют следующие.

1. *Телесные* (corporalia), ибо их можно видеть или осязать, как, например, «небо», «земля».

2. (4) *Бестелесные* (incorporalia), поскольку лишены тела, почему их невозможно видеть или осязать, как «истина», «правосудие».

3. (5) *Родовые* (generalia), ибо являются [именами] многих вещей, как «живое существо», ведь и человек, и конь, и птица суть живые существа.

4. (6) *Видовые* (specialia), ибо обозначают часть [рода], как «человек», ведь человек есть вид живого существа.

5. (7) *Первичные* (principalia), ибо [этимологически] занимают первичное положение и ниоткуда не выводятся, как «mons» (гора), «fons» (ключ).

6. (8) *Производные* (derivativa) потому, что выводятся из другого имени, как «горный» от горы.

7. (9) *Уменьшительные* (deminutiva), ибо уменьшают смысл, как «гречишка», «студентишка».

8. (10) *Уменьшительные по звучанию* (sono diminutiva), ибо звучат как уменьшительные, но для ума являются первичными, как «tabula» (таблица), «fabula» (басня).

9. (11) *Целиком греческие* (toto Graeca), ибо целиком заимствуются из греческого языка, как «Каллисто»⁴⁰. Ведь так скажет и грек и латинянин.

10. (12) *Целиком латинские* (toto Latina), ибо обращаются только в латыни, [как «Улисс»], ведь грек говорит «Одиссей», а латинянин — «Улисс».

11—12. (13) *Смешанные* (media) названы [так], ибо они частью греческие, частью — латинские. Также и *заимствованные* (notha), ибо у них искажаются последние слоги при сохранении первых, как, например, у греков «Алѣксандрос», «Мѣнандрос», а у нас —

«Алекса́ндр», «Мена́ндр». Названы они заимствованными, поскольку тем же словом ["внебрачные"] называются всякие люди, которые рождаются от другого рода⁴¹.

13. (14) *Синонимы* (synonima), то есть многоименные потому, что разными именами обозначают один [предмет], как «земля», «почва», «грунт». Ведь это все одно и то же.

14. (15) *Омонимы* (homonyma), то есть одноименные потому, что одним именем обозначают многое, как [слово] «tumulus», которое означает и холм, и бугор земли, и могилу. Ведь в этом имени содержатся разные значения.

15. (16) *Относительные* (relativa) названы [так] потому, что отсылают к другому лицу, как «учитель», «господин», «отец» [кого-то другого].

16. (17) Те же, которые называются «*словно имеющими себя в ином*», получили название от противоположного значения, как «правый». Ведь нельзя было бы говорить о правом, если бы не было левого⁴².

17. (18) Далее, *качественные имена* (qualitatis nomina) названы так потому, что в них указывается качество чего-либо, как «мудрый», «изящный», «божественный».

18. (19) *Количественные* (quantitatis nomina), ибо производятся из меры, как «длинный», «короткий».

19. (20) *Отчества* (patronymica) называются [так] потому, что выводятся от [имен] отцов, как «Тидид» (сын Тидея), «Энеид» (сын Энея), а равно от матерей и более старших предков.

20. (21) *Ктетические* (ctetica), то есть *притяжательные* (possessiva) — от принадлежности, как «Эвандров меч».

21. (22) *Эпитеты* (epitheta), которые по-латыни называются *прилагательными* (adiectiva)⁴³ или *приставленными* (superposita) потому, что дополняют собою значения имен [существительных], как «великий», «ученый». Добавь их к человеку и смысл станет полным: «великий философ», «ученый человек».

22. (23) *Действительные* (actualia) происходят от действия, как «полководец», «царь», «наездник», «кормилица», «оратор».

23. *Родовые* (gentis) происходят от народности, как «грек», «римлянин».

24. (24) *Отческие* (patriae) — от отчизны, как «афинянин», «фиванец».

25. *Местные* (loci) — от места [жительства], как «suburbanus» (житель предместий).

26. (25) *Отглагольными* (verbialia) называются так потому, что рождаются от глагола, как «чтец».

27. (26) *Причастные* (participalia) — которые звучат как причастия, например «legens» (читатель)⁴⁴.

28. *Глаголоподобные* (verbis similia) — названы так от сходства с глаголом, как «contemplator» («да будешь наблюдать» или «наблюдатель»). Ведь это и глагол в будущем времени повелительного наклонения, и имя существительное, получившееся из соотношения [с этим глаголом]⁴⁵.

Вот все виды имен нарицательных.

(27) Вторая часть [учения] об именах — *сравнение* (comparatio). Сравнение называется так, ибо выявляется в сравнении с другим. Степеней его три — положительная, сравнительная и превосходная.

[1] *Положительная степень* (gradus positivus) названа так, поскольку полагается в основу степеней сравнения, как «ученый».

[2] *Сравнительная* (comparativus) — поскольку обнаруживается в сравнении с этою положительною, как «более ученый», ведь он больше знает, чем [просто] ученый.

[3] *Превосходная* (superlativus) — поскольку превосходит сравнительную, как «ученейший», ведь этот знает еще больше, чем «более ученый».

(28) *Рода* (genera) называются так потому, что порождают, как *мужской* (masculinum) и *женский* (femininum)⁴⁶. Некоторые имена не имеют рода, но придать им род требует смысл и власть имен (ratio et auctoritas nominum). [Из последних] именами *среднего рода* (neutrum) названы такие, которые ни те, ни эти, то есть ни мужские, ни женские. *Общим* (commune) называется тот род, который объединяет в одном имени два пола, как «hie» и «haec canis» (собака)⁴⁷. (29) Его противоположностью является *эпикен* (epicoenon), который оба пола обозначает как один, как «эта рыба»⁴⁸. Здесь ведь неопределенный пол, который не различить ни по природе, ни глазом, но только в смысле опыта. *Всеобщим* (omne) называется род, который служит для всякого рода: мужского, женского, среднего, общего и всеобщего.

(30) *Число* (numerus) названо так, поскольку указывает на единственные (singulares) или множественные (plurales) имена.

Образ (figura) [назван так], поскольку [имена] бывают или простыми, или составными.

(31) *Падежи* (casus) называются так от падения (cadendum), ведь через них неизменные имена впадают во множество различных форм.

[1] *Именительный падеж* (nominativus) называется так, поскольку мы с его помощью именуем что-либо, как «этот учитель».

[2] *Родительный* (genetivus) — поскольку с его помощью мы узнаем род чего-либо, как «сын этого учителя», или [обозначаем] принадлежащую вещь, как «книга этого учителя».

[3] (32) *Дательный* (dativus) — поскольку с его помощью мы показываем, что мы что-то кому-то даем, как «дай этому учителю».

[4] *Винительный* (accusativus) — поскольку с его помощью мы кого-либо обвиняем, как «обвиняю этого учителя».

[5] *Звательный* (vocativus) — поскольку с его помощью мы кого-либо зовем, как «о учитель!»

[6] *Отложительный* (ablativus) — поскольку с его помощью мы обозначаем отнятие чего-то у кого-то, как «aufer a magistro» (отними у учителя)⁴⁹.

(33) *Гексапторы* (hexaptota) — это такие имена, которые имеют различные [формы] всех шести падежей, как «unus» (единый). *Пентапторы* (pentaptota) — это те имена, которые имеют различные [формы] пяти падежей, как «doctus» (ученый). *Тетрапторы* (tetrapptota) — это те, которые [различно] склоняются только по четырем падежам, как «lateris» (кирпич). *Трипторы* (triptota) — это те, которые только по трем, как «templum» (храм). *Дипторы* (diptota) — это те, которые только по двум, как «Iuppiter» (Юпитер). *Монопторы* (monoptota) — это те, которые используются только в одном падеже, как «frugi» (разумный).

Местоимение (pronomen) называется так, ибо ставится вместо имени, чтобы само имя не надоело из-за слишком частого употребления. Ведь когда мы говорим «Вергилий⁵⁰ написал «Буколики»», то [затем] добавляем местоимение, [когда продолжаем:] «Он же написал «Георгики»», и такое различие позволяет как избежать надоедливости повторения, так и речь украсить. (2) Местоимения же бывают конечными и бесконечными⁵¹.

Конечные местоимения (finita) названы так потому, что определяют известное лицо, как «я»; ведь ты сразу понимаешь, что [речь идет] о тебе.

Бесконечные (infinita) называются так, поскольку лица, [которые они обозначают] неизвестны, ведь об отсутствующих говорится неопределенно: «который», «которая», «которое» («quis, quae, quod»).

Не совсем конечные (minus quam finita) называются так, поскольку указывают на известные лица, как «сам» («ipse»), «этот вот» («iste») — ведь [в конкретном случае] ясно, о ком так говорится.

(3) *Притяжательные местоимения* (possessiva) зовутся так потому, что указывают на принадлежность нам чего-либо. Ведь когда я говорю «мой», «твой», то определяю, что нечто является моим или твоим.

Относительные (relativa) называются так, поскольку относятся к вопрошанию, как, например, на вопрос «кто это?» («quis est?») дается ответ «тот-то» («is est»).

Указательные (demonstrativa) [называются так] потому, что имеют значения указания. Ведь с их помощью мы указываем на нечто здесь присутствующее, как «этот», «эта», «это» («hic, haec, hoc»). Эти три местоимения также именуется артиклями (articuli). (4) Названы же они артиклями, так как ограничиваются (artantur) именами, то есть определяются, как если мы говорим «этот оратор». Артикль тем отличается от местоимения, что артиклем он является, когда связан с именем, как «этот мудрец» («hic sapiens»). А когда не связан, является указательным местоимением, как «этот», «эта», «это»⁵².

(5) Все местоимения являются либо исходными, либо производными. *Исходные* (primogenia) названы так, ибо не выводят свое происхождение от иного. Таковых двадцать одно: три конечных — «я» («ego»), «ты» («tu») и «он» («ille»), — семь бесконечных — «который» («quis»), «какой» («quails»), «такой» («talis»), «коликий» («quantus»), «толикий» («tantus»), «который из многих» («quotus») и «весь» («totus»), — не совсем конечных шесть — «этот вот» («iste»), «сам» («ipse»), «этот» («hic»), «тот» («is»), «тот же» («idem») и «я сам» («sui»), — притяжательных пять — «мой» («meus»), «твой» («tuus»), «свой» («suus»), «наш» («noster») и «ваш» («vester»). Остальные же называются *производными* (deductiva), так как выводятся из исходных и являются составными, как «какой-либо» («quispiam»), «какой-то» («aliquis») и прочие⁵³.

Глагол (verbum) назван так, потому что звучит посредством толчков (verberatio) воздуха⁵⁴ или потому что он часто употребляется (versetur) в речи. Ведь глаголы — знаки ума, посредством которых люди в разговоре поочередно обнаруживают свои знания. Ведь как имя обозначает лицо, так глагол — действие и речь лица. Так «я пишу» есть действие лица, равно и «мною пишут» указывает на действие лица, то есть того, которое претерпевает.

(2) Родов глаголов два — [глаголы] грамматиков (grammaticorum), а также риторов (rhetorum). [Глаголы] грамматиков распадаются по трем временам (tempora) — прошлому (praeteritum), настоящему (instans) и будущему (futurum), как «сделал», «делает», «пусть сделает» («fecit, facit, faciet») ⁵⁵. Риторы же [словом] «глагол» обозначают как бы всю речь, [например говоря] «привлек нас благими глаголами» или «благие глаголы имел», где «глагол» обозначает не тот глагол, который распадается по трем временам, а всю речь ⁵⁶.

Виды глаголов — это формы, наклонения, спряжения и залоги, <и времена>.

(3) *Формы* (formae) глаголов потому названы так, что информируют (informant) нас о всякой вещи. Ведь с их помощью мы указываем на то, что делаем. *Замыслительная* (meditativa) названа так от содержания мысли замышляющего, как «lecturio», то есть «хочу читать». *Начинательная* (inchoativa) — от начала [действия] после его замысливания, как «calesco» (начинаю нагревать). *Участительная* (frequentativa) — от часто [повторяющегося] действия, как «lectitio» (почитывать), «clamito» (покрикивать) ⁵⁷. Ведь форма глагола содержит его смысл, а наклонение — спряжение, ибо ты не поймешь, каково спряжение, если перед этим не узнаешь, каково значение [глагола].

(4) *Наклонения* (modi) названы так оттого, каковы (quemadmodum) они в своих значениях. Ведь *изъявительное наклонение* (indicativus) называется так потому, что имеет значение изъявляющего, как «я читаю» («lego»). *Повелительное* (imperativus) — поскольку звучит как повеление, например «читай!» («lege»). *Желательное* (optativus) — поскольку мы с его помощью [мы говорим о том, что] желаем делать что-либо, как «utinam legerem» («мне хотелось бы почитать»). *Сослагательное* (coniunctivus) — поскольку с его помощью мы что-либо [в речи] присоединяем, так чтобы речь стала полною [по смыслу] ⁵⁸. Ведь если ты скажешь «cum clamem» («раз я кричу»), смысл неясен, если же я скажу «cum clamem. quare putas quod taceam?» («раз я кричу, почему ты считаешь, что я молчу?»), смысл стал полным ⁵⁹. (5) *Неопределенное* <наклонение> (infinitus) называется так оттого, что, определяя времена глагола ⁶⁰, оно не определяет лица, как «кричать» («clamare»), «выкрикнуть» («clamasse»). Если ты добавишь к нему лицо, то станет как бы определенное: «clamare debeo, debes, debet» («я, ты, он должен кричать»). *Безличное* [наклонение] (impersonalis) называется так, ибо лишено лица в виде имени или местоимения, как, например, «читается» («legitur»); добавь лицо — «мною, тобою, им» («a me, a te, ab illo») — и смысл станет полным. Однако для неопределенного наклонения лицо отсутствует у всего глагола, тогда как для безличного — отсутствует только местоимение или имя ⁶¹.

(6) *Спряжение* (coniungatio) называется так оттого, что из-за него многое сопряжено с одним звуком. Так, оно учит, на какой слог должно оканчиваться будущее время, чтобы не сказать по неопытности «legebo» вместо «legam» ⁶². Первое и второе спряжения имеют будущее время на «-bo» и «-bor», а третье — на «-am» и «-ar» [в действительном и страдательном залогах соответственно].

(7) *Залог* глаголов (*genera, рода*) названы так оттого, что порождают (*gignant*) друг друга. Ведь действительный залог при добавлении *-r* порождает страдательный, и обратно — отняв *-r* у страдательного залога, произведешь на свет действительный. Сами же *действительные залог* (*activa*) называются так, поскольку действуют, как «я бью», а *страдательные* (*passiva*) — поскольку претерпевают, как «меня бьют», *средние* (*neutralia*) — поскольку ни действуют, ни претерпевают, как «лежу» (*iaceo*), «сажу» (*sedeo*). Если к ним добавить букву *-r*, то это не будет [звучать] не по-латински. *Общие* (*communia*) называются так, поскольку и действуют и претерпевают, как «amplector» (обнимаю, обнимаюсь). Если у таких глаголов отнять последнюю *-r*, то это будет звучать не по-латински. Ведь эти глаголы называются *отложительными* (*deponentia*), поскольку образуют (*deponunt*) причастие будущего времени, которое заканчивается на *-dus*, от страдательного залога, как «gloriandus» (тот, который будет хвастаться)⁶³.

Наречие (adverbium) названо так потому, что присоединяется к глаголу, как, например «читай хорошо». «Хорошо» — это наречие, а «читай» — глагол. Потому, следовательно, оно названо наречием, что, будучи присоединенным к глаголу, наполняется смыслом⁶⁴. Ведь глагол всегда наполнен смыслом, как «я пишу». Наречие же без глагола не имеет полноты смысла, как «сегодня». Добавь к нему глагол — «я сегодня пишу», — и, в соединении с глаголом, ты наполнишь его смыслом⁶⁵.

Глава XI. О причастии

Причастие (participium) названо так, ибо оно переняло части и имени, и глагола: [оно] как бы «перечастие» (participium). Ведь от имени оно присвоило себе роды и падежи, а от глагола — время и значение, от обоих — число и образ (figura)⁶⁶.

Союз (*coniunctio*) назван так, ибо связывает смыслы и выражения. Он ведь сам по себе ничего не значит, но словно является некоторым клеем при соединении речей. Ведь он соединяет или имена, как «Августин и Иероним», или глаголы, как «пишет и читает». Смысл (*vis*) у них всех один: они все соединяют или разъединяют.

(2) **Соединительные** же союзы (*copulativae*) названы так потому, что соединяют смысл или лица, как «пойдем на форум, я и ты». Это вот «и» связывает воедино смысл.

Разделительные (*disiunctivae*) названы так, ибо разделяют вещи и лица, как «сделаешь ты или я?».

Присоединительные (*subiunctivae*) названы так, ибо они присоединяются [в конец слова] как «-que». Говорим же мы «regique, hominique, Deoque» («и царю, и человеку и Богу»), но не говорим «que regi, que homini»⁶⁷.

(3) **Восполняющие** (*expletivae*) названы так, поскольку дополняют данную вещь, как, например, «si hoc non vis, saltim illud fac» («если ты не хочешь этого, то хотя бы сделай то»).

Общие (*communes*) именуются так, ибо ставятся где угодно, как «следовательно, я сделаю это» или «это, следовательно, я сделаю».

(4) **Причинные** (*causales*) называются от причины потому, что объясняют, почему нечто сделано, как, например, «я его убью, ибо у него есть золото» — такова причина.

Образа действия (*rationales*) называются от способа (*ratio*), которым некто совершает действие, как, например, «Разве я не знаю, как я его убью: ядом или клинком?»⁶⁸.

Предлог (praepositio) назван так потому, что ставится перед (praeponatur) именами и глаголами. [Предлоги] названы винительными и отложительными, смотря по падежам, которыми управляют. А *неотделимые* (loquellares)⁶⁹ — это те, которые [находятся] в составе слов, то есть которые всегда сочетаются со словами и ничего не значат, если стоят сами по себе, как «di-», «dis-» (раз-). В соединении же со словами образуют их смысл (figura), как «развожу» (diduco), «раздробляю» (distraho).

Междометие (interiectio) зовется так, ибо помещено (interiectum est) в речь, то есть вставлено в нее и выражает чувства возбужденной души, как, например, когда, ликуя, говорят «ах!» (vah), страдая — «ай!» (heu), в гневе — «хм!» (hem), от страха — «ой!» (ei). Эти звуки во всех языках свои и легко на другой язык не переводятся.

Глава XV. О буквах у грамматиков (фонетических знаках)

<Их столько, сколько есть членораздельных звуков. И они названы буквами (littera), то есть как бы прочтенными (legitera), поскольку указывают путь читающему, или поскольку повторяются при чтении.>

По-гречески он называется *слогом* (syllaba), а по-латыни «сложением» (consertio) или «сочетанием» (complexio), ведь слог назван ἀριθμὸς τοῦ συλλαβάνειν, то есть «от сложения» букв, так как συλλαβάνειν означает «слагать». И потому он есть слог, что рождается из многих букв. Ведь одна гласная [буква] называется слогом не в своем, правильном значении, а только в силу [устоявшейся] со временем привычки.

Слоги же бывают или долгими, или краткими, или обоюдными. (2) *Краткие* (breves) названы так, ибо никогда не могут тянуться. *Долгие* (longae) — ибо всегда тянутся. *Обоюдные* (communes) — ибо по разумению пишущего при необходимости считаются и тянущимися и сокращенными. [Об этом] читай Доната (Donati, Ars Gramm., de syllaba). Еще же потому слог называются долгими и краткими, что кажется, будто они из-за разного характера звучания имеют две или одну меру времени.

Дифтонги (diphthongae) названы греческим словом потому, что в них сочетаются две гласные. (3) У нас таких правильных четыре — «ae» (э), «oe» (ё), «au» (аў) и «eu» (еў). Еще же у предков был в употреблении дифтонг «ei» (эй).

У стихотворцев же слог именуется полустопою, ибо он половина стопы. Ведь стопа состоит из двух слогов; когда, таким образом, слог один, тогда он как бы половина стопы. Дионисий Линтийский⁷⁰ придал всем слогам единые упорядоченные формы, и через это установление стал знаменит.

Стопа (pes) — это то, что со временем образуется из определенных слогов и никогда не уклоняется от установленной продолжительности. Стопами они названы потому, что стихи с их помощью «ступают». Ведь мы так ступаем ногами, как [стихотворный] метр как бы шагает стопами⁷¹. Всего же стоп сто двадцать четыре — 4 двухсложных, 8 трехсложных, 16 четырехсложных, 32 пятисложных, 64 шестисложных, но [собственно] стопами называются только двух-, трех- и четырехсложные, а остальные называются сочетаниями (syzygiae) [слогов]. (2) Имеются особые причины, отчего эти стопы [до четырех слогов] называются своими именами.

1. *Пуррихий* (pyrrhihius) (˘ ˘) назван так, ибо он часто встречался в словесных боях или юношеских играх⁷².

2. *Спондей* (spondeus) (— —) называется так, ибо звучит протяжно. Ведь спондей иногда называется текущим, то есть звуком, который льется в уши как жертвенное возлияние⁷³. Потому и те [музыканты], которые играли на свирелях при совершении жертвенных возлияний предкам, назывались спондиалами.?

3. (3) *Трохей* (trochaeus) (˘ —) же оттого так назван, что создает быстрый поворот в пении, и, словно колесо, быстро бежит по стиху. Ведь троχός по-гречески — это «колесо».

4. (4) *Ямб* (iambus) (˘ —) же назван так, поскольку по-гречески ἰαμβίζειν — это «вредить». Ведь такого рода песни поэты обыкновенно наполняют злословием и бранью⁷⁴. Называется же он этим именем оттого, что некоторым образом пропитан злословием или недоброжелательством, словно ядом.

5. (5) *Трибрахий* (tribrachys) (˘ ˘ ˘) называется еще *хореем* (chorius), и назван трибрахией, поскольку состоит из трех кратких слогов.

6. (6) *Молосс* (Molossus) (— — —) назван так от молосской пляски, которую исполняют с оружием.

7. (7) *Анапест* (anapestus) (˘ ˘ —) <называется так, поскольку его называли взрослые в память о [детских] играх>⁷⁵.

8. (8) *Дактиль* (dactylus) (— ˘ ˘) назван от пальца, который, начинаясь с длинной фаланги, кончается на две коротких. Так и эта стопа сочетает один долгий и два кратких [слога]. Потому [вслед за греками] и раскрытая ладонь называется кистью, а торчащие пальцы — дактилями.

9. (9) *Амфибрахий* (amphibrachys) (˘ ˘ —) — потому, что имеет оба конца краткими, помещая долгий в середину, ведь βραχός [по-гречески] — это «короткий».

10. (10) *Амфимакр* (amphimacrus) (— ˘ —) — потому, что имеет два долгих слога с помещенным в середине кратким, ведь μακρός — это «длинный».

11. (11) *Вакхическая* (Bacchius) (˘ — —) названа так, поскольку использовалась для вакховских, то есть посвященных Дионису, священнодействий.

12. (12) *Антивакхическая* (antibacchius) (— ˘ —) или палимвакхический (palimbacchius) назван так, ибо является повторением вакхического.

13. (13) *Прокелевматик* (proceleumaticus) (˘ ˘ ˘ ˘) — это то, что подходит для рабочей песни (celeuma).

14—16. (14) *Диспондей* (dispondeus) (— — — —), *дитрохей* (ditrochaeus) (˘ — ˘ —) и *диямб* (diiambus) (˘ ˘ — —) состоят из пары спондеев, трохеев и ямбов.

17. (15) *Антиспаст* (antispastus) (˘ — ˘ —) — это то, что состоит из противоположных слогов — из краткого с долгим и из долгого с кратким.

18. (16) *Хориямб* (choriambus) ($\bar{\text{—}} \text{—} \text{—} \text{—}$) же [назван так], поскольку составленная из этих стоп песнь наилучшим образом подходит для хора.

19—20. (17) *Ионики* (Ionici) ($\bar{\text{—}} \text{—} \text{—} \text{—}$ или $\text{—} \text{—} \bar{\text{—}} \bar{\text{—}}$) очевидно названы из-за звучания неравных [по длительности] частей. Ведь они имеют два долгих слога и два кратких.

21—24. (18) *Пеонийские стопы* (Paeones) ($\bar{\text{—}} \text{—} \text{—} \text{—}$, $\text{—} \text{—} \bar{\text{—}} \bar{\text{—}}$, $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$, $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$) названы так по их открывателю⁷⁶, <ведь они все состоят из одного долгого и трех кратких [слогов], по положению которого каждая из них получила свое имя>.

25—28. (19) *Эпитриты* (epitriti) ($\text{—} \text{—} \bar{\text{—}}$, $\text{—} \text{—} \bar{\text{—}}$, $\bar{\text{—}} \text{—} \text{—}$, $\bar{\text{—}} \text{—} \text{—}$) названы так, ибо всегда имеют три долгих слога и один краткий.

(20) *Сочетания* (syzygiae) же это пяти- и шестисложные стопы; и у греков названы συζυγία — как бы некие отклонения (declinationes). Но они не стопы, а называются пятисложными и шестисложными потому, что не бывают длиннее пяти или шести слогов. Потому в песне нельзя в каком бы то ни было имени выходить за пределы этого количества слогов, как в «Carthaginiensium» («карфагенцев»), «Hierosolymitanorum» («иерусалимцев»), «Constantinopolitanorum» («константинопольцев»).

(21) *Ударение* (accentus) в каждой стопе бывает *арсис* (arsis) и *тесис* (thesis)⁷⁷, то есть повышение и понижение голоса. И невозможно стопы выстроить в строчку, если голос не будет попеременно повышаться и понижаться, как в «arma» (оружие): «ár-» — повышение, «-та» — понижение. Правильные слоги укладываются в эти две разновидности.

[1] *Равное деление* (aequa divisio) — это когда арсисы и тесисы делят [стопу] на равные по времени промежутки.

[2] (22) *Удвоенное* (dupla) — это когда один из них (арсис или тесис) вдвое дольше другого.

[3] *Полуторное* (sescupla) же — это такое [деление], когда один превосходит другой в полтора раза. Ведь в простой их части оказывается на одну [меру] больше, а в двойной части имеется на одну меньше. Ведь «sescum» — это половина.

[4] *Тройное* (tripla) — это когда большая часть содержит три полные меньшие части, то есть три к одному.

[5. Деление] *по эпитриту* (epitritum) — когда в большей части содержится меньшая и еще треть меньшей.

Ведь части стопы разделяются или поровну (1:1), или в отношении 2:1, или 3:2, или Зили по эпитриту (4:3).

(23) На равные части (1:1) делятся следующие [стопы]:

§ Спондей ($\bar{\text{—}} \bar{\text{—}}$);

§ Пиррихий ($\text{—} \text{—}$);

§ дактиль ($\bar{\text{—}} | \text{—} \text{—}$);

§ анапест ($\text{—} \text{—} | \bar{\text{—}}$);

§ диспондей ($\bar{\text{—}} \bar{\text{—}} | \bar{\text{—}} \bar{\text{—}}$);

§ прокелевматик ($\text{—} \text{—} | \text{—} \text{—}$);

§ диямб ($\text{—} \bar{\text{—}} | \text{—} \bar{\text{—}}$);

§ дитрохей ($\text{—} \bar{\text{—}} | \text{—} \bar{\text{—}}$);

§ антиспаст ($\text{—} \bar{\text{—}} | \text{—} \bar{\text{—}}$);

§ хориямб ($\text{—} \bar{\text{—}} | \text{—} \bar{\text{—}}$).

(24) Далее, в отношении 2— следующие стопы:

§ трохей ($\bar{\text{—}} | \text{—}$);

§ ямб ($\text{—} | \bar{\text{—}}$);

§ молосс (— | —);

§ трибрахий (~ | ~ ~);

§ большой ионик (— — | ~ ~);

§ малый ионик (~ ~ | — —).

(25) <Есть же только одна, которая делится в отношении 3:1, которое есть максимальное, потому присуще редчайшему метру>

§ амфибрахию (~ | ~ —).

(26) В отношении же 3— следующие:

§ амфимакр (— | ~ —);

§ вакхическая (~ — | —);

§ антивакхическая (— | ~ —);

§ первая пеонийская (— | ~ ~ ~);

§ вторая пеонийская (~ — | ~ ~);

§ третья пеонийская (~ ~ | ~ —);

§ четвертая пеонийская (~ ~ ~ | —).

(27) Остаются те, которых мы разделяем на части по эпитриту (4:3):

§ эпитрит первый (~ — | — —);

§ эпитрит второй (~ — | — —);

§ эпитрит третий (— — | ~ —);

§ эпитрит четвертый (— — | ~ —).

Таким образом, делящихся поровну десять, в отношении 2— шесть, в отношении 3— одна, 3— семь, по эпитриту — четыре. Есть же только одна, которая делится в отношении 3:1, которое есть максимальное, потому присуще редчайшему метру.

(28) Число же слогов в стопах изменяется от двух до шести, но больше не бывает, поскольку стопы растяжимы только до шести слогов. В стопах есть времена (долготы), сколько каждый слог имеет. Разрешение (*resolutio*) — это стопа, в которой вместо одного долгого слога ставятся два кратких, или вместо двух долгих четыре кратких, как

...Sēctā'qu(e) ĩntē'xūnt ā'bīēťē cō'stās (Verg., Aen., II, 16),

(Борта обшивает распиленной елью)

где «ā'bīēťē» (елью) — разрешение спондея в прокелевматик, и в таком ослаблении Вергилий всегда использует синалёфу⁷⁸. (29) А из одного долгого [слога] получатся два кратких, но из двух кратких долгого никогда не выйдет, ведь твердое можно расколоть, но разбитое сложить воедино нельзя.

Изображение (*figura*) слога — это знак, посредством которого узнаются слоги. Ведь там, где ты увидишь дважды поставленные нижние части окружности — это пиррихий (~ ~), а два раза положенная буква I — спондей (- -). Ведь знак краткости — это нижняя полуокружность, а знак долготы — лежащая буква I.

(30) Стихи (*metra*) складываются из стоп — из трохея — трохеические, из дактиля — дактилические, из ямба — ямбические, о чем сказано ниже (гл. 39).

Ударение (*accentus*), которое по-гречески называется просодией <получило название из греческого языка>. Ибо греческое πρός по-латыни — «ad» («к»), а греческое φῶδῆ по-латыни «cantus» («песнь»), так что это название переведено слово в слово. У латинян были и другие названия, ведь оно называется и ударением, и тоном (*tonos*) и напряжением голоса (*tenores*), ведь на нем голос повышается и понижается⁷⁹. (2) Ударение же названо так, поскольку прикреплено к песне, как наречие к глаголу.

Острое (*acutus*) ударение названо [так], ибо заостряет и поднимает слог, **тупое** (*gravis*) же — ибо придавливает и принижает, являясь противоположностью острому. **Облеченное ударение** (*circumflexus*) [названо так потому], что состоит из острого и тупого. Ведь оно начинается с острого ударения и заканчивается тупым⁸⁰. И когда [голос] повышается и понижается, так получается облеченное ударение. Острое ударение и облеченное подобны, (3) ведь они оба делают слог легче. Тупое же ударение представляется противоположностью им обоим, ведь оно всегда придавливает слог, тогда как те — облегчают, как

Ū%`ndě vēnī't T'itā'n, ēt nō'x ĭbī sī'děřǎ cōīt. (Lucan., Phars., I, 15)

(Там, где восходит Титан и где ночь укрывает созвездья).

где на u%`nde — тупое ударение, ведь оно слабее звучит, чем острое или облеченное.

(4) Односложные же части речи, когда содержат краткий по природе гласный, как [слово] «vī'r» (муж), или долгий по положению, как «ā'rs» (искусство), имеют острое ударение, а те, которые содержат долгий по природе гласный, как «rēs» (вещь), имеют облеченное. Двусложные части речи, когда имеют первый гласный долгий по природе, а последний — краткий, произносятся с облеченным ударением, как «Mūsǎ» (муза), прочие — с острым. Трехсложные части речи, когда содержат в середине краткий [гласный], как «tī'bīǎ» (флейта), то имеют острое ударение на первом [слоге]. Если же во втором [слоге] у них содержится долгий по природе [гласный], а в последнем — краткий, как «Mētēllŭs» (Метелл), то средний [гласный] произносится с облеченным ударением. (5) Четырехсложные же [части речи] и пятисложные подчиняются тем же правилам, что и трехсложные. Тупое ударение с одним [из остальных] ударений может быть поставлено в одном выражении (*dictio*), но с обеими — никогда, <как «Catŭllu%'s» (Катулл)>. В составном выражении ставится только одно ударение.

(6) Ударение было изобретено

§ либо для разделения слов, как «...Viridīqu(e) ĭn lītora cōnscipitu%'r sus» (Verg., Aen., VIII, 83) («И на траве на берегу видна веприца»), чтобы не сказал «ŭrsus» (медведь);

§ либо для [четкости] произношения, чтобы ты не сказал [слово] «mēta» (копна) кратко и не протягивал гласную «а»;

§ либо для распознавания двусмысленностей, как в [слове] «ergo», ведь когда слог «-go» произносится долго, это слово означает причину, а когда кратко оно — союз⁸¹.

Глава XIX. О знаках ударения

Знаков ударения (*figurae accentuum*)⁸², которые ставятся грамм матиками для различения слов, десять:

[1] (1) Ὠξεία, то есть острое ударение, — это линия, проведенная слева направо и вверх, вот такая: '.

[2] (2) Βαρεία, то есть тупое, — это линия, проведенная сверху слева и направо [вниз], вот такая: %`.

[3] (3) Περιπλωμε' νη, то есть облученное, — это линия, состоящая из острого и тупого ударений, например так:~.

[4] (4) Μακρός, то есть долгота⁸³, — это лежащая веточка, вот так:-.

[5] (5) Βραχύς, то есть краткость, — это нижняя часть окружности, вот так:-.

[6] (6) Ὑφέν, то есть соединение, поскольку он соединяет два слова, — это положенный наоборот циркумфлекс, вот так: ~.

[7] (7) Διαστή, то есть разъединение, которое, напротив, отделяет [слова], — это правая половинка окружности, помещенная под строкою, вот так: ⁸⁵.

[8] (8) Αποστροφ (apostrophus) — тоже правая часть окружности, помещенная над буквою, вот так '. Этим знаком отмечается отсутствие в речи последней гласной, как «tribula'» вместо «tribulale» (в трибунале).

[9] (9) Δασεία, что переводится как [густое] «придыхание», то есть [ставится] там, где должна быть буква Η. Обозначается такую фигурую †.

[10] (10) Ψιλή, что переводится как «сухость» или «чистота»⁸⁶, то есть [ставится] там, где буквы Η быть не должно. Обозначается таким знаком: †. (11) Последние два знака латиняне сделали из самой этой буквы, потому что если ты их соединишь вместе, то получишь данный знак придыхания (Η). Напротив, если ее разрезать посередине, то получишь знаки δασεία и ψιλή.

Глава XX. О пунктуации

[Знак] пунктуации (positura) — это значок (*figura*), [предназначенный] для разделения смысла на колоны, коммы и периоды⁸⁷. Поставленные в надлежащем порядке, они указывают на смысл нашей речи. Называются же они [знаками] пунктуации или потому что обозначаются при помощи поставленных (*positum*) точек, или потому что в этом месте голосом делаются (*deponitur*) паузы. Греки их называют *θήσεις*, а латиняне — пунктуацией.

(2) Первый знак пунктуации называется знаком подразделения, и это *комма (comma)*. За ним следует знак среднего разделения — это *колон (cola)*. Последнее разделение, которое завершает все предложение, — это *период (periodus)*, части которого, как мы говорили, это *колон* и *комма*⁸⁸, а их различие обозначается помещенными в разные места точками.

(3) Ведь в начале предложения, где содержится неполная часть смысла и где следует вдохнуть, будет стоять комма, то есть частичка смысла, — точка, приписываемая к последней букве. И называется оно подразделением (*subdivisio*), так как эта точка ставится под строкою, приставленная к последней букве (.). (4) Там же, далее, где в ходе речи уже выявляется смысл, но требуется еще [что-то сказать] до того, как предложение станет законченным, там будет стоять колон, то есть точка, которую мы ставим посередине [высоты] буквы (·). И называется оно средним разделением, поскольку стоит посередине [высоты] буквы. (5) Там же, где, выделив в повествовании ступень, мы хотим закончить целое предложение, будет поставлен период, то есть точка сверху буквы (´). И называется она разделением (*distinctio*), то есть разъединением, которое отделяет законченное предложение. (6) Так это обстоит у ораторов.

Иначе у поэтов, у которых когда после двух стоп [еще] остаются слоги, то будет комма, поскольку здесь после повышения голоса следует пауза. Если же после двух стоп в речи ничего не последует, то ставится колон. Весь же стих обозначается периодом.

Кроме того, у знаменитых авторов были некоторые пометки, которые древние добавляли для различения написанного в стихах или исторических сочинениях. Пометка (nota) есть соответствующая фигура, поставленная у края буквы, чтобы показать значение (ratio) какого бы то ни было слова или предложения, или стиха. В стихах же добавляется пометок числом двадцать шесть, как они поименно перечислены ниже.

(2) * , * , * *Астериск (asteriscus)* добавляется к тем [словам], которые обойдены молчанием, чтобы осветить этим знаком то, что кажется отсутствующим. Ведь звезда на греческом наречии называется α=στήρ, откуда он и назван астериском.

(3) – , → *Обелиск (Обелюс) (obelus)*, то есть лежащая веточка, добавляется к словам или предложениям, которые лишней раз повторены, или в тех местах, где фраза так или иначе известна как подложная. И как стрела уничтожает лишнее, так он губит ложь, ведь по-гречески стрела — ο=βελος⁸⁹.

(4) ÷ Обелиск с точкою наверху ставится в тех же самых местах, [но] где есть сомнение, убрать [лишнее] и ставить [этот знак].

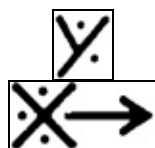
(5) ÷ Лемниск (lemniscus), то есть веточка, лежащая между двух точек, ставится в тех местах, где свщ. Писание истолковывается в собственном смысле, но переводится на иные наречия.

(6)

Антиграф (antigraphus) с точкою добавляется там, где при переводах имеется иной смысл.

(7)

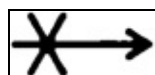

Астериск с обелиском. Этот знак верно использовал Аристарх⁹⁰ в тех стихах, которые по ошибке попали не на свое место.

(8) Г Параграф (paraglyphus)⁹¹ ставится для отделения одной вещи от другой, когда они сталкиваются в сочетании, как например в «Каталоге» [кораблей в «Илиаде»] отделяются место от места и область <от области>, а в «Агоне» — награда от награды, состязание от других состязаний.

(9) ¶ *Пунктуация (positura)* — фигура, [зеркально] противоположная параграфу, и имеет такую форму потому, что если тот обозначает начало, то эта отделяет конец от начала [следующего фрагмента].

(10)

Крюфия (cyrphia) — это нижняя часть окружности с точкою. Ставится в тех местах, где остается открытым трудный и темный вопрос, который невозможно решить.

(11)

Антисигма (antisigma) ставится при тех стихах, порядок коих переменен. Оказывается, также ее ставили и древние авторы.

(12)

Антисигма с точкою ставится в тех местах, где имеются два стиха с одним и тем же смыслом, и непонятно, какой следует удалить.

(13)

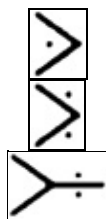
Дипла (diple). Ее наши писатели добавляют в книги мужей церкви, чтобы выделить или показать свидетельство свщ. Писания.

(14)

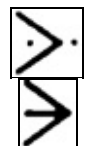
«Дипла περὶ στίχων». Ее впервые поставил Леогар Сиракузский в стихах Гомера⁹², для разделения Олимпа и неба.

(15)

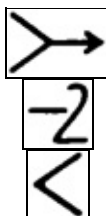
«Дипла περιεστιγμένη», то есть с двумя точками. Ее древние ставили в тех [местах], которые Зенодот Эфесский⁹³ неверно добавил, или убрал, или переставил. Таково же употребление этого знака и у наших.

(16)

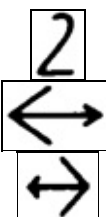
«Дипла ὡ βελισμένη» вставляется, чтобы разделить периоды (эпизодии) в комедиях и трагедиях.

(17)

«Обратная [дипла] ὡ βελισμένη». Ею вводят строфы и антистрофы.

(18)

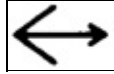

Обратная дипла с обелиском ставится в тех местах, где обращаются к другому, как:

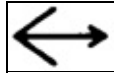
Nosne tibi Phrygiae res vertere fundo
conamur

nos

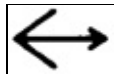
an miseros qui Troas Achivis
obiecit

(Verg., Aen., X, 88—90)

(...Ужель это я обломки фригийской // Мощи низвергнуть
хочу? Кто троянцев предал ахейской // мести?)

(19)

Дипла с обелиском сверху ставится, когда изменены места, времена и лица.

(20)

Дипла простая и обратная с обелиском сверху ставится, ограничивая собою фрагмент (monas), и обозначает, что далее встречается подобный [фрагмент].

(21)

Керавний (ceraunium) ставится, поскольку многие стихи являются сомнительными, чтобы не пометать их поодиночке. Ведь

— это молния.

(22)

κεραυνός

Хрисимон (chrisimon). Этот единственный [знак] ставится по желанию всякого для обозначения чего-нибудь.

(23)

Фи и ро, то есть φρονίς (мысль). Этот [знак] ставится из-за мысли, что в этом месте содержится что-то скрытое.

(24)

Верхний якорь (anchora superior) всегда ставится там, где какая-либо вещь важнее прочих.

(25)

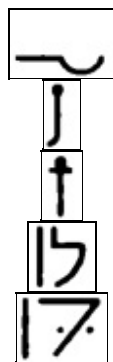
Нижний якорь (anchora inferior) — где нечто объявляется ничтожным или недостойным.

(26)

Венец (coronis) ставится в конце книги.

(27)

Знак нелогичности (alogus nota) ставится возле лжи.

(28) В книгах бывают и другие пометки, предназначенные для понимания книг. Эти пометки вставляются по краям страниц, чтобы читающий, обнаружив с краю такого рода пометку и вернувшись к тексту туда, где ему подобная пометка уже встречалась, понял бы объяснение этих речей или стихов.

Глава XXII. Об обыденных знаках

Тысячу сто обыденных знаков (*notae vulgares*)⁹⁴ впервые открыл Энний⁹⁵. Использование их состояло в том, что когда нечто говорилось во время споров или в судах, многие присутствовавшие писцы это одновременно записывали, поделив между собою на части: сколько каждый запишет слов и в каком порядке. У римлян первым Туллий Тирон⁹⁶, вольноотпущенник Цицерона⁹⁷, придумал такие знаки, но только для самого важного (*praepositiones*). (2) После него каждый свои [знаки] добавили Випсаний, Филаргий⁹⁸. и Аквила, вольноотпущенник Мецената⁹⁹. Потом Сенека¹⁰⁰, собрав их из всех юридических сборников и увеличив [их] число, получил 5000. Они называются знаками, так как обозначают слова или слоги с отмеченными характерными чертами, и так как восстанавливают знакомые (*notitia*) речи. Те, которые хорошо изучили [эти знаки], называются стенографистами (*notarii*).

Некоторые буквы в юридических книгах являются знаками определенных слов, что делает написание [этих слов] более кратким и быстрым. Ведь, например, писалось *B* и *F* вместо «*bonum factum*» («на благо и счастье!»), *S* и *C* — вместо «*senatus consultum*» («сенатское постановление»), *R* и *P* — вместо «*res publica*» («государство»), *P* и *R* — вместо «*populus Romanus*» («римский народ»), *D* и *T* — вместо «*dumtaxat*» («поскольку», «не более»), перевернутая буква

— вместо «*mulier*» («женщина»), *P* как оно есть — вместо «*puillus*» («мальчик-сирота»),

головой наоборот — вместо «*puilla*» («девочка-сирота»), одна «*K*» — вместо «*capit*» («голова»), две «*KK*» — вместо «*caluminae causa*» («из-за клеветы»), *I* и *E* — вместо «*iudex esto*» («да будет судьей»), *D* и *M* — вместо «*dolum malum*» («злой умысел»). (2) Такого рода множество похожих знаков мы встречаем в старых книгах. Эти знаки новейшие императоры из законодательных кодексов постановили изъять, ибо с их помощью хитрецы вводили в заблуждение многих незнающих, а также приказали так писать буквы в законах, чтобы не вносить никаких ошибок и никаких околичностей, но чтобы очевидно было бы то, чему надо следовать, и то, чего надо избегать.

Также и в кратких списках, содержащих имена воинов, были у древних соответствующие знаки, с помощью которых они отслеживали, сколько воинов выжило в битве и сколько погибло. Знак T (tau) с веточками сверху [буквы], обозначал [имя] выжившего, а Θ (тхета) приписывалась к имени каждого умершего. Поэтому [эта буква] имеет стрелку посередине, то есть знак смерти. О чем говорит Персий:

И можно отметить порок черной тхетой (Pers., Sat., IV, 13)¹⁰¹.

(2) Когда же хотели обозначить неопытность [воина], то использовали букву лямбду (Λ), <также как обозначали смерть, когда ставили тхету у начала имени>. Также и при начислении выплат имелось множество соответствующих знаков.

И еще древние промеж себя создавали знаки для [самих] букв. [Ими] они между собою переписывались, когда хотели передать письменно нечто тайное. [Тому] свидетель — Брут¹⁰², который в своих записях отмечал то, что намеревался сделать, оставляя других в неведении, что обозначают (sibi vellent) эти письма. (2) Также и Цезарь Август пишет сыну¹⁰³: «Поскольку много постоянно случается такого, о чем писать друг другу следует тайно, пусть у нас будут, если не возражаешь, такие знаки, что когда надо будет написать некую букву, вместо нее будем писать следующую за нею, по такому правилу: вместо А — В, вместо В — С и так далее, а вместо Z пусть будет стоять двойное АА». Также и некоторые другие знаки [древние] использовали.

Глава XXVI. О знаках пальцами (жестикуляции)

Есть некоторые знаки, [производимые] пальцами и глазами, с помощью которых общаются немые или [все люди, находящиеся] на большом расстоянии. Такой же обычай есть и у военных, поскольку они договорились передавать [жестами] рук то, что невозможно передать голосом. Иначе они, когда голосом не могут, салютуют движением меча. (2) [Вот как] Энний¹⁰⁴ говорит об одной бесстыднице:

Как мяч

В хороводе, играя, передают друг другу, так и она дает себя всей публике:

Одного она обнимает, другому кивает <...>,

Рука занята здесь, нога стоит там.

Одному дает понравившееся кольцо, в купальню другого зовет,

С третьим поет, и при этом четвертому делает знаки пальцами

(Naev., Tarent., frg. 74—79W).

[Также] и у Соломона: «[Человек лукавый, человек нечестивый...] мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими» (Притчи, 6:13).

Глава XXVII. Об орфографии

Греческое ο=ρθογραφία на латынь переводится (interpretatur) как правописание (recta scriptura) <ведь ο=ρθο значит правильно, γραφία — писание>. Эта наука учит, каким образом мы должны писать. Ведь как искусство [грамматики] исследует форму (declinatio) частей [речи], так и орфография — искусенность в письме.

[A] Как, например, «ad» (к), когда является предлогом, пишется через D, а когда союзом [“at» (но)], через T. (2) Когда «baud» (не) наречие отрицания, оно заканчивается на букву D и пишется с придыханием [H] вначале, когда же это <разделительный> союз [“aut» (но)], то пишется без придыхания и через букву T. (3) Предлог «apud» (у) пишется через D, как в словах «ad patrem» («у отца»), ибо древние часто вместо «apud» использовали «ad», <удалив из середины слова две буквы.>

[B] (4) Иногда же одни буквы по традиции ставятся на место других. [Например] буквы B и P — родственные, ведь мы говорим «Pyrrhum» («Пирр») вместо «Burrus» (Бурр).

[C] Также C и G имеют родство, ведь сказав «centum» (сто) и «trecentos» (триста), мы далее говорим «quadringentos» (четыреста), ставя G вместо C. Аналогично родственны C и Q, ведь мы пишем «huiusce» (этого вот) через C, а «cuiusque» (которого же) — через Q. Предлог же «cum» (с) должен писаться через C, если же это наречие [quum (когда)] — через Q. Ибо мы говорим «quum lego» (когда читаю).

[D] «Deus» (Бог) пишется через одно E, а «daemon» (демон) — через дифтонг AE.

[E] (5) «Equis» (конь), в смысле животное, следует писать через одно E. «Aequus» (равный), в смысле справедливый¹⁰⁵, следует писать дифтонг AE. «Exsul» (изгнанник) должен писаться с добавлением S, поскольку изгнанником называется тот, кто вне страны (extra solum). «Exultat» (прыгает) лучше писать без S. Ведь раз само X состоит из C и S, зачем <раз оно там есть>, еще раз его добавлять? (6) «Aequor» (море) должно писаться через дифтонг, ибо это имя произведено от «aqua» (вода).

[F] (7) «Forsitan» (возможно) пишется с N на конце, поскольку в полном написании звучит как «si forte tandem» (если же возможно). (8) «Fedus», то есть безобразный, должно писаться через одно S; «foedus», то есть союз, договор, — через дифтонг OE. (9) «Formosus» (красивый) пишется без N, поскольку образовано от «forma» (форма, вид) <или даже от «fornus» (печь)¹⁰⁶, то есть горячий (calidus), ведь теплота крови является причиной красоты>.

[G] «Gnatus» (порождение), то есть «сын», следует писать через G, ибо он порожден (generatus facit).

(10) H, то есть буква придыхания, в латинском языке ставится только при гласных, как [в словах] «honor» (честь), «homo» (человек), «humus» (земля). С придыханием произносятся и согласные, но в греческих и еврейских именах. А междометия «heus» (эй!) и «heu» (ай!) должны писаться через H.

[I] (11) Буква I состоит из двух гласных, и обе когда-то писались, как в «Troia» (Троя), «Maia» (Майя), но этот обычай не сохранился. Ибо никогда три гласные в одном слове не пишутся. Но вместо них пишется [одна] буква I, состоящая из двух [звуков «йй”]¹⁰⁷. (12) Местоимение среднего рода «id» (оно) пишется через D, ибо [формы его таковы:] «is», «ea», «id» (он, она, оно), откуда и «idem» (оно же). Если же это глагол третьего лица, то пишется через T, поскольку [его формы таковы:] «eo», «is», «it» (я иду, ты идешь, он идет), <откуда и> «itur» (его ведут).

[K] (13) Букву K древние ставили перед A, как [в словах] «kaput» (голова), «каппа»

(камьш), «*kalamus*» (тростник). Нынче же через эту букву пишутся только «*Karthago*» (Карфаген) и «*Kalendae*» (календы). А все греческие имена, какая бы гласная [за буквою К] не стояла, должны писаться через К.

[L] (14) «*Laetus*» (жирный, веселый) пишется через дифтонг, поскольку [это слово] получило название от полноты (*latitudo*), коей противоположностью является скорбь (*tristitia*), возникающая от отощания (*angustia*). Иногда же букву L мы используем вместо D, как «*latum*» (принесенное) вместо «*datum*» (данное), «*calamitas*» (бедствие) вместо «*cadamitas*», ведь «*calamitas*» получило имя от «*cado*» (падать).

[M] (15) Как надо писать, «*maximus*» или «*maximus*» (наибольший), и в [других] схожих случаях — вопрос. Варрон говорит, что Цезарь¹⁰⁸ такого рода слова через I обыкновенно произносил и писал. Затем из-за авторитета такого человека так писать стало обычаем: «*maximus*» (наибольший), «*optimus*» (наилучший), «*pessimus*» (наихудший). (16) «*Malo*» (предпочитаю) следует писать через одно L, поскольку это [сокращение от] «*magis volo*», «*malle*» (предпочитать) — через два LL, поскольку — это «*magis velle*».

[N] «*Nolo*» (не хочу) также пишется через одно L, а «*nolle*» (не хотеть) — через два LL, ибо «*nollo*» — это «*ne volo*», а «*nolle*» — «*ne velle*».

[O] (17) «*Os*» (рот), если оно означает черты лица (*vultum*) или рот (*ossum*), должно писаться через одно O, а если человека (*persona*), то начинаться с H¹⁰⁹. (18) «*Ora*» (край) границы, писаться должно через O; «*hora*» (час) дня — через H. «*Opus*» (нагрузка), когда выведено от [глагола] «*opegare*» (нагружать), должно писаться через одно O, если же от «*honor*» (честь), — то с придыханием H.

[P] (19) «*Praepositio*» (предлог) и «*praeterea*» (затем) следует писать через дифтонги. А «*repe*» (почти), который есть союз, — через E. «*Poena*» (пеня) же, то есть наказание, пишется через OE.

[Q] (20) Буква Q ставится правильно там, где за нею сразу воспоследует U, и далее какая-либо одна или несколько гласных, так что получается один слог. В остальных [случаях здесь] пишется C. (21) Местоимение «*quae*» (которая) пишется с A, союз «*-que*» (и) — без A. «*Quid*» (что?) пишется через D, когда это местоимение, и через T, — когда глагол, изначальная форма которого: «*queo*», «*quis*», «*quit*» (я могу, ты можешь, он может), а с приставкою — «*nequeo*», «*nequis*», «*nequit*» (я не могу, ты не можешь, он не может). (22) «*Quod*» (которое), когда это местоимение, должно писать через D, а когда числительное [“*quot*» (сколько, каждый)] — через T, поскольку «*totidem*» (столько же) пишется через T. «*Quotidie*» (ежедневно) следует писать через Q, а не через C, поскольку это «*quot diebus*» (каждый день).

[R] (23) Буква R имеет общность с S, поскольку у древних «*honos*», «*labos*», «*arbos*» называлось то, что нынче «*honor*» (честь), «*labor*» (труд), «*arbor*» (дерево)¹¹⁰.

[S] (24) «*Sat*» (достаточно) следует писать через T, поскольку его полная форма «*satis*». «*Sed*» (но) следует писать через D, ибо у древних «*sed*» называлось «*sedum*», а мы две последние буквы отбрасываем.

[T] (25) «*Tamtus*» (столь большой) и «*quamtus*» (сколь большой) имеют в середине M, ибо [пишется] «*quam*» (как) и «*tarn*» (так), откуда и [выводятся] «*quamtitas*» (количество), «*quamtus*», «*tamtus*».

[V] (26) Междометие «*vae*» (увы!) должно писаться с A, а союз «*-ve*» (или) — без A.

(27) Хр̣с̣¹¹¹, поскольку это греческая [буква], следует писать через X, например «*xrista*» («*хрисма*» — греч., помазание).

(28) Буквы Y и Z пишутся только в греческих именах. Ибо, хотя в слове «*iustitia*» (юстиция, правосудие) произносится звук <буквы> Z (ц), однако, поскольку это латинское

слово, оно должно писаться через T. Также и «militia» (военное дело), «malitia» (злость), «mequitia» (испорченность) и тому подобные.

(29) Для сомнительных же слов у древних был такой обычай, что если одна и та же буква одним образом понималась в уме (*intellectum correpta*), а другим — при произнесении (*producta haberet*), то они к долготу слогу добавляли знак долготы (*apix*), как, например, «populus» (тополь, народ) обозначал или дерево, или многих людей, смотря по знаку долготы¹¹². Также если они удваивали согласные, то ставили сверху серпик (*sicilicus*), как в «cela» (комнатка), «seŕa» (пила), «aŕeres» (сеешь). Ведь древние не писали буквы два раза, но добавляли сверху серпик, каковым знаком обозначалось, что чтец должен удвоить букву.

Греческое ἀναλογία по латыни именуется сравнением с [чем-либо] сходным (*similem comparatio*) или пропорцией (*proportio*). Суть (*vis*) его в том, что нечто сомнительное связывается с чем-либо похожим, не являющимся сомнительным, [тем самым] выявляя неясное через ясное. Аналогия (*comparatio analogiae*) же исчисляется восьмеричным образом: то есть [аналогии] по качеству (*qualitate*), по сравнению (*comparatione*), по роду (*genere*), по числу (*numero*), по начертанию (*figura*), по падежу (*casu*), по окончанию на схожие слоги (*extremitatibus similibus syllabarum*) и по сходству долгом (*similitudine temporum*).

(2) Если из них что-то одно отсутствует, то это уже не аналогия, то есть сходство (*similitudo*), но аномалия¹¹³ (*anomalía*), то есть [то, что] сверх правил (*extra regulam*), как «*lepus*» (заяц) и «*lupus*» (волк). [Здесь] все подходит, но нет [аналогии] по падежу, ведь [в родительном падеже] будет «*leporis*» (зайца) и «*lupi*» (волка). Но правильный [пример такой:] когда ты выясняешь мужского или женского рода «*trames*» (просёлок), то на него во всех отношениях похоже «*limes*» (вал, мужского рода), поэтому и то — мужского рода. (3) Также, если тебе не ясен род [слова] «*funis*» (веревка), то похожим на него по склонению будет «*panis*» (хлеб, мужского рода), поэтому и то — мужского рода. То же и относительно положительных степеней [сравнения прилагательных], так у «*doctus*» (ученый), «*magnus*» (большой) положительные степени будут похожи друг на друга. [То же] будет и для уменьшительной степени (*diminutio*), как для «*funis*» мужского рода уменьшительным окажется «*funiculus*» (веревочка), тогда как для «*maris*» (мрамор) среднего рода — «*marisculus*» (кусочек мрамора). (4) Ведь в первую очередь важно, какого рода [слово]: это решается по уменьшительной степени. Но так не всегда, как [например] для «*pistrinum*», «*pistrilla*» (ручная мельница). Но мы должны узнавать склонение из положительной <то есть первой> степени, а род получать из уменьшительной степени.

Этимология (*etymologia*)¹¹⁴ есть происхождение слов, когда значение (*vis*) глагола или имени получается через истолкование [его происхождения]. Это Аристотель именовал *σύμβολον* (знак), Цицерон — «обозначение» (*adnotatio*), поскольку имена и глаголы он полагал знаками вещей, взятых по примеру (*exemplo posito*), как, например, «*flumen*» (поток), поскольку он возникает от течения (*fluendo*), назван [так] от «*fluendo*» (течение). (2) Часто знание этимологии необходимо при истолковании [смысла], ибо когда ты видишь, откуда произошло имя, ты еще лучше понимаешь его смысл. <Ведь когда понятна этимология, понимание всякой вещи становится полнее>. Однако не все имена были даны древними по природе (*secundum naturam*), но некоторые — по произволу (*secundum placitum*), так же как и мы своим рабам или собственности иногда даем имена, как угодно по своему желанию. (3) Поэтому не для всех имен находятся этимологии, ибо некоторые [вещи] получили свои имена не по своему качеству, то есть происхождению (*gentium*), но согласно произволу человеческого желания.

Ведь этимологические имена бывают даны или по причине (*ex causa*), как «*reges*» (цари) — от «*regendum*» (правление), то есть «*recte agendum*» (правильное поведение), или по происхождению (*ex origine*), как «*homo*» (человек) от «*humus*» (земля), или от противоположного (*ex contrariis*), как «*lutum*» (грязь) — от «*lavando*» (мытье), поскольку грязный не есть чистый, а также «*lucus*» (священная роща), поскольку, будучи затененной, она лишена света (*parum luceat*). (4) Некоторые также образованы от производных форм (*derivatio*), как «*prudens*» (благоразумный) — от «*prudencia*» (благоразумие). Некоторые также — от звучания, как «*garrulus*» (говорливый) от говора. Некоторые имеют греческую этимологию, но склоняются по-латыни, как «*silva*» (лес)¹¹⁵, «*domus*» (дом). (5) Другие же выводят свои имена от наименований мест, городов или рек, многие из которых названы на языках других народов, и поэтому их происхождение выявляется с большим трудом. Ибо у варваров много имен, неизвестных латинянам и грекам.

Греческое $\gamma\lambda\omega\beta\sigma\alpha$ получило [в латинском] языке имя истолкования (*interpretation* Его философы называют «присловием» (*adverbium*), поскольку оно обозначает одним-единственным словом то звукосочетание (*vox*) ¹¹⁶, которое мы хотим понять. А то, чем оно является, объясняется одним словом, как «умолкнуть» (*conticiscere*) — это от «молчать» (*tacere*)». (2) Или же, [как в]

Latus haurit apertum. (*Verg., Aen., X, 314*)

(Грудь открытую пронзает).

«*haurit*» (черпает, протекает, берет, пьет, пронзает) [читай:] «*percutit*» (пробивает)». Или же когда мы вместо «рубеж» (*terminum*) говорим «граница» (*finis*), или «разоренный» (*populatus*) объясняем как «опустошенный» (*vastatus*), и всегда [будет глосса], когда мы смысл одного слова поясняем другим словом.

Глава XXXI. О различениях

Различение (differentia) есть вид определения (definitio), при помощи которого писатели искусно отличают одно от другого. Ведь [когда] две вещи в соединении между собою не ясны, если сделать различение, они отделяются, [и] при помощи различения становится понятным, что есть что. Так, если ты спросишь, какова разница между царем и тираном, то, если сделать различение, определится, кто есть кто, а именно: «царь — умеренный и уравновешенный [человек], а тиран — жестокий». <Ведь если между этими двумя [понятиями] сделать различение, то будет понятно, что есть что.> И так далее.

Варваризм (*barbarismus*)¹¹⁷ — это слово, произнесенное с искажением в букве или звуке: в букве — когда [говорят] «*floriet*» («зацве́тит»), хотя следовало бы «*florebit*» (зацветёт); в звуке, если вместо среднего слога, удлиняют первый в словах, как «*la'tebrae*» (затменье), «*te'nebrae*» (те́мнота). Назван же варваризм от варварских племен, поскольку они латинской речи в совершенстве (*integer*) не знают. Ибо каждое племя, сделавшись достоянием римлян, со своими богатствами привносит в Рим пороки как речи, так и нравов.

(2) Между варваризмом и варваролексией (*barbarolexis*) есть то различие, что варваризм есть латинское слово, хотя и с искажением, а когда варварские слова привносятся в латинскую речь, это называется варваролексией. Кроме того, когда ошибка встречается в [прозаической] речи, она называется варваризмом, а когда в стихах — метаплазмом.

(3) Варваризм же бывает в написании (*scripto*) и в произношении (*pronuntiatione*). В написании — четырех видов: если какая буква или слог в слове добавляются, изменяется, переставляется или выпадает. В произношении же [варваризм] бывает по долготе [звука], тону, придыханию и прочему, что [в произношении] бывает. (4) Варваризм по долготе (*per tempora*) бывает, если вместо долгого слога ставится краткий или вместо краткого — долгий. По тону (*per tonos*) — если ударение (*accentus*) переносится на другой слог. По придыханию (*per aspirationem*) — если звук *H* добавляется там, где его быть не должно или выпадает там, где ему следует быть. (5) По зиянию (*per hiatus*) — поскольку стихи при произнесении разрываются, вместо того чтобы [быть произнесенными] вместе или поскольку гласный следует за гласным, как в «*Musae Aonides*» (музы Аонийские).

Также бывают варваризмы из-за мотацизмов (*per motacismos*), йотацизмов (*per iotacismos*) и лабдацизмов (*per labdacismos*). (6) Мотацизм случается, когда буква *M* следует после гласных, как в «*bonum aurum*» (честные деньги), «*iustum amicum*» (хороший друг), но от этой ошибки мы избавляемся, проглатывая или пропуская *M*. (7) Йотацизм случается там, где в букве *I* присутствует удвоенный звук, как в «*Troia*» (Троя), «*Maia*» (Майя), где эти буквы надо произносить столь слабо (*exilis*), что кажется, будто звучит не две, а одна *I*. (8) Лабдацизм случается, либо когда вместо одного *L* читают два, как делают южане (*Afri*), [говоря] «*colloquium*» вместо «*conloquium*» (собеседование), либо когда произносят одно *L* слабо (*exilis*), а два *LL* — с нажимом (*largius*). Наоборот, мы должны произносить одно *L* с нажимом, а два *LL* — слабо. (9) Столкновение (*conclisio*) — это когда конец последнего слога является началом другого, как «*matertera*» (тетка по матери).

Сolecизм (*soloecismus*) есть неподобающее сочетание многих слов¹¹⁸, тогда как варваризм — искажение в одном слове. Ибо слова, не по правилам соединенные в речи, являются солецизмом, как если кто скажет «*inter nobis*» (между нас) вместо «*inter nos*» (между нами) или «*date veniam sceleratorum*» (дарите милосердие злодеев) вместо «*sceleratis*» (злодеям). (2) А получил свое наименование солецизм от киликийцев, выходцев из города Сола, который ныне называется Помпейополис, когда живущие у них [новые поселенцы] ошибочно и непоследовательно смешивали свой и чужой языки, дав имя солецизму¹¹⁹. Поэтому и про тех, кто выражается таким же образом, говорят, что они делают солецизмы. (3) У поэтов же солецизм называется фигурой (*schema*), поскольку в стихах трудно необходимым образом подобрать размер. Если же нет [такой] необходимости, [а ошибка совершается,] то это останется солецизмом.

(4) Сolecизмы бывают двух видов: в частях речи (*per partes orationis*) или случайные (*per accidentem*). [Сolecизм] в частях речи — если мы ставим одну часть [речи] вместо другой, как если прибавляем предлоги к наречиям [в качестве самостоятельного слова]¹²⁰. Случайные — если части [речи] не согласуются, как, например, по качествам (*per qualitates*), по рода и числам (*per genera et numeros*), видам (*per figuram*) и падежам (*per casus*). Итак [несогласование] по всем этим [вещам] будет солецизмом, как показал Донат (*Donati, Ars gramm., de soloecismo*). (5) Далее, бывают [солецизмы] и других видов. Ведь Луцилий¹²¹ говорил о ста родах таких солецизмов, которых скорее надлежит избегать, чем следовать им тому, кто стремится придерживаться законов правильной речи.

Ошибками (*vitia*) у грамматиков называется то, чего мы должны остерегаться в речи. А они суть: варваризм, солецизм, акирология, какемфатон и прочее.

(2) Варваризм — это искажение одного слова. <Например, если кто будет удлинять третий слог в [глаголе] «ignoscere».>

(3) Сolecизм — это ошибочное сочетание слов. <Например, если кто-нибудь скажет «inter hominibus» («среди людях») вместо «inter homines» («среди людей»).>

(4) Акирологи́я (*acyrologia*) — это неправильное выражение¹²², как: Пусть трус надеется (*Lucan., Phars., II, 15*).

Ведь трусу подобает страшиться, а не надеяться. Или:

На травяном поле (*Verg., Aen., V, 287*).

Подобает говорить «поросшее травую поле» (*campus graminosus*), а не «травяное поле» (*gramineus*).

Каке́ мфатон (*cacemphaton*)¹²³ — это выражение непристойное или с несочетающимися звуками. (5) Непристойное, как:

His animam arrecti dictis (*Verg., Aen., I, 579*).

(Вставшие духом от ее слов.)¹²⁴

Несочетание [звуков], как

Iuvat ire et Dorica castra (*Verg., Aen., II, 27*).

(Приятно идти и лагерь дорийцев [видеть брошенным].)

Ведь нехорошо такое сочетание [звуков], когда начинают [слово] с того слога, которым заканчивают предыдущее.

(6) Плеона́зм (*pleonasmus*)¹²⁵ — избыточное [по смыслу] добавление одного слова, как:

До сих пор я рассказывал о возделывании земли и небесных звездах (*Verg., Georg., II, 1*).

Но звезд не бывает нигде, кроме неба.

(7) Периссоло́ги́я (*perissologia*)¹²⁶ — избыточное [по смыслу] добавление многих слов, как: «Да живет Рувим, и да не умирает» ([Второзак., 33:6](#)), как будто жить и не умирать — это разное.

(8) Макрологи́я (*macrologia*), или велеречие (*longiloquium*), — вещь, сказанная без необходимости, как «Не добившись заключения мира, послы обратно, туда, откуда отправлялись, вернулись домой» (*Liv., frg. 64M*).

(9) Тавтология (*tautologia*), или речение того же (*idemloquium*), например:

Если его пощадила судьба, если воздухом дышит

Эфирным, и к жестоким теням не спустился (*Verg., Aen., 1,546—547*).

Ведь все, что повторяется, — одно и то же.

(10) Элли́пс (*eclipsis*) — это недостаток в выражении, когда отсутствуют необходимые слова, как:

...чей колчан из золота. (*Verg., Aen., IV, 138*)

(*Cui pharetra ex auro.*)

Ведь здесь пропущено «был сделан» (*erat*).

(11) Тапино́сис (*tapinosis*) — уничижение (*humilitas*), то есть на-зывать большую вещь маленькою, как:

Редкие встречаются пловцы в обширном омуте

(*Verg., Aen., I, 118*).

(12) [Здесь] «gurgēs» (омут, пучина) поставлено вместо «шаге» (море).

Какоси́нтетон (*kakosyntheton*) — ошибочное сочетание слов, как:

И повернутые спины бычков мы гоним копьем.

(*Versaque iuvenum terga fatigamus hasta* (Verg., Aen., IX, 609).)

(13) Амфиболи́я (*amphibolia*), или двусмысленное выражение (*ambigua dictio*), которое

бывает, во-первых, при винительном падеже, как в ответе Аполлона Пирру¹²⁷:

Aio te Aeacida Romanos vincere posse (Enn., Ann., VI, 174).

(Я говорю, что ты, Эакид, римлян можешь победить, или

Я говорю, тебе, Эакид, что римляне могут победить.)

Откуда неясно, кому в этом стихе он предсказал победу. (14) Бывает она и из-за неясного различения (*per incertam distinctionem*), как:

Bellum ingens geret Italia (Verg., Aen., I, 263).

(Большая война произойдет в Италии, или

Войну поведет огромная Италия.)

[Здесь] неясное различение: или «*bellum ingens*» (большая война) или «*ingens Italia*» (огромная Италия). Бывает она и из-за общего слова (*per commune verbum*): «*Deprecatur Cato, calumniatur Cicero, praestolatur Brutus, dedignatur Antonius*» (Катон проклинает, Цицерон злословит, Брут поджидает, Антоний отвергает, или Катона проклинают, о Цицероне злословят, Брута поджидают, Антония отвергают) — в этом двусмысленном [выражении] неясно: или они сами — других, или другие — их проклинают, о них злословят.

(16) Бывает [амфиболия] и из-за омонимов, когда одним именем обозначаются многие [вещи], как [если скажешь] «*acies*» (остриё, зрачок, строй) и не добавишь «меча», «глаза» или «воинов».

Метаплазмом (metaplasms) — по-гречески, а по-латыни он называется преобразованием (transformation)¹²⁸. Эта [ошибка] бывает в одном слове из-за поэтической вольности и необходимости [соблюдения стихотворного] размера. Его виды суть следующие:

(2) **Про́тесис (prothesis)** — это прибавление к началу слова, <как в «gnato» вместо «nato» (рожденным) и «tetulit» вместо «tulit» (принес)>.

Эпентесис (epenthesis) — это прибавление в середину, <как в:

...Ма́неáнт ĩn re'Ůlĭgĭone' nĕpótes (Verg., Aen., III, 409).

(Пусть и у внуков завет этот также свято блюдетсЯ.)

Вместо «religione» (в святом обычае). [Также] «relliquia» вместо «reliquia» (остатки, останки), «induperator» вместо «imperator» (император)>.

(3) **Парагога' (paragoge)**¹²⁹ — это прибавление к концу, <как «admittier» вместо «admitti» (быть допущенным), «magis» вместо «mage» (больше) и «potestur» вместо «potest» (может)>.

Афэресис (aphaeresis)¹³⁰ — удаление [звуков] из начала [слова], как «temno» вместо «contemno» (презираю).

Синкопа́ (syncope) — удаление из середины, как «forsan» вместо «forsitan» (возможно).

Апокопа́ (apocope) — удаление из конца, как «sat» вместо «satis» (достаточно).

(4) **Э́ктасис (ectasis)**¹³¹ — произнесение звука долгим вопреки природе, <как в «Éxcērcē't Dĭá'na choro's» (Verg., Aen., 1,499) («Водит Диана хороводы»), или «I'talia'm fāto'» (Verg., Aen., I, 2) («В Италию судьбою»), хотя «Italiam» должно произноситься с краткою [Ī]>.

Систола́ (systole)¹³² — краткое произнесение вопреки природе, <как в «urbétque Fidénem» (Verg., Aen., VI, 774) («И град Фиденя»), где первый слог следует произносить долгим. Или когда мы произносим «Orion» (Орион) через краткие гласные, хотя [здесь все гласные] надлежит произносить долго.>

Диэресис (diaeresis)¹³³ — распадение слога на два, <как в «dĭ'vĕs pi'ctai ve'stis» (Verg., Aen., IX, 26) («в узорчатых одеждах») вместо «pictae». Или «A'lbai Lo'ngai» (Enn., Ann., I, 31/169) ([Царь] Альбы Лонги) вместо «Albae Longae»¹³⁴.>?

(5) **Эписиналѐфа́ (episynaloephe)** — слитание двух <слов> в один, <как в «Phaeton» вместо «Phaëton» (Фээтон), «Neri» вместо «Nerei» (род. надеж от «Нерей»), «aeripedem» вместо «aëripedem» (медноногий, быстроногий).>

Синалѐфа́ (synaloephe)¹³⁵ — встреча (collisio) гласных, с которыми рядом находятся другие гласные, <как в:

A'tqu(e) ea dĭ'vĕrsa' penitu's dĭm pa'rte geru'ntur (Verg., Aen., IX, 1).

(«Покуда все эти различные [дела] делались далеко».)>

(6) **Эллизия (ellipsis, ecthipsis)** — встреча согласных с гласными, <как в:

...Mu'lt(um) ĩll(e) ĕ't tĕrri's ĩacta'tus et a'lto (Verg., Aen., 1,3).

(«Долго его по морям и далеким землям бросала...»)>

Антитесис (antithesis)¹³⁶ — замещение буквы другою буквою, <как «impete» вместо «impetu» (натиском), «olli» вместо «illi» (ему)>.

Мета́тесис (metathesis)¹³⁷ — перестановка букв, <как в «thymbre» вместо «thumber» (растение чаберник), «Evandre» вместо «Evander» (Эвандр)>.

(7) **Метаплазм** находится посередине между варваризмом и совершенною латинскою

речью, поскольку он одновременно является красивым и ошибочным. Далее между солецизмом и совершенным соединением выражений стоит речевая фигура (schema)¹³⁸, поскольку она является красивым, но ошибочным соединением выражений (sermones). Следовательно, метаплазмы и фигуры речи суть средние, и отделяют опытность от неопытности. Также они делаются для украшения.

Συήματα переводятся с греческого на латинскую речь как фигуры (*figurae*) и ставятся в словах или предложениях в различных формах <произношения> ради украшения речи. Их много у грамматиков, и они таковы.

(2) Про́лемпсис (*prolempsis*)¹³⁹ — «предсказание» (*praesumptio*), в котором то, что должно следовать после, ставится вперед, как в:

Interea reges ingenti mole Latinus (*Verg., Aen., XII, 161*).

(Затем великие цари толпою... Латин.)

Следовало, ведь, сказать так: «*Interea reges ingenti mole*» («Затем великие цари толпою...») и тотчас добавить то, что [в стихах] идет следом: «*procedunt castris*» («...покидают лагерь», стих 169), далее сказать «*Latinus*» («Латин...») и т. д. Но ради красоты здесь сделано «предсказание», а то, что должно было следовать за царями, перенесено на семь стихов, и затем дописано [в восьмом]: «*procedunt castris*» (покидают лагерь). Откуда и [называется] «предсказанием» (*praesumptio*), ибо то, что должно было следовать потом, ставится впереди.

(3) Зе́вгма (*zeugma*)¹⁴⁰ — это период (*clausula*), при котором в одном глаголе заключаются несколько смыслов, и она бывает трех видов, а именно: когда глагол, связывающий воедино предложение, ставится в начале, в середине или в конце. В начале, как:

Вращается дно у винных корзинок, мысль — у нас (*Lucil., 139*). (*Vertitur oenophoris fundus, sententia nobis.*)

В середине:

Греция Сульпицию по жребию досталась, Галлия — Комте (*Enn., Ann., X, 329*).

В конце:

...Ведь в наши дни

раболепие — друзей, правда ненависть родит (*Ter., Andr., 68—69*).

(4) Гипо́зевксис (*hypozeuxis*)¹⁴¹ — это фигура, обратная предыдущей, когда период (*clausula*) состоит из глаголов с собственными смыслами, как

Пред царем он предстал, и назвал царю имя и род свой (*Verg., Aen., X, 149*).

(5) Си́ллемпсис (*sylllepsis*) — это когда различные фразы (*clausula*) или имена во множественном числе заканчиваются глаголом в единственном числе, как

Sociis et rege recepto (*Verg., Aen., I, 553*).

(Спутников и царя я найду.)¹⁴²

Или когда при именах в единственном числе ставится глагол во множественном числе, как:

Sunt nobis mitia roma, et pressi copia lactis (*Verg., Ecl., I, 81*).

(Суть у нас свежие плоды и запас созревших каштанов.)

Ведь в начале поставлен глагол «*sunt*» (суть), [а дальше] следовало сказать «*est et pressi copia lactis*» (есть и запас созревших каштанов).

(6) Силлемпсис бывает не только с частями речи, но и со случайными частями. Ибо [вообще везде], где вместо одного говорится многое, а вместо многого — одно, будет силлемпсис. Вместо многого — одно, как в следующем:

Uterumque armato milite conplent (*Verg., Aen., II, 20*).

(И чрево [коня греки] наполнили доспешным воином.)

— не одним, но многими воинами. Далее, когда вместо одного — многое, как в Евангелии «Разбойники, которые были распяты с ним, поносили его» ([Матф., 27:44](#)), где вместо одного хулящими объявляются оба (Ср.: Лука, 23и 39).

(7) Анади ´плогис (*anadiplosis*)¹⁴³ — это когда тем же словом, который завершает предыдущий стих, начинается стих последующий, как в следующем:

С лебедем спорит сова, и Титир да станет Орфеем:

Орфеем — в лесах, меж дельфинов — самим Арионом

(*Verg., Ecl., VIII, 55—56*).

(8) Анафора ´ (*anaphora*)¹⁴⁴ — это повторение одного и того же слова в начале нескольких стихов, как:

Мы пошли за тобой из сожженного края дарданцев,

Мы на твоих кораблях измерили бурное море

(*Verg., Aen., III, 156—157*).

(9) Эпанафора ´ (*epanaphora*)¹⁴⁵ — повторение одного и того же слова в одном стихе из-за важности <смысла>, как:

TE nemus Anguitiae, virtea TE Focinus unda,

<*TE liquidum flevit lacus*> (*Verg., Aen., VII, 759—760*).

([Не помогли] тебе [целебные листья] Ангийских роц,

[не помогла] тебе стеклянная волна Фуцина, ты был оплакан влагою озер.)

(10) Эпизе ´вксис (*epizeuxis*)¹⁴⁶ — повторение слова в одном и том же смысле:

Sic sic iuvat ire per umbras (*Verg., Aen., IV, 660*).

(Так, так приятно идти к теням.)

(11) Эпанале ´мпсис (*epanalempsis*)¹⁴⁷ — это выражение (*sermo*), помещенное в начало стиха, и оно же повторенное в конце, как в следующем:

Crescit amor nummi quantum pecunia crescit

(*Iuven., Sat., XIV, 139*).

(Растет любовь к деньгам, поскольку богатство растет.)

(12) Парономаси ´я (*paronomasia*)¹⁴⁸ — это обозначение разного почти одними и теми же словами, как в следующем: «*Abire an obire te convenit?*» (Удалиться или умереть тебе подобает?), то есть быть сосланным или умереть.

(13) Схе ´сис онома ´тон (*schesis onomaton*)¹⁴⁹ — это множество сочетающихся имен, собранных в один период (*ambitus*), как:

Nubila, nix, grando, procellae, fulmina, venti.

(Тучи, снег, град, бури, молнии, ветры.)

(14) Парамойон (*parameion*)¹⁵⁰ — это несколько слов, начинающихся с одной буквы, как это у Энния:

O Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti (*Enn., Ann., I, 113*).

(О Тим Татий¹⁵¹, тиран, тяготят тебя тяготы те!)

Но [этот оборот] хорошо умеряет Вергилий, когда не во всем стихе использует эту фигуру, как Энний, а или только в начале стиха, как в:

Seava sedens supra arma (*Verg., Aen., I, 295*).

(Свирепая, сидящая на [груде] оружия...)

или же только в конце, как:

Sola mihi tales casus Cassandra canebat (*Verg., Aen., III, 183*).

(Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти.)

(15) Гомео́нотон (homoeoptoton)¹⁵² — это когда многие имена даются в одном падеже, как в следующем:

*Sed neque currentem, sed nec cognoscit euntem,
Tollentemque manu saxumque immane moventem*
(Verg., Aen., XII, 903—904).

(Но ни вперед выходя, ни спасаяся бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув, — себя не помнил несчастный.)

(16) Гомеоте́ле́тон (homoeon teleuton)¹⁵³ — разные слова заканчиваются одинаково, как «Abiit, abcessit, evasit, erupit» (Cic., Cat., 2, 1) (Он смылся удалился, унесся, умчался).

(17) Поли́нотон (polyptoton)¹⁵⁴ — когда одно и то же слово (sententia) повторяется в разных падежах, как:

Ex nihilo nihilum, ad nihilum nil posse reverti (Pers., Sat., III, 84).

([И нельзя зародиться //] Из ничего ничему, и в ничто ничему обратиться.)
или

[...И мигом тут обернется]

Марком твой Дама. Эге! В займы ты дать мне не хочешь,
[Если поручится Марк? При Марке-судье ты бледнешь?]
Марк подтвердил, — так и есть. Свидетельствуй, Марк,
документы. (Pers., Sat., V, 79, 81)

(18) Ирмос (hirmos) — предложение (sententia) непрерывной речи, продолжающееся до отдаленного [стиха], как:

Место укромное есть, где гавань тихую создал...

(Verg., Aen., I, 159)

и так далее. Здесь ведь смысл долго не прерывается, вплоть до стиха:
Темная роща ее [гавань] осеняет пугающей тенью

(Verg., Aen., I, 165).

(19) Полиси́нтетон (polysyntheton)¹⁵⁵ — это фраза, в которой много [однородных слов] связаны союзами, как:

Все африканский пастух волочит: и жилище, и лара,
И амиклейского пса, и оружие, и критский колчан свой

(Verg., Georg., III, 344—345).

(20) Дуали́тон, или аси́нтетон, (dialyton vel asyntheton)¹⁵⁶ — это фигура, в которой, напротив, [слова] пишутся без союзов, просто и свободно, как «venimus, vidimus, placuit» («пришли, увидели — понравилось»).

(2 1) Антите́за (antitheton)¹⁵⁷ — когда противоположное [по смыслу] противопоставляется противоположному и украшает предложение, как в следующем:

Холод сражался с теплом, и сражалась с влажностью сухость,

Битву с весомым вело невесомое, твердое — с мягким

(Ovid., Met., I, 19—20).

(22) Гипалла́га (hypallage)¹⁵⁸ — [бывает] всякий раз, когда слова понимаются наоборот, как:

Dare classibus Austros (Verg., Aen., III, 61).

(Дать южные ветры флоту.)

поскольку мы вверяем ветрам корабли, а не ветры кораблям.¹⁵⁹

Греческим именем «троп» грамматики называют то, что на латынь переводится как обороты речи (*modus locutionum*). Делаются же они от собственного значения к несобственному сходству¹⁶⁰. Названия их всех перечислить трудно: из них Донат записал тринадцать¹⁶¹ — тех, которые обыкновенно используются.

[1] (2) Метафора есть намеренное перенесение (*usurpata translate*) какого-либо слова, как когда мы говорим «*fluctuare segetes*» (волнуются хлеба), «*gemmare vites*» (усыпаны самоцветами лозы), хотя в этих вещах мы не находим волн или драгоценностей, но эти слова переносятся из другого места. Но они [метафоры], а также иные речевые обороты, помимо тех, что должны быть понятны, надев покровы, скрываются, чтобы умы (*sensus*) читающих напрягались (*exegese*) и не обесценивались, легкие и незанятые. (3) Метафоры же бывают четырех видов:

[1.1] С одушевленного на одушевленное¹⁶², как:

Сел на крылатых коней.

метафорически говорящий смешал четвероногое [животное] и крылья птицы, или:

Quo cursu deserta petiverit (*Verg., Ecl., VI, 80*).

(каким бегом покинутая устремилась [соловей-Филомела].)

смешал [птичий] полет с бегом четвероногого.

[1.2] С неодушевленного на неодушевленное¹⁶³, как:

Корабль пашет море, борозду взрывает длинный киль.

смешал землю и воды, ибо пахать и рыть борозды имеет смысл на земле, а не в море.

[1.3] (4) С неодушевленного на одушевленное¹⁶⁴, как «цветущая юность»: [здесь]

смешаны бездушные цветы с юношей, который имеет душу.

[1.4] С одушевленного на неодушевленное¹⁶⁵, как:

Ты, отец Нептун, чьи стучащие седые виски

Увитые отзываются морскою качкою, чьею постоянною

мыслию великий

Течет Океан, и реки косами бегут.

Ведь мысль, виски и косы имеют смысл не у океана, а у человека.

(5) Также и имена других вещей переносятся с одного рода на другой род ради самого изящного узорочья, что украшает речь. Метафора же есть или [перенесение] в одну сторону, как «*fluctuare segetes*» (волнуются хлеба), ведь нельзя сказать «*segetare fluctus*» (хлебуются волны). Или это антистрофа, то есть перенесение в обе стороны (*reciproca*), как «*remigium alarum*» (гребки крыльями), ведь говорится и «крылья кораблей» и «гребки крыльев».

[2] (6) Ката́херсис (*catachresis*)¹⁶⁶ — это постановка [в стихе] названия другой вещи. Он отличается от метафоры, ибо та дается [вещи], имеющей название, а он использует чужое [название], так как не [вещь] имеет своего, как:

Faciemque simillima lauro (*Verg., Georg., II, 131*).

([Дерево] лицом похожее на лавр.)

и

Centaurus; nunc una ambae iunctisque feruntur

Frontibus, et longa sulcat vada salsa carina

(*Verg., Aen., V, 157—158*).

([То его обгоняет] «Кентавр», то рядом они вместе мчатся

Бок о бок, и длинные кили судов бороздят соленую влагу.)

ведь лицо и бока являются таковыми у человека и животных. И, хотя поэт назвал корабль «Кентавром», его часть не имеет того же названия, что аналогичная часть этого животного (бок).

[3] (7) Мета́лемпсис (*metalempsis*)¹⁶⁷ — это переход от предшествующего тропа к последующему, как:

*Inque*¹⁶⁸ *manus cartae nodosaeque venit arundo* (*Pers., Sat., III, 11*).

(Вот уже книга в руках, лощеный двухцветный пергамент,

Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья.)

Ведь слова обозначены руками, а буквы — тростником.

[4] (8) Метонимия (*metonymia*) — это переименовывание (*transnominatio*), т. е. перенесение смысла (*significatio*) одной [вещи], на другую, близкую по расположению. Она же бывает многих видов.

[4.1] Или же [именем] того, что содержит, называется то, что [в нем] содержится, как «театр рукоплещет», «луг ревет», ведь здесь рукоплещут люди и ревут быки¹⁶⁹.

[4.2] Или, напротив, [именем] того, что содержится, [называется] то, что содержит [это], как:

Уже близкий пылает // Укалегон (*Verg., Aen., II, 311—312*). хотя не он сам (человек), но его дом загорелся¹⁷⁰.

[4.3] (9) Далее, [именем] первооткрывателя — то, что он открыл, как: Без Вакха и Цереры и в Венере жару нет... (*Ter., Eup., 732*).

или

До звезд бросает Вулкан смешанные искры (*Verg., Aen., IX, 76*).

Ведь решили считать, что Церерою открыт пшеничный хлеб, Либером (Дионисом) — виноградное вино, Венерою — похоть, а Вулканом — огонь¹⁷¹.

[4.4] И наоборот, когда [именем] того, что открыто, называется открывателя, как:

Vinum precatur (*Plaut., frg. 159*).

(Мы молим вино.)

о Либере, который у греков открыл вино¹⁷².

[4.5] (10) Далее, [когда именем] того, кто сделал, [называется] то, что сделано, как «*rigidum frigus*» (оцепенелый холод), ведь он приводит в оцепенение людей, и «*timor pallidus*» (бледный ужас), поскольку он заставляет людей бледнеть¹⁷³.

[4.6] И наоборот, [когда именем] того, что сделано, [называется] тот, кто сделал, как:

Впряг родитель коней в золотую упряжь, взнуздал их

Пенной уздою, и волю им дал (*Verg., Aen., V, 817—818*).

[Поэт] сказал «пенная узда», хотя конечно не она сама делает пену, а конь, который, если его погонять, брызжет <льющейся> пеною¹⁷⁴.

[5] (11) Антономаси́я (*antonomasia*)¹⁷⁵ — это «вместо имени», то есть [слово или выражение], поставленное заместо имени [собственного] (*vice nominis*), как «рожденный Майею» вместо «Меркурий». Этот троп бывает трех видов:

[5.1] от одушевленного:

И великодушный Анхизид¹⁷⁶ (*Verg., Aen., V, 407*).

[5.2] от тела:

Сам великан¹⁷⁷ (*Verg., Aen., III, 619*).

[5.3] прочее:

Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом¹⁷⁸

(Verg., Aen., 1,475).

[6] (12) Эпитет (epitheton)¹⁷⁹, [то есть то, что] сверх имени. Ведь он ставится при соответствующем имени, как «благая Церера», или:

И злоещатели псы, и не вовремя вставшие птицы

(Verg., Georg., 1,470).

Между антономасией и эпитетом то различие, что первая ставится вместо имени, второй же никогда не бывает без имени. При помощи этих двух тропов мы или браним кого-нибудь, или указываем [на него], или хвалим.

[7] (13) Сине 'кдоха (synecdoche) — это формула (conception), когда мы узнаем по части целое, либо по целому — часть. Она же есть и то, когда род указывается через вид, и вид — через род, <ведь вид — это часть, а род — целое>. Часть узнается по целому, например, [так]:

Сбившись в стаи птицы летят, когда холодный год

Гонит их за море (Verg., Aen., VI, 311—312).

Ведь не весь год холоден, но только часть года, то есть зима. И наоборот, целое [узнается] по части, как:

И лишь только взметнулось

Пламя на царской корме (Verg., Aen., II, 255—256).

— загорелась не только корма, но корабль, и не корабль, но то, что в нем, и не все, а только один факел¹⁸⁰.

[8] (14) Ономапонойя (onomatopoeia)¹⁸¹ — это имя, данное в подражание звукам неясного голоса, как «скрип дверей» (stridor), «ржание лошадей» (hinnitus), «мычание быков» (mugitus), «блеяние овец» (balatus).

[9] (15) Перифраза (periphrasis)¹⁸² — это «вокруг-говорение» (circumloquium), [то есть] когда одна вещь обозначается многими словами, как:

Воздух // живительный пьешь¹⁸³

(Verg., Aen., 1,387—388).

Ведь [Вергилий здесь] обозначает множеством слов одну вещь, а именно «живешь». Но этот троп — двойственный. Ведь он либо истину блистательно утверждает, либо безобразия обиняками избегает. Блистательно утверждает истину таким образом:

Чуть лишь Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,

Зарево первых лучей пролила на земные просторы

(Verg., Aen., IV, 584—585, и IX, 459—460).

Можно ведь было сказать «уже рассветало» или «начинался день».

Избегает безобразия обиняками таким образом:

И предался удовольствиям, прильнув к лону супруги

(Verg., Aen., VIII, 405—406).

Здесь [Вергилий] обиняками избегает неприличности и пристойно указывает на совокупление.

[10] (16) Гипе 'рбатон (hyperbaton) — «перестановка», [то есть] когда слово или предложение изменяет порядок [следования друг за другом]. Его видов пять: анастрофа, гистерон-протерон, парентесис, тмесис, синтесис¹⁸⁴.

[10.1] Анастрофа ' (anastrophe) — это обратный порядок слов, как, [например] «litora circum» вместо «circum litora» (подле берега).

[10.2] (17) Ги 'стерон-про'терон (hysteron proteron)¹⁸⁵ — это изменение порядка

выражений, как в:

Затем он высокой волны коснулся и подошел к воде

(Verg., Aen., III, 662).

Ведь он сначала подошел к воде и здесь коснулся волны.

[10.3] (18) *Паре 'нтесис (parenthesis)* — когда мы вставляем в середину нашего предложения то, что, будучи извлечено оттуда, останется целым предложением, как:

Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя

К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата

(Verg., Aen., I, 643—644).

<Ведь порядок таков: «Эней проворного посылает Ахата»>, то же, что в середине, — это *парентесис*.

[10.4] (19) *Тме 'сис (tmesis)* — это разрывание одного слова посредством вставки в середину [другого] слова, как:

Multum nebulae circum dea fudit amictum (Verg., Aen., I, 412).

(Плотным облачным покровом окутала богиня [идущих].)

вместо «*circumfudit*» (окутала).

[10.5] (20) *Си 'нтесис (synthesis)* — это когда слова перепутаны повсюду, как в этом:

...*“Iuvenes, fortissima frustra*

Pectora, si vobis audendi extrema cupido est

Certa sequi, quae sit rebus fortuna videtis.

Excessere omnes aditis arisque relictis

Dii, quibus inperium hoc steterat; succurritis urbi

Incensae; moriamur et in media arma ruamus”

(Verg., Aen., II, 348—353).

Порядок таков: «*Iuvenes, fortissima pectora, frustra succurritis urbi incensae, quia excesserunt dii. Unde si vobis cupido certa est me sequi audentem extrema, ruamus in media arma et moriamur*» (Юноши! Мужественные сердца! Напрасно вы пытались помочь горящему городу, ибо [его] покинули боги, [которыми держалось государство, оставив храмы и алтари]. Поэтому если вы точно и страстно желаете следовать за мною, решившимся на крайнее, бросимся в гущу оружия и погибнем!)

[11] (21) *Гипербола (hyperbole)*¹⁸⁶ — есть преувеличение (*excelsitas*), превосходящее правду, более чем можно поверить, как

На звезды хлещет волна (Verg., Aen., III, 423).

или

Расступились воды, дно обнажив (Verg., Aen., I, 106—107).

Таким ведь образом нечто преувеличивается сверх правды, однако не сбивается с пути обозначения истины: хотя слова, указывающие на это нечто, превосходят [истину], по желанию говорящего, он, [говорящий] не оказывается лжецом. И с помощью этого тропа не только преувеличивают что-либо, но и преуменьшают. Преувеличение это, [например] «*быстрее Эвра*», преуменьшение — «*мягче пуха*», «*тверже скалы*»¹⁸⁷.

[12] *Аллегория (allegoria)*¹⁸⁸ — это иносказание (*alienoloquium*). (22) Ведь одно говорится, а другое понимается, как

Но на бреге, — заметил он, — бродят

Три оленя больших (Verg., Aen., I, 184—185).

Где имеются в виду три полководца Пунических войн или три Пунические войны¹⁸⁹. И в «*Буколиках*»:

Яблок десяток послал золотых (Verg., Ecl., III, 71).

То есть Августу — десять пастушеских эклог. У этого тропа множество видов, из коих выделяются семь: ирония, антифраза, энигма, хариентизм, пароймия, сарказм, астизм.

[12.1] (23) Ирония (*ironia*)¹⁹⁰ — это изречение (*sententia*), получающее смысл через произнесение (*pronuntiatio*) противоположного. Ведь этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки, как следующее:

Ваши, Эвр, дома. О них пусть печется в чертогах
И над темницей ветров Эол господствует прочной
(Verg., Aen., I, 140—141).

Каким образом «чертоги» (*aula*), когда «темница» (*carcer*)? Это решается при произнесении. Ведь «темница» — так произносится, «печется в чертогах» (*iactet in aula*) — это ирония; и все вместе при произнесении противоположного обозначается при помощи [некоего] вида иронии, которая, будто бы хваля, [наделе] насмехается.

[12.2] (24) Антифраза (*antiphrasis*)¹⁹¹ — это речь, понимаемая от противного, как [если что-нибудь будет названо] светлым (*lucis*), так как оно лишено света (*lux*) из-за густой тени, и [какие-нибудь люди] кроткими (*manes*), то есть мирными, поскольку они жестокие, и умеренными, потому что они страшные и свирепые, а также парки и эвмениды — из-за того, что они никого не жалеют (*ragsege*) и никому не желают добра (*εὐ μενίζονται*)¹⁹². Посредством этого тропа и карлики у толпы называются атлантами, и слепые — зрячими, и эфиопы — среброкожими. (25) Иронию же и антифразу то различает, что ирония только в произношении указывает на то, чей [смысл] хотят понять, как [например] когда мы говорим про все то, что делается плохо: «Хорошо то, что ты делаешь»; антифраза же не посредством голоса говорящего указывает на противоположное [по смыслу], но только словами, противоположными по происхождению¹⁹³.

[12.3] (26) Энигма (*aenigma*)¹⁹⁴ — это скрытый предмет (*questio obscura*), который трудно понять, если его не сделать явным, как следующее «Из идущего вышло ядомое, из сильного вышло сладкое» (Судей, 14:14) означает, что из пасти льва извлечены пчелиные соты. Аллегория же и энигму различает то, что сила аллегии двояка, и она образно выражает одну вещь посредством других вещей, смысл же энигмы почти неясен и замаскирован посредством некоторых образов.

[12.4] (27) Хариентизм (*charientismos*)¹⁹⁵ — это троп, при помощи которого жестокие слова (*dicta*) произносятся приятнее, как если вопрошающим: «Неужели же никто нам не подаст?» — отвечают: «Добрая Фортуна». Это означает, что некому нам подать.

[12.5] (28) Паройми́я (*paroemia*) — это поговорка (*proverbium*), установленная [силою] вещей и времен. Вещей, как, [например]: «Лезешь на рожон»¹⁹⁶ (*contra stimulum calces*), чем обозначается «против сопротивления». Времен, как: «*lupus in fabula*» (молчать, дословно «волк в разговоре»). Ведь поселяне считают, что человек теряет голос, если волк его увидит первым. Потому и про тех, кто внезапно замолчал, говорят эти самые слова: «*lupus in fabula*»¹⁹⁷.

[12.6] (29) Сарказм (*sarcasmos*) — это высмеивание врагов с язвительностью, как: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Все рассказать не забудь и о выродеке Неоптолеме»¹⁹⁸
(Verg., Aen., II, 547—549).

[12.7] (30) Противоположностью этого является астизм (*astysmos*)¹⁹⁹ — изящный

юмор без раздражения, как в следующем:

Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни, -
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает
(Verg., Eel., III, 90—91).

То есть: кто не отвергает Бавия, по своей вине дойдет до того, что станет уважать Мевия. А Бавий и Мевий были очень плохими поэтами, противниками Вергилия. Следовательно, тот, кто их уважает, делает противоестественное [дело], как если бы доил козлов или пахал на лисицах.

[13] (31) Гомо ѳосис (homoeosis)²⁰⁰, что на латынь переводится как подобие (similitudo), — это то, посредством чего делается указание на менее заметную вещь через сходство с тою, которая более заметна. Его видов суть три: икона, парабола, парадигма, то есть образ, сравнение и образец.

[13.1] (32) Икона (icon) есть образ (imago), когда мы пытаемся воспроизвести вид (figura) вещи из [вещи] похожего рода, как [бог из сна Энея, который]:

Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос
Те же, и светлых кудрей волна и цветущая юность
(Verg., Aen., IV, 558—559).

Ведь сравниваемый соответствует по роду тому, с которым его сравнивают²⁰¹.

[13.2] (33) Парабола (parabola)²⁰² — это сравнение (comparatio) с непохожими [по роду] вещами, как:

...Так в знойной пустыне Ливийской
Лев, заприметивши вдруг врага у себя по соседству...
(Lucan., Phars., I, 205—206)

Где [поэт] сравнил Цезаря со львом, сделав сравнение не с его, но с другим родом.

[13.3] (34) Парадигма (paradigma)²⁰³ — это образец (exemplum) чего-нибудь сказанного или сделанного, которое соответствует той вещи этого или иного рода, о которой мы говорим, как: «Сципион также храбро умер под Гиппоном, как Катон — в Утике»²⁰⁴.

(35) [А еще всякое] подобие бывает трех родов: равному, большему и меньшему. Равному:

Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной
Бунт²⁰⁵ (Verg., Aen., 1,148—149).

[Сравнение] от большего к меньшему:

Так, порожденье ветров, сверкает молния в тучах²⁰⁶
(Lucan., Phars., I, 150).

От меньшего к большему:

Если Орфей смог вывести маны супруги
Пользуясь фракийскою кифарою и благозвучьем струн
(Verg., Aen., VI, 119—120).

[Здесь Эней] как бы сказал, [что если тот смог пройти в царство Аида], пользуясь вещью маленькою и невзрачною, то есть кифарою, то и я смогу — благочестием²⁰⁷.

Проза (*prosa*) — это протянутая речь (*producta oratio*), освобожденная от законов метрики. Ведь древние называли прозой растянутое и прямое. Поэтому Плавт у Варрона²⁰⁸ говорит «*prosis lectis*» (свободными словами), что значит прямыми; и еще поэтому то, что не колеблется ритмично, а является прямым, называется прозаической речью, протягиваемую прямо. Другие же прозаическое произведение называют так оттого, что оно щедро излитое (*profusa*), или оттого, что оно длительно стремится (*progruit*) и бежит, не устанавливая себе предела заранее. (2) Далее, как греки, так и латиняне в древности более заботились о песнях, чем о прозе. Ведь все вначале слагали стихи, а стремление [говорить] прозой расцвело позднее. У греков первым стал писать свободную речью Ферекид Сирский²⁰⁹; у римлян же — Анний Слепой²¹⁰ первым испробовал свободную речь против Пирра. Уже после этого и другие устремились к прозаическому красноречию.

Стихи (*metra*) названы так, ибо стопы [в них] ограничиваются отдельными мерами (длительностями, *mensurae*) и промежутками (*spatia*). Ведь мера по-гречески называется *мётров*. (2) Стихотворными строками (*versus*) названы оттого, что, положенные в соответствующем порядке стопами, они <определенным концом> ограничены при помощи членов (*articuli*), которые называются цезурами (*caesa*) и частями (*membra*). Они имеют длину не большую, чем это может вынести [хороший] вкус, разумение же устанавливает предел, после которого [стих] возвращается [к новой строке]; и поэтому самому они и названы стихотворными строками (*versus*), что возвращаются (*revertuntur*). (3) С этим связан ритм (*rythmus*), который не определенным концом ограничен, но разумно течет выстроенными по порядку стопами, что по-латыни называется ничем иным, как стихотворным размером (*numerus*), о чем следующее:

Размер я помню, — вспомнить бы слова! (*Verg., Ecl., IX, 45*)

(4) Песня (*carmen*) называется так потому, что состоит из стоп. Полагают, что имя ей дано или потому, что она произносится по частям (*carptim*, ритмично), поэтому про шерсть, которую разрывают на части чистильщики, мы говорим «чесать» (*carminare*), или потому, что поющие песню считаются безумными (*mentem caege*).

(5) Названия стихам даны или по [видам] стоп, или по вещам, о которых они повествуют, или по [именам] открывателей, или по [именам] тех, кто ими часто пользовался, или по числу слогов.

По стопам стихи названы, как, [например], дактилические, ямбические, трохеические. (6) Ведь трохеический стих произошел от трохея, дактилический — от дактиля, и так далее, каждый — от своей стопы.

По числу [слогов], как, гекзаметр, пентаметр, триметр. Ведь сенарий²¹¹ (

☐

||

☐

) мы называем так по числу стоп.

Его греки, считая попарно, называют триметром. Считается, что латинские гекзаметры²¹² (

☐

||

(☐ ′ ∪ ′ ☐ || ′ ∪ ′ ☐ ′ ∪ ′)

(☐ ′ ∪ ′ ☐ || ′ ∪ ′ ☐ ′ ∪ ′)

☐

) впервые создал Энний, их же называли «длинными» [стихами].

(7) По [именам] открывателей, как говорят, названы Анакреонтов, сапфический и Архилохов [стихи]. Ведь Анакреонтовы стихи (

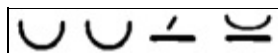
☐

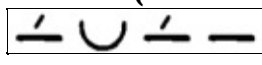
) составил Анакреонт²¹³, сапфические²¹⁴ (

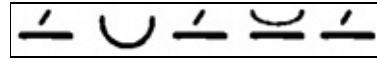
||

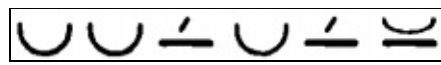
) создала женщина Сапфо, а Архилоховы²¹⁵ (

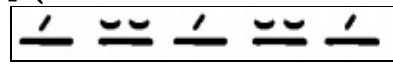
|

||

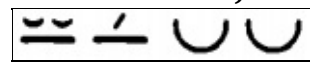

) некогда написаны Архилохом; колофонийские стихи некогда разработал Колофониец²¹⁶, Сотадовы же [стихи] (

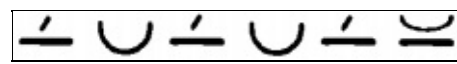

)открыл Сотад, родом критянин²¹⁷. А Симонидовы²¹⁸ стихи составил лирический поэт Симонид.

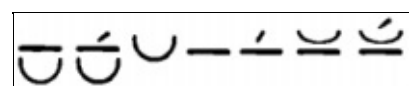
(8) По [имени] того, кто ими часто пользовался, названы Асклеиадовы стихи (

||

|

). Асклепий ведь их не открыл, но они так названы потому, что Асклепий использовал их очень искусно и часто²¹⁹.

(9) По вещам, о которых повествует, [стих бывает] героическим, элегическим и буколическим.

Героическая же песнь названа так потому, что рассказывает о войнах (res) и деяниях сильных мужей. Ибо героями называются те мужи, которые как бы достойны неба (aerii et caelo), благодаря уму и силе. Этот стих по своему авторитету находится впереди прочих стихов, единственный из всех столь к большим произведениям подходящий, сколь и к малым, равно вбирая прелесть и сладость. (10) Он один получил имя от этих мужественных [людей], ибо был назван героическим, конечно, в память об их делах. Отчего и среди прочих, он является наиболее простым, [так как] состоит из двух <стоп> — дактиля и спондея, и почти всегда — или из одного, или из другого. Он является соблюдающим меру чуть ли не в наибольшей степени, [так как состоит из] смеси обеих, как если бы состоял только из одних. (11) Также и поэтому он является первым среди стихов. Считается, что его первым пропел Моисей в песнях Второзакония, задолго до Ферекида и Гомера²²⁰. Поэтому очевидно, что у древних евреев было рвение к песнопению более, чем у языческих племен, если, действительно, Иов во времена Моисея написал аналогичное [произведение] гекзаметрическим стихом, дактилями и спондеями. (12) Говорят, что у греков первым этот [стих] составил Ахатесий²²¹ Милетский, или, как считают другие, Ферекид Сирский. Каковой стих до Гомера был назван пифийским, а после Гомера стал именоваться героическим. (13) Пифийским же его решили назвать оттого, что этого рода стихами изрекались оракулы Аполлона. Ибо когда он на Парнасе убил

стрелами змея Пифона в отместку за мать, окрестные дельфийские жители были тем возбуждены и говорили этим стихом, по словам Теренциана²²², «I'ē Pa'īān, i'ē Pa'īān, i'ē Pa'īān» («О спаситель!»)» (Terent., frg. 159IK).

(14) Элегический же стих назван так потому, что размер (modulatio) песен, из него составленных, подходит для несчастных [людей]²²³. У Теренциана они обычно говорят элегиями, поскольку, как считают, конец скорбям связан (приходит) [именно с таким] ритмом (modus). (15) Этот стих едва ли не во всех видах получил известность от того, кто его открыл, если не считать Энния, который у нас начал его впервые использовать. Ибо у греков все еще идет спор грамматиков так, что доводы (res) опровергаются по суду. Ведь некоторые из них считают автором и открывателем этого стиха Колофонийца, некоторые — Архилоха.

(16) Буколическая, то есть пастушеская песнь, как полагают, впервые составлена пастухами в большинстве своем в Сиракузах, и некоторыми — в Лакедемоне. Ибо ведь когда Ксеркс, царь персов, проходил через Фракию²²⁴, и когда спартанские девушки из-за боязни врага город не покинули и торжественную песнь с хоровою пляскою богине Диане в поле по обычаю не совершили, толпа пастухов для того, чтобы священный обряд (religio) не остался невыполненным, его совершили [своими] неискусными песнями. Называются же они, главным образом, буколиками [т. е. песнями пастухов коров], хотя напевы овчаров и козопасов в этих песнях [тоже] встречаются.

(17) Очевидно, что гимны первым составил и спел во славу Бога пророк Давид²²⁵. Далее у языческих народов первая их создала в честь Аполлона и муз Меммия Тимофея, которая жила во времена Энния, много позже Давида. Гимны же с греческого на латинский переводятся как прославления.

(18) Эпиталамы — это свадебные (nubentia) песни, который распеваются риторам (или учениками, scholastici) в честь жениха и невесты. Первым их издал Соломон в честь Церкви и Христа²²⁶. Откуда языческие народы и позаимствовали эпиталаму, и этого рода песнь стала использоваться. Каковой род [песней] вначале справлялся на сцене, а затем уже стал связан со свадьбами. Назван же эпиталамою оттого, что воспевают брачные покои (thalami).

(19) Θρήνος, который мы по-латыни называем плачем (lamentum), первым в стихах составил Иеремия о граде Иерусалиме, <когда он был разорен>, и народе <Израиля>, когда <он был сокрушен и> уведен в плен. После чего у греков лирический поэт Симонид [его сочинил]. Раньше он применялся на похоронах и при сетованиях, также и нынче.

(20) Эпитафия — по-гречески, а по-латыни — «на могиле» (supra tumulum). Ведь это надпись (titulus) об умерших, которая делается на усыпальнице, тех, кто уже умер. И в ней пишется об их жизни, нравах и возрасте.

(21) Поэмою (poesis) по-гречески называется произведение, состоящее из многих книг, стихотворением (poeta) — [состоящее] из од ной [книги], идиллией (idyllios) — из небольшого количества стихов, двустишием (distichos) — из двух, одностишием (monostichos) — из одного.

(22) Эпиграмма переводится на латынь как надпись (superscripto, titulus), ведь ἐπί означает «над» (super), γράμμα — «буква» (littera) или «письмо» (scriptio).

(23) Эпод (epodon)²²⁷ — это краткое заключение (clausula) песни. Называется же эподом потому, что он припевается (adcinatur) к части элегического [стихотворения], где одна [часть], та, что впереди, более длинная [т. е., куплет], складывается с другою, более короткою [т. е., припевом], так что отдельные большие [части] как бы заключаются

отзвуком (*clausulae recinunt*) следующих [за ними] меньших частей. (24) Заключениями (*clausulae*) же лирические поэты называют как бы обрезанные стихи, смежные с полными, как у Горация²²⁸:

Счастлив лишь тот, кто, суеты не ведая,
далее следует обрезанная [часть]:

Как первобытный род людской... (Нор., Ер., 2, 1—2)

И так далее поочередно — у первых [стихов] отсутствует некоторая часть, и сами они идут впереди таких же частей, только меньших.

(25) Центонами (*centones*)²²⁹ у грамматиков обычно называются [стихотворения], которые составлены из песен Вергилия или Гомера при помощи многих лоскутков (*more centonario*) и прилажены в одно целое самостоятельное произведение по удобному сюжету (*materia*). (26) Наконец Проба, жена Адельфа, написала совершеннейший центон о сотворении мира и евангелиях, с сюжетом, составленным сообразно стихам, и со стихами, образованными сообразно сюжету. Также и некий Помпоний среди прочих своих произведений, написанных на досуге, из «Титира» («Буколик») того же поэта составил [центон] в честь Христа, а также из «Энеиды»²³⁰.

Басни (*fabula*) названы [так] поэтами от того, что будет высказано (*fandus*), поскольку [их сюжеты] — вещи, которые не произошли, но которые только вымышлены в речи. Они для того написаны, чтобы при помощи разговоров безгласных животных показать образ жизни некоторых людей. Рассказывают, что их первым открыл Алкмеон Кротонский²³¹, и еще называются они Эзоповыми, поскольку у фригийцев в этом деле испачкался Эзоп²³². (2) Басни же бывают либо Эзоповыми, либо ливийскими. Эзоповы — это те, в которых бессловесные животные представляются разговаривающими между собою, а также [вещи], не имеющие души, как города, деревья, горы, камни, реки. Ливийские же — [это те], где люди со зверями или звери с людьми представляются общающимися посредством голоса.

(3) Некоторые басни поэты сочинили ради развлечения, некоторые выведены из природы вещей (*ad natura rerum*), иные — из человеческих нравов.

Сочиненные ради развлечения (*delectandi causa*) — это, например те, которые рассказываются простонародьем, или те, которые собрали Плавт и Теренций²³³.

(4) Сочиненные из природы вещей (*ad natura rerum*) — это, например, «Запертый Вулкан» (*Vulcanus claudus*), ибо по природе огонь никогда не бывает прямым, как этот трехобразный зверь:

...Химера -

Лев головою, задом дракон и коза серединой
(*Lucret., De nat. rerum, V, 905*).

то есть коза²³⁴. Она при желании может разделить возраст людей, у которых юность неукротима и [как бы] оцетинившаяся (*horrens*), как лев, в середине жизни время ясное, как коза, потому что очень зорко видит, после чего в старости члены не гнутся, как у дракона.

(5) Также в баснях изобретены и гиппокентавры, то есть помесь человека и лошади, для выражения скоротечности человеческой жизни, ибо лошадь, как известно, самое быстрое [животное].

(6) [Сочиненные] из нравов (*ad mores*) — это как у Горация мышь разговаривает с мышью, а ласка — с лисицей, чтобы рассказать посредством вымышленного повествования истинный смысл (*significatio*) того, что произошло. Отчего и Эзоповы басни таковы — они касаются области нравов, или как в книге Судей (9:8—15): деревья себе искали царя и обращались к маслине, смоковнице, виноградной лозе и терновнику, это все непременно сочиняется о нравах, так чтобы прийти к вещи, которой [эта басня] посвящается посредством некоего вымышленного рассказа, но с истинным смыслом. (7) Так и оратор Демосфен использовал басни против [царя] Филиппа²³⁵. Когда тот потребовал от афинян послать ему десять ораторов и удалился, [Демосфен] сочинил о нем <такую> басню, чтобы разубедить [афинян подчиниться]: однажды волки пастухов, желая обмануть их внимание, просили договориться о дружбе и наконец выставили условие, чтобы собаки, в которых была причина ссоры, были отданы на их суд. Пастухи согласились и, понадеявшись на [их] гарантию, отдали собак, которые были самыми бдительными стражами для их овец. После этого волки, устранив сильных, всех овец из стад пастухов не только ради насыщения, но даже ради удовольствия разорвали. Также и Филипп потребовал себе лучших из народа, чтобы легче можно было угнетать город, лишенный стражей.

Глава ХLI. Об истории

История (historia) есть повествование о событиях (res gestae), при помощи которого становится известным то, что было сделано в прошлом. Названа же история у греков ἱστορίη; ἵστωρ, то есть «от видения» или узнавания. У древних ведь никто не писал историю, если не присутствовал [при описываемых событиях] и не видел сам то, что записывал. Мы ведь лучше замечаем глазами то, что совершается, чем воспринимаем на слух. (2) Ведь то, что видят, высказывают без обмана. Эта наука относится к грамматике, ибо все, сколь-нибудь достойное памяти, передается посредством букв. Исторические же воспоминания (monimenta) потому [так] называются, что они выражают память (memoria) о событиях. Цепь (series) же [лет или событий] названа [так] по аналогии с гирляндами (sertae) связанных цветов.

Глава XLII. Об авторах первых историй

У нас же историю от начала мира первым записал Моисей²³⁶. А у языческих народов первым Дарет Фригийский²³⁷ написал историю о греках и троянцах, про которую говорят, что она была записана автором на пальмовых листьях. (2) После Дарета в Греции первым историю составил Геродот²³⁸. После чего был известным [историком] Ферекид в те времена, в которые Ездра записал Закон.

Глава XLIII. О пользе истории

Истории народов не запутают читающих в том полезном, о котором они повествуют. Ведь многие мудрецы прошлые деяния людей вводят в современные установления при помощи историй, так же как и вычисление суммы прежних времен и лет совершается посредством истории, и многое необходимое изучается по списку консулов и царей.

Глава XLIV. О родах истории

Родов истории три. Ведь эфемеридою (ephemeris) называется то, что совершилось за один день. Она у нас зовется дневником (diarium). Ибо то, что латиняне называют дневником, греки — эфемеридою. (2) Календарем (kalendaria) называется то, что записывается за один месяц. Анналы (annales) — это вещи, [произошедшие] за один год. (3) Ведь все достойные памяти [события] мирного и военного времени, на море и на земле заносятся в записки (commentarii) погодично и именуются анналами из-за ежегодно повторяющихся дел (ab anniversariis gestis).

(4) История же это [события] многих лет или времен, и ее тщательные погодичные записки заносятся в книги. История же тем отличается от анналов, что история — это [события] того времени, которое мы наблюдаем, анналы же — [события] того времени, которое было не в наши лета. Поэтому [книги] Саллюстия²³⁹ содержат историю, а [книги] Ливия, Евсевия, Иеронима²⁴⁰ — анналы и историю. (5) Также и между историею, рассказом и баснею есть различие. Ведь истории — это истинные дела, которые произошли, рассказы (argumenta) — это то, что хотя и не произошло, однако же могло быть, а басни — это то, чего не было и быть не могло, ибо они противоестественны.

Глава I. О риторике и ее названии

Риторика (rhetorica) есть наука хорошо говорить по гражданским вопросам, <обильное красноречие> правильное и хорошее для убеждения. Названа же риторика от греческого выражения ἀριθμὸς τοῦ ῥητορίζειν, то есть от множества разговоров (locutio), ведь ῥήσις у греков — это разговор, а ῥήτωρ — оратор. (2) Риторика же связана с искусством грамматики. Ведь в грамматике мы учимся науке правильно говорить, а в риторике мы действительно постигаем, каким образом будем выражать те [вещи], которым научились.

Глава II. Об изобретателях искусства риторики

Наука же эта была изобретена²⁴¹ греками — Горгием²⁴², Аристотелем и Гермагором²⁴³ — и переведена на латынь Туллем [Цицероном] и Квинтилианом²⁴⁴ <и Тицианом²⁴⁵>, но так многообразно и разнообразно, что читающему легко поразиться ей, [но] понять, охватить невозможно. (2) Ведь пока он хранит пергаменты, к его памяти как бы пристаёт вереница изречений, но если он отложит их в сторону, скоро воспоминание обо всем записанном исчезает. Постигжение в совершенстве этой науки делает [человека] оратором.

Глава III. Об ораторе и частях риторики

Оратор, следовательно, — муж добрый, в говорении опытный²⁴⁶. «Муж добрый» (*vir bonus*) включает природу, привычки и умения (*artes*). «В говорении опытный» (*dicendi peritus*) включает умелое красноречие (*eloquentia*), которое состоит из пяти частей:

- [1] нахождения [материала] (*inventio*),
- [2] расположения [материала] (*dispositio*),
- [3] словесного выражения (*elocutio*),
- [4] запоминания [речи наизусть] (*memoria*),
- [5] произнесения (*pronuntiatio*),

и наконец [включает] обязанности, состоящие в том, чтобы убеждать всякого.

(2) Сама же опытность в разговоре состоит из трех частей: природы, научения и практики. [1] Природа (*natura*) — это врожденное (*ingenio*), [2] научение (*doctrina*) — это знание, [3] практика (*usus*) — это постоянная деятельность (*assiduitas*)²⁴⁷. Ведь эти [части] таковы, что они требуются не только оратору, но и всякому искусному человеку, чтобы он мог что-нибудь смастерить.

Глава IV. О трех родах дел

Родов дел (*genera causarum*)²⁴⁸ три: совещательный, показательный и судебный. Совещательный (*deliberativus*) род — тот, в котором ведется речь о каких угодно жизненных пользах, о том, что должно или что не должно делать. Показательный (*demonstrativus*)²⁴⁹ — тот, в котором указывается человек, достойный похвалы или порицания.

(2) Судебный (*iudicale*) — тот, в котором дается суждение о делах данного человека, [суждение] о наказании или награде. Назван же он судебным потому, что судит о человеке и суждение свое высказывает или о том, что хороший [человек] достоин награды, или о том, что несомненно виновный должен быть осужден и понести кару.

(3) Совещательный (рассуждающий) род зовется так потому, что в нем рассуждается о всяких вещах. Этот род двоякий — убеждение и отговаривание, то есть [суждение] о том, к чему следует стремиться, и о том, чего следует избегать; то есть о том, что следует и не следует делать.

(4) Увещевание (*suasoria*) же подразделяется на три предмета — на то, что честно (*honestum*), полезно (*utile*) и допустимо (*possibile*). Оно тем несколько отличается от рассуждения, что увещевание адресовано к другому человеку, а рассуждение иногда может быть и о себе. В увещевании же есть две [вещи,] которые еще более важны: надежда и опасение.

(5) Показательный [род] назван [так] потому, что всякую вещь показывает как заслуживающую или похвалы, или порицания. Каковой род имеет два вида: хваление (*laudis*) и порицание (*vituperatio*). Порядок хваления разделяется на три времени: «до самого себя», «в самом себе», «после самого себя»²⁵⁰. (6) «До самого себя», как:

...Неужели тебя породивший
век не счастлив? (*Verg., Aen., I, 605—606*)

«В самом себе», как:
[Ты, Дидона,] одна несказанными бедами Трои
тронута (*Verg., Aen., I, 597—598*).

«После самого себя», как:
Реки доколе бегут к морям, доколе по склонам
Горным тени скользят и сверкают в небе светила, -
Имя дотолы твое пребудет в хвале и почете
(*Verg., Aen., I, 607—609*).

(7) Таким же образом, напротив, и для порицания человека должны служить следующие формы: «до человека», «в человеке» и «после человека».

Общее место (*locus communis*) служит для порицания при показательном роде. Каковое оттого [порицания], несколько отличается. Ведь порицание, которое есть противоположность хвалению, обращается на конкретного показываемого человека в частности, (8) общее же место представляет факт преступления вообще. Потому оно и называется общим местом, что при отсутствии лица [порицаемое] выказывается не столько в человеке, сколько в самом преступлении. Ведь всякий порок обнаруживается (*invenitur*) не только в одном [человеке], но даже купно во многих [людях].

Глава V. О двухчастном статусе дел

Статусом (*status*) в «Ораторях»²⁵¹ называется такая вещь, в которой состоит дело, то есть [его] основание (*constitutio*). Греки же основание называют в противоположность *στάσις*²⁵² (раздору). Латиняне же — не только от битвы, посредством которой побеждают положение противника, но и поскольку в нем содержатся обе части. Ведь [статус] состоит из посылки (*intentio*) и отклонения (*depulsio*) [чужих доводов]. (2) Статусов же дел два: «от разума» и «от закона».

От [статуса] «от разума» (*casus rationalis*) происходят установление, определение (*finis*²⁵³), оценка, перенесение²⁵⁴. От определения — [статусы] законности и сделки. От законности — самостоятельный и несамостоятельный²⁵⁵. От несамостоятельного — признание, отведение вины, перенесение вины, возмещение. От признания — снятие вины и мольба о прощении.

[1] (3) Статус установления (*coniectura, coniecturalis*) — это когда факт, который выдвигается одним, решительно отрицается другим.

[2] Статус определения (*definitivus*) — это когда про то, что выдвигается [истцом], заявляется, что [на самом деле произошло] не оно; а то, чем оно должно быть, доказывается прилагаемыми определениями.

[3] Оценки (*qualitas*) — это когда ищется, какова вещь [=суть дела]. И поскольку [здесь] спор ведется о сути и роде дела, то оно называется главным обоснованием²⁵⁶.

[4] (4) Перенесения (*translatio*) — это когда дело происходит от того, что нечто или не кажется происходящим, как должно, или кажется, что [оно происходит] не с теми людьми, не в то время, [осуждается] не по тому закону, не за то преступление, и [назначается] не то наказание, какое должно было быть. [Статус] перенесения [называется так], поскольку кажется, что дело нуждается в перенесении [на другого ответчика] и переквалификации (*commutatio*).

[5] (5) Законности (*iudicalis*) [основание] — в котором ищется природа справедливого и правильного и награда [за это] или довод (*ratio*) для наказания.

[6] Сделки (*negotialis*) — в котором рассматривается, какой закон должен быть исходя из гражданских обычаев и справедливости.

[7] Самостоятельный (*absolutus*).]

[8] Несамостоятельный (*assumptivus*) — это то [дело], которое само из себя не дает ничего надежного для отклонения [иска], <а берет силу из какой-то другой судебной оправдательной речи>.

[9] (6) Признание (*concessio*) — когда ответчик не отрицает того, что произошло, но просит извинения [считает, что оно заслуживает извинения].

[10] Отведение вины (*remotio criminis*) — это когда ответчик само преступление, в котором его обвиняют, пытается по сути и по возможности [его совершения] перевести на другого.

[11] (7) Перенесение вины (*relatio criminis*) — это когда утверждается, что [нечто] потому сделано справедливо, что [сам ответчик] перед этим подвергся несправедливости со стороны другого.

[12] Возмещение (*compensatio, comparatio*) — это когда ради того, чтобы было сделано некоторое другое достойное или полезное дело, требуется совершение того, что называется виною, и того, в чем обвиняют [ответчика]²⁵⁷.

[13] (8) Снятие вины (*purgatio*) — это когда некоторое дело признается, но вина

отрицается. Оно имеет три части — неведение, несчастный случай (*casus*) и необходимость.

[14] Мольба о прощении (*deprecatio*) — это когда ответчик признается и в совершении преступления и в обдуманности этого преступления, но просит, чтобы оно было извинено. Каковой род [основания дел] может случиться крайне редко²⁵⁸.

(9) Далее, от статуса «от закона» (*causa legalis*) происходят следующие: [расхождения] буквы и смысла, противоречия законов, двусмысленности, умозаключения, или рассуждения, и определения от закона.

[15] [Расхождение] буквы и смысла (*scriptum et voluntas*) — это когда смотрят на сами слова, так как высказывания [законо]писателей расходятся²⁵⁹.

[16] Статус противоречия законов (*contrariae legis*) — это когда оказывается, что два или больше законов между собою противоречат²⁶⁰.

[17] Двусмысленность (*ambiguitas*) — это когда кажется, что написанное [в законе] имеет два или более смысла²⁶¹.

[18] Умозаключение, или рассуждение (*collectio sive ratiocinatio*), — это когда в том, что [дословно в законе] написано, находят нечто другое, что не написано.

[19] Определение от закона (*definitio legalis*) — это когда суть (*vis*) ищется как бы в статусе определения, в котором она должно быть положена.

(10) Таким образом, статусов, как «от разума», так и «от закона», кем-то верно было насчитано восемнадцать. Далее из-за «Ораторов» Туллия [их] было найдено девятнадцать потому, что он, по преимуществу, присоединял перенесение к статусам «от разума»; и Цицерон же, противореча самому себе, также причислял перенесение к статусам «от закона».

Глава VI. О трехчастном споре

Трехчастный спор (*controversia*)²⁶², согласно Цицерону, бывает или простым или составным. Если он будет составным, то его следует рассматривать как или составленный из многих вопросов, или из сравнения с чем-либо другим.

[1] Спор простой (*simplex*) — когда он состоит из одного отдельного вопроса, [например] таким образом: объявлять ли нам войну коринфянам или нет?²⁶³

[2] (2) Составленный (*iunctus*) из многих вопросов — когда ищутся [ответы] на многое, [например] так: разрушить ли Карфаген, или вернуть его карфагенянам, или вывести туда колонию?²⁶⁴

[3] [Спор] из сравнения (*ex comparatione*) — это когда ищется то, что или лучше или самое лучшее, как, например: послать ли войско в Македонию против Филиппа, чтобы помочь союзникам, или оставаться в Италии, чтобы войско против Ганнибала было максимально многочисленным²⁶⁵.

Глава VII. О четырех частях речи

Частей речи²⁶⁶ в риторическом искусстве четыре:

[1] вступление (*exordium*),

[2] повествование (*narratio*),

[3] аргументация (*argumentatio*)

[4] и заключение (*conclusio*).

Первая из них возбуждает дух слушающего, вторая разворачивает суть дела, третья создает доверие при помощи доводов, четвертая заключает конец всей речи. (2) Поэтому начинать следует таким образом, чтобы создать благожелательность, уступчивость или внимание — благожелательность призыванием, уступчивость — подготавливанием, внимание — побуждением. Излагать следует так, чтобы говорить кратко и ясно. Аргументировать надо так, чтобы сначала утвердить свои [доводы], а затем сокрушить противоположные²⁶⁷. Заключать надо так, чтобы тронуть души слушающих и оставить [их] наполненными тем, что говорилось.

Глава VIII. О пяти видах побудительных причин

Видов побудительных причин (*causae*)²⁶⁸ пять, <а именно:> достойное, поразительное, низкое, сомнительное и скрытое. Достойный (*honestum*) род побудительной причины есть тот, которому сразу без нашей речи благоволит дух слушающих. Поразительное (*admirabile*) — то, от чего ослепляется дух тех, кто слушает. Низкое (*humile*) есть то, что презирается слушающим. (2) Сомнительное (*aniceps*) есть то, в чем или суждение сомнительно, или причина доблести и позора причастна тому, чтобы родить благожелательность и неприязнь [соответственно]. Скрытое (*obscurum*), — тот род, при котором или слушающие находятся в затруднении, или причина видится запутанною из-за дел, более трудных для понимания.

По-гречески он называется силлогизмом, а по-латыни — доказательством (*argumentatio*). Назван же доказательством, так как он — как бы речь ясного (*argutus*)²⁷⁰ ума, с помощью которого мы правдоподобным образом стремимся к новому знанию (*inventum*). Силлогизм, следовательно, есть последнее заключение при помощи предпосылок, прибавлений и подтверждений, [делаемое] или из-за [наличия] неясности у колеблющегося или из-за уверенности у доказывающего. (2) Ведь он состоит из трех частей — предпосылки²⁷¹, прибавления²⁷² и заключения. Предпосылка: [например,] возьмем: «То, что является благом, не может иметь постыдного употребления». Слушающий соглашается. Прибавим следующее: «Деньги могут иметь постыдное употребление». Заключаем: «Следовательно, деньги не являются благом»²⁷³. (3) Силлогизм же используется не только риторам, но еще больше — [философами-] диалектиками. Апостол²⁷⁴ часто может предполагать, прибавлять, подтверждать и заключать, что, как мы говорим, свойственно искусству риторики и диалектики. (4) Силлогизмы у раторов бывают прежде всего двух родов — выводение и рассуждение²⁷⁵.

Членов вывода (*inductio*)²⁷⁶ три — во-первых, предпосылка, во-вторых, привнесение, которое также называется прибавлением, в третьих, заключение. (5) Оно является выводением, поскольку посредством несомненных вещей добивается согласия у тех, которые его установили, то есть или у философов, или у раторов, или у собеседников. Предпосылка (*propositio*) вывода — та, которая необходимо вводит отношения (*similitudines*) [среднего термина] к одной или многим вещам, с которыми следует согласиться. (6) Привнесение (*inlatio*), которое также называется прибавлением (*assumptio*) вывода — то, которое вводит вещь, о которой спорят, и по этой причине [ее] отношения [со средним термином] являются известными. Заключение (*conclusio*) вывода — то, которое или подтверждает допущение прибавления, или обнаруживает то, что из него получается.

Рассуждение (*ratioinatio*) есть речь, посредством которой удостоверяется то, о чем вопрос. (7) Родов рассуждения два. Во-первых, энтимема, которая есть неполный силлогизм или речь²⁷⁷. Во-вторых, эпихирема, которая есть силлогизм недосказанный и больший по размеру.

(8) Энтимема (*enthymema*)²⁷⁸, следовательно, на латынь переводится как содержание ума, поэтому неполный силлогизм имеют обыкновение называть искуснописанием (*artigraphus*). Ведь форма его доказательства состоит из двух частей, ибо то, истинность чего необходимо показать, обнаруживается посредством опущенной посылки силлогизмов, как в следующем: «Если следует избегать бурь, значит не нужно плавать». Ведь очевидно, что [состоящее] из одной предпосылки и заключения не является полным, потому [данная фигура] более подходит для раторов, чем для диалектиков. (9) Разновидностей энтимемы пять — во-первых, доказывающая, во-вторых, показывающая, в третьих, сентенциальная, в четвертых, служащая примером, в пятых, собирающая. (10) Доказывающая (*convincibile*) — это та, которая доказывается очевидным доводом, как делает Цицерон: «Значит, вы заседаете здесь, чтобы отомстить за смерть того, кого — если бы это было в вашей власти — отказались бы вернуть к жизни» (*Cic., Mil., 79*)²⁷⁹. (11) Указывающая (*ostentabile*) — та, которая ясно и коротко выражает вещь, демонстрируя ее, как у Цицерона: «Он все еще живет: мало того, он еще приходит в сенат!»²⁸⁰ (*Cic., Cat., I, 2*). Сентенциальная

(sententiale) — та, которая приводит общую сентенцию, как у Теренция:

...Ведь в наши дни

раболение — друзей, правда ненависть родит (Ter., Andr., 68—69).

(12) Служащая примером (exemplabile) — та, которая просто показывает случившиеся посредством сравнения с некоторым примером, как Цицерон: «Удивляюсь я тебе, Антоний, что конец тех, чьим поступкам ты подражаешь, тебя не страшит»²⁸¹ (Cic., Phil., II, 1).

(13) Собирающая (collectivum) — та, которая собирает воедино [все вещи], которые нужно доказать, как говорит Цицерон: «Итак, того, кого он [некогда] не захотел [убить] по справедливости, он захотел [убить] теперь, когда некоторые [этим] недовольны? Того, кого [он не решился убить] по праву, в подходящем месте, вовремя, безнаказанно, он, не колебаясь, убил в нарушение права, в неподходящем месте, не вовремя с опасностью утратить гражданские права?»²⁸² (Cic., Mil., 41). (14) Далее, Викторин²⁸³ дал энтимемам другую классификацию: [энтимема] с опущенной посылкою (ex sola propositione), как если все уже сказано, например так: «Если следует избегать бурь, значит, нет нужды в мореплавании». (15) [Энтимема] с опущенным заключением (ex sola assumptione), как следующая: «Если он враг, то он убьет, а он враг». Поскольку в последней отсутствует заключение, она и называется энтимемой.

(16) Следующая — эпихирема (epichirema), ведущая рассуждение пространнее и совершеннее, чем [простые] риторические силлогизмы, и отличающаяся от диалектических силлогизмов распространенностью и долгою, поэтому она используется риториками²⁸⁴. Она же бывает трех видов: во-первых, трехчастною, во-вторых, четырехчастною, в-третьих, пятичастною. (17) Трехчастный эпихирематический силлогизм состоит из трех членов, то есть: предпосылки, прибавления и заключения. Четырехчастный — тот, который состоит из четырех членов: во-первых, предпосылки, во-вторых, прибавления, в третьих, одного примера, связанного с предпосылкою или прибавлением, и заключения. (18) Далее, пятичастный — тот, который состоит из пяти членов: во-первых, предпосылки, во-вторых, примера к ней, в третьих, прибавления, в четвертых, примера к нему, в пятых, заключения. [Например,] Цицерон в «Риторике» говорит так: «Если обсуждение и доказательство — роды дел, они не могут правильно считаться частями какого-либо рода дела. Одна и та же вещь может быть либо род, либо часть, но не может быть в одно и то же время родом и частью» (Cic., De inv., I, 12), или иначе: [силлогизм является эпихиремой], поскольку скрываются части этого силлогизма.

Закон есть постановление народа, которое нерушимо установили в роде и плебеи. Ведь то, что приказал царь или император, называется постановлением или эдиктом²⁸⁵. Установление, равным образом, является двояким — то в законах, то в обычаях. Между законом же и обычаем есть то различие, что закон — писанный, а обычай — это проверенное древностью обыкновение, или неписанный закон. Ведь закон (*lex*) получил название от зачитывания (*legenda*), ибо он записан.

(2) Обычай (*mos*) же есть длительное обыкновение, равным образом извлеченное из [предшествующих] обычаев²⁸⁶. Обыкновение (*consuetudo*) же есть некое право, установленное обычаями, которое признается вместо закона, когда последний отсутствует. Разве отличается [оно] от писанного закона, не устанавливается ли обдуманно, ведь и закон предлагается рассудком? (3) В свою очередь, если закон утверждается рассудком, то законом будет все то, что уже было прежде установлено рассудком, по крайней мере то, что будет согласовываться с религией, что будет открыто наукою и что будет полезно для благосостояния [граждан]²⁸⁷. Названо же оно обыкновением (привычкою), поскольку всеми обыкновенно используется [в повседневной жизни].

(4) Всякий же закон или нечто разрешает, как «храбрый муж да получит награду», или запрещает, как «никому не должно искать супружества со священными девами»²⁸⁸, или карает²⁸⁹, как «кто организует убийство, да заплатится головою»²⁹⁰. (5) Созданы же законы для того, чтобы человеческое дерзновение сдерживалось страхом перед ними, чтобы честность была невредимою среди бесчестных людей и чтобы у самих бесчестных людей способность к преступлению была обуздываема страхом наказания. Ведь законы наградою или карою умеряют жизнь человеческую. (6) Пусть же закон будет достойный, справедливый, [созданный] по возможности, по природе, по обычаям отечества, по необходимости, соответствующий месту и времени, полезный, а также явный; пусть он не содержит чего-то темного, [служащего] для обмана [простаков], [пусть он] будет написан не в угоду какому-то частному человеку, но для пользы всех граждан.

Глава XI. О сентенции

Сентенция (sententia) есть сказанное безлично, как:

...Ведь в наши дни

раболение — друзей, правда ненависть родит

(Тег., Andr., 68—69).

Если сюда приложить лицо, то будет хрия (chria), как «Ахилл уязвил Агамемнона правдивою речью» или «Митрофан²⁹¹ снискал милость Митридата услужливостью». (2) Ведь между хрией и сентенцией есть та разница, что сентенция произносится без [указания] лица, а хрия, [напротив,] никогда не высказывается без лица. Поэтому, если к сентенции прикладывается лицо, будет хрия, если отнимается — будет сентенция²⁹².

Глава XII. О доказательстве и опровержении

Доказательство (*catasceua*)²⁹³ есть подтверждение положения, а опровержение (*anasceua*)²⁹⁴ есть обратное предыдущему. Ведь оно заявляет, что не было или нет того, что, как утверждалось, произошло или было сделано, или сказано, как если кто станет отрицать, что химера существовала, или будет доказывать ее существование. (2) Между ними и тезисом есть то различие, что тезис (*thesis*), хотя и сам содержит обсуждение обеих сторон [дела], но является как бы некоторым размышлением о неясной вещи или уговариванием [в пользу той или иной стороны]. Доказательство же и опровержение по большей части касаются вещей, которые не являются [просто] правдоподобными, но предлагаются в качестве истины.

(3) Опровержение, прежде всего, делится на [обличение в] неподобающем и лжи.

Видов неподобающего (*inconueniens*) два: то, что недостойно (*inhonestum*), и то, что бесполезно (*inutile*). Далее, недостойное выказывается или в речах, или в делах. [Опровергают через недостойное] в речах (*in dictis*) — это если утверждают, что некто говорил [вещи] постыдные и несоответствующие авторитету, как если бы кто-то позорил самого Катона Цензория²⁹⁵, будто он был в молодости беспутен и падок на роскошь. (4) [Опровергают через недостойное] в делах (*in factis*) — это если утверждают, что некто сделал что-то несоответствующее благочестию и своему имени (положению), как басня о прелюбодеянии Марса и Венеры.

Ложь (*mendacium*) имеет три разновидности: [1] невероятное (*incredibilis*), когда кажется, что события не происходило, как, [например,] когда юноша, проходя берегом Сицилии, увидел африканский флот. [2] (5) Невозможное (*impossibile*), как, [например,] когда Клодий устроил засаду Милону и сам же был убит Милоном. [3] Противоречащее (*contrarium*) [истине], как «если он устроил засаду, то он и убил». [Ведь Клодий] был убит, но не устраивал засады²⁹⁶.

Это разделение в противоположном случае может послужить²⁹⁷ видоизмененным доказательством, <чтобы мы выстраивали все действия сообразно достойному, полезному, правдоподобному, возможному, непротиворечивому или в противоположность недостойному, бесполезному, малоправдоподобному, невозможному, противоречивому> Наконец, давайте скажем, что необходимо устанавливать начала [рассуждения] так, чтобы или верить в авторитет древних, или не иметь веры в басни. (6) И давайте затем стремиться в опровержении к тому, чтобы не захотели назвать что-то одно другим те, которые все это выдумали, как то, что Сцилла [будто бы] являлась не морским чудовищем, а женщиною, живущею у моря, и была не подпоясана собаками, а очень неприветлива с пришельцами.

Глава XIII. Об олицетворении

Олицетворение (*prosopopoeia, prosopoeia*) — это когда неодушевленное представляется [наделенным] личностью (*persona*) и речью. [Например,] у Цицерона: «В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут...» и так далее (*Cic., Cat., I, 27*). (2) Так мы выводим [в речах] говорящие горы и реки или деревья, приписывая личность тому, что по природе не имеет способности говорить. Оно обыкновенно обнаруживается и в трагедиях, и особенно часто — в речах.

Глава XIV. О придании характера

Приданием характера (ethoroeia) мы называем тот [прием в речи], при котором изображаем личность человека так, чтобы выпукло представить чувства возраста, вождения, удачи, радости, пола, грусти, дерзновения. Ведь когда описывается личность пирата, речь будет дерзкою, решительною и безрассудною; когда изображается речь женщины, она должна соответствовать полу; и даже о юноше и старике, о воине и полководце, о прихлебателе и сельском жителе, и философе речь должна произноситься по-разному. (2) Ведь охваченный радостью говорит одним образом, а раненый — другим. При составлении речей этого рода следует особенно хорошо знать следующее: кто говорит и кому, о чем и где, и в какое время, кто будет действовать, над чем будет совершено действие, или что может претерпеть [оратор], если пренебрежет этим советом.

Глава XV. О родах вопросов

Родов вопросов²⁹⁸ (*quaestiones*) два, из которых один конкретный (*finitus*), другой отвлеченный (*infinitus*). Конкретный род по-гречески зовется ὑπόθεσις, а по латыни — [частное] дело (*causa*), когда есть спор с конкретным лицом. (2) Отвлечённый по-гречески называется θέσις, а по-латыни — [общим] установлением (*propositum*). Он не имеет в виду конкретного лица и не касается конкретных обстоятельств, то есть ни времени, ни места. В [частном] же деле все конкретно, поэтому установление — как бы составная часть дела.

Глава XVI. О стиле в речи

Далее, при употреблении стилей (*elocutiones*) надлежит иметь в виду следующее: предмет (*res*), место, время и личность слушающего; настоятельно требуется не смешивать нечестивое с благочестивым, бесстыжее с непорочным, легкомысленное с серьезным, смешное с печальным. По-латыни же надлежит говорить ясно²⁹⁹. (2) Ведь, у латинян [красноречивым] называется тот, кто следует истинным и естественным именам вещей и не бывает в несогласии с речью или образом жизни, как в наши времена. Ему не достаточно только следить за тем, что он говорит, хотя бы оно даже говорилось ясно и изящно, если при этом он не делает того, что говорит.

Глава XVII. О трех манерах говорить

Также следует говорить о спокойном медленно (*submissa leniter*), о яростном сильно (*incitata graviter*), о смягченном говорить (*genera dicendi*): сниженная (*humile*), средняя (*medium*) и величественная (*grandiloquum*)³⁰⁰. Ведь когда мы говорим о великом, то оно должно быть передано величаво, когда говорим о малом — просто и точно (*subtiliter*), когда о среднем — умеренно.

(2) Действительно, в делах ничтожных не следует выводить ничего величавого, ничего возвышенного, но следует говорить в спокойной и прозаической манере. В делах значительных, где мы с благоговением рассказываем о боге или о людях, надлежит показывать больше пышности и блистательности. (3) В умеренных же делах, где ничего не говорится для того, чтобы слушающий [что-либо] сделал, но только чтобы он получил удовольствие, — здесь следует говорить умеренно³⁰¹. И о каких бы великих вещах ни говорил человек, он не всегда должен поучать величаво, но [должен говорить] спокойно, когда учит, умеренно, когда нечто хвалит или порицает, величаво, когда призывает к обращению отпавшие души. Ведь в спокойной манере (*submissus genus*) надлежит использовать достаточные [для дела (но не более того)] слова, в умеренной (*temperatus*) — блестящие красотою, в величавой (*grandus*) — мощные.

Глава XVIII. О комме, ко́лоне и периоде

Всякая же речь выстраивается и слагается из слов, комм, кблонов и периодов³⁰². Комма (comma) есть мельчайшая часть предложения, колон (colon) — член, а период (periodus) — очерченная, циклическая фраза. Ведь из соединения слов возникает комма, из комм — колон, из колонов — период.

(2) Комма³⁰³ есть законченное соединение [слов], как, например: «Хотя и не страшусь я, о судьи...» — вот одна комма, за которую следует еще одна: «начинать речь в защиту храбрейшего мужа...». И вот получился колон³⁰⁴, то есть член [речи], который предоставляет мышлению [нечто] толковое (intellectus), но еще не завершает речь, так как из многих членов возникает период, то есть окончательно законченное предложение: «...не нахожу я облика прежнего суда» (Cic., Mil., 1). Период³⁰⁵ же не должен быть длиннее, чем то, что можно произнести на одном дыхании.

Глава XIX. Об избегании ошибок в [сочетании] букв, слов и предложений

Далее, [при составлении] чистой и правильной речи оратору надлежит заботиться обо всех ошибках (*vitia*), как в [столкновении] букв, так и слов и даже предложений. (2) В буквах соединение (*iunctura*) пусть будет пригнанным и подходящим. Нужно следить за тем, чтобы гласные в исходе слов не предшествовали таким же гласным в начале следующих слов, как «*feminae Aegyptiae*» (египетские женщины)³⁰⁶. Лучше будет такое расположение, при котором согласные будут соединяться с гласными. Порочным соединением является также соединение трех согласных, которые, сталкиваясь, скрипят и как бы ссорятся между собою, например R, S, X, как: «*ars studiorum*» (теория наук), «*rex Xerxes*» (царь Ксеркс), «*error Romuli*» (ошибка Ромула)³⁰⁷. Следует избегать также помещения M между гласными: «*verum enim*» (верно, ведь)³⁰⁸.

Также и в [сочетании] слов надлежит остерегаться ошибок, при которых составляются неподходящие слова, что греки называют [1] акирологией (*acyrologia*). [2] Любить, таким образом, надлежит своеобразие (*proprietas*), однако так, чтобы никогда не пользоваться по [своей душевной] низости переведенными названиями грязных и гадких слов; чтобы слова казались не далекими, иноземными, но поистине близкими и понятными. [3] (2) Следует избегать также перестановок (*hyperbaton*) слов, слишком далеко отстоящих друг от друга, таких [перестановок], которые не могут не привести к запутыванию смысла. [4] Надлежит также остерегаться двусмысленности (*ambiguitas*) и [5] той ошибки, которую некоторые делают, важничая красноречием: обставив [речь] бессодержательными словами, долго и многословно заключают окольными путями то, что могут сказать одним или двумя словами. Этот порок называется периссологией. [6] (3) Противоположностью этой провинности является та ошибка, при которой из стремления к сокращению крадут даже необходимые слова. [7—15] Следует избегать, как в буквах и словах, так даже и в предложениях, те ошибки, которые были [мною] указаны в <первой> науке грамматики (кн. I, гл. 34). (4) Это какемфатон, тавтология, эллипсис, акирология, макрология, периссология, плеоназм и им подобные³¹⁰. [16] А также речь возвышает и украшает еще и выразительность (*emphasis*), которая делает так, чтобы нечто мыслилось большим, чем говорится, как если сказать: «Он возвысился до славы Сципиона»³¹¹, или у Вергилия:

Вниз, по канату, скользнув... (*Verg., Aen., II, 262*)³¹²

Ведь когда он говорит «скользнувшие», то прибавляет образ высоты. [17] Противоположный этому порок³¹³ — принижать словами то, что по своей природе велико.

Глава XXI. О фигурах в словах и предложениях

Также речь усиливается и украшается фигурами (*figurae*) в словах и предложениях (*sententiae*). Ведь поскольку прямолинейная и длительная речь создает утомление и отвращение как у слушающего, так и у говорящего, то речь должна менять направление и принимать разные формы, чтобы и говорящему давать отдых, и самой красивее быть, и судящего различным выражением лица и манерою речи к себе склонять. Из каковых [фигур] многие были уже отмечены под названием речевых фигур в искусстве грамматики (кн. I, гл. 36), а ранее — у Доната (*Donati, Ars gramm., de schemat. u de tropis*). (2) Поэтому здесь следует привести только те, которые или никогда не встречаются в поэмах, или редко, зато в речах — свободно.

[1] (3) Анадиплосис³¹⁴ (*anadiplosis*) — это удвоение (*congeminatio*) слов [на их стыке], как «И этот человек все еще жив! Жив? Еще и в сенат ходим!» (*Cic., Cat., I, 2*).

[2] (4) Клімакс (*climax*) — это «лестница» (*gradatio*), при которой то, что завершает смысл вышестоящего (предыдущего), начинает нижестоящее (последующее), а потому служит как бы ступенькою в [общем] порядке речи, как, например, у [Сципиона] Африканского: «Из невинности рождается достоинство, из достоинства — честь, из чести — власть (*imperium*), из власти — свобода». Эту фигуру некоторые называют цепью, поскольку [здесь] одно имя как бы связывается с другим, и таким образом многие вещи растягиваются [в цепь] посредством соединенных попарно слов. Эта же фигура бывает не только из единичных слов, но даже из словосочетаний, как у [Гая] Гракха: «Детство твое стало бесчестьем для твоей зрелости, зрелость — позором для старости, старость — гнусностью для государства». Так и у Сципиона: «Будучи принужден силою и против воли, я вместе с ним внес залог, внося залог, я возбудил дело, возбудив, на первой же сессии обвинил, обвинение добровольно отклонил».

[3] (5) Антитезы (*antitheta*) по-латыни называются противопоставлениями (*contraposita*). Состоящие из противоположностей, они создают красивые предложения и являются изящнейшими украшениями речи, как у Цицерона: «Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той — наглость; здесь — стыдливость, там — разврат; здесь — верность, там — обман; здесь — доблесть, там — преступление; здесь — непоколебимость, там — неустовство; здесь — честное имя, там — позор; здесь — сдержанность, там — распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, леностью, безрассудством, всяческими пороками; затем, изобилие сражается с нищетою, порядочность — с подлостью, разум — с безумием, наконец, добрые надежды — с полною безнадежностью» (*Cic., Cat., II, 25*). Этого рода состязание и борьбу [слов], этого рода украшение речи использует Екклесиаст, говоря: «Против зла добро, и против смерти жизнь: так против благочестивого грешник. И так смотри на все высочайшие вещи, два и два, одно против одного.» (*Сирах., 33:15*).

[4] (6) Синонимія (*synonymia*) — это когда в связанной речи мы обозначаем разными словами одну и ту же вещь, как, например, говорит Цицерон: «Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать» (*Cic., Cat., I, 8*) и там же: «Я этого не потерплю, не позволю, не допущу» (*Cic., Cat., I, 10*).

[5] (7) Эпанод (*epanodos*), который у нас называется регрессией (*regressia*), — «Высокое положение руководителей было почти одинаковым: не одинаковым, пожалуй, было [высокое положение] тех, кто за ними следовал» (*Cic., Ligar., 19*).

[6] (8) Антаподосис (antapodosis) — это когда [понятия] в середине собираются воедино посредством начальных и конечных, как: «Вам уже надлежит остановить это дело, отцы сенаторы, не мне, и притом прекраснейшей дело; именно, как я сказал, не мне, а вам» (Cic., C. cont. Metelli, frg. 5).

[7] (9) Парадиастола (paradiastole) — это когда мы, [различая,] даем определение или истолкование тому, что говорим: «Так как ты хитрость называешь мудростью, безрассудство — смелостью, скупость — расчетливостью» (Hyperid., Orat. // Rutil. Lup., De fig., 1,4).

[8] (10) Антанакласа [игра слов] (antanaclasis) — это когда одним и тем же словом выражаются противоположные смыслы. [Например,] когда некто жаловался другу, что ожидает (exspectare) своей смерти, то получил в ответ: «Я не опасаюсь (exspectare). а напротив желаю, чтобы ты надеялся (exspectare)».

[9] (11) Антиметабола (antimetabole) — это перестановка слов, при которой из-за изменения порядка [слов], смысл меняется на противоположный: «я живу не затем, чтобы есть, а ем затем, чтобы жить», и оно же: «Если Антоний консул, то Брут враг; если Брут — охранитель государства, то Антоний враг» (Cic., Phil., IV, 8).

[10] (12) Эксоха (exoché): «Кто потребовал их допроса? — Анний. — Кто их предоставил? — Анний» (Cic., Mil., 59).

(13) Здесь мы описываем те фигуры речи, которые стоит знать.

[11] (14) Сентенция (sententia) есть сказанное безлично, как:

...Ведь в наши дни

раболение — друзей, правда ненависть родит (Ter., Andr., 68—69).

[12] Если сюда приложить лицо, то будет хрия (chria), как «Ахилл уязвил Агамемнона правдивою речью» или «Митрофан снискал милость Митридата услужливостью». Ведь между хрией и сентенцией есть та разница, что сентенция произносится без [указания] лица, а хрия никогда не высказывается без лица. Поэтому, если к сентенции прикладывается лицо, будет хрия, если отнимается — будет сентенция.

(15) Видов сентенций множество.

[11.1] Ведь одни — изъявительные (indicativae)³¹⁵,

[11.2] а другие — повествовательные (pronuntiativae), как:

Верить нельзя никому!.. (Verg., Aen., IV, 373)

[11.3] Иные — повелительные (imperativae), как:

Сын мой, ступай, Зефилов зови, и на крыльях слетая..

(Verg., Aen., IV, 223)³¹⁶

[11.4] Иные — выражающие удивление (admirativae):

Неужель небожителей гнев так упорен? (Verg., Aen., I, 11)

[11.5] (16) Иные — сравнительные (comparativae):

Если я одержу победу и погибну, то чем для меня лучше такая победа? (Lucil., IV, frg. ?)

[11.6] Иные — превосходные (superlativae), которые представляются неким движением души и негодованием:

Алчные души людей, проклятая золота жажда!

(Verg., Aen., 111, 57)

[11.7] (17) Иные — вопросительные (interrogativae), <как>:

...Какая нужда, о пришельцы,

Вас погнала в неизведанный путь? Куда вы плывете?

Кто вы? Откуда ваш род? Нам войну или мир принесли вы?

(Verg., Aen. VIII, 112—114)

[11.8] (18) Иные — выражающие ответ (*responsivae*), как «с той стороны...», «с этой стороны...»

[11.9] Иные — просительные (*deprecativae*), как:

Мне избавление дай!.. (*Verg., Aen., VI, 365*)

[11.10] Иные — выражающие обещание (*promissivae*), как:

Страх... оставь: незыблемы судьбы троянцев (*Verg., Aen., I, 257*)

[11.11] Иные — уговаривающие (*concessivae*), которые запрещают посредством [некоторого] побуждения, как:

Иди, следуй в Италию за ветром, ищи царства в волнах!

(*Verg., Aen., IV, 381*)

Ведь здесь невозможно не заметить такое уговаривание, которое является скрытым запрещением, поскольку «ветры», «в волнах»...³¹⁷

[11.12] Иные — указательные (*demonstrativae*), как «вот...».

[11.13] Иные — выражающие пожелание (*optativae*), как:

Если бы сделал меня, воротив минувшие годы, || Вновь Юпитер таким... (*Verg., Aen., VIII, 560*)

[11.14] (19) Иные — порицательные (*derogativae*), как «никоим образом...», «отнюдь...».

[11.15] Иные вводятся восклицаниями:

Какое безумие, о граждане, обратило мир в оружие?

(*Petron., Sat., 68*)

И у Цицерона: «О бессмертные боги! В какой стране мы находимся?» (*Cic., Cat., I, 9*).

[11.16] (20) Иные побудительные (*exhortativae*), когда мы ссылаемся на сентенцию:

Гость мой, решишь и презреть не страшись богатства

(*Verg., Aen., VIII, 346*).

[11.17] (21) Иные разубеждающие (*dehortativae*), когда мы отваживаем от порока и греха.

[11.18] Есть и утвердительные (*affirmativae*) [сентенции], как: «Почему же не...?», «Разумеется...».

[11.19] (22) Поучительные (*praesertivae*), как:

Голый паши, сей голый, — зима поневоле досужна

(*Verg., Georg., I, 299*).

[11.20] (23) Запретительные (*vetativae*), как:

Да не сажай между лоз ореха; верхних побегов

Не обрывай (*Verg., Georg., II, 299*).

[11.21] (24) Отрицательные (*negativae*), как: «Не... », «Меньше всего...»

[11.22] Есть и [сентенции] удивления (*mirativae*), как: «Вот как! Жить не должно, а блудить можно?» (*Hieronum., Epist. ad Rust., 4, 6*).

[11.23] (26) Срадания (*dolentis*):

Горе мне в том, что любовь исцелить не могу я травую!

(*Ovid., Heroid., V, 149*)

[11.24] Плача (*flentis*), <как...>³¹⁸.

[11.25] Сходства (*similitudinis*), как:

...На критских холмах, повествуют, когда-то

Был Лабиринт (*Verg., Aen., V, 588*)³¹⁹.

[11.26] Напоминания (*admonentis*), <как...>.

[11.27] Насмешки (*irridentis*), <как...>.

[11.28] Удвоения, соединения (*gementis*), <как...>.

[11.16] Побудительные (*exhortativae*).

[11.29] Утешительные (*consolativae*), <как...>.

[11.30] Сострадания (*commiserantis*), <как...>.

Из которых [отдельные виды предложений] поскольку являются фигурами, постольку звучат в речи.

[13] (27) Амфидоксы (*amphidoxae*), у которых одна часть [содержит нечто] достойное, а другая — недостойное, как:

...Опасны твои пожеланья:

Многого просишь ты, о Фэтон! (*Ovid., Met., 54—55*)

[14] (28) Есть и другие [фигуры]: прокаталемпсис (*procatalempsis*) — это когда мы предварительно заглаживаем то, что, как нам кажется, произведет неприятное впечатление, как: «Если кто-нибудь из вас, судьи, или из тех, кто присутствует, сильно удивляется...» (*Cic., Div. in Caec., 1*).

[15] Есть и апории (*aporiae*) — так называется сомнение того, кто знает, но притворяется, что не знает.

[16] (29) Койноносой (*koenonosis, communicatio*) же называется просьба совета у судей или оппонентов, как если скажешь: «Я спрашиваю вас, судьи, и вас, оппоненты, что мне подобает сделать, или что вы намереваетесь делать».

[17] (30) Парадокс (*paradoxon*) — это когда мы говорим нечто, представляющееся непостижимым, как Цицерон Флакку: «Какой похвалы заслужил обвинитель, такой опасности подвергся избавитель» (ср.: *Cic., Flacc., 1*).

[18] (31) Эпитропá (*epitrope*), то есть передача на чье-либо усмотрение, когда мы позволяем судьям или оппонентам самим составить мнение о чем-либо, как Кальв [в речи] против Ватиния³²⁰: «Сострой [подходящее] выражение лица и скажи, что ты будешь более достойным претором, чем Катон».

[19] (31) Парресия (*parrhesia*) — это речь, полная свободы и уверенности, как: «Да, я убил, убил — не Спурия Мелия» и т. д. (*Cic., Mil., 72*). Каковая фигура должна использоваться осторожно, как у Цицерона, ведь он не совершал этого дела.

[20] (32) Этопея (*ethropeia*) — это когда мы произносим речь от чужого имени, как Цицерон в речи в защиту Целия вывел Анния [Клавдия] Слепого, разговаривающего с Клодием. (*Cic., Cacl., 34*).

[21] (33) Выявление (*energia*) — это открывание взору совершенных или как бы совершенных поступков, о которых мы уже сказали.

[22] (34) Метатеза (*metathesis*) — это обращение внимания судей на дела прошедшие или будущие, [например] таким образом: «Представьте себе зрелище несчастного завоеванного города, и вы увидите пожары, убийства, грабежи, беззакония над свободными людьми, пленение женщин и избивание стариков». [Обращение внимания] на будущее — это предвосхищение того, что скажут оппоненты, как Туллий [Цицерон] в речи в защиту Милона обращает внимание судей на то состояние государства, которое наступило бы, если бы Клодий выжил, убив Милона (*Cic., Mil., 89—91*).

[23] (35) Усечение (*aprosiopesis*) — это когда мы пресекаем молчанием то, что мы могли бы сказать:

Вот я вас... А теперь пусть улягутся пенные волны.

(*Verg., Aen., 1,135*)

[24] (36) Эпаналепсис (*epanalepsis*)³²¹ — это отступление: «Понесла меня горячность и важность вещей говорить несколько долее, чем я хотел, но я возвращаюсь к сути дела».

[25] (37) Анамнесис (*anamnesis*) — это припоминание такой вещи, которая прежде

была забыта, и которой мы теперь касаемся.

[26] (38) Афáриза (apharisis) — это когда то, что мы прежде как бы вложили в души судей, в подходящее время берем обратно.

[27] (39) Этиология (aetiologia) — это когда мы, предлагаем что-то, и раскрываем его причину и смысл.

[28] (40) Характеризм (characterismus) — выразительное описание чьего-либо образа, как:

Всем с Меркурием схож: лицо и румянец, и голос
Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность
(Verg., Aen., IV, 557—558).

[29] Скопление ([syn]athroismos) — это когда многие смысловые моменты (sensus), кратко изложенные, собираются в одно место и пробегаются в некоторой спешке, как у Цицерона: «Государство, о квириты, ваша жизнь, имущество и достояние, ваши жены и дети и ваша свобода...» и т. д. (Cic., Cat. III, 1).

[30] (41) Ирония (ironia) — это когда посредством притворства умом стремятся не к тому, о чем говорят. Бывает же это, или когда мы хвалим то, что [на самом деле] хотим порицать, или порицаем то, что хотим похвалить. И пример для обоих [случаев] будет, если ты назовешь Катилину ревнителем государства, а Сципиона — врагом государства³²².

[31] (42) Поношение (diasyrmos) — это когда то, что является великим, на словах принижается или нисколько не возвеличивается.

[32] (43) Эфон (efon) — это когда мы достаточно долго остаемся на одном и том же смысловом моменте: «На что, наконец, он поспешил? Какой дружбе верность он сохранил? Какому благу он не был врагом? Когда он или не обвинял кого-нибудь, или не оскорблял, или не предавал?»

[33] (44) Эпангелия (epangelia) — это объявление, при помощи которого мы заостряем внимание судьи, обещая, что мы будем много или мало говорить о чем-либо.

[34] (45) Олицетворение (prosopopeia) — это когда неодушевленное представляется [наделенным] личностью (persona) и речью. [На пример,] у Цицерона: «В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут...» и так далее (Cic., Cat., I, 27).

[35] (46) Парáтеза (parathesis) — это когда мы как бы откладываем какую-нибудь незавершенную [мысль] в память судей, говоря, что мы вернемся [к ней], когда представится подходящий случай.

[36] (47) Певсис (peusis), то есть беседа с самим собою (soliloquium), когда мы сами отвечаем на свои вопросы³²³.

[37] (48) Синэресис (synaeresis) — это когда мы сокращаем нечто, стремясь, чтобы что-то нам все же позволили сказать.>³²⁴

Глава XXII. О диалектике

Диалектика — это наука, изобретенная для рассуждения о причинах (сущи, *causae*) вещей. Она сама является [тою] разновидностью философии, которая называется логикою и которая способна умозрительно определять, вопрошать и рассуждать. Ведь она в разного рода изысканиях учит, каким образом истина отличается от лжи³²⁵. (2) Ее рассматривали в своих изречениях некоторые первые философы, не доводя, однако, до [состояния] искусства³²⁶. Затем Аристотель некоторые положения (*argumenta*) их учений упорядочил в правила и назвал [это] диалектикою, потому что в них исследовались высказывания (*dicta*). Ведь *λεκτόν* [по-гречески] — это высказывание (*dictio*). Диалектика же потому следует после науки риторики, что они во многом обе появляются совместно³²⁷.

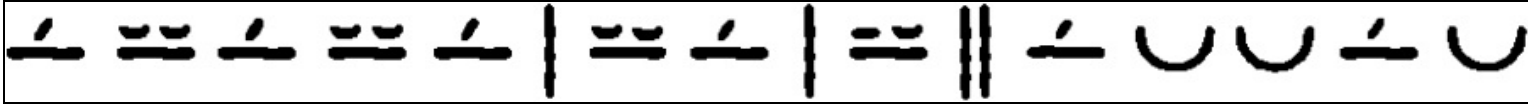
Глава XXIII. О разнице между искусствами диалектики и риторики

Варрон в девяти книгах «Наук»³²⁸ привел такое уподобление для диалектики и риторики: «Диалектика и риторика — это как сжатый кулак и раскрытая ладонь человеческой руки: первая речи сокращает, вторая — распространяет». (2) Диалектика — для тех, кто рассуждает о вещах более прямо, а риторика — для тех, кто стремится излагать более красноречиво. Первая иногда приходит в школы, вторая постоянно обитает на форуме. Первая требуется редким ученым, вторая — часто и народам. (3) Философы же решили, прежде чем переходить к изложению «Исагоги», указать на определение философии, поскольку легче показать то, что относится к ней, [к философии]³²⁹.

Глава XXIV. Об определении философии

Философия³³⁰ есть постижение дел человеческих и божеских, связанное со стремлением жить хорошо³³¹. Кажется, что она состоит из двух вещей: знания и мнения³³². (2) Знание (*scientia*) — это когда некоторые вещи точно схватываются разумом (*ratio*); мнение (*opinatio*) же — когда нечеткая вещь все еще скрыта и не кажется разуму надежной, как, например, является ли Солнце таким, каким оно видится, или оно больше, чем вся Земля; также Луна является шарообразною или вогнутою; также светила прикреплены ли к небу или перемещаются свободным течением в воздухе; само небо какой величины, из какого вещества состоит: покойно ли оно и недвижимо или вращается с невероятною быстротою; какова толщина земли, или посредством каких оснований она остается на весу и уравновешенною.

(3) Само же это название на латынь переводится как «любовь к мудрости» (*amor sapientiae*)³³³. Ведь греки называют любовь *φιλος*, а мудрость —

. Видов философии три: одна — естественная (*philosophia naturalis*), которая у греков называется «физика» и в которой говорится об исследовании природы, другая — нравственная (*philosophia moralis*), которую греки зовут этикою и которая занимается нравами, третья — умозрительная (*philosophia rationalis*), которая у греков называется словом «логика» и в которой рассуждают, каким образом в причинах вещей или в жизненных нравах обнаруживается сама истина. (4) В физике, следовательно, обретается изыскание причин [бытия], в этике — порядок жития, в логике — способ (*ratio*) умопостижения³³⁴.

Первым исследователем физики (*physica*) у греков был Фалес Милетский, один из их³³⁵ семерых мудрецов. Ведь он прежде всех, задумавшись, обратил внимание на причины (*causae*) неба и суть (*vis*) естественных вещей, каковыя потом Платон разделил на четыре определенные части, то есть арифметику, геометрию, музыку и астрономию³³⁶.

(5) Этику (*ethica*) первым установил Сократ для исправления и сопоставления нравов (*mores*), а также в беседах сводил всякое свое стремление к [стремлению] жить хорошо, разделив этику на четыре добродетели души, то есть на благоразумие, справедливость, мужество и умеренность³³⁷. (6) Благоразумие (*prudentia*) бывает тогда, когда благое отличают от злого. Мужество (*fortitudo*) — это противоположность невозмутимому терпению. Умеренность (*temperantia*) — это когда обуздывается похоть и воздержание к вещам. Справедливость (*iustitia*) — это когда посредством правильного суждения каждому воздают свое.

(7) Логику (*logica*), которую называют умозрительною [философиею], добавил Платон. В ней он, обсудив причины вещей и нравов, исследовал их суть умозрительным образом, разделив эту науку на диалектику и риторику. Названа же она логикою, то есть умозрительною. Ведь *λόγος*; у греков обозначает и речь, и разум (*ratio*).

(8) Конечно, из этих трех родов философии состоят также божественные речения. Ведь они обыкновенно касаются или природы, как в книге Бытия и в книге Екклесиаста, или нравов, как в книге Притчей Соломоновых и, разбросанно, во всех книгах, или логики, вместо которой которой наши претендуют на теологию (*theologica*)³³⁸, как в «Песне песней» или в Евангелиях³³⁹.

(9) Далее, некоторые из ученых людей так определяют название и части философии: философия есть правдоподобное знание вещей божеских и человеческих, насколько это возможно для человека³⁴⁰. И еще: философия есть искусство искусств и наука наук³⁴¹. И снова: философия есть размышление о смерти³⁴², что больше всего подходит христианам, которые, попирая мирское тщеславие, живут подобием будущего отечества, при помощи знания, которому можно научиться.

Философия делится на две части: во-первых, теоретическую и, во-вторых, практическую³⁴³. (10) Другие определяют, что умозрительная философия состоит из двух частей, из которых первая — теоретическая, а вторая — практическая. Теоретическая разделяется трояко, то есть, во-первых, на естественную, во-вторых, на научную и, в-третьих, на божественную³⁴⁴. Научная подразделяется на четыре части, то есть, во-первых, на арифметику, во-вторых, музыку, в-третьих, геометрию, в-четвертых, астрономию. (11) Практическая разделяется на три части, то есть, во-первых, на нравственную, во-вторых, хозяйственную, в-третьих, гражданскую.

Философия называется теоретической (*inspectiva*), поскольку, превзойдя видимое, мы рассматриваем нечто божественное или небесное и в таком состоянии ума всего лишь присматриваемся, так как [при этом] преодолевается телесный взгляд.

(12) Естественной (*натурфилософией*) (*naturalis*) называется [такая философия], в которой обсуждается природа любой вещи, поскольку в жизни [само] ничего не рождается, но все предназначается для своей пользы, как она была определена Творцом, если только не оказывается, что нечто силою и волею Бога возникает как чудо.

(13) Божественной (*divinalis, divina*) [философия] называется, когда мы при помощи глубочайших качеств рассуждаем в некотором смысле о невыразимой природе Бога или духовных творениях.

(14) Научной (*doctrinalis*) [философией] называется знание, которое рассматривает отвлеченное количество. Ведь отвлеченным (*abstracta*) называется такое количество, которое мы посредством ума отделяем от материи или от другого приходящего, таких как четное и нечетное, или от тому подобного, и затем имеем в одном только рассуждении. У нее четыре вида: арифметика, геометрия, музыка и астрономия. (15) Арифметика — это наука о числовых количествах самих по себе. Геометрия (*geometrica*) — это наука о неподвижных величинах и формах. Музыка — это наука, которая говорит о таких числах, которые существуют для чего-нибудь, о таких, которые открываются в звуках. Астрономия — это наука, которая рассматривает все виды движения неба и фигуры созвездий и касается исследующим разумом обращения (*habitudo*) светил вокруг себя и вокруг земли³⁴⁵.

(16) Далее, практической (*actualis, activa*) называется [философия], которая объясняет рассматриваемые вещи посредством действий. У нее три части — нравственная, хозяйственная и гражданская. Нравственной (*moralis*) называется та, посредством которой нравы стремятся к честной жизни и обычаи приготавливаются и направляются к мужеству. Хозяйственной (*dispensativa*) называется такая, когда мы мудро приводим в порядок вещи, касающиеся домашнего хозяйства. Гражданской (*civilis*) называется такая, которая служит пользе целого государства³⁴⁶.

После определений философии, в которых все содержалось в общем виде, теперь изложим «Исагогу» Порфирия³⁴⁷. Ведь греческое εἰσαγωγή по-латыни называется введением (introductio) для тех, конечно, которые принимаются за философию. Она содержит для начинающих умов объяснение всякой вещи, что́ она есть (de qualibet re quid sit)³⁴⁸; сама же «Исагога» выражается в четких и существенных определениях. (2) Ведь положив первый род, затем виды и прочее тому подобное, мы подчиняем [виды родам]³⁴⁹, а также, различив общее, разделяем, вводя отличительные признаки до тех пор, пока, четко обозначив [вещь], не дойдем до ее собственного признака, который искали; как, например, «человек есть животное (animal), разумное, живущее на суше, двуногое, способное смеяться»³⁵⁰. (3) Ведь для «человека» «животное» — род, но поскольку это будет слишком широко, добавляется вид — «живущее на суше», этим уже исключается то, что летает или плавает. Такой отличительный признак как «двуногое» вводится из-за [прочих] животных, которые ходят на многих ногах. Затем «разумное» — из-за тех, у кого отсутствует разум³⁵¹. «Смертное» же — из-за того, кто является³⁵²: «angelus est» вместо «angelus non est») ангелом. (4) Затем, различив и отделив, мы прибавляем в последнюю очередь собственный признак <"способное смеяться">, ведь только один человек способен смеяться. Таково совершенное во всех отношениях определение, даваемое человеку.

В этой науке Аристотель и Туллий [Цицерон] сочли, что полное определение (definitio) состоит из рода и отличительных признаков³⁵³. (5) Затем некоторые, более обстоятельные³⁵⁴, в этом учении разделили совершенное сущностное определение³⁵⁵ на пять частей, как бы на пять его членов. То есть, во-первых, на род (genus), во-вторых, вид (species), в-третьих, отличительный признак (differentia), в-четвертых, собственный признак (proprium), в-пятых, привходящий признак (accidens).

[1] (6) Род — это, например, «животное» (animal). Ведь это слово содержит в наиболее общем и обыкновенном смысле [понятие] «жизнь» (anima).

[2] Вид — это, например, «человек». Это ведь особенность (specialitas), которая отличает его от прочих одушевленных существ.

[3] Отличительный признак — это, например, «разумное» (rationale), «смертное». Ведь они оба отличают человека от прочих. (7) Ведь когда говорят «разумное», то отличают его от прочих неразумных безгласных [существ], не имеющих разума (ratio). Когда <говорят> «смертное», то отличают от ангелов, которые не знают смерти.

[4] Собственный признак — это, например, «способное смеяться». Ведь тот, кто смеется, — это человек и никакое другое животное кроме человека.

[5] Привходящий признак — это, например, тепло в теле или учение (doctrina) в душе. (8) Они ведь с течением времени и приходят, и уходят, и изменяются.

И полная по смыслу речь состоит из всех этих пяти частей, например, так: «Человек есть животное разумное, смертное, способное лучше или хуже смеяться». Также и во всякой сущностной речи мы до тех пор должны вводить виды и отличительные признаки, пока не отделим все, которые могут быть теми или иными, и не придем к тому, что уже четко присуще как [неотделимая] собственность. (9) «Исагогу» же с греческого перевел оратор Викторин³⁵⁶, а Бозций³⁵⁷ прокомментировал в пяти книгах.

Глава XXVI. О «Категориях» Аристотеля

Затем следуют категории Аристотеля³⁵⁸, которые по-латыни называются родами сказывания (*praedicamenta*). В них (через различные значения) заключена любая речь. (2) Орудий (*instrumenta*) у категорий три, то есть, во-первых, одноименные, во-вторых, соименные, в-третьих, отыменные.

Одноименные (омонимы, *aequivoca*) — это когда у многих вещей есть одно имя, но разные определения, как, например, «лев». Ведь, что касается самого имени, то «львом» называется и настоящий лев, и лев нарисованный, и созвездие Льва; что касается определения, то настоящий лев — это одно, нарисованный — другое, созвездие — третье.

(3) Соименные (общие, *inivoca*) — это когда у двух или более вещей одно имя и определение, как, например, «одежда». Ведь и капюшон, и туника могут воспринять и имя одежды, и ее определение. Следовательно, это соименное мыслится существующим в родах, поскольку свою форму дает и имя, и определение.

(4) Отыменные (*denominativa*), то есть производные, поскольку они получают наименование от чего-то в соответствии с [его] именем, отличаясь только окончанием³⁵⁹, как от «доброты» «доброе», от «зла» «злое».

(5) Видов категорий (*categoriae*) десять, то есть сущность, количество, качество, отношение, положение, место, время, обладание, действие и претерпевание³⁶⁰.

[1] (6) Сущность (*substantia*), называемая [так] в собственном и первоначальном смысле, — это та, которая не сказывается о подлежащем (*subiectus*) и не находится в подлежащем, как, например, некоторый человек или некоторая лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как видам принадлежат и в которых заключаются сущности, называемые так в первом смысле, как, например, «человек Цицерон»³⁶¹.

[2] (7) Количество (*quantitas*) есть мера, посредством которой нечто может быть указано как большее или меньшее, как, например, «длинный», «короткий»³⁶².

[3] Качество (*qualitas*) это то, что [отвечает на вопрос] «какое это?» (*quails sit*)³⁶³, как, например, «оратор» или «сельский житель», «черное» или «белое».

[4] Отношение (*relatio*) — это то, что соотносится с другим. Ведь когда мы говорим «сын», мы подразумеваем и отца. Эти соотносенные [имена] возникают одновременно. Ибо раб и господин получают начала [своих] имен в одно время, а не так, чтобы когда-то нашелся господин раньше раба или раб раньше господина³⁶⁴. Ведь одно не может существовать раньше другого.

[5] (8) Место (*locus*) — это то, что [отвечает на вопрос] «где это?» (*ubi sit*), как, например, «на площади», «на улице»³⁶⁵. Движение в отношении места (*motus loci*)³⁶⁶ имеет шесть видов: направо и налево, вперед и назад, вверх и вниз.

[6—7] Также эти шесть видов [движения] имеют и две [другие категории] <то есть, положение и время. Положение (*situs*), как, например> «далеко», «близко»; время (*tempus*), как, например, «вчера», «сегодня»³⁶⁷. Далее, положение названо от расположения (*positio*), как «стоит», «сидит», «лежит»³⁶⁸.

[8] (9) Обладание (*habitus*) называется так от обладания (*habendum*) чем-то, как, например, «обладать знанием в уме», «обладать добродетелью души», «обладать одеянием на теле» и так далее. Как установили ученые люди, их обнаруживается несколько значений, смотря по способам, каким можно чем-то обладать³⁶⁹.

[9—10] (10) Наконец, действие (*agere*) и претерпевание (*pati*) получил и обозначения от действующего и претерпевающего. Ведь слова «я пишу» — это действие, поскольку обозначают действующую вещь (лицо). [Слова] «меня пишут» — это претерпевающее, поскольку они указывают на то, над чем производится действие³⁷⁰.

В этих девяти родах [оказывания] (когда, например, некоторые из них используются) или в роде самой сущности, которая есть οὐκὶσία, обнаруживается неисчислимое множество вещей. Ибо даже когда мы что-нибудь имеем в уме, мы делаем его доступным для другого посредством речи, [состоящей] из этих десяти родов оказываний. (11) Полное предложение, [состоящее] из них, например, таково: «Августин, великий оратор, сын такого-то, стоит в храме, сегодня, увенчанный священной повязкою, утомленный спором». Οὐκὶσία же есть сущность, то есть собственный признак (*proprium*)³⁷¹, к которой относится все прочее; остальные девять — привходящие признаки (*accidentia*). Названа же она сущностью (*substantia*) потому, что всякая вещь существует сама по себе самостоятельно (*subsistit*)³⁷². Ведь тело существует самостоятельно, поэтому является сущностью. (12) Те же привходящими, которые существуют в субсистенции и подлежащем, не являются сущностями, поскольку не существуют сами по себе, но изменяются, как, например, тепло или форма. (13) [Все, что говорится, сказывается] о подлежащем и в подлежащем, — как бы о себе и в себе. Ведь там, где сказывается о подлежащем, — это сущность³⁷³. Там же, где сказывается в подлежащем, — это привходящие признаки, то есть такие, которые появляются и исчезают (*accidunt*) у сущности, как, например, количество, качество или фигура. О подлежащем, следовательно, [сказываются] роды и виды, в подлежащем [находятся] привходящие признаки. Из этих девяти привходящих три находятся внутри οὐκὶσία: количество, качество и положение. Снаружи οὐκὶσία находятся место, время и обладание. Внутри и снаружи οὐκὶσία находятся отношение, действие и претерпевание. (14) [Все] же состоит из названных категорий, поскольку не может не познаваться через подлежащие. Ведь кто может представить себе, что есть человек, если не представит прямо перед своими глазами как бы подлежащее для этого имени?

(15) Этот труд Аристотеля следует понять, поскольку, как сказано, все, что бы ни произносил человек, имеется в этих десяти родах оказывания. Также подобает преуспеть в изучении этих книг тем, кто занимается риторикою или диалектикою³⁷⁴.

Затем следует книга «Об истолковании»³⁷⁵, чрезвычайно утонченная и хитрая из-за различных выражений и повторений. По этому поводу говорят: «Аристотель, когда писал “Об истолковании”, макал перо в ум (mens)».

(2) Введение к [книге] «Об истолковании»³⁷⁶. Очевидно, что каждая вещь, которая единична и единственным образом обозначается в произношении (*sermo*), обозначается или посредством имени, или посредством глагола. И эти две части речи истолковывают (*interpretari*) все, что ум замышляет сказать. Ведь всякая речь — это посредник для замысла (*conceptio*) вещи в уме. (3) Вот это Аристотель, муж опытнейший в делах изложения и построения речи, именовал «Περὶ ἑρμηνείας»³⁷⁷, а мы называем истолкованием (*interpretation* а именно: вещи, которые замыслил ум, истолковываются посредством катафазы (*cataphasis*) или апофазы (*apophasis*), то есть утверждения или отрицания. Посредством утверждения, как, например, «человек бежит», посредством отрицания — «человек не бежит»³⁷⁸.

(4) В этой же [книге] «Об истолковании», помимо сказанного, Философ повествует о семи видах, то есть об имени, о глаголе, о речи, о высказывании, об утверждении, об отрицании, о противоречии.

(5) Имя (*nomēn*) есть звуко сочетание (*vox*) с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает, как, например, «Сократ»³⁷⁹.

Глагол (*verbum*) есть [звуко сочетание], которое обозначает время; часть его в отдельности ничего не обозначает. Но он всегда есть знак³⁸⁰ того, что говорится о другом, как, например, «мыслит», «беседует»³⁸¹.

Речь (*oratio*) есть смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают, как, например, «Сократ разговаривает»³⁸².

Высказывающая речь (*enuntiativa oratio*) есть звуко сочетание, обозначающее то, что нечто есть или не есть, как, например, «Сократ есть», «Сократа не есть»³⁸³.

(6) Утверждение (*affirmatio*) есть высказывание чего-то о чем-то, как, например, «Сократ есть». Отрицание (*negatio*) есть высказывание, [отнимающее] чего-то от чего-то, как, например, «Сократа не есть»³⁸⁴.

Противоречие (*contradictio*) есть противоположение (*oppositio*) утверждения и отрицания, как, например, «Сократ разговаривает», «Сократ не разговаривает»³⁸⁵.

(7) <Обо всем этом, детальнейшим образом разделенном и подразделенном, повествуется в [книге] «Об истолковании». Достаточно будет кратко сообщить об определениях этих вещей, тогда как компетентное объяснение можно найти в самой [книге]³⁸⁶. Польза> [книги] «Об истолковании» — в том, что из этих истолкований появляются силлогизмы. Отсюда же начинается изучение и «Аналитик»³⁸⁷.

Затем следуют диалектические силлогизмы, в которых обнаруживается вся польза и все достоинства этого искусства [диалектики]. Их выводы помогают многим читателям в разыскании истины таким образом, чтобы не возникло ошибки и обмана <в противоположном> из-за лжи софистических выводов³⁸⁸.

(2) Фигур (formulae) [простых] категорических, то есть предикативных силлогизмов (syllogismi categorici, sive praedicamentivi) три³⁸⁹.

[1] (3) Модусов (modi) I фигуры девять³⁹⁰.

[1.1] Первый модус [Barbara] — тот, который сводит, то есть соединяет, общеутвердительные высказывания к общеутвердительному высказыванию (dedicativum universale)³⁹¹ напрямую, как, например:³⁹²

Все справедливое честно,

Все честное хорошо.

----- (следовательно)

Все справедливое хорошо.

[1.2] (4) Второй модус³⁹³ [Celarent] — тот, который сводит общеутвердительные и общеотрицательные высказывания (abdicativum universale) к общеотрицательному высказыванию напрямую, как, например:

Все справедливое честно,

Ничто честное не постыдно,

----- (следовательно)

Ничто справедливое не постыдно.

[1.3] (5) Третий модус³⁹⁴ [Darii] — тот, который сводит частно- и общеутвердительные высказывания к частноутвердительному высказыванию (dedicativum particulare) напрямую, как, например:

Некоторое справедливое честно,

Все честное полезно,

----- (следовательно)

Некоторое справедливое полезно.

[1.4] (6) Четвертый модус³⁹⁵ [Ferio] — тот, который сводит частноутвердительное и общеотрицательное высказывания к частноотрицательному высказыванию (abdicativum particulare) напрямую, как, например:

Некоторое справедливое честно,

Ничто честное не постыдно,

----- (следовательно)

Некоторое справедливое не постыдно.

[4.1] (7) Пятый модус³⁹⁶ [Baralip/Barbari] — тот, который сводит общеутвердительные высказывания к частноутвердительному косвенно (per reflexionem), как, например:

Все справедливое честно,

Все честное хорошо.

----- (следовательно)

Некоторое справедливое хорошо.

[4.2] (8) Шестой модус [Celantes/Camenes] — тот, который сводит общеутвердительное и общеотрицательное высказывание к общеотрицательному

косвенно, как, например:

Все справедливое честно,

Ничто честное не постыдно,

-----*(следовательно)*

Ничто постыдное не справедливо.

[4.3] (9) Седьмой модус [Dabitis/Dimaris] — тот, который сводит частно- и общеутвердительное высказывания к частноутвердительному косвенно, как, например:

Некоторое справедливое честно,

Все честное полезно,

-----*(следовательно)*

Некоторое полезное справедливо.

[4.4] (10) Восьмой модус [Fapesmo/Fesapo] — тот, который сводит общеотрицательное и общеутвердительное высказывания к частноотрицательному косвенно, как, например:

Ничто постыдное не честно,

Все честное справедливо,

-----*(следовательно)*

Некоторое постыдное не справедливо³⁹⁷.

[4.5] (11) Девятый модус [Friseson/Fresison] — тот, который сводит общеотрицательное и частноутвердительное высказывания к частноотрицательному косвенно, как, например:

Ничто постыдное не честно,

Некоторое честное справедливо,

-----*(следовательно)*

Некоторое справедливое не постыдно.

[2] (12) Модусов II фигуры четыре³⁹⁸:

[2.1] Первый модус³⁹⁹ [Cesare] — тот, который сводит общеутвердительное и общеотрицательное высказывания к общеотрицательному напрямую, как, например:

Все справедливое честно,

Ничто постыдное не честно,

-----*(следовательно)*

Ничто постыдное не справедливо⁴⁰⁰.

[2.2] (13) Второй модус⁴⁰¹ [Camestres] — тот, который сводит общеотрицательное и общеутвердительное к общеотрицательному напрямую, как, например:

Ничто постыдное не честно,

Все справедливое честно,

-----*(следовательно)*

Ничто постыдное не справедливо.

[2.3] (14) Третий модус⁴⁰² [Festino] — тот, который сводит частноутвердительное и общеотрицательное высказывания к частноотрицательному напрямую, как, например:

Некоторое справедливое честно,

Ничто постыдное не честно,

-----*(следовательно)*

Некоторое справедливое не постыдно.

[2.4] (15) Четвертый модус⁴⁰³ [Baroco] — тот, который сводит частноотрицательное и общеутвердительное высказывания к частноотрицательному

напрямую, как, например:

Некоторое справедливое не постыдно,

Все злое постыдно,

-----*(следовательно)*

Некоторое справедливое не зло.

[3] (16) Модусов III фигуры шесть⁴⁰⁴:

[3.1] Первый модус⁴⁰⁵ [Darapti/Bramantip] — тот, который сводит общеутвердительные высказывания к частноутвердительному как напрямую, так и косвенно, например:

Все справедливое честно

Все честное справедливо,

Все справедливое хорошо, [Все справедливое хорошо,]

-----*(следовательно)*

Некоторое хорошее честно.

[3.2] (17) Второй модус⁴⁰⁶ [Datisi] — тот, который сводит частно- и общеутвердительные высказывания к частноутвердительному напрямую, как, например:

Некоторое справедливое честно,

Все справедливое хорошо,

-----*(следовательно)*

Некоторое честное хорошо.

[3.3] (18) Третий модус⁴⁰⁷ [Disamis] — <тот, который сводит> обще- и частноутвердительные высказывания к частноутвердительному напрямую, как, например:

Все справедливое честно,

Некоторое справедливое хорошо,

-----*(следовательно)*

Некоторое честное хорошо.

[3.4] (19) Четвертый модус⁴⁰⁸ [Felapton] — тот, который сводит общеутвердительное и <частно>отрицательное высказывания к частноотрицательному напрямую, как, например:

Все справедливое честно,

Ничто справедливое не зло,

-----*(следовательно)*

Некоторое честное не зло.

[3.5] (20) Пятый модус⁴⁰⁹ [Ferison] — тот, который сводит частноутвердительное и общеотрицательное высказывания к частноотрицательному напрямую, как, например:

Нечто справедливое честно,

Ничто справедливое не зло,

-----*(следовательно)*

Некоторое честное не зло.

[3.6] (21) Шестой модус⁴¹⁰ [Bocardo] — тот, который сводит общеутвердительное и частноотрицательное высказывания к частноотрицательному напрямую, как, например:

Все справедливое честно,

Некоторое справедливое не зло,

-----*(следовательно)*

Некоторое честное не зло.

(22) Кто захочет узнать больше про все эти фигуры категорических силлогизмов,

пусть прочтет книгу, которая называется «Об истолковании» Апулея⁴¹¹, и узнает оттуда [об этих фигурах, где они] изложены детальнейшим образом⁴¹². Ведь [они], разобранные и понятые, выводят, с Божиею помощью, читателя на великие пути понимания (*intellegentia*).

Мы же теперь перейдем, следующим порядком, к гипотетическим силлогизмам (*syllogismi hypothetici*)⁴¹³. (23) Модусов гипотетических силлогизмов, приводящих к каким-нибудь заключениям, семь:

Первый модус [*Modus ponens*] — это, [например]:

Если день, то светло,

Но [сейчас] день

----- (следовательно)

[Сейчас] светло.

Второй модус [*Modus tollens*] — это, [например]:

Если [сейчас] день, то светло,

Но [сейчас] не светло

----- (следовательно)

[Сейчас] не день.

Третий модус [*Modus copulativus*]⁴¹⁴ — это, [например,] такое:

[Одновременно всегда] и не день, и не светло,

Но [сейчас] день

----- (следовательно)

[Сейчас] светло.

(24) Четвертый модус [*Modus ponendo tollens*] — это, [например,] такое:

[Одновременно бывает] или день, или ночь⁴¹⁵,

Но [сейчас] день

----- (следовательно)

[Сейчас] не ночь.

Пятый модус [*Modus tollendo ponens*] — это, [например,] такое:

[Одновременно бывает] или день, или ночь,

Но [сейчас] не ночь

----- (следовательно)

[Сейчас] день.

Шестой модус [*Modus copulativus*] — это, [например,] такое:

[Одновременно всегда] и не день, и не светло⁴¹⁶,

Но [сейчас] день

----- (следовательно)

[Сейчас] не ночь.

(25) Седьмой модус⁴¹⁷ — это, [например,] такое:

[Одновременно всегда] и не день, и ночь,

Но [сейчас] не ночь

----- (следовательно)

[Сейчас] день.

Если же кто захочет узнать о модусах гипотетических силлогизмов полнее, то пусть прочтет книгу Мария Викторина, озаглавленную «О гипотетических силлогизмах».

(26) Затем давайте приступим к видам диалектических определений, которые настолько выделяются своими достоинствами, чтобы можно было строить ясные

доказательства и находить различные свидетельства сказанного.

Глава XXIX. О классификации определений (сокращение из книги Мария Викторина)

Философам свойственно делать определения (*definitio*)⁴¹⁸, которые применительно к описываемым вещам объясняют, что есть сама вещь, какова она есть и каким образом она должна состоять из своих частей. Ведь [определение] есть краткая речь, содержащая природу каждой вещи, выделенную из общего [рода] и заключенную в собственное обозначение. Классификация (*divisio*) определений содержит пятнадцать [составных] частей.

[1] (2) Первый вид определений есть οὐδὲν ἄλλο ἢ, то есть сущностное (*substantialis*)⁴¹⁹, которое в собственном и истинном смысле называется определением, как, например: «Человек есть животное разумное, смертное, способное к ощущению и к наукам». Ведь это определение по виду и отличительным признакам по нисходящей приводит к сути (*proprium*) и наиболее полным образом обозначает, что есть человек.

[2] (3) Второй вид определений есть тот, что греки называют ἐννοητικὴν, а по-латыни именуется представлением ⁴²⁰ (*notio*), поскольку представление мы можем назвать общеупотребительным, а не собственным именем. Оно всегда делается таким образом, например: «Человек есть тот, кто разумным замыслом и его исполнением превосходит всех животных». Ведь оно не говорит, что есть человек, но что он делает, [и является] как бы неким знаком, вызывающим представление.

[3] (4) Третий вид определения, который греки называют ποιότης, по-латыни зовется качественным (*qualitativa*), ибо получает свое имя от качества, потому что очевидным образом указывает, каково есть то, что есть. Его пример таков: «Человек есть тот, кто силен талантом, владеет искусствами и пониманием вещей и либо выбирает то, что следует делать, либо, внимательно изучив, пренебрегает тем, что не полезно. Ведь эти качества выражают и определяют человека.

[4] (5) Четвертый вид определения есть тот, который греки именуют ὑπογραφικὴν, а по-латыни Туллем [Цицероном] назван описанием (*descriptio*), которое, когда приложено обозрение сказанного и сделанного, описательно показывает данную вещь. Спрашивается ведь, [например,] кто есть жадный, кто есть жестокий, кто есть роскошествующий, и описывается природа роскоши, жадности, жестокости. Так, если мы захотим определить роскошествующего, то скажем: «Роскошествующий есть стремящийся жить не необходимым, но дорогим и тяжелым, утопающий в удовольствиях, скорый на разврат». Этот вид определений больше подходит ораторам, чем [филоофам-]диалектикам, ибо он пространен, так как с благими вещами делает сравнение и с дурными.

[5] (6) Пятый вид определения есть тот, который мы по-гречески называем κατὰ ἄλλο ἢ, а по-латыни — «наречием» ⁴²¹ (*adverbium*). Мы так зовем то, что обозначает вещь, о которой спрашивают, другим выражением, одним единственным, и выражает некоторым образом в одном слове то, что эта вещь есть, неким одним выражением описывает, как, например: «Заткнуться — это молчать» (*conticescere est tacege*), а также когда называем «предел» (*terminus*) «концом» (*finis*), или «быть разоренным» (*populatus esse*) понимаем как «быть опустошенным» (*vastatus*).

[6] (7) Шестой вид определения есть тот, который греки называют κατὰ διαφοράν, а мы — «черезразличение»⁴²² (*per differentiam*). Те, кто пишет о [свободных] искусствах, называют [его определением через различение] «от себя» и «от другого», как, например,

если спрашивается, в чем разница между царем и тираном, то делается различие, определяющее обоих, то есть «царь благоразумен и воздержан, а тиран нечестив и жесток».

[7] (8) Седьмой вид определения есть тот, который греки называют $\alpha\epsilon\iota\sigma\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\omicron\upsilon$, а латиняне — «через перенесение⁴²³ (per translationem), как, например, у Цицерона в «Топике»: «берег — это то, на что плещет волна» (Cic., Top., 32). Его можно делать многими способами: или чтобы побудить, или чтобы обозначить, или чтобы осудить, или чтобы похвалить. [Например,] чтобы побудить: «Знатность есть ноша большой добродетели для потомков»; чтобы обозначить: «Хохолок есть самая верхняя часть тела»; чтобы похвалить: «Юность есть цвет жизни»; чтобы осудить: «Богатства есть большие средства для короткой жизни».

[8] (9) Восьмой вид определения есть тот, который греки называют $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\alpha\epsilon\iota\sigma\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\omicron\upsilon$, а латиняне — «через отрицание противоположного тому что определяется» (per privantiam contrarii eius, quod definitur), [например]: «Добро есть не зло. Справедливое есть не то, что несправедливо» и т. п. Использовать же этот род определения мы должны, когда обращаем внимание на противоположное, как, например: «Если добро — это то, что проявляется с честью, то зло — это то, что не таково».

[9] (10) Девятый вид определения есть тот, что греки зовут $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\tau\acute{\omicron}\tau\omega\sigma\iota\upsilon$, а латиняне — «через некоторое изображение» (per quandam imaginationem) как, например: «Эней — сын Венеры и Анхиза». Оно всегда касается индивидов (individua), которые греки именуют $\alpha\epsilon\iota\sigma\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\omicron\upsilon$; тома.

[10] (11) Десятый вид определения — тот, который греки называют $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\alpha\epsilon\iota\sigma\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\omicron\upsilon$, а латиняне — «близким по смыслу» (iuxta ratio), как, например, если на вопрос «что есть животное», отвечают: «как человек». Ведь [этот вид] указывает заранее известный пример для той вещи, о которой спросили. Ведь это свойственно определению — указывать, что есть то, о чем спрашивается.

[11] (12) Одиннадцатый вид определения есть тот, который греки называют $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\iota\pi\acute{\epsilon}\varsigma$ $\acute{\omicron}\lambda\omicron\kappa\lambda\acute{\eta}\rho\omicron\upsilon$ $\acute{\omicron}\mu\omicron\iota\omicron\upsilon$ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$, а латиняне — «через недостающее до полного в этом роде» (per indigentiam pleni ex eodem genere), как, например, если спрашивают, что такое треть [асса], и отвечают: «Это то, чему не хватает беса (двух третей) до асса».

[12] (13) Двенадцатый вид определения есть тот, который по-гречески [называется] $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\epsilon\lambda\lambda\epsilon\iota\pi\acute{\epsilon}\varsigma$ $\pi\alpha\iota\upsilon\omicron\upsilon$, то есть «через одобрение» (per laudem), как Туллий в речи в защиту Клуенция: «Закон — это разум, душа, мудрость и смысл государства» (Cic., Cluent., 146), и еще: «Мир — это спокойная свобода» (Cic., Phil., II, 113). Бывает [определение этого вида] и через осуждение, которое греки называют $\psi\acute{\omicron}\gamma\omicron\varsigma$, как, например: «Рабство — худшее из всех зол, от которого мы должны отбиваться не только войною, но и ценою жизни» (ibid.).

[13] (14) Тринадцатый вид определения есть тот, который греки именуют $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\tau\omicron$ $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ $\tau\iota$ ⁴²⁴, а латиняне — «[по отношению] к чему-то» (ad aliquid), как, например, следующее: «Отец — это тот, у кого есть сын», «Господин — это тот, у кого есть раб».

[14] (15) Четырнадцатый вид определения есть $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon\upsilon\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\omicron}$ $\rho\omicron\upsilon$ ⁴²⁵, как, например, Цицерон в «Ораторях»: «Род есть то, что охватывает множество частей», и еще «Часть — это то, что подлежит (subest) роду».

[15] (16) Пятнадцатый вид определения есть тот, который греки именуют $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\alpha\epsilon\iota\sigma\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\omicron\upsilon$, а латиняне — «согласно причине вещи» (secundum rei rationem), как «День есть солнце над землею, ночь есть солнце под землею».

Мы же должны знать вышеназванные виды определений, заслуженно сочетающиеся с

топиною, поскольку они делаются вместе с различными доводами и упоминаются в некоторых местах «Топики» [Аристотеля]. Теперь мы переходим к топике, которая есть обитель доводов, источник смыслов и начало речений.

Топика (*topica*)⁴²⁶ есть наука изобретения доводов (*argumenta*)⁴²⁷. Разделение топов, или «мест» (*loci*), из которых строятся доводы, трехчастное. Ведь иные пребывают в себе самих (в том, о чем дело); иные, которые называются производными, — те, которые некоторым образом рождаются как выведенные из других вещей; иные — те, которые находятся вовне [своего предмета].

[1] Доводы, которые пребывают в том самом, о чем дело, (*quae in eo ipso, de quo agitur, haerent*) подразделяются трояко: во-первых, от целого, во-вторых, от части, в-третьих, от знака.

[1.1] (2) Довод от целого (*a toto*) — это когда к тому, о чем спрашивается, прилагается определение, как, например, говорит Цицерон: «Слава — это блистательная и повсюду распространившаяся молва о великих заслугах перед согражданами» (*Cic., Marcell., 26*).

[1.2] (3) Довод от частей (*a partibus*) — это когда тот, кто себя защищает, или отрицает сделанное, или утверждает, что оно было сделано законно.

[1.3] (4) Довод от знака (*a nota*) — это когда некий довод выводится из смысла (*vis*) имени, как, например, Цицерон: «Консула, говорю, искал, которого в этом борове найти не мог» (*Cic., Pis., 19*)⁴²⁸.

[2] (5) Производные доводы (*effecta*) — это те, которые некоторым образом рождаются как выведенные из других вещей. Всего их числом четырнадцать⁴²⁹, то есть:

[2.1—2] Во-первых, довод от связи [корней слов] (*a coniugatis*) — это когда или от имени [существительного] производится глагол, как, например, когда Цицерон говорит, что Веррес вымел (*everrisse*) провинцию, или глагол от имени, как, например, «разбойник» (*latro*) называется от «разбойничать» (*latrocinari*), [или] имя от имени, [как, например]:

Interceptio est amentium, haud amantium (*Ter.. Andr., 218*),

(Затея вся под стать для исступленных, не влюбленных, нет!)⁴³⁰

поскольку здесь есть разница в произнесении окончания одного [слова], которое преобразовано в иное [окончание] изменением звучания.

[2.3] (6) Во-вторых, довод от рода (*a genere*) — это когда в предложении говорится о своем роде, как у Вергилия:

[Женщина -] изменчивого и ненадежного рода

(*Verg., Aen., IV, 569*)⁴³¹.

[3.4] (7) В-третьих, довод от вида (*a specie*) — это когда вид придает достоверность всему вопросу, как, например:

Разве не так проник пастух фригийский к спартанцу

(*Verg., Aen., VII, 363*)⁴³².

[3.5] Довод от подобия (*a simili*) — это когда указывается подобие некоторым вещам, [как, например]:

«Копья подай! Из них не одно метнет понапрасну

В рутулов эта рука: ведь под Троей не раз оставались

Копья мои у аргивян в груди!» (*Verg., Aen., X, 333—335*)⁴³³

[3.6] (8) Довод от различия (*a differentia*) — это когда нечто отделяется при помощи различия, как, например, Вергилий:

Не Диомеда коней, не упряжку Ахилла ты видишь...

(*Verg., Aen., X, 581*)⁴³⁴

[3.7] Доводом от противных (*a contrariis*) называется такой, когда противоречащие

вещи противопоставляются друг другу, как, например, Вергилий:

Есть ли закон, чтоб корабль, рукой построенной смертной,
Жребий бессмертный обрел и путем, опасностей полным,

Плыл безопасно Эней? (Verg., Aen., IX, 95—97)⁴³⁵

[3.8] (9) Доводом от следствий (*a consequentibus*) называется такой, когда из предположенной вещи нечто необходимо следует, как, например, Вергилий:

Чуждо насилуе нам, и надменности нет в побежденных!

(Verg., Aen., I, 529)⁴³⁶

[3.9] Довод от причин (*ab antecedentibus*) — это когда нечто подтверждается тем, что совершилось раньше, как, например, Цицерон в речи в защиту Милона: «Если он, не колебаясь, открыл то, что он думал, то можете ли вы сомневаться насчет того, что он сделал?» (Cic., Mil., 44)⁴³⁷.

[3.10] (10) Довод от противоречащих (*a repugnantibus*)⁴³⁸ — это когда то, что утверждается, опровергается некоторою противоположностью, как, например, Цицерон: «Он, следовательно, не только освободившись от таких опасностей, но и облеченный высшим званием, захотел убить тебя дома» (Cic., Deiot., 15)⁴³⁹.

[3.11] (11) Довод от связанных (*a coniungatis*) — это когда против [довода оппонента] правдоподобно указывается, что произойдет из такой-то вещи, как, например, у Вергилия:

Рутулы мнят, что, тевкров изгнав, уж не встретят преграды

И Гесперийскую всю повергнув землю под иго...

(Verg., Aen., VIII, 147—148)⁴⁴⁰

[3.12] (12) Довод от обстоятельств (*a causis*) — это когда всякая вещь излагается как всеобщее обыкновение (*consuetudo*), как, например, Теренций:

Я был в чем-то прав, давно остерегаясь, чтобы ты не сделал того,

Что в обычае у толпы рабов, и не дурачил меня хитростями

(Ter., Andr., 582—583).

[3.13] Довод от произошедшего (*ab effectis*) — это когда нечто доказывается тем, что уже сделано, как, например, Вергилий:

Низких духом обличает трусость (Verg., Aen., IV, 13)⁴⁴¹

[3.14] (13) Довод от сравнения (*a comparatione*) — это смысл утверждения принимается в расчет (*imputatio*) через соотнесение с лицами или обстоятельствами, как, например, Вергилий:

Если могла ты спасти от рук Ахейцев Энея,

Воздух пустой и туман под мечи вместо сына подставить...

(Verg., Aen., X, 81—82)⁴⁴²

[4] (14) Далее — доводы, которые называются внешними, а по-гречески зовутся α=’ τεχνοί, то есть искусственными⁴⁴³, поскольку это свидетельство (*testimonium*). Свидетельство состоит в истинной⁴⁴⁴ вещи. (15) Оно делится на пять родов, то есть, во-первых, на [свидетельство] лица (*ex persona*), во-вторых, достоверности природы (*ex naturae auctoritate*), в-третьих, достоверности времени (*ex temporibus auctoritate*), в-четвертых, речей или дел предков (*ex dictis factisque maiorum*), в-пятых, пыток (*ex tormentis*). Третий из вышеназванных родов, то есть [свидетельство] достоверности времени, подразделяется на восемь видов: во-первых, характера (*ingenioine*), во-вторых, трудов (*opibus*), в-третьих, возраста (*aetate*), в-четвертых, удачи (*fortuna*), в-пятых, умения (*arte*), в-шестых, использования (*usu*), в-седьмых, необходимости (*necessitate*), в-восьмых, случайного стечения обстоятельств (*concurcione fortuitorum*). Свидетельство

вообще есть то, что создает внушение доверия при помощи некоторой внешней вещи.

[4.1] Не всякое лицо имеет вес для внушения доверия, но должно быть таким, которое хвалят за честность нрава.

[4.2] (16) Природная достоверность имеет наибольшую силу (*virtus*).

[4.3] Много есть свидетельств, которые приносятся достоверностью (*auctoritas*) [времени], то есть: характер, труды, возраст, удача, умение, использование, необходимость, случайное стечение обстоятельств.

[4.4 Свидетельство] речей и дел предков получает убедительность, когда вспоминаются слова и дела древних.

[4.5 Свидетельство] пыток приносит убедительность, когда все поверили, что [пытаемый] не желает лгать.

[4.3] (17) То же [свидетельство], которое названо «от времени», не имеет определения, так как вполне очевидно по именам своих [видов].

Топика должна храниться в памяти ораторов, [философов-] диалектиков, поэтов и юристов, поскольку предоставляет им доводы. Когда нечто доказывается в частности, это касается раторов, поэтов и юристов, а когда спорят об общем, то это, очевидно, относится к философам. (18) Совершенно удивителен род занятий, сумевший собрать воедино все, что смогли открыть подвижные и разнообразные человеческие умы в исследуемых вопросах по разным случаям, и ограничивающий свободный и поступающий по своей воле разум. Ведь мысль, как бы она ни оборачивалась, в какие бы рассуждения не углублялась, неизбежно попадает в один из вышеназванных видов.

Родов противоположностей (*contraria*) четыре. Аристотель их называл αἰτίαι ἀντιθέται, то есть противолежащими (*opposita*), поскольку кажется, что они как бы загоразвивают себе дорогу отрицанием, так как это противоположности. Ведь не все вещи, которые противолежат себе, есть противоположности, но все те, которые противолежат [именно через] противоположность (*a contraria opposita sunt*)⁴⁴⁶.

[1] Первый род — это противоположные (*contraria*), которые Цицерон также называл различными (*diversa*) потому, что противолежат себе как совершенные противоположности, например «мудрость» и «глупость». (2) Этот род делится на три вида. Ведь есть некоторые из них, которые имеют среднее, и есть некоторые, которые не имеют среднего, есть некоторые, которые имеют среднее, но не имеющее названия, если только не дать его [специально]. [Например,] «белое» и «черное» имеют среднее, ибо между ними часто обнаруживается цвет бледный или серый. (3) Не имеют среднего те, поскольку одно [слово] относится сразу к двум, как «надежность» (*sanitas*) или «ненадежность» (*infirmitas*); у этих ведь нет среднего. Те же, которые имеют безымянное среднее, как, [например,] «счастливый» — «несчастный», имеют среднее «не счастливый» [и не несчастный, а так себе].

[2] Второй род — это соотнесенные (*relativa*)⁴⁴⁷, которые так себе противолежат, что с собою соотносятся, как, [например,] «двойное» «одинарное». (4) Только этот род противолежащего сопоставляется сам с собою. Ведь «большее» не является [таковым], если не сопоставляется с «меньшим», а «одинарное» — с «двойным». Ведь соотнесенное соотнесенному противолежит так, [либо] как оно само, противолежащее, либо как то, чему оно противолежит, <либо как то, каким образом> происходит это соотнесение. Ведь «половинное» противолежит «двойному» и является средним для этого «двойного», и так ему противолежит, что присуще тому, чему противолежит [как часть]. (5) Также и «часть» противолежит «целому» так, что сама «часть» для «целого», которому она противолежит, является частью. Ведь вышеназванные противолежащие, которые называются противоположными, так себе противолежат, что не присущи тому, чему противолежат, и не соотносятся с ним никоим образом, как, например, «неумеренность» (*iniquitas*) так противолежит «справедливости» (*iustitia*), что не является неумеренностью справедливости, а является неумеренностью чего-то другого.

[3] (6) Третий род противолежащего — это обладание или лишенность (*habitus vel orbatio*). Этот род Цицерон называет «собственностью» (*privatium*), поскольку указывает, что кто-то что-то имеет, потому и является собственным (*privatum*)⁴⁴⁸. У него три вида: во-первых, относительно вещи, во-вторых, относительно места, в-третьих, относительно соответствующего времени. Относительно вещи (*in re*), как, например, «слепота» — «зрение». Относительно места (*in loco*), как слепота и зрение в глазах. Относительно соответствующего времени (*in tempore congruo*), как, например, младенца мы не называем лишенным зубов, ибо это его младенческий возраст не дает ему зубов. Не может ведь быть лишенным зубов тот, кто их еще не получил.

[4] (7) Четвертый же род противолежащего — из утверждения и отрицания (*ex confirmatione et negatione*), как, например, «Сократ говорит», «Сократ не говорит». Утверждение и отрицание тем отличаются от вышеназванных, что о тех можно говорить поодиночке, об этих же нельзя говорить иначе, как вместе. С этим четвертым родом у диалектиков связан большой спор, и он называется ими «полною

противоположностью», так как третьего не принимает⁴⁴⁹. (8) Ведь некоторые [противолежщие] первого рода могут иметь третье, как «белое» и «черное»; третье у них — ни белое, ни черное, а «серое» или «бледное». Также и для соотнесенных, как у «большого» и «маленького»; третье у них — ни большое, ни маленькое, а «среднее». Для обладания и лишения — как у «зрения» и «слепоты»; третье у них — ни зрение, ни слепота, а «подслеповатость». Здесь же либо «говорит», либо «не говорит», ничего третьего нет.

Книга III. О четырех математических дисциплинах

Предисловие

Математика (mathematica) по латыни называется научным знанием (doctrinalis scientia)⁴⁵⁰, которое рассматривает отвлеченное количество. Ведь отвлеченным (abstracta) называется такое количество, которое мы посредством ума отделяем от материи или от другого приходящего, такого как четное и нечетное, или от тому подобного, [и затем] имеем в одном только рассуждении. У нее четыре вида: арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Арифметика есть наука о числовых количествах самих по себе. Геометрия есть наука о величинах и формах. Музыка есть наука, которая говорит о таких числах, которые открываются в звуках. Астрономия есть наука, которая рассматривает движения небесных созвездий и их фигуры, а также обращения (habitudo) светил⁴⁵¹. О каковых дисциплинах мы далее скажем немного подробнее, чтобы их значения (causae) могли быть показаны надлежащим образом.

Глава I. О наименовании науки арифметики

Арифметика (*arithmetica*) есть наука о числах, ведь греки называют число ἀριθμός⁴⁵². Ее писатели светских сочинений установили первой среди математических наук потому, что она не нуждается ни в какой другой науке, чтобы быть. (2) Музыка же и геометрия, и астрономия, которые следуют [за нею], нуждаются в ее помощи, чтобы быть и оставаться [собою] (*subsistere*).

Глава II. О ее создателях

Утверждают, что науку о числе у греков первым записал Пифагор, а затем она была расширена Никомахом⁴⁵³. У латинян ее перевел первым Апулей, затем — Боэций⁴⁵⁴.

Глава III. Что есть число

Число (*numerus*) есть множество, составленное из единичностей (*unitas*), ведь одно — это семя числа, а не число⁴⁵⁵. Числу имя дала монета (*nummus*), и ввела [это] слово из-за своего частого употребления. [Число] один (*unus*) ведь получило имя от греческого [языка], ибо греки называют один ἓν ⁴⁵⁶, также и два (*duo*) и три (*tres*), которые у них называются δύο и τρία. (2) Четыре (*quattuor*) же взяло имя от [геометрической] фигуры квадрата, а пять (*quinque*) получило имя не по природе, а по произволению того, кто вводил имена для чисел. Шесть (*sex*) же и семь (*septem*) идут от греческого [языка]. (3) Ведь во многих именах, которые в греческом имеют придыхание [вначале], мы ставим вместо придыхания S, потому и [говорим] «sex» (шесть) вместо ἓν ξ, «septem» (семь) вместо ἓν πτά, как и «serpillum» (тимьян) вместо ἓν ρτυλλος. Восемь (*octo*) же из-за перенесения какое у них [ο=κτώ], такое и у нас; так же у них — ε=ννέα, у нас — девять (*novem*), у них — δέκα, у нас — десять (*decern*). (4) Десять же названо по греческой этимологии, потому что связывает и сочетает лежащие ниже числа. Ведь у них δεσμός — связывать или сочетать. Далее, двадцать (*viginti*) названо так потому, что это дважды возникшее (*bis geniti*) десять, где вместо буквы B поставлена V. Тридцать (*triginta*) — потому что возникает (*gignantur*) от тройной десятки, и так далее до девяноста (*nonaginta*). (5) Сто (*centum*) же названо от колеса (*canthus*), то есть окружности. Двести (*ducenti*) — от двух сомен, и так далее до тысячи. Тысяча (*milia*) же — от *multitudo* (множества), откуда и *militia* (армия), — это как бы *multitia* (многие). Отсюда и тысяча, которую греки, изменив букву, называют μυριάς⁴⁵⁷.

Глава IV. Что числа представляют

Значением (*ratio*) чисел нельзя пренебрегать. Ведь во многих местах Священных Писаний оказывается, что они обладают* величайшей таинственностью. Не напрасно ведь в прославлениях Бога сказано: «Ты сотворил все в [соответствующей] мере и числе, и весе» ([Прем. Сол., 11:21](#)). (2) Ведь шестерка, совершенная в своих частях⁴⁵⁸, некоторым значением своего числа показывает совершенство мира. Также и сорок дней, в течение которых постились Моисей и Илия, и сам Господь, невозможно понять без знания числа. (3) В священных писаниях существуют эти и другие числа, значения (*figurae*) которых могут разрешить только сведущие в науке этого искусства. Также нам дано в некоторой части зависеть от науки чисел, поскольку с ее помощью мы часы [дня и ночи] определяем, поскольку мы без месяцев рассчитываем, поскольку мы время возвращающегося года⁴⁵⁹ узнаем. (4) Число наставляет нас, чтобы мы не путались. Убери число из всех вещей, и все погибнет. Отними у неба [мира] счет, и все будет охвачено мраком полного неведения, и невозможно будет отличить от прочих животных того, кто не знает способа (*ratio*) счета.

Числа разделяются на <следующие:> четные и нечетные⁴⁶⁰. Четное число разделяется на четно-четное, четно-нечетное и нечетно-четное. Нечетное число делится на следующие: «первое» и простое, «второе» и составное, «третье» среднее, которое некоторым образом есть «первое» и несоставное, а другим образом — «второе» и составное.

(2) Четное (*par*) число есть такое, которое можно разделить на две равные части, как II, IV, VIII.⁴⁶¹

Нечетное (*inpar*) же число есть такое, которое разделить на две равные части невозможно, имеющее единицу в середине, из-за которой [оно для такого деления] или слишком мало, или слишком велико, как III, V, VI, IX и прочие⁴⁶².

(3) Четно-четное (*pariter par*) число⁴⁶³ — такое, которое делится пополам на четные числа до тех пор, пока не появятся неделимая [нацело] единица (*unitas*), как, например, LXIV, которое имеет половиною XXXII, а оно — XVI, XVI же — VIII, восьмерка — IV, четверка — II, двойка — один, которое едино и неделимо.

(4) Четно-нечетное (*partier inpar*) число⁴⁶⁴ — которое принимает деление на равные части, но его части затем остаются неделимыми [нацело], как VI, X, XXXVIII и L. Ведь когда это число разделишь [пополам], получаешь число, которое не сможешь разделить [пополам нацело].

(5) Нечетно-четное (*inpariter par*)⁴⁶⁵ число — такое, части [=половинки] которого хотя могут быть разделены [пополам нацело], но в конце [процесса такого деления] к единице не приходят, как XXIV. Ведь оно при делении пополам дает XII, и затем в следующем [делении] пополам — VI, далее при следующем — три, и эта часть не принимает дальнейшего деления [пополам нацело], но между [нею и] единицею оказывается рубеж, преодолеть который ты не можешь.

(6) Нечетно-нечетное (*inpariter inpar*) число — такое, которое нечетным числом нечетно измеряется⁴⁶⁶, как XXV и XLIX, которые и сами — нечетные числа, и делятся на нечетные части, как семь раз по семь — XLIX, пять раз по пять — XV.

Из нечетных чисел иные — простые, иные — сложные, иные — средние.

(7) Простые (*simplices*) — такие, которые не имеют никакой другой части [=делителя], кроме одной целой (*nisi solam unitatem*)⁴⁶⁷, как тройка [имеет делителем] одну треть (*solam tertiam*), пятерка — одну пятую (*solam quintam*), семерка — одну седьмую (*solam septimam*). Ведь все они имеют одну часть [=делитель].

Составные (*compositi*) — такие, которые измеряются не только одной целой, но также производятся другим числом⁴⁶⁸, как девять, XV и XXI [и XXV]. Ведь мы говорим [про них, что это] три раза по три (*ter terni*), семь раз по три, три раза по пять и пять раз по пять.

(8) Средние (*mediocres*) числа — такие, которые, кажется, некоторым образом являются простыми и несоставными, а другим образом — составными⁴⁶⁹, <как,> например, если девять сравнить с XXV, оно есть «первое» и несоставное, поскольку не имеет общего числа [=делителя], кроме одной монады (*nisi solum monadicum*), а если сравнить с пятнадцатью, оно — «второе» и составное, поскольку им присуще общее число, кроме монады, а именно тройка, ибо девять измеряется тремя тройками, а пятнадцать — тремя пятерками.

(9) Далее из четных чисел иные суть избыточные, иные — недостаточные, иные — совершенные. Избыточные (*superflui*) — те, части [=делители] которых, сосчитанные вместе, превосходят целое, как, например, двенадцатерица. Ведь она имеет пять частей: двенадцатую часть, которая есть один; шестую [часть], которая есть два; четвертую, которая есть три; третью, которая есть четыре; половину, которая есть шесть. Ведь один и два, и три, и четыре, и шесть, сложенные вместе, дают XVI и намного превосходят двенадцатерицу, как и другие многие похожие [числа], как восемнадцатерица и многие такие.

(10) Недостаточные (*diminutivi*) — те, которые, будучи сосчитаны своими частями [=делителями], не достигают целого, как, например, десятка, частей которой три: десятая, которая есть один; пятая, которая есть два; половина, которая есть пять. Ведь один и два, и пять, сложенные вместе, дают восьмерку, которая много меньше десятки. Такова же и эта восьмерка и многие другие, которые, будучи сложенными в частях, получают меньше.

(11) Совершенные (*perfecti*) — те, которые [точно] наполняются своими частями [=делителями]⁴⁷⁰, как шестерка. Ведь она имеет три части, шестую, третью и половину: ее шестая часть — один, третья — два, половина — три. Эти части, сложенные в сумму, то есть один и два, и три, вместе составляют то же самое и дают шестерку. Совершенное же число внутри десятки — VI, внутри сотни — XXVIII, внутри тысячи — CCCCXCVI.⁴⁷¹

Глава VI. О втором разделении всех чисел

Каждое число рассматривается или само по себе или [по отношению] к другому⁴⁷². Последнее подразделяется так: иные равны, иные не равны. Последнее подразделяется так: иные больше, иные меньше. Большие подразделяются на многократные, суперпартикулярные, суперпартиентные, многократно суперпартикулярные и многократно суперпартиентные. Меньшие подразделяются так: подмножители, субсуперпартикулярные, субсуперпартиентные, многократно субсуперпартикулярные и многократно субсуперпартиентные.

(2) Число само по себе (*per se, secundum se*) есть такое, о котором говорится без связи с другим, как III, IV, V, VI и тому подобные.

Число [по отношению] к другому (*ad aliquid*) есть такое, которое сравнивается в связи с другими, как, например, если сравнить IV с II, то говорят о двухкратности, [аналогично] VI с III, VIII с IV, X с V; и далее III с I — о трехкратности, [аналогично] VI с II, IX с III и так далее.

(3) Равными (*aequales*) называются числа, равные по количеству, как, например, II с II, III с III, X с X, C с C.

Неравные (*inaequales*) суть такие, которые при взаимном сравнении обнаруживают неравенство, как III с II, IV с III, V с IV, X с VI. И вообще если большее с меньшим или меньшее с большим таким образом будет сравнено, то будет называться неравным.

(4) Большее (*maior*) число есть такое, которое содержит в себе то, меньшее, число, с которым оно сравнивается, и еще нечто, как, например, пятерка больше тройки, потому что содержит в себе пятерка тройку и две другие ее части, и так далее.

(5) <Меньшее (*minor*) число есть такое, которое заключается в большем, с которым сравнивается, вместе с другою своею частью, как тройка с пятеркой. Ведь она содержится в ней [пятерке] с двумя своими частями.>

Многократное (*multiplex*) число есть такое, которое содержит в себе меньшее число дважды или трижды, или четырежды, или многократно. Как, например, если сравнить II с одним, то будет двухкратное, III [по отношению] к I — трехкратное, IV к I — четырехкратное, и прочие.

(6) Напротив, подмножитель (*submultiplex*) есть число, которое в многократном заключается дважды или трижды, или четырежды, или многократно, как, например, один в II заключается дважды, в III — трижды, в IV — четырежды, в V — пять раз, и в других [числах] — многократно.

(7) Суперпартикулярное (*superparticularis*)⁴⁷³ число есть такое, которое, будучи большим (*fortior*), включает внутри себя меньшее число, с которым сравнивается, а также и одну его часть, как, например, если сравнить III с II, то оно включает внутри себя II и еще [число] один, которое есть половинная часть от двух. Если сравнить IV с III, то оно включает в себе III и еще [число] один, которое есть третья часть трех. Далее если сравнить V с IV, то оно имеет в себе четверку и еще [число] один, про которое говорят, что оно четвертая часть четверки. И тому подобное.

(8) Суперпартиентное (*superpartiens*)⁴⁷⁴ число есть такое, которое включает в себе всё меньшее число и сверх этого еще II или III, или IV, или V, или больше его частей. Как, например, если сравнить V с III, пятерка содержит в себе тройку и сверх этого еще II её части; если сравнить VII с IV, то оно содержит в себе IV и еще III его части; если сравнить IX с V, то оно содержит в себе V и еще IV его части.

(9) Субсуперпартиентное (*subsuperpartiens*)⁴⁷⁵ число есть такое, которое заключается в числе суперпартиентном вместе с еще двумя или тремя, или многими своими частями. <Как,> например, III содержится в V с еще II своими частями, V — в IX с IV своими частями.

(10) Субсуперпартикулярное (*supsuperparticularis*)⁴⁷⁶ число есть такое, которое заключается в большем (*fortior*) числе с еще одною своею частью — или половиною, или третьею, или четвертою, или пятою [и т. д.]. Как, например, II к III, III к IV, IV к V и так далее.

(11) Многократно суперпартикулярное (*multiplex superparticularis*)⁴⁷⁷ число есть такое, которое, если сравнить его с меньшим по отношению к нему числом, заключает в себе все меньшее число многократно с еще одной его, [меньшего числа,] частью. Как, например, если сравнить V с II, то оно заключает в себе дважды II, [то есть] IV, и одну [вторую] его часть; если сравнить IX с IV, оно заключает в себе дважды IV, [то есть VIII], и одну [четвертую] его часть.

(12) <Многократно субсуперпартикулярное (*submultiplex subsuperparticularis*)⁴⁷⁸ число есть такое, которое, если сравнить его с большим по отношению к нему числом, заключается в нем многократно с еще одною своею частью. Как, например, если сравнить II с V, оно заключается в нем дважды с еще одною [вторую] своею частью.>

Многократно суперпартиентное (*multiplex superpartialis/superpartiens*)⁴⁷⁹ число есть такое, которое, если сравнить его с меньшим по отношению к нему числом, заключает его многократно с другими его частями. Как, например, если сравнить VIII с III, то оно заключает в себе дважды III и еще II его [третьи] части; если сравнить XIV с VI, то оно заключает внутри себя дважды VI с еще II его [шестыми] частями; <если сравнить XVI с VII, то оно содержит его [VII] дважды с еще II его [седьмыми] частями; если сравнить XXI с IX, то оно заключает в себе дважды IX с еще тремя его [девятыми] частями>.

(1 3) Многократно субсуперпартиентное^{**} (*submultiplex subsuperpartialis/subsuperpartiens*)⁴⁸⁰ число есть такое, которое если сравнить его с большим по отношению к нему числом, заключается в нем многократно с другими своими частями, как, например, III к VIII — оно заключается [в восьмерке] дважды с II [третьими] своими частями; IV к XI — заключается дважды с III [четвертыми] своими частями.

Глава VII. О третьем разделении всех чисел

Числа бывают либо дискретными, либо непрерывными. Последние подразделяются так: линейные, поверхностные и телесные⁴⁸¹.

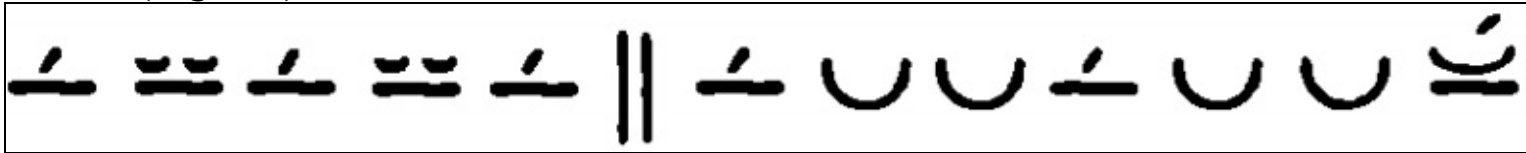
Дискретное (*discretus*) число есть такое, которое состоит из отдельных монад, как, например, III, IV, V, VI и так далее.

(2) Непрерывное (*continens*) число есть такое, которое состоит из связанных монад, как, например, [когда] тройку понимают в [протяженной] величине (*magnitudo*)⁴⁸², то есть [когда] говорят, что она содержится в линии или в пространстве (*spatium*), или в теле (*solidus*); также четверка и пятерка.

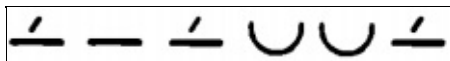
(3) Линейное (*linealis*) число есть такое, которое, начиная из монады [точки], рисуют в виде линии до бесконечности. Поэтому [буква] альфа используется для обозначения линий, ведь эта буква у греков обозначает [число] один.

I — II — III — IIII — ...

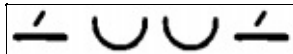
(4) Поверхностное (*superficialis*) число есть такое, которое заключается не только в длине, но и в ширине, как треугольное, квадратное, пятиугольное и круглое число и так далее, которое всегда содержится на ровной поверхности, то есть на плоскости. Треугольное (*trigonus*) число есть такое:

Квадратное (*quadratus*) число⁴⁸³ есть такое:

Пятиугольное (*quinqueangulus*) число есть такое:

(5) Циклическое (*circularis*) число⁴⁸⁴ есть такое, которое, умножаясь подобным образом, с себя начинается и к себе возвращается, как пять раз по пять — XXV, вот так:

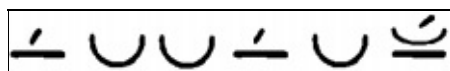
I. V. VI.

I. XXV. XXXVI.

I. CXXV. CCXVI.

I. DCXXV. ICCXCVI.

I. III

CXXV. VII

σοφία

.DCCLXXVI.

Телесное (*solidus*) число есть такое, которое заключается в длине, ширине и высоте, как [например] пирамиды (*pyramides*), поднимающиеся как пламя⁴⁸⁵, вот так:

A₁

(6) Куб (*cubus*), подобный игральным костям, такой:

A₂

Сферы (*sphaera*), в которых есть повсюду равная округлость, такие:

A₁

А сферическое (sphaericus) число есть такое, которое, будучи умноженным циклическим числом, с себя начинается и к себе возвращается. [Например] пять раз по пять — XXV; если это круглое [число] умножить на себя, то получится сфера, то есть пять раз по XXV — CXXV.

Глава VIII. О различии арифметики, геометрии и музыки

Между арифметикою же, геометрию и музыкою есть различие, когда ищешь среднее⁴⁸⁶. Прежде всего, в арифметике⁴⁸⁷ ты ищешь его так: складываешь крайние, делишь и получаешь половину. Например, сделай так, чтобы крайними были VI и XII; только сложишь, и они дадут XVIII; разделишь пополам и получишь [искомое среднее] IX. И это есть арифметическая пропорция (*analogicit*): чтобы на сколько единиц среднее [арифметическое] превосходило первое [число], на столько его превосходило крайнее. Ведь IX превосходит VI на три единицы, и на столько же его превосходит XII.

(2) При помощи же геометрии так ищешь [средние]⁴⁸⁸: перемноженные крайние дают ту же [величину], что и перемноженные средние⁴⁸⁹. Например, перемноженные VI и XII дают семидесяти двойное [число], и столько же дают перемноженные [искомые] средние [числа] VIII и IX.

(3) При помощи музыки — так⁴⁹⁰: на какую часть [первого числа] среднее превосходит первое [число], на такую же часть [самого себя] крайнее [число] превосходит среднее. Например, VI и VIII; [восемь] превосходит [шесть] на две [шестых] части [шестерки], и эти две [шестых] части [от XII-ти суть] третье среднее — восемь — [которое] превосходит вышеназванная девятка [то есть среднее арифметическое].

Глава IX. Сколько существует бесконечных чисел

Совершенно же очевидно, что есть бесконечные числа, по-скольку если ты помыслишь о каком бы то ни было числе, что ему можно положить предел, то я скажу, что оно само не только может быть увеличено посредством прибавления единицы, но будь оно сколь угодно великим и содержи сколько угодно большое множество, оно этим способом (*ratio*) и при помощи науки о числах не только может быть удвоено, но и умножено [в большее количество раз]⁴⁹¹.

(2) Однако каждое число так ограничивается своими свойствами (*proprieties*), что никакое из них не может быть равным какому-либо другому. Следовательно, между собой [=по отношению к другим] они неравны и различны, и из отдельных чисел каждое — конечно и все — бесконечны.

Глава X. Об изобретателях геометрии и ее имени

Говорят, что наука геометрии (*geometria, geometrica*) была впервые изобретена египтянами, потому что во время разливов Нила, когда все владения покрыты илом, начало деления земли при помощи линий и мер дало имя [этому] искусству. И затем, развитое далее остротой [мысли] мудрецов, оно измерило размеры [также] и моря, и неба и воздуха. (2) Ибо, пробудив [свое] исследовательское рвение, они, таким образом, начали после измерения земли искать размеры и неба: на какое расстояние Луны от Земли и само Солнце от Луны отстоит и насколько мера распространяется вплоть до вершины неба, и таким образом они сами расстояния неба и кругообращение мира (*orbis*) вероятным образом (*ratio*) разметили по числу стадий. (3) И поскольку эта наука началась с измерения земли, от своего начала она сохранила и название. Ибо геометрия наречена от земли и меры. Ведь землю греки называют $\gamma\eta$, а меру — $\mu\acute{\epsilon}\tau\rho\nu$.

Искусство этой науки содержит линии, отрезки, величины и фигуры, и в фигурах — размеры и количества.

Глава XI. О четырехчленном делении геометрии

Геометрия [имеет] четырехчленное деление, а именно: на плоские [фигуры], исчислимую величину, рациональную величину и на телесные фигуры.

[1] (2) Плоские фигуры (*planae figurae*) суть те, которые содержатся в длине и ширине, каковые суть у Платона числом пять⁴⁹².

[2] Исчислимая [=натуральная] величина (*numerabilis magnitudo*) есть та, которая может быть разделена посредством арифметических чисел.

[3] (3) Рациональные величины (*rationales magnitudines*) суть те, меру которых мы можем знать, а иррациональные (*irracionales*) — те, знания о количестве мер которых нет.

[4] Телесные фигуры (*figurae solidae*) суть те, которые содержатся в длине, ширине и высоте⁴⁹³, как, [например,] куб.

Глава XII. О геометрических фигурах

Разновидностей коих на плоскости (*in piano*) пять⁴⁹⁴.

[1] Первая из них, круг (*circulus*), есть плоская фигура, которая называется окружностью (*circumducta*), в центре которой — точка, которую всё окружает (*convergunt*) и которую геометры называют центром, а латиняне именуют точкою круга (рис. 1)⁴⁹⁵.

[2] (2) Четырехсторонняя (*quadrilatera*) фигура есть квадрат⁴⁹⁶ на плоскости, который лежит между четырех прямых линий, вот так (рис. 2).

[3] Плоская фигура $\delta\iota\alpha\ \nu\alpha\theta\epsilon\tau\omega\hat{\nu}\ \gamma\rho\alpha\mu\omega\hat{\nu}$ ⁴⁹⁷, <вот такая> (рис. 3).

[4] Ортогональный [треугольник] (*orthogonium*)⁴⁹⁸, то есть прямоугольный, — плоская фигура; ведь это треугольник, и он имеет прямой угол (рис. 4).

[5] Плоская фигура $\nu\ \sigma\acute{\omicron}\pi\lambda\epsilon\upsilon\rho\omicron\varsigma$ ⁴⁹⁹ — правильная (*recta*) и построенная ниже (рис. 5).

A₂

[Телесных фигур пять.]

[1] (3) Сфера (*sphaera*) есть фигура, образованная в округлом, равная во всех частях (рис. 6).

[2] Куб (*cubus*) есть собственно телесная фигура, которая содержится в длине, ширине и высоте (рис. 7)⁵⁰⁰.

[3] (4) Цилиндр (*cylindrus*) есть квадратная фигура, имеющая сверху полукруг (рис. 8)⁵⁰¹.

[4] (5) Конус (*conon*) есть фигура, которая сужается от широкого [основания], как прямоугольный [треугольник] (рис. 9)⁵⁰².

[5] (6) Пирамида (*pyramis*) есть фигура, которая остро сходится от широкого [основания], ведь у греков огонь называется $\tau\acute{\omicron}\rho$ (рис. 10)⁵⁰³.

(7) И как любое число есть в⁵⁰⁴ 10,⁵⁰⁵ так внутри этого круга содержатся контуры всех фигур⁵⁰⁶ (см. рис. на с. 128). Первая же фигура в их, [геометров,] искусстве — точка (*punctus*), которая не имеет частей. Вторая — линия (*linea*) — длина без ширины. Прямая линия — это такая, которая лежит равномерно (*ex aequo*) в своих точках. А поверхность (*superficies*) — это то, что имеет только длину и ширину. Границы поверхностей — это линии, контуры (*formae*) которых потому не были установлены [=названы] среди десяти вышеназванных фигур, что они находятся среди них⁵⁰⁷.

Глава XIII. О [средних] геометрических числах

При помощи же геометрии так ищешь [средние] числа⁵⁰⁸: ведь перемноженные крайние дают ту же [величину], что и перемноженные средние. Например, перемноженные VI и XII дают семидесяти двойное число, и столько же дают перемноженные [искомые] средние [числа] VIII и IX.

Также при помощи восьми фигур получается другой смысл (*ratio*) в движении светил (*stellae*): или что они [знаки Зодиака] оппозиционные, или квадратурные, или тригональные, или секстильные, или соседние, или вместе, или окружающий (*circumferens*), то есть который или переходит или не достигает. Оппозиционные (*diametra*) — когда разделяются пятью знаками; квадратурные (*quadrata, tetragona*) — когда двумя; секстильные (*hexagona*) — одним; соседние (*asydenta*) — когда ни одним; вместе (*simul*) — когда находятся в той же части; переходящий (*superferens*) — когда превосходит или совершает действие (*actum facit*); не достигает (*superfertur*) — когда предшествует; тригональные (*trigona*) — когда [разделяются] тремя средними.

A₁

(2) Также в другом смысле есть восемь различий: знак [Зодиака], части, границы, [планеты] в соединении (*conventu*), прямое или понятное движение [планет], [их] широта (*latitudo*) и долгота (*longitudo*).

(3) Смысл внутренней формы. В этом отношении может возникнуть такой вопрос. [Почему] хотя в порядке числа первое — VIII, прежде него помещается IX, ибо в арифметическом или геометрическом смысле VIII больше IX. Ведь VIII — это куб, или объем, то есть тело, и больше этого открыть невозможно⁵¹⁰. IX же есть поверхность [=квадрат], то есть вещь, которая не полна и не достигает совершенства. (4) Здесь, таким образом, находятся два куба, то есть два тела⁵¹¹.

Шестерка есть первое совершенное число⁵¹², ведь оно делится соответствующими (*paes*) числами так: на шестую [часть] — единицами (*per as*); на треть — двоицами (*per dupondios*): три раза по два — шесть, напополам [тройками], то есть два раза по три — шесть. Найди другое [число], которое так можешь разделить соответствующими числами, — это будет соответствовать намерению.

(5) Между первым [числом] по порядку [...] ⁵¹³, то есть IX, которое посредством первого совершенного числа, в первую очередь умножая шесть раз по девять <LIV> или девять раз по шесть, дает LIV.

То, что материя имеет такое количество частей, познается по справедливости двумя [пропорциями?], из которых она имеет одну в таком порядке: I, II, III, IV, IX, VIII и вместе с ними XXVII⁵¹⁴.

A₂, следовательно C

Глава XV. О музыке и ее имени

Музыка (*musica*) есть опытность в ритмах (*modulationes*), состоящая из звука (*sonus*) и пения (*cantus*). И названа музыкою как производное от Муз. Музы же названы ἀριθμοὶ τοῦ ῥυθμοῦ, то есть «от искания (*quaerendum*)»⁵¹⁵, поскольку через них, как полагали древние, отыскивается смысл ритма песен (*carmines*) и голосов. (2) При этом звук, поскольку он является вещью чувственно воспринимаемою, протекает с течением времени и запечатлевается в памяти. Потому у поэтов так придумано, что Музы — дочери Юпитера и Памяти. Ведь если звуки не удерживаются человеческою памятью, то они погибают, поскольку не могут быть записаны⁵¹⁶.

Моисей говорит, что открывателем искусства музыки был Иувал⁵¹⁷. В рукописи в двух местах стоит именно Тувал (тж. в гл. 22), но трудно себе представить, чтобы христианский епископ не знал Библии и путал родоначальника музыкантов с родоначальником кузнецов ([Быт. 4:21-22](#)), который был потомком Каина до потопа. Греки же говорят, что изобрел начала этого искусства Пифагор от звона молотков и ударов по натянутым струнам⁵¹⁸. Другие передают, что Лин из Фив и Зет с Амфионом⁵¹⁹ первыми прославились в музыкальном искусстве. (2) После них эта наука постепенно была чрезвычайно выстроена и расширена на многие лады, и было настолько же постыдно не знать музыки, насколько и букв. Употреблялась же она не только в священных делах, но и во всех праздничных, во всех веселых или более печальных делах. (3) Ведь как при почитании богов поются гимны, так на свадьбах — гименеи, на похоронах — френы и плачи под [звуки] флейт. На пирах же были распространены лиры или кифары, и для всех возлежащих устраивался пиршественный род песенок.

Глава XVII. Что может музыка

Итак, никакая наука не может быть совершенною без музыки, ведь ничего [не бывает] без нее. Ибо и сам мир, говорят, составлен из некой гармонии звуков, и само небо вращается в гармоничном ритме (modulatio). Музыка движет страстями, вызывает различное состояние чувства. (2) Также и в битвах пение трубы приободряет сражающихся, и насколько мощнее будет этот звук, настолько сильнее в схватке станет дух. Ведь именно пение ободряет гребцов, и в переносимых трудах музыка облегчает душу, и в каждом деле ритм (modulatio) голоса снимает усталость. (3) Также и возбужденные души успокаивает, как говорят про Давида, который избавил Саула от нечистого духа искусством ритма (modulatio). Также и животных, равно ползающих, летающих и дельфинов, музыка своими ритмами побуждает к слушанию. И что бы мы ни говорили и как бы мы ни возбуждались из-за пульсов внутри вен, считается, что [это] связано с силами гармонии через музыкальные ритмы (rhythmi).

Глава XVIII. О трех частях музыки

У музыки три части, то есть гармоника, ритмика и метрика. Гармоника (*harmonica*) — это та, которая разрешает звуки в высокий (*acutus*) и низкий (*gravis*). Ритмика (*rhythmica*) есть та, которая исследует столкновение слов: хороший ли [получается] звук или они плохо связываются. (2) Метрика (*metrica*) есть та, которая правдоподобным образом познает меры (*mensurae*) различных [стихотворных и музыкальных] метров, как, например, героического, ямбического, элегического и прочих⁵²⁰.

Глава XIX. О тройном разделении музыки

О каждом же звуке, который есть материя песен, известно, что он имеет троеобразную природу. Первая есть гармоника, которая состоит из звука у песен. Вторая — органика (*organica*), которая состоит из дутья (*flatus*). Третья — ритмика, которая включает ритмы (*numeri*) от удара пальцев⁵²¹. (2) Ведь звук издается или голосом, то есть при помощи горла, или дутьем, то есть при помощи труб или флейт, или ударом, то есть при помощи кифары или всякого иного [инструмента], в который ударяют певцы⁵²².

Глава XX. О первом разделе музыки, который называется гармоникою

Первый раздел музыки, который называется гармоникою, то есть ритмом (*modulatio*) голоса, касается комиков, трагиков или хоров, или всех, кто поет собственным голосом. Он получает движение от души и тела, и от движения звука, из которого складывается музыка, которая применительно к человеку называется голосом. (2) Голос (*vox*) есть воздух, толкаемый (колеблемый, *verberatus*) дыханием, от чего и наречены глаголы (*verba*)⁵²³. Свойствен же голос человеку и неразумным животным. Ибо у иных [звучащих вещей] не в собственном смысле звучание называется голосом, как, [например] «взревел голос трубы» [или]

...Глас, от берега отраженный (*Verg., Aen., III, 556*).

Ибо в собственном смысле должно быть, чтобы на берегу скалы «звучали», и Тут в отдаленье труба пропела звучанием грозным (*Verg., Aen., IX, 503*).

Гармония (*harmonia*) есть ритм (*modulatio*) голоса и согласовывание многих звуков, или взаимное их приспособление.

(3) Созвучие (*symphonia*)⁵²⁴ есть соразмерность ритма из высоких и низких согласующихся звуков, [возникающих] и в голосе, и при дутье, и при ударе. Очевидно, что с ее помощью голоса более высокие согласуются с более низкими так, что если какой из них не будет находиться в согласии с нею, то он будет бить по чувству слуха.

¶

Ее противоположность есть диафония (*diaphonia*), то есть голоса, [звучащие] нестройно, разногласно.

(4) Благозвучие (*euphonia*) есть сладость голоса, потому оно и названо «мелос»⁵²⁵ от сладости и мёда (*mel*).

(5) Диастема (*diastema*) есть интервал голоса, связанный с [=лежащий между] двумя или более звуками.

(6) Диезы (*diesis*) суть некие интервалы и переводы (*deductiones*) ритмизирования, а также переходы из одного звука в другой⁵²⁶.

(7) Тон (*tonus*) есть резкое издание голоса. Ведь у гармонии есть различие и количество, которое для голоса состоит в звучании (*accentus*) или напряжении (*tenor*) [=высоте]. Его рода музыканты разделили на пятнадцать частей, из которых гиперлидийский — новейший и самый высокий, а гиподорийский — самый низкий⁵²⁷.

¶

(8) Пение (*cantus*) есть изгибание голоса, ведь звук является прямым, а звук предшествует пению.

(9) Арсис (*arsis*) есть повышение голоса, и это есть начало [такта].

Тесис (*thesis*)⁵²⁸ есть понижение голоса, и это — окончание [такта]⁵²⁹.

(10) Сладкие (*suaves*) голоса суть тонкие и густые, отчетливые и резкие (*acuti*).

Ясные (*perspicui*) голоса суть те, которые протягиваются дольше так, что непрерывно заполняют все пространство, как, например, звук труб.

(11) Тонкие (*subtiles*) голоса суть те, в которых нет дыхания, как это бывает у детей или у женщин, или у больных, как, например, [звуки] струн (*nervi*). Они ведь самые тонкие у кишечных струн (*chordae*), [которые] издают тонкие и мягкие звуки.

(12) Жирные (*pingues*) голоса — это когда одновременно [с голосом] издается много

дыхания, как, например, у мужчин.

Резкий (acutus) голос есть более тонкий, высокий, какой, например, мы видим у кишечных струн.

Жесткий (durus) голос есть тот, который издает звуки сильно, как, например, гром или как звук наковальни, поскольку молоток бьет о жесткое железо.

(13) Грубый (asperus) голос есть хриплый и тот, который рассыпается на маленькие и не лишённые сходства толчки.

Слепой (caecus) [глухой] голос есть тот, который, будучи издан, скоро умолкает, а также тот, который производится дольше [но] несколько удушенным, как, например, [звук] в глиняных сосудах.

Заливистый (vinnolus) голос есть мягкий и извивающийся; и назван так от завитка (vinnus), то есть мягко вьющихся кудрей.

(14) Совершенный же голос — высокий, сладкий и отчетливый: высокий, чтобы до высоты доставал, отчетливый, чтобы уши наполнял, сладкий, чтобы души слушающих ласкал. Если чего-то из этого недостает, то голос не является совершенным.

Глава XXI. О втором разделе музыки, который называется органикою

Второй раздел, органика, касается тех [инструментов], которые, будучи полностью наполнены дыханием, оживляются в звук голоса, как трубы, свирели, дудки, органы, пандуры и им подобные инструменты.

(2) Слово «орган» (*organum*) есть общее для всех музыкальных орудий. Тот же, к которому прилагается мех, греки называют другим именем. То же, что он называется органом, — это, по мнению греков, сильная вульгарность⁵³⁰.

(3) Труба (*tuba*) впервые изобретена этрусками, о чем [пишет] Вергилий: Ревом тирренской трубы огласились неба просторы (*Verg., Aen., VIII, 526*).

Употребляются же они не только в битвах, но и во все праздничные дни из-за блеска прославления и веселья⁵³¹. Почему и в Псалтири говорится: «Трубите в новолуние трубою, в определенное время, в день праздника нашего» (*Пс., 80:4*). Предписано ведь было иудеям, чтобы в начале новой луны звучали трубы, что делают даже до сих пор.

(4) Открытие флейт (*tibiae*) произошло во Фригии. Их когда-то давно использовали только на похоронах, а сегодня и в священнодействиях язычников. Полагают, что они названы флейтами, потому что первоначально делались из оленьих берцовых костей (*tibiae*) и голеней оленят, после же они в несобственном смысле стали так называться, поскольку уже не делались из голенных костей. Отсюда и [слово] «флейтист» — как бы играющий на флейтах⁵³².

(5) Имя «свирель» (*salatus*, тростник) — это собственное имя растения, и названа она так от волнения, то есть растекания голоса.

(6) Дудка (*fistula*), как одни полагают, была некогда изобретена Меркурием, а другие — Фавном, которого греки называют Паном; некоторые же считают, что Идасом, пастухом из Агригента в Сицилии. Названа же она дудкою, так как испускает голос. Ведь у греков голос называется φῶς, а «испущенный» — στολία⁵³³.

(7) Самбук (*sambuca*) в представлении музыкантов свойствен оркестрам (*symphoniae*). Ведь самбук (бузина) — род хрупкого дерева, из которого делаются и флейты.

(8) Пандура (*pandorium*) названа от изобретателя, о чем Вергилий:

Первым Пан изобрел скрепленные воском тростинки (*salami*),

Пан, предводитель овец и нас, пастухов, повелитель

(*Verg., Eel., II, 32—33*).

Был ведь у язычников пастушеский бог, который первым разные [по длине] тростинки приспособил для пения, и сложил с усердным искусством⁵³⁴.

Глава XXII. О третьем разделе музыки, который называется ритмикою

Третий раздел есть ритмика, касающаяся струн и ударов, которому приданы различные виды кифар, а также тимпан, кимвал, систр, чашечки медные и серебряные, или другие, которые, если в них ударить металлической твердостью, отзываются сладким звоном, и прочие этого рода [инструменты].

(2) Открывателем кифары и псалтерия был, как говорят, Иувал⁵³⁵. В нашем синодальном переводе Библии кифара названа гуслиями([Быт., 4:21](#).), что сказано выше. Затем же, по мнению греков, считается, что использование кифары было открыто Аполлоном⁵³⁶. Рассказывают, что первоначально форма кифары была похожа на человеческую грудь, и названа так по той причине, что как голос издается из груди, так и из нее — пение. Ведь грудь на дорийском наречии называется κίθάρᾱ. (3) Постепенно же появились многие ее виды, как, например, псалтерии, лиры, барбиты, финикийские, пектины⁵³⁷ и те, которые именуется индийскими, на которых двое бряцают одновременно. И еще, и еще, и квадратной формы и треугольной. (4) Число струн умножалось, и [их] род изменялся. Древнейшие [люди] называли кифару *fidicula*, или *fides*, ибо настолько точно между собой соединены ее струны, насколько существуют хорошие отношения у тех [людей], у которых есть доверие (*fides*). Древняя же кифара была семиструнную, почему и Вергилий [говорит]:

...[Вторит пению] разделенным на семь [частей] голосом (*Verg., Aen., VI, 656*).

(5) «Разделенным» же потому, что никакая струна с соседнею струною не издает одинаковый звук. А струн семь, или поскольку они весь голос [октаву] исчерпывают, или поскольку небо движется семью движениями⁵³⁸. (6) Кишечные струны (*chordae*) же названы от сердца (*cor*), ибо как сердцу в груди присуще пульсирование, так и струне в кифаре. Их первым выдумал Меркурий, потому что раньше звук исходил от жил (*nervi*).

(7) Псалтерий (*psalterium*), который в простонародье называется песенником (*canticum*), получил имя от щипания [струн], и его голосу хор созвучно отвечает. [У него] есть сходство с варварскою кифарою в виде буквы Δ, но между псалтериями и кифарами есть то различие, что псалтерий имеет сверху то выдолбленное дерево [резонатор], откуда исходит звук, и в струны [на ней] бьют внизу, и они звучат верхними [концами]. А кифара выдолбленное дерево имеет снизу. Евреи же используют десятиструнный псалтерий — по числу заповедей Декалога.

(8) Лира (*lyra*)⁵³⁹ называется αkπὸ τοῦ λυρεῖν, то есть «от разнообразия голосов», которое достигается разными звуками. Говорят, что лира впервые была изобретена Меркурием таким образом. Когда Нил вернулся в свое русло, на полях остались разнообразные животные, осталась и черепаха. Поскольку она сгнила, а жилы ее сохранились натянутыми внутри панциря, то, когда в нее ударил Меркурий, она издала звук. По этому образцу Меркурий изготовил лиру и передал ее Орфею, который после этого стал наиболее искусным в отношении этой вещи. (9) Почему и считается, что при помощи этого искусства пение своими ритмами подчиняет не только диких зверей, но и скалы, и леса. Музыканты из любви к занятию и ради восхваления песни даже придумали, измышляя свои басни, что лира находится среди созвездий.

(10) Тимпан (*tympanum*)⁵⁴⁰ есть шкура или кожа, натянутая на дерево с одной стороны. Он ведь есть половина симфонии, наподобие решета. Тимпаном же назван,

поскольку он средний, откуда и средний [по качеству] жемчуг называется тимпаном, и в него самого, как и в симфонию, бьют палочкой.

(11) Кимвалы (cymbala)⁵⁴¹ суть некие чашечки, которые, если в них ударить, бьются друг о друга и издают звук. Названы же кимвалами, ибо они одновременно колеблются как в танце, ведь греки танцы называют κύμβαλα.

(12) Систр (sistrum)⁵⁴² назван по имени изобретательницы. Ведь считается, что Исида, царица египетская, изобрела этот род [инструментов]. Ювенал, [например, пишет:]

Пусть хоть Исида разит мои очи разгневанным систром
(Iuven., Sat., XIII, 93).

Потому в него и бьют женщины, что изобретательница этого рода [инструментов] — женщина. Отчего и амазонки систром призывали женщин на войну.

(13) Колокольчик (tintinabulum) имеет имя от звука [своего] голоса, как, например, <u>хлопок (plausus) рук, и скрип (stridor) двери.

(14) Симфония (symphonia) называется в простонародье полым деревом, и она с обеих сторон затянута кожей. Когда музыканты бьют палочками сюда и туда, в ней получается сладчайшее пение из согласия низкого и высокого [звучания].

При помощи же музыки так ищешь [средние] числа: возьмешь крайние, например VI и двенадцатерицу, посмотришь, на сколько единиц XII превосходит VI, то есть на VI единиц, возводишь [это последнее число] в квадрат: шесть раз по шесть дают XXXVI. Сложишь те первые крайние, VI и XII, вместе получится XVIII. Разделишь тридцать шесть на восемнадцать, получится двоица. Его прибавишь к меньшему крайнему, то есть к шестерке, получится VIII, и это будет среднее [гармоническое] между VI и XII. [543](#) Вот почему VIII превосходит VI на две единицы, то есть третью часть от VI, и XII превосходит VIII на IV единицы, то есть [свою] третью часть. На какую, следовательно, часть оно превосходит, на такую и его превосходят.

(2) И подобно тому, как в мире это отношение (ratio) является из обращения [небесных] сфер, так и в микрокосме во всем, не только в голосе, оно пребывает, так что не существует человека без этого совершенства, обходящегося без музыки. В том же музыкальном совершенстве состоят еще и стихи, в арсисе и тесисе, то есть в повышении и понижении [голоса].

Глава XXIV. Об имени астрономии

Астрономия (astronomia) есть закон звезд (astrae), который исследовательским способом касается движений созвездий (sidera) и [их] фигур и обращения светил (stellae) [545](#) вокруг себя и вокруг Земли.

Глава XXV. Об изобретателях ее

Первыми астрономию изобрели египтяне. Об астрологии же и о наблюдении за временем рождения первыми стали учить халдеи. Автор Иосиф утверждает, что Авраам наставил египтян в астрологии⁵⁴⁶. Греки же говорят, что это искусство было впервые выдумано Атлантом потому, что он, говорят, поддерживал небо. Но кто бы он ни был, побуждаемый движением неба и рассудком души, он при помощи смены времен, при помощи неизменных и определенных движений светил, при помощи размеренных величин интервалов рассмотрел некие размеры и числа, которые он нашел, связывая [их] с астрологией, определяя и отделяя по порядку.

Глава XXVI. О наставниках ее

Хотя на обоих языках об астрономии разными [людьми] написаны свитки, среди них, однако, у греков выдающимся считается Птолемей, царь александрийский [547](#): ведь он установил правила, по которым находят движение светил.

Глава XXVII. О различии астрономии и астрологии

Между астрономией и астрологией есть некоторое различие. Ведь астрономия охватывает обращение неба, восходы, заходы и движения созвездий, или по какой причине они так называются. Астрология (astroligia) же — [наука] частично природная, частично суеверная⁵⁴⁸. Природная — когда следует движениям Солнца и Луны или определенным по времени положениям светил. Суеверная же есть та, которой следуют звездочеты (mathematici), которые гадают по светилам и которые также распределяют двенадцать небесных знаков [Зодиака] по отдельным частям тела и души⁵⁴⁹, и пытаются по движению созвездий предсказывать гороскопы (nativitates) и нравы людей.

Глава XXVIII. О смысле астрономии

Смысл (ratio) астрономии заключен в многом. Ведь она определяет, что́ есть мир, каково положение и движение [небесных] сфер, что́ есть небесные ось и полюса, каковы области неба, что есть движение Солнца, Луны и звезд, и прочее.

Глава XXIX. О мире и его имени

Мир (mundus) есть то, что состоит из неба, земли и моря, окруженных созвездиями. И он потому назван миром, что всегда находится в движении (motus); ведь никаким его частям не дано находиться в покое.

Глава XXX. О форме мира

Форма [земного] мира описывается так. Ведь каким образом мир поднимается к северной области, таким склоняется к южной. Голова его и как бы лицо — это восточная область, а задняя часть — северная⁵⁵⁰.

Глава XXXI. О небе и его имени

Философы говорят, что небо (*caelum*) круглое, вращающееся и пламенное. И называется оно этим именем потому, что оно имеет оттиснутые значки светил как на чеканной (*caelatum*) вазе. (2) Ведь Бог усыпал его яркими светильниками, и поставил светящиеся Солнце и, конечно, диск Луны, и украсил его сверкающими значками искрящихся звезд. А по-гречески оно называется οὐρανός [от] ἀπό τοῦ ὀράσθαι, то есть «от видения»⁵⁵¹, потому что воздух прозрачен и более чист для созерцания.

Глава XXXII. О положении небесной сферы

Сфера неба (*sphaera caeli*) [=сфера звезд]⁵⁵² есть некий образ, оформленный как круг, равный во всех частях, центр которого — Земля. Говорят, что у этой сферы нет ни начала, ни конца, потому что она [заключена] в округлом — как бы окружность, для которой непросто понять, где она начинается и где заканчивается. (2) Философы же ввели семь небес мира, то есть планет, при помощи согласного движения [их] шаров, все из которых, как рассказывают, связаны [своими] кругами (*orbes*), и про эти [круги] полагают, что они, опираясь на себя и будучи словно вложенными, поворачиваются назад, и [вместе с тем], наоборот, подхватываются движением других [кругов]⁵⁵³.

Глава XXXIII. О движении той же сферы

Вращательное движение (motus) сферы совершается посредством двух полюсов (axes), из которых один — Северный, который никогда не заходит и называется Борейским, другой — Южный, который никогда не виден⁵⁵⁴ и называется Австронотийским.

(2) Говорят, что при помощи этих двух полюсов (poli) движется небесная сфера, и вместе с ее движением созвездия, закрепленные на ней, кружатся от востока к западу, совершая на севере более короткие круги вокруг центра.

Глава XXXIV. О беге той же сферы

Сфера неба поворачивается от восхода к закату единожды в день и ночь за двадцатичетырехчасовые промежутки [времени], за которые Солнце, вращаясь, завершает свой бег над землею и под землею⁵⁵⁵.

Глава XXXV. О быстроте [вращения] неба

Говорят, что сфера неба движется с такой быстротой, что, если только светила перестанут мчаться навстречу стремительному ее бегу так, чтобы задерживать ее, она обратит мир в развалины.

Глава XXXVI. Об оси неба

Ось (axis) [мира] есть северная прямая линия, которая проходит через середину шара (pila) сферы; и названа она осью потому, что вокруг нее сфера поворачивается как колесо, или поскольку там есть [созвездие] Возок⁵⁵⁶.

Глава XXXVII. О небесных полюсах

Полюса (poli) [мира] суть маленькие окружности, которые вращаются по оси [мира]. Из них один — Северный, который никогда не заходит, и называется Борейским, другой — Южный, который никогда не виден, и называется Австронотийским. И названы они полюсами, поскольку они ступицы (суcli) оси, как это делается в повозках, то есть именуется от шлифования (poliendum)⁵⁵⁷. Но Борейский полюс виден всегда, Австронотийский же никогда, ибо все правое на небе расположено выше, а южное опущено.

Глава XXXVIII. О точках вращения неба

Точки вращения (cardines) неба — это крайние части оси [мира]. И названы они так потому, что с их помощью поворачивается небо, или поскольку они вертятся как сердце (cor).

Глава XXXIX. О небесном своде

Свод (convexa) же неба есть его край, названный [так] от изгиба (curvitas), как, [например], следующее:

Сколько уж раз своды неба окутались влажной ночью.

Ведь сводчатое — это изогнутое (curvum), как бы повернутое (con-versum) и наклоненное, и искривленное в виде круга.

Глава XL. О вратах неба

Врат (ianuae) неба два — восточные и западные. Ведь через одни врата Солнце выходит, а через другие уходит назад.

Глава XLІ. О двойном лице неба

Лицо (facies) неба, или голова, — это восточная область, а крайняя [часть] — северная.

О чем Лукан:

Так же лежит и конечная часть Вселенной под гнетом Вечной зимы и снегов (Lucean., Phars., IV, 106—107).

Глава XLII. О четырех частях неба

Областей (*climata*) неба, то есть сторон или частей, четыре, из коих первая часть восточная, поскольку там восходят некоторые светила; вторая — западная, где у нас заходят некоторые светила; третья — северная, куда Солнце приходит с более длинными днями; четвертая — южная (*australis*), куда Солнце приходит, когда ночи длиннее [дней]⁵⁵⁸. (2) Восток (*Oriens*) наречен от появления (*ex-ortum*) Солнца. Запад (*Occidens*) — поскольку он делает так, что день как бы погибает (*occiditur*) и гаснет. Ведь он скрывает свет мира и напускает мрак. Север (*Septentrio*) же назван от семи (*septem*) звезд полюса (*axis*), которые, поворачиваясь, кружатся в нем самом⁵⁵⁹. Он справедливо называется также центром вращения (*vertex*) [мира] потому, что вращается (*vertitur*). (3) Полдень (*Meridies*) же назван [так] или поскольку в этом месте Солнце делает середину дня, как бы «полудень», или поскольку в это время эфир сверкает (*micat*) чище.

(4) Есть и другие семь параллелей (*climata*) неба, как бы семь линий от востока до запада, под которыми особым [для каждой] образом производятся различные нравы людей и разные животные и которые названы от наиболее известных своих мест. Из коих первая — Мероэ (*Merois*), вторая — Суена, третья — Нижний Египет (*Catachoras*), то есть Африка, четвертая — Родос, пятая — Геллеспонт, шестая — Месопонт, седьмая — Борисфен (*Borusthenes*)⁵⁶⁰.

Глава XLIII. О полусферах

Полусферы (haemisphaeria) — это половинные части сферы. Надземная полусфера есть та часть неба, которая нам полностью видна; подземная полусфера есть та, которую невозможно видеть, [так] как днем она бывает под землей.

Глава XLIV. О пяти кругах неба

Поясов (*zoniae*) неба пять⁵⁶¹. Некоторые из них, более умеренные части, отличаются тем, что населены, а некоторые из-за свирепого холода или жары остаются незаселенными. Каковы потому называются поясами или кругами, что существуют в круговращении [небесной] сферы.

(2) Из них первый круг потому называется ἀρκτικός (арктическим), что в нем просматриваются включенные [в него] знаки Арктов⁵⁶².

Второй круг — θερμός (жаркий), который зовется τροπικός; (тропическим, поворотным), поскольку Солнце, принося лето в аквилонские [=северные] пределы, за этот круг не выходит, но тотчас поворачивается, и поэтому он называется τροπικός.

(3) Третий круг — ἰσημερινός (экваториальный), который латинянами потому называется равноденственным (*aequinoctialis*), что Солнце, пребывая в этом круге, совершает равноденствие. Ведь ἰσημερινός («равнодлительным») по-латыни называются и день и ночь [во время равноденствия]. В этом круге, будучи установленной, ясно просматривается половинная часть сферы [неба].

Четвертый же круг назван ἀνταρκτικός (антарктическим) потому, что является противоположным тому кругу, который мы называем ἀρκτικός.

(4) Пятый круг — χειμερινός τροπικός; (зимний тропический), который латинянами называется зимним или [кругом] зимнего солнцеворота (*brumalis*), потому, что Солнце, пребывая в этом круге, приносит зиму тем, которые живут у Аквилона, и лето — тем, которые живут в южных частях [света].

Глава XLV. О круге Зодиака

Зодиак (*Zodiacus*) же есть круг, который состоит из углов пяти линий <u>из одной линии⁵⁶³.

Глава XLVI. О белом круге

Круглый Млечный Путь (Lacteus Via), который виден на [небесной] сфере, назван так от белизны, поскольку он белый. Как говорят некоторые, это есть путь, по которому кружится Солнце, и светит он так, перенимая его сияние⁵⁶⁴.

Глава XLVII. О величине Солнца

Величина Солнца (Sol) больше (fortior) [величины] Земли, поэтому в то мгновение, когда восходит, оно одновременно показывается равно на востоке и на западе⁵⁶⁵. А то, что оно кажется нам [диаметром] примерно с локоть, надлежит понимать, поскольку Солнце [далеко] отстоит от Земли; и из-за этого расстояния получается так, что оно кажется нам маленьким.

Глава XLVIII. О величине Луны

Сообщают также, что величина Луны (Luna) меньше [величины] Солнца. Ведь пока Солнце выше Луны⁵⁶⁶, оно все-таки кажется нам [несколько] больше Луны, однако если его приблизить к нам, оно покажется много больше Луны. И подобно тому, как Солнце мощнее Земли, так и Земля мощнее Луны на некоторую величину⁵⁶⁷.

Глава XLIX. О природе Солнца

Пока Солнце является огненным, оно из-за чрезмерного движения при обращении еще больше раскаляется. Философы говорят, что его огонь питается водою⁵⁶⁸ и получает от [этого] противоположного элемента энергию (virtus) света и теплоты. Поэтому мы чаще видим его влажным и источающим росу.

Глава L. О движении Солнца

Солнце движется⁵⁶⁹ само собою, а не вращается вместе с миром [=сферою звезд]. Ибо если бы оно оставалось на небе неподвижным, все дни и ночи были бы равными, но поскольку мы видим, что оно завтра зайдет в одном месте, а вчера восходило в другом, очевидно, что оно движется само собою, а не вращается вместе с миром. Ведь оно совершает годовые круги за неравные промежутки вследствие смен времен (*mutationes temporum*) [года]. Восходя, оно делает день, заходя, приводит ночь. (2) Ибо, уходя далеко на юг, оно делает зиму (*hiems*), чтобы [наша] земля напиталась от зимней влаги и снега. Приближаясь само к полюсу, оно возвращает [нам] лето (*aestas*), чтобы урожай созрел спелым и те [овоци и плоды], которые варятся во влаге⁵⁷⁰, размягчались от нагревания.

Глава LI. О действии Солнца

Солнце, восходя, делает день, заходя, приводит ночь, ведь день (*dies*) — это Солнце над землею, ночь (*nox*) — Солнце под землею. От него ведь [происходят] часы. От него — день, когда оно восходит, от него же и ночь, когда заходит. От него считают месяцы и годы. От него происходят смены времен [года]. (2) Когда же оно движется на юг, оно ближе к земле, когда же оно вблизи севера, оно поднимается выше⁵⁷¹. <Ему, поэтому, Бог установил различные пути (*cursus*), места и времена, чтобы, оставаясь всегда на одном и том же месте, оно своим ежедневным жаром не уничтожило [землю], и как говорит Климент⁵⁷²: «[Солнце] получает различные пути, посредством которых в зависимости от последовательности времен [года] регулируется правильное устройство климата (*aeg*) и сохраняются в порядке чередование и перемена [времен]. Ибо пока оно восходит к высотам, стоит весна. Там, где доходит до вершины, оно пылает летним жаром. Спускаясь назад, возвращает осеннюю умеренность. Там же, где возвращается в нижнюю [часть] круга, оно из ледяных скреп неба оставляет нам холод зимней стужи».>

(Далее следует круглый чертеж, который в середине имеет центр мира [O], а вокруг него — положения Солнца, подписанные так: «Это восход Солнца в Рождество Господне» [Δ]; «Шестой час дня» [Θ]; «Заход в Рождество Господне» [Γ]; «Заход в равноденствие» [Α]; «Заход Солнца в Рождество Иоанна» [Ε]; «Постоянная полночь» [Η]; «Восход Солнца в Рождество Иоанна» [Ζ]; «Это восход Солнца в равноденствие» [Β].)⁵⁷³

Глава LII. О пути Солнца

Солнце, восходя, держит путь на Полдень. Затем оно достигает Запада и омывается Океаном, ходит по неизвестным дорогам под землю, и снова возвращается к Востоку.

Глава LIII. О свете Луны

Некоторые философы говорят, что Луна имеет собственный свет⁵⁷⁴: одна часть ее шара является сияющею, а другая — темною, <так:

□

>, и, постепенно поворачиваясь, она образует различные фазы (formae). (2) Другие, напротив, утверждают, что Луна не имеет своего света, но освещается лучами Солнца. Поэтому она и претерпевает затмение, если между нею и Солнцем проходит тень Земли. <Ведь Солнце находится выше этого места. Отсюда получается, что, когда [Луна] находится под ним, то светится в верхней части; в нижней же, которая обращена к земле, она затемнена.>

Глава LIV. О фазах Луны

Первый вид Луны — двурогий, так:

.Второй — с [серповидным] вырезом, <так>

. Третий — половина, <так:>

. Четвертый — полная <так:>

. Пятый — снова половина <сверху, так:>

. Шестой — снова с вырезом, <так:>

. Седьмой — двурогий, <так:>

*.
(2) Седьмой же с половиною [день лунного месяца] и двадцать второй с половиною — для ее диска средние*

, а прочие[дни] — долевые⁵⁷⁵.

Глава LV. О новолунии

Время новолуния (interlunio) Луны есть время между угасанием и рождением Луны. Бывает же тридцатый день, когда Луна не светит. Ее потому в это время невозможно увидеть, что, находясь в соединении с Солнцем, она затемняется, но в то же мгновение, постепенно нарождаясь, она становится видимою, удаляясь от него.

Глава LVI. О движении Луны

Луна отмеряет месячные промежутки посредством смены убывающего и прибывающего света. Она потому движется по кривой орбите (obliquus cursus), а не по прямой, как Солнце⁵⁷⁶, очевидно, чтобы не упасть в центр Земли; и она часто претерпевает затмение. (2) Ведь ее круг — соседний с кругом Земли. Возрастая, она располагается рогами на восток [т. е. налево], убывая, — на запад [т. е. направо]. И правильно: ибо свет [ее в последнем случае] будет заходить и убывать.

Глава LVII. О близости Луны к Земле

Луна ближе к Земле, нежели Солнце⁵⁷⁷. Потому она по более короткому кругу быстрее совершает свой путь. Ведь путь, который Солнце совершает за триста шестьдесят пять дней, она пробегает за тридцать дней. Потому древние располагали месяцы по Луне, а годы — по движению Солнца.

Глава LVIII. О затмении Солнца

Затмение (eclipsis) Солнца⁵⁷⁸ бывает, поскольку Луна на тридцатый [день месяца] попадает на ту же линию, по которой движется Солнце, и, заградив ее собою, затемняет Солнце. Ибо нам кажется, что Солнце погасло, пока против него стоит диск Луны.

Глава LIX. О затмении Луны

Затмение Луны бывает, поскольку Луна входит в тень Земли. Ведь считается, что она имеет не свой свет, но освещается Солнцем, потому и претерпевает угасание, если между нею и Солнцем попадает тень Земли. (2) Претерпевает же его Луна на пятнадцатый [день месяца] до тех пор, пока не она не уйдет от центра и от тени противостоящей Земли и не увидит Солнца, или пока не будет увидена Солнцем.

Глава LX. О различии светил, созвездий и звезд

Светила, созвездия и звезды между собою различаются. Ибо светило (stella) есть что-либо единичное. Созвездия (sidera) же образованы многими (plurimae) светилами, как, [например,] Гиады, Плеяды. А звезды (astra) — это большие (grandes) светила, как, [например,] Орион, Волонас⁵⁷⁹. Но писатели эти названия смешивают и пишут «звезды» вместо «светила» и «светила» вместо «созвездия».

Глава LXI. О свете светил

Говорят, что светила не имеют собственного света⁵⁸⁰, но освещаются Солнцем, как и Луна.

Глава LXII. О положении светил

Светила [звезды] неподвижны и, будучи закреплены [на небесной сфере], переносятся вместе с небом вечным движением. И днем они не уничтожаются, но затмеваются блеском Солнца.

Глава LXIII. О движении светил

Светила (sidera) или переносятся, или движутся. Переносятся, когда закреплены на небе и вращаются вместе с небом. Некоторые же движутся, <как, например,> планеты, то есть «блуждающие» [светила], которые совершают свои отклоняющиеся, однако, точно определенные, пути.

Глава LXIV. О различном пути светил

Из светил, поскольку они перемещаются по различным небесным кругам, некоторые, быстрее взойдя, позднее заходят; некоторые, позднее взойдя, быстрее склоняются к закату; иные одновременно восходят, но не одновременно заходят; однако все в свое время возвращаются на собственный путь.

Глава LXV. О расстояниях до светил

Светила сами по себе отстоят от Земли на различные расстояния, потому они кажутся для наших глаз [имеющими] неодинаковый блеск (claritas): больший или меньший. Ибо много меньше⁵⁸¹ [расстояния] — у тех [светил], которых мы видим заметными, но те, что расположены дальше, нам видны хуже.

Глава LXVI. О круговом числе светил

Круговое число (*numerus circularis*) светил — это такое [число], по которому, как говорят, познается то, за какое время каждое светило обегит свой круг или по долготе, или по широте⁵⁸². (2) Ибо Луна, как сообщают, выполняет свой круг за целый год, Меркурий — за XX лет, Светоносец [Венера] — за IX лет, Солнце — за XIX лет, Вечерняя звезда [Марс] — за XV <лет>, Фазтон [Юпитер] — за XII лет, Сатурн — за XXX <лет>⁵⁸³. Закончив их, они возвращаются к началу (*reversio*) своего круга в тех же знаках [Зодиака] и частях [земного года].

(3) Некоторые светила (*sidera*) [планеты] из-за лучей Солнца совершают аномалии задержки [движения], или попятного [движения], или стояния, в связи с чем поэт упоминает [следующее], говоря:

...Время года вам Солнце меняет,

Ночью сменяет вам день, планетам лучей своих мощью

Путь заграждает вперед и стоянкой их ход замедляет⁵⁸⁴

(*Lucan., Phars., 201—203*).

Глава LXVII. О светилах-планетах

Некоторые светила потому называются планетами (planetae), то есть «блуждающими»⁵⁸⁵, что они по всему миру различным движением бегают туда и сюда. Отчего — из-за того, что блуждают, — говорят, что они движутся вспять, или совершают аномалии, то есть когда принимают или теряют частицы [солнечного света, огня]. Далее, когда только теряют, говорят, что они движутся вспять (retrograda); и они совершают стояние, когда стоят.

Глава LXVIII. О предшествовании и прямом движении светил

Предшествование (praecedentia), или прямое движение (antegrada-tio) светил [планет], бывает, когда кажется, что светило находится в собственном движении, и что-то против обыкновения [ему] предшествует⁵⁸⁶.

Глава LXIX. Об удалении и попятном движении светил

Удаление (remotio), или попятное движение (retrogradatio) светил [планет], — это такое, при котором светило, находясь в собственном движении, одновременно кажетсядвигающимся вспять.

Глава LXX. О стоянии светил

Стояние (statio, status) светил [планет] бывает тогда, когда светило, хотя и движется не переставая, кажется стоящим в некоторых местах.

Глава LXXI. Об именах светил, которые получили имена небеспричинно

Солнце (Sol) названо [так] потому, что оно одно (solus) видимо [на небе], когда все звезды (sidera) затемнены его сиянием.

(2) Луна (Luna) — это как бы Луцина без среднего слога. О чем Вергилий, [обращаясь к Диане]:

Чистая дева Луцина! (Verg., Eel., IV, 10).

Получила же она имя как производное от света (lux) Солнца потому, что получает от него освещение и отдает полученное.

(3) Звезды (stellae) наречены от стояния (standum), поскольку они всегда стоят закрепленными на небе и не падают. Ибо когда мы видим, что звезды как бы падают, — это не звезды, но выпавшие из эфира огоньки, которые бывают, когда ветер, устремляющийся все выше, увлекает за собою [при последующем падении] эфирный огонь, который в этом своем состоянии похож на падающие звезды⁵⁸⁷. Ибо звезды падать не могут, ведь они, как сказано раньше, неподвижны и, будучи закреплены, переносятся небом.

(4) Созвездия (sidera) наречены потому, что мореплаватели, разглядывая (considerare) их, направляют [свои суда] по выбранному курсу, чтобы не оказаться в каком-либо ином месте из-за обманчивых волн и ветров. Некоторые же светила потому называются «знаками» [=созвездиями], что их наблюдают моряки у рулевых весел, изучая их расположение и блеск, и через эти вещи открывается будущее положение неба. (5) Но и все люди наблюдают их, чтобы предвидеть качества воздуха [=погоду] летом и зимою, весною и осенью. Ведь они обозначают качество времен через определенные места своего восхода и заката.

(6) Первый из знаков — это Аркт (Arcton)⁵⁸⁸, который, будучи закреплен на оси [мира], вращается как семь обращающихся звезд. Это имя — греческое, по-латыни оно значит «медведица»; наши ее называют Септентрионом (Septentrio), ибо она вращается на манер возка. (7) Ведь трионы в собственном смысле — это пахотные быки, и названы [так] потому, что топчут (terant) землю, — они как бы «топтуны» (teriones). То, что Септентрионы не заходят, получается из-за соседства с осью [мира], ибо они находятся на ней.

(8) Медвежий страж (Arctophylax)⁵⁸⁹ назван так потому, что следует за Арктом, то есть за Геликой-медведицей. Его же назвали Волопасом (Bootes) потому, что он постоянно сопровождает Возок. Этот знак состоит из многих ярких звезд, среди которых есть Арктур (Arcturus)⁵⁹⁰. (9) Звезда Арктур помещена за хвостом Большой Медведицы в знаке Волопаса. Названа же Арктуром, то есть как бы ἄρκτου οὐρα (хвост Медведицы), ибо она расположена в груди Волопаса. Восходит же в зимнее время.

(10) Орион (Orion) же сияет на юге за следами Тельца, и назван Орионом от наводнения (urina), то есть разлива воды⁵⁹¹. Ведь, появляясь в зимнее время, он беспокоит море и земли дождями и бурями.

(11) Поэтому латиняне называют его Iugulum (поясом, перевязью), что значит «военный», как, [например] меч (gladius). Из звезд он имеет самый страшный и яркий свет. Если в нем сияют все [звезды], он предвещает ясную погоду, если же порядок его [звезд] затемнен, это означает, что грозит буря.

(12) Гуады (Hyades)⁵⁹² названы αἰετός, то есть от влаги и дождя, ведь

дождь по-гречески называется ὑετός. Ибо они своим восходом производят дожди. Почему и латиняне их именуют влажными, ибо, появляясь, они оказываются знаком дождей. О чем Вергилий:

Арктур и дождливые Гуады... (Verg., Aen., I, 744)

Это семь [звезд] перед Тельцом, и они восходят в весеннее время.

(13) Плеяды (Pliades)⁵⁹³ наречены от множества, ибо множество греки именуют αἰὲς πλειάστου (от самого многочисленного). Это семь звезд за коленами Тельца, из которых видны шесть, а одна скрыта. Латиняне их называют Вергилиями (Vergiliae), обозначая время, то есть весну (ver), когда [эти звезды] появляются. Ибо заходом своим они обозначают зиму, а восходом — лето, время начала навигации.

(14) Звезда Собачка (Canicula), которая также именуется Сириусом (Sirius), в летние месяцы находится посередине неба, и пока Солнце восходит к ней, она связана с Солнцем, и его жар удваивается, а тела разрушаются и [из них] выпаривается влага. Поэтому от этой звезды названы дни каникул, когда также тяжело мыться [в бане из-за жары]. (15) Псом (Canis) же она названа потому, что причиняет телам болезнь, или из-за яркости (candor) пламени, чтобы таким образом получилось, чтобы она казалась светящей впереди [=ярче] прочих. Она была названа Сириусом, потому что ее знали лучше [других звезд]⁵⁹⁴.

(16) Светила-кометы ⁵⁹⁵ (cometae) наречены так потому, что рассыпают за собою волосы (κόμῃ) света. Когда появляется этот род звезд, он означает моровое поветрие или голод, или войну. (17) По-латыни же кометы именуются волосатыми, ибо они разбрасывают языки пламени в виде волос (crinia). Стоики говорят, что их [числом] за тридцать, их имена и действия записали некоторые астрологи.

(18) Светоносец (Lucifer) назван так потому, что среди прочих звезд несет больше света⁵⁹⁶. Это одна из планет. Ее справедливо именуют гривой (iubar) потому, что она распускает свет подобно гриве, но и сияние Солнца, Луны и звезд также именуется этим словом, поскольку они распространяют свои лучи в виде гривы⁵⁹⁷.

(19) Вечерняя звезда (Vesper) — западная, каковое прозвание она получила от Геспера⁵⁹⁸, царя Испании. Она же — и одна из пяти светилпланет, приводящая ночь и следующая за Солнцем. Говорят, что это светило на востоке является Светоносцем, а на западе — Вечернюю звездою⁵⁹⁹. О чем Стаций:

В переменной среде единственный светоч родится

(Stat., Theb., VI, 241).

(20) Светила-планеты — это те, которые не закреплены на небе, как прочие, но носятся в воздухе. Названы же они планетами αἰὲς τῆς πλάνης, то есть «от блуждания». Ведь они носятся иногда на юге, иногда на севере, по большей части против [движения] мира [=сферы неба], и никогда — вместе с миром. Их греческие имена — Φαέθων, Φαίνων, Πυρίων, Ἑσπερος, Στίλβων⁶⁰⁰. (21) Их римляне увековечили именами своих богов, то есть Юпитера, Сатурна, Марса, Венеры и Меркурия [соответственно]. Обманутые ведь и стремящиеся обманывать в своем раболепии, представляя себе что-то из-за любви, они показывали на небе звезды, говоря, что Юпитер есть та звезда, а Меркурий — эта: и возникло праздное мнение. Это ошибочное мнение укрепил диавол, а Христос опрокинул⁶⁰¹.

(22) Далее же в тех [созвездиях], которые самими язычниками именуются «знаками», создается также и образ живых существ, как, [например,] Медведица, <как> Овен, Телец, Весы и тому подобные. Те же [люди], которые хорошо разобрались в созвездиях, побуждаемые пустым суеверием, поместили в число светил и [некий] вид тела, по каковым

причинам они создали и образы, и имена своих богов.

(23) Ведь первый знак, Овен (Aries), который, как и Весы, говорят, [находится] на средней линии мира⁶⁰², они называли из-за Амона-Юпитера потому что, на его голове, создавая призрачный образ (simulacrum) [этого бога], они выдумали бараньи рога⁶⁰³. (24) Этот знак язычники потому установили первым среди знаков, что, говорят, в марте месяце, который есть начало года [у римлян], Солнце направляет свой путь в этот знак.

(24) Но и самого Тельца (Taurus)⁶⁰⁴ среди созвездий помещают в честь Юпитера потому, что, согласно мифу, он превратился в быка, когда похитил Европу.

(25) Также Кастора и Поллукса, [говорят,] после смерти поместили среди созвездий: этот знак называют Близнецами (Gemini)⁶⁰⁵.

(26) Затем говорят о Раке (Cancer)⁶⁰⁶ потому, что когда к этому знаку Солнце приходит в месяце июне, оно начинает двигаться вспять на манер рака, делая дни короче. Неясно ведь, где у этого животного передняя сторона, то есть он направляет свой шаг в обе стороны, так как [у него] передняя сторона — это задняя, и задняя — это передняя.

(27) Огромного Льва (Leo)⁶⁰⁷ в Греции убил Геркулес, и он был помещен среди двенадцати знаков из-за своей мощи. Когда Солнце касается этого знака, оно отдает миру чрезмерно много тепла и производит ежегодные этесийские ветры.

(28) Знак же Девы (Virgo)⁶⁰⁸ был размещен среди звезд ввиду того, что в те дни, в которые Солнце движется по этому [знаку], выжженная солнечным жаром земля не рождает [плодов]. Ведь это время каникулярных дней.

(29) Весы (Libra)⁶⁰⁹ же названы так от равенства своего месяца, ибо в VIII день до октябрьских календ (24 сентября) Солнце, двигаясь в этом знаке, совершает равноденствие. Поэтому и Лукан [говорит]:

...По Весам времена уравнивши (Lucan., Phars., IV, 58).

(30) Скорпион (Scorpio, Scorpius)⁶¹⁰ же и Стрелец (Sagittarius)⁶¹¹ названы так из-за молний в своих месяцах. Стрелец — это человек с ногами в форме лошадиных, которому добавили стрелы и лук, поскольку в его месяце были видны молнии. Потому и наречен Стрельцом.

(31) Знак Козерога (Capricornus)⁶¹² поместили среди звезд из-за козы⁶¹³, кормилицы Юпитера. Ее задней части потому придали вид рыбы, что на те же времена [года] определяли дожди, которые в этом месяце преимущественно бывают наибольшей силы.

(32) Далее Водолей (Aquarius)⁶¹⁴ и Рыба (Piscis)⁶¹⁵ названы от времен дождей, потому что зимой, когда Солнце движется в этих знаках, проливаются более сильные дожди.

И удивительно безумие язычников, которые не только рыб, но даже баранов и козлов, и быков, и медведей, и собак, и раков, и скорпионов перенесли на небо! Ведь и Орла (Aquila), и Лебедя (Cignus)⁶¹⁶ из-за басен о Юпитере они поместили среди небесных звезд, ради памяти о них!

(33) Также они поверили, что Персей (Perseus) и жена его, Андромеда (Andromeda)⁶¹⁷, после своей смерти были взяты на небо, так как они показывали их образы среди звезд и не стыдились называть [звезды] их именами.

(34) Они поместили Возничего (Auriga)⁶¹⁸ Эрхтония среди небесных звезд, потому что думали, что он первым составил квадригу. Ведь они были восхищены, что его гений дошел до уподобления Солнцу, и поэтому они поместили его имя после смерти среди созвездий.

(35) Так и Калисто, дочь царя Ликаона, будучи изнасилованной Юпитером, согласно басням, была превращена Юноной в медведицу, которая по-гречески называется α=

рктос, и после ее убийства Юпитер перенес ее имя вместе с [именем ее] сына в созвездие Септентрионов. Ее саму он назвал Арктом, а ее сына — Медвежьим стражем.

(36) Так и Ли́ра (Lyra)⁶¹⁹ была размещена на небе из-за Меркурия.

Так и Кентавр (Centaurus)⁶²⁰ Хирон был зачислен в созвездия из-за того, что вскормил Эскулапа и Ахиллеса.

(37) Но из какого бы суеверия люди их не называли, они суть светила, которые Бог создал в начале мира и посредством определенных движений [которых] установил порядок отделения времен. (38) Наблюдения, следовательно, этих знаков или рожденья [под ними], или прочие суеверия, которые связываются с постижением созвездий, то есть с узнаванием судеб, — [все они,] без сомнения, вере нашей противны, и должны быть так неведомы христианам, чтобы их даже в записи не видели. (39) Но некоторые, соблазненные красотой и лучезарностью звезд, из-за слепоты умов впали в ошибку в связи со светилами, — в такую, что посредством вредных вычислений, которые зовутся звездочетством (mathesis), они пытаются получить возможность предугадать судьбы вещей. Каковых [людей] не только ученые христианской религии, но даже и язычники Платон и Аристотель, и другие, подвигнутые истиною вещей, осудили согласным мнением, говоря, что от таких мнений рождается только смешение вещей. (40) Ибо, если бы род людей был предназначен к различным деяниям по необходимости рожденья, почему [тогда] хорошие [люди] заслуживали бы похвалы, а дурные получали бы законную кару? И как бы они не предавались мудрствованию о небе, но заблуждения их опровергнуты свидетельством истины⁶²¹.

(41) Порядок же этих вот семи светских наук потому философами был доведен вплоть до звезд [=астрономии], что души, конечно [еще] запутанные светскою мудростью, [уже] отвлекались от земных вещей, и поднимались к высшим созерцаниям.

Л. А. Харитонов «Исидор Севильский» Историко-философская драма

Если человек хочет всегда быть в обществе Бога, он должен постоянно молиться и постоянно читать. Когда мы молимся, мы разговариваем с Богом, когда мы читаем, Бог разговаривает с нами.

Исидор Севильский. «Сентенции»

«Когда заходит солнце, великое светило, каждый лодочник купается в его лучах», — сказал Фридрих Ницше. Солнце античной культуры клонилось к закату... «Еще, сверкая оружием, мерной поступью шагали по римским дорогам легионы, завоеватели мира. Безжалостные к побежденным, готовые предать огню и мечу покоренные города, легионеры были суровы и выносливы, им не были страшны ни холод, ни голод, ни жара, ни ненастье. Еще брели, гремя цепями, вереницы закованных рабов, взятых в неравном бою с римскими войсками или захваченных пиратами-работорговцами. Скрипели по дорогам повозки, запряженные ленивыми волами: они везли в Рим мрамор с Эвбеи, дубленые кожи из Сицилии, стеклянные сосуды из Египта, шерстяные ткани из Сирии, олово Британии, яркий китайский шелк, драгоценные камни и слоновую кость из далекой сказочной Индии». И в небе надо всем этим горели яркие, торжественные, сильные, но уже розовато-красные краски заката, предвестники конца. Таков был могучий Рим во втором, третьем, четвертом веках. Читатель, мы живем с тобой в такое же время... Потому нам нетрудно, положив руку на сердце, согласиться с Ницше: легко быть талантливым в вечернюю пору. Уже не требуется великих свершений, невероятных напряжений духа и подвигов ума, чтобы создавать изысканную прозу или изящные стихи. Можно просто собирать в кристаллы изумительной красоты все творения сердца и разума наших предков. И вместе с тем вокруг нас еще живет множество людей, готовых с нами наслаждаться переливами солнечных лучей в их гранях. Нам есть что собирать, есть что изучать и есть с кем поделиться чувствами и мыслями. Библиотеки быстро пополняются книгами, чаще всего переписанными с древних оригиналов. О «золотая осень» цивилизации! Также среди римских и эллинских писателей находилось немало людей, которые прославили свой век и всю эпоху талантливо выделанными ожерельями из перлов поэзии, литературы, музыки, других искусств и наук. Историк Тацит и астроном Птолемей, сатирик Лукиан и романист Апулей, врач Гален и философ Порфирий, перизет Эллады Павсаний и ее украшатель Герод Аттик — мало ли их, творцов «золотого века». Но вот солнце скатилось к горизонту, мрачные черные тени удлинились, вслед за серыми сумерками падает, как мягкое черное покрывало, темнота. И лишь редкие лучи еще бросают свои отблески на верхушки зданий и венчающих их статуй. Одним из таких последних отблесков ушедшего мира, если не самым последним, стал Исидор Севильский, «энциклопедист темных веков», который жил и творил в Испании в VI и VII веках при визиготских королях.

Сумерки Запада начинались с того, что, как писал в конце IV века историк Аммиан Марцеллин: «Людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных... Даже те немногие дома, которые в прежние времена славилась вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности... Иные боятся науки как яда; читают с большим вниманием только Ювенала и Мария Максима и в своей глубокой праздности не берут в руки никаких других книг»⁶²². Но дальше стало гораздо хуже. Во времена Исидора ученость и образованность были уже не просто никому не нужны, а смертельно опасны — за увлечение эллинскими философиями и знание их языка на Западе, теперь уже варварском, можно было поплатиться головой, как это случилось с Боэцием. Призыв крушить языческих идолов находил неизменно благоприятный отклик у невежественной толпы бездельников, которая еще вчера требовала у языческих императоров гладиаторских боев. Нет, читатель, в такое время быть ученым человеком — дело неблагодарное. В лучшем

случае можно было, как это делали Аврелий Кассиодор, Беда Достопочтенный и многие другие, пересидеть за монастырскими стенами, внося посильный вклад в переписывание и комментирование старых манускриптов, если, конечно, их еще понимали. Монастыри тогда еще были бедными, грабить их было незачем, так что могло и повезти. А времена, действительно, стали мрачными! Подобно ночному пожарищу полыхало то великое и страшное действо, что получило название Великого переселения народов. В конце IV века северная граница Римской империи была прорвана на всем ее протяжении. На западе, в кровопролитной битве на Каталаунских полях гунн сражался с римлянином, острогот с визиготом, гепид с аланом, славянин с саксом. На востоке византиец на последнем дыхании удерживал стены Константинополя от нападавшего гота. В бывшем центре империи вандал торжествовал на пепелище разграбленного им Рима. Даже персы на дальнем востоке и мавры на юге империи вторглись в ее пределы.

Эпизодий 1. Визиготское королевство в Испании

Готы были одним из германских племен, и они, конечно, не сразу оказались в Испании. При Таците они обитали в низовьях Вислы⁶²³. Затем они, будучи самыми опасными из первой волны вторжения германских народов, напали на Иллирик, но были разбиты Клавдием II и Аврелианом в 268—271 гг. Они же первыми из варварских народностей приняли христианство в его арианской форме, еще в конце III века, для чего готский епископ Вульфилла сделал перевод Библии. В V веке это был самый многочисленный из северных народов, вторгшихся в пределы Империи, и одновременно самый культурный и романизированный. Готы делились на две различных народности — визиготы и остроготы (впоследствии по созвучию первые получили название вестготов, а вторые — остготов). Теснимые гуннами, визиготы во главе со своим вождем Фритигерном в 376 г. переправились через Дунай, разграбили Иллирик и Фракию и в 378 г. нанесли сокрушительное поражение римским войскам при Адрианополе, в котором погиб сам император Валент. Новый император, Феодосий, был вынужден заключить с ними мир в 379 г. и предоставить им право поселиться во Фракии как военным союзникам с целью обороны Империи от прочих германцев. На самом деле новый король визиготов Аларих, облеченный высоким званием *magister militum* Иллирика, просто занял позицию на границе Империй и мог нападать на обе. После смерти Феодосия в 395 г. визиготы вторглись сначала в Грецию, затем в Италию, но были разбиты талантливым полководцем Западной империи Стилихоном. Зато после убийства Стилихона, в 410 г., Аларих стал первым варваром, взявшим Рим после галлов Бренна. «Зрелище, когда император Гонорий сидит в своей крепости на болотах Равенны и ничего другого не делает, как только упрямо говорит «нет», вообще жалкое», — резюмирует Т. Моммзен. Аларих правил готами с 395 г. по 410 г. Продолжателем его дела, король Атаульф женился на дочери Феодосия и сестре Гонория, Галле Плацидии, и стал полновластным хозяином Италии. Затем Гонорий придумал, как спровадить его подальше. В это время Галлия была захвачена двумя узурпаторами, которых провозгласили императорами британские и германские легионы; подавить этот мятеж и предложили в 412 г. Атаульфу за хорошую мзду. Тот согласился, разогнал претендентов и сам захватил себе обширные земли в Аквитании и Нарбоннской Галии. Наконец, в 416 г. его преемник, Валлия, организовал королевство визиготов со столицей в Толосе (Тулузе), считаясь союзником и вассалом римлян, но не будучи таковым на деле. Еще в 415 г. визиготы начали освобождать Испанию от варваров⁶²⁴.

В эти беспокойные времена (или чуть раньше) Испания была самой процветающей частью Западной империи. Во-первых, она вообще была первой заморской территорией, которую превратили в провинцию и начали систематически осваивать римляне. Южные и восточные области Испании были романизированы очень рано. Например, Гадес (Кадикс) первым из внеиталийских городов получил римское городское право. Во-вторых, благодаря удачному географическому положению эта благодатная страна почти не испытывала военных опасностей. Правда, южная часть полуострова иногда страдала от набегов мавританских пиратов, а на западе, в Лузитании (Португалии), и на северо-западе, в Галлеции (Галисии) и Астурии, еще долго, до III в. н. э., не было подавлено глухое сопротивление местных племен. Во всяком случае, до времен Флавиев римская оккупационная армия здесь насчитывала три легиона, а далее, до Диоклетиана — один легион (7-й Гемина). И тем не менее это был покой, в особенности для восточной и южной части полуострова, давшей Риму немало знаменитых деятелей культуры, как риторы

Порций Латрон и Сенека старший, философ Сенека, поэты Лукан и Марциал, географ Помпоний Мела, великий знаток латыни Фабий Квинтилиан. Здесь же родились императоры Траян, Адриан и Марк Аврелий. С 27 г. полу-остров делился на три провинции — Тарраконскую, Бетику и Лузитанию. После административных реформ Диоклетиана Бетика и Лузитания были преобразованы в диоцезы (по-гречески, епархии), а Тарраконская провинция разделена на три диоцезы — Тарраконскую, Карфагенскую и Галлецию⁶²⁵.

Судьба Испании свершилась в 409 г., когда трибы вандалов, свевов и аланов перешли Пиринеи. Вандалы, которых было около 80 000, поселились на юге полуострова, свевы — в восточной его части, аланы — в центральной. Собственно, именно вытеснением этих германских племен и объясняются испанские походы визиготов, ведь они считались находящимися на римской службе (пленных князьков готы отправляли в Рим). Всего визиготы провели в Испании четыре войны: первые две, 416—418 гг. и 446—454 гг., были просто набегами так сказать «по заявкам римских императоров», в ходе которых удалось полностью разбить алан. Вандалы в 429 г. сами ушли в Африку, куда их призвал на помощь мятежный римский полководец Бонифаций. Кратковременное владычество вандалов, впрочем, закрепилось в названии области — Вандалия (Андалусия). В 468 г. готский король Эврик, расторгший договор с Римом, завоевывает для себя долину Ибера (Эбро), а масштабная война 471—475 гг. сделала визиготов полновластными хозяевами почти всего Пиринейского полуострова: свевы были оттеснены на северо-запад, в Галлецию, где образовали собственное королевство, да на севере, в Западных Пиринеях оставались непокоренными племена васконов (басков). Собственно, массовое поселение визиготов в Испании относится к 490-м гг.⁶²⁶.

Приблизительно с этого времени начинается период роста и процветания визиготского королевства. В 475 г. визиготы становятся независимыми от Западной империи в связи с гибелью последней. К 478-му году они подчинили себе большую территорию от Гадеса до Намнета (Нанта), то есть почти весь Пиринейский полуостров, кроме его северной части, и Южную Галлию. Правда, продвижению готов на север положили предел франки. Их король Хлодвиг, незадолго перед этим принявший православие, взялся изгнать еретиков-ариан из Галлии. Он раз-

Рис. 1. Политическая карта Западной Европы на 600г.

бил визиготов в решающей битве при Вуйе в 507 г. и успешно отбил Аквитанию. В этой битве пал король Аларих II, а сохранением Нарбона королевство было обязано активному вмешательству остроготского короля Теодориха Великого⁶²⁷. Визиготы перенесли столицу своего королевства сначала в Нарбон, затем в Барцинон (Барселону) и, наконец, в Толет (Толедо) (567 г.), после чего оно стало официально именоваться *Imperium Toletanum*. Далее, в 554 г., завершив покорение вандалов в Африке и остроготов в Италии, на полуостров высадились войска византийского (назовем его так, хотя это некоторый анахронизм) императора Юстиниана, кстати, по приглашению Атанагильда, одного из кандидатов на только что освободившийся готский престол. Здесь они за короткое время овладели частью Бетики от Гадеса до Нового Карфагена (Картахены) и столицей этой провинции, Кордубой (Кордовой).

Поэтому ко времени рождения Исидора (ок. 560 г.) перед его страной стояли три внешнеполитические задачи. Во-первых, завершение покорения королевства свевов в Галлеции. Во-вторых, вытеснение византийцев с юга страны. В-третьих, налаживание отношений с державой Меровингов, с которой визиготы соседствовали, так как владели не только Пиринейским полуостровом, но и Нарбонской Галлией до реки Родана (Роны).

Первая из этих задач была успешно решена к 584 г., хотя покорение соседних со свевами астурийцев и басков в Пиринейских горах оказалось делом невозможным не только для визиготов, но и для арабов уже в VIII в.⁶²⁸ Вторую задачу решили тоже к 584 году, взяв Кордубу. Последняя византийская крепость в Испании, Гадес, пала в 624 году. Византийские императоры не имели никакой возможности помочь самым дальним своим владениям, так как терпели поражение к югу от Дуная от славян и аваров, в Италии — от вторгшихся лангобардов, а на востоке с невероятным трудом удерживали границу с персами. С франками отношения складывались также вполне удачно, так как после смерти Хлодвига в 511 г. его держава была поделена на четыре самостоятельных княжества, постоянно враждовавших между собой.

Таким образом, ко времени детства Исидора в Испании наступил долгожданный мир и порядок, тем более, что его детство и юность пришлось на время правления самого выдающегося из визиготских королей, Леовигильда (568—586 гг.).

Правление визиготов в Испании не было просто варварским за-воеванием. Поначалу короли правили страной как римские патриции, получив полномочия на это от римского императора. Кроме того, население полуострова насчитывало к этому времени около 4 мил-лионов испано-римлян, тогда как всех германцев здесь было не более 300 тысяч, и, в основном, мужчин зрелого возраста, так как женщины, дети и старики не выдерживали трудностей постоянных войн. Следовательно, семьями им приходилось обзаводиться на месте. Готы составляли привилегированную касту воинов и верхушку админис-трации, кроме того, частью жили в долине Тага (Тахо) и центральных областях как фермеры и пастухи. Испаноримляне продолжали составлять основу управленческого аппарата. Третью народность

в Испании составляли тогда еще немногочисленные, но постоянно прибывающие из Палестины евреи. Основным языком общения и управления также оставался латинский. Это было, конечно, очень неплохо для варваров, так как ни франки в Галлии, ни лангобарды в Италии по-латыни уже не понимали.

Религия была постоянным источником трений в VI в. между испано-римлянами, которые придерживались православной веры, и их арианскими правителями. Временами эти трения переходили в от-крытое восстание. Наиболее ярким священником, взявшим на себя бремя искоренения арианской ереси в Испании, был Мартин (ок. 520—560 г.), епископ Браги. Противостояние закончилось торжественным переходом в 589 г. короля Рекареда I и его окружения в православие на 3-м Толетанском соборе, чем утверждался союз между испаноримлянами и визиготами — политическое единство было достигнуто через церковное. На том же соборе, к слову сказать, было впервые сфор-мулировано еретическое «Filioque» — добавление к Символу веры, утверждающее возможность исхождения Св. Духа равно от Отца и от Сына, чем производилось умаление третьей ипостаси Св. Троицы, а соотношение лиц в Троице приравнивалось к простому соотношению свойств, исключая ипостасный характер каждого лица Божества.

Законодательство королевства было основано на принятом в 506 г. *Lex Romana Visigotorum*, кстати, запретившем язычество раньше, чем это было сделано на Востоке (в 529 г.), но установившем равноправие арианства и православия.

Задача же поддержания гражданского управления почти целиком ложилась на плечи церкви, так как только образованный клир и был на это способен. Именно в Испании церковь впервые в христианском мире стала «ядром политической системы», консолидируя общество. Конкретно высшая власть церкви осуществлялась соборами епископов в Толете, которые собирались очень часто и во многом ограничивали власть королевскую. Эти же

соборы представляли собой суды высшей инстанции.

Наконец, еще об одной государственной задаче — образовании — следует рассказать подробнее, так как она имеет непосредственное отношение к нашей главной теме. Отличительной особенностью западной половины Империи, определившей на многие столетия судьбы Западной Европы, было практически полное отсутствие бюрократического государственного аппарата, который сохранился в Византии. Соответственно, задачи поддержания корпуса образованного чиновничества здесь не стояло. К VI веку в Испании уже сложилось то социальное устройство, которое с некоторыми изменениями просуществовало до эпохи буржуазных революций: *laborantes* («трудящиеся»), *militantes* («воюющие») и *oratores* («молящиеся»); это были три совершенно разных мира с разными представлениями о жизни, добродетелях и законах. «Трудящиеся» составляли основную массу крестьянского населения и прислуги; в основном, это были автохтоны. «Воиющие» — это военная власть, которая в те времена не отличалась от исполнительной; она составлялась, главным образом, из немногочисленной потомственной аристократии варваров-пришельцев. О «всеобщем образовании» в этих условиях не могло быть и речи. Прежде всего, никто не собирался заниматься обучением «трудящихся»: их задачей была работа, а для этого — овладение практическими навыками сельского хозяйства и ремесла. От «воюющих» также ожидали, в первую очередь, проявления военных и административных талантов: ведь даже спустя столетия большинство европейского рыцарства, и даже зачастую короли, оставались неграмотными. Хотя справедливости ради надо сказать, в правящей верхушке Толетанской империи с образованием дела обстояли лучше, например, король Сисебут даже сочинил несколько десятков правильных латинских гекзаметров по поводу лунного и солнечного затмений. Но подлинное образование предназначалось именно «молящимся», и уже второй собор в Толете 531 г. обратил особое внимание на воспитание клира. Детей, которых предназначали в белое духовенство, помещали в «дом при церкви» под руководство епископа, причем именно своего без права передачи их в другой епископат, чтобы сам «епископ не получил возможности пребывать в грубом невежестве и безграмотности». Поскольку светские школы просто погибли вместе с распадом административного аппарата Римской империи, задача образования целиком перешла к церквям и монастырям, то есть к кафедральным и монастырским школам. Но содержание образовательных программ было позаимствовано из учебной литературы времен античности, то есть было чисто светским. Поэтому для церкви имели первостепенное значение христианизация и де-секуляризация наук, и в целом эта задача была решена к середине VI в., то есть в сочинениях Кассиодора⁶²⁹.

Таким образом, после удачного разрешения внешне- и внутримо-литических проблем в конце 580-х гг., визиготская империя могла переходить к планомерному государственному строительству и образованию. Исидор Севильский как раз и оказался тем человеком, который выполнил обе эти задачи так талантливо, как это было возможно в его время.

Эпизодий 2. Жизнь Исидора Севильского

Исидор родился около 560 года в Новом Карфагене⁶³⁰. Его отца звали Северианом, а мать — Теодорой. Они, судя по именам, принадлежали к испано-римскому роду и были очень благочестивые христиане. Род был знатный, судя по тому, что все три брата стали епископами.

Кроме того, один сомнительный источник называет Севериана императорским префектом, а легенда связывает его род с визиготскими королями.

В силу благочестия родителей и старший брат Исидора, Леандр, и младший, Фульгенций, и старшая сестра Флорентина приняли постриг, занимали крупные церковные должности и были в разное время канонизированы Католической церковью. Леандр был непосредственным предшественником Исидора на архиепископском престоле в Гиспале (Севилье), Фульгенций был епископом Астигиса (Эсихи), а Флорентина управляла более чем 40 женскими монастырями в этой же епархии.

По-латыни его принято называть *Sanctus Isidorus Hispalensis episcopus*, на современных языках — *St. Isidore of Seville*, *Isidor von Sevilla*, *San Isidoro de Sevilla*, Исидор Севильский.

Свое образование он получил в Кафедральной школе в Гиспале, кстати, единственной в стране. Кафедральные школы были непосредственными предшественниками европейских университетов.?

Преподавание здесь вел кружок весьма образованных людей, среди которых был и Леандр, взявший на себя заботу о младших братьях после ранней смерти родителей. Об этом можно судить по замечанию самого Исидора в письме дуксу Клавдию, в котором он называет Леандра «нашим учителем»⁶³¹. В курс обучения входили свободные искусства. Как говорят, поначалу Исидор был неважным учеником. Согласно поздней легенде, он был знатоком греческого и еврейского языков, но это ошибка, о чем будет сказано ниже. Сомнительно также, чтобы он хорошо знал готский язык, во всяком случае, в его время по-готски уже не говорили. Правда, Ф. Аревало насчитал во всех его сочинениях 1640 испанских слов.

Когда Исидор принял монашеский постриг неизвестно, но зато известно, что он не принадлежал ни к каким сектантским течениям. На своем пути к архиепископскому престолу он проявил себя как защитник монахов. Позднее, в 619 г., он объявит анафему всякому, кто каким-либо образом досаждаст монастырям.

После смерти Леандра в 600 г. он стал архиепископом Гиспала. На этой должности он поставил перед собой задачу свести в единую нацию различные народы, населявшее визиготское королевство. Делать это предполагалось двумя путями.

Во-первых, Исидор продолжил дело Мартина Бракарского и своего брата по искоренению арианской ереси, а также всех появляющихся вновь, например ереси ацефалов. Здесь его усилия увенчались полным успехом. Религиозная дисциплина была усилена, сам он председательствовал на местных соборах в Гиспале (например, втором соборе в 619 г.) и общенациональных — в Толете. Кроме того, Исидор становится доверенным лицом и советником королей, политическую линию которых неизменно он поддерживал и укреплял.

Во-вторых, он предложил объединить нацию системой школьного образования, для чего была предложена образовательная программа и последовательно создавались сами школы. Председательствуя на четвертом соборе в Толете, он издал декрет о создании во

всех ка-федральных городах школ по типу гиспальской. Изучать предписывалось не только христианские науки, но и светские свободные искусства, даже греческий и еврейский языки. Также поощрялся интерес к медицине и юриспруденции, чем закладывалась средневековая система трех факультетов университетов — богословского (с обязательным предварительным изучением искусств), юридического и медицинского. Еще до арабов он стремился поддержать интерес к Аристотелю.

Вся школьная программа была изложена в громадном компилятивном труде, получившем название «Этимологии, или Начала в XX книгах». Здесь впервые в философской практике после Посидония была создана энциклопедия (*summa*) универсального знания, воплощавшая все, что было изучено как древности, так и относительно недавно. Этот труд, без сомнения, дает право называть Исидора самым образованным человеком своего времени.

Вершиной политической карьеры Исидора, вероятно, стал четвертый собор в Толете в 633 г., когда к его услугам были все епископы королевства. Будучи уже в преклонных летах, он, как полагают, пред-седательствовал и живо участвовал в дискуссиях; большая часть дек-ретов создана под его руководством.

Умер он в Гиспале, 4 апреля 636 года. Останки его впоследствии были перенесены в Леон.

Канонизирован Католической церковью в 1598 г. (день памяти — 4 апреля н. ст.), в 1722 г. провозглашен доктором Церкви, в 1999 г. стал святым покровителем компьютеров, компьютерщиков и компьютерных пользователей, а также Интернета (видимо, потому что его «Этимологии» — это средневековый Интернет в миниатюре), а затем и вообще школьников и студентов (вполне заслуженно!). Русская Пра-вославная церковь почитает его как известного ученого: канониста и историка, но не считает святым, так как он был сторонником «*Filioque*».

Изображался обычно в виде благовидного старца в епископском облачении с пером в руках, вокруг которого вьется рой пчел, или стоящего у пчелиного улья. Также можно встретить его портреты вместе с братьями, сестрой или книгой «Этимологий».

Исидор был последним из великих латинских Отцов церкви. Его друг и современник, епископ Цезаравгусты (Сарагоссы), Браулон, называл его человеком, особо возвышенным Богом для спасения народов Испании от приливной волны варварства, угрожавшей уничтожить древнюю культуру. Восьмой собор в Толете (654 г.) отзывался о нем так: «выдающийся ученый (*doctor*), новейшее украшение Католической церкви, наиболее образованный человек последних веков, которого всегда следует именовать с почтением».

Наиболее известные монографии, посвященные его жизни и трудам:

§ Fontaine J. (Жак Фонтэн). *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*. — P., 1959.

§ Brehaut E. (Эрнест Брехейм). *An Encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville*. — N.Y.: Columbia University, 1912.

§ Can al C. (Карлос Каньял). *San Isidoro. Exposición de sus obras e indicaciones acerca de la influencia que han ejercido en la civilización española*. — Sevilla, 1897.

§ На русском языке монографий, посвященных Исидору, нет. Есть обзорное исследование: Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. — М.: Наука, 1989 (здесь же можно найти более подробную библиографию); а также ряд статей того же автора.

Эпизодий 3. Сочинения Исидора Севильского

Сказать, что Исидор был плодовитым писателем, значит не сказать еще ничего. Следуя Идельфонсо Толедскому⁶³², приведем перечень его основных светских и христианских работ. Главная особенность всех его трудов — та, что Исидор не был самостоятельным и оригинальным автором и мыслителем, а компилятором, но... очень талантливым компилятором. Говорят, что его сочинения составляют первую главу в испанской национальной литературе. Первое издание его трудов in folio было выполнено Мишелем Сомниусом (Париж, 1580). Другое достаточно полное и основанное на рукописях издание было выполнено Гомесом (Мадрид, 1599). Следующее издание было сделано на основе мадридского дю Брёлем (Париж, 1601). Последнее и лучшее из всех изданий было выпущено Фаустином Аревало в 7 томах ([Рим:1797-1803](#)), которое затем Жак-Поль Минь поместил в свою «Патрологию» (Series Latina, vol. LXXXI-LXXXIII, Париж, 1850).

1. Первое место в списке его сочинений бесспорно занимают упомянутые выше «Этимологии, или Начала, в XX книгах» («*Etymologiarum, sive Originum, Libri XX*») — уникальная энциклопедия античного знания, составленная, в основном, по светским источникам. Всего в ней упомянуто 154 автора и великое множество других в незакавыченных цитатах. Популярность этой работы была невероятно велика до времен Данте. Да и позднее книга пользовалась немалым уважением. Аревало насчитал 10 изданий между 1470 и 1522 гг., не считая массы средневековых и более поздних подражаний (иногда, довольно удачных, как у Рабана Мавра).

«Этимологии» остались незаконченными. Первым редактором этой книги был упомянутый Браулон, которому же принадлежит и разделение всего труда на 20 книг. Из них книги I-VIII — чисто образовательные, выстроенные по ступеням восхождения ума к Богу (I-III посвящены семи свободным искусствам, IV-V — «второй философии», VI-VIII — теологии), остальные книги имеют вид энциклопедии. Вот перечень этих книг:

Книга I. О грамматике.

Книга II. О риторике и диалектике (последняя излагается, в основном, по Аристотелю в переводах Бозция и Мария Викторина).

Книга III. Об арифметике, геометрии, музыке и астрономии.

Книга IV. О медицине (по Целию Аврелиану).

Книга V. О законах и хронологии.

Книга VI. О священных книгах и обязанностях.

Книга VII. О боге, ангелах и церковной иерархии.

Книга VIII. О церкви и еретических сектах (последних насчитывается минимум 68, сюда же попадают и философские школы античности).

Книга IX. О языках, народах, царствах, воинах, гражданах и государственных постах.

Книга X. Об этимологии имен в алфавитном порядке, ж Книга XI. О людях и чудовищах (чаще всего цитируется Лак танций).

Книга XII. О животных.

Книга XIII. О мире и его частях.

Книга XIV. О земле и ее частях (география). Книги с XII по XIV излагаются по Плинию и Солину. Книга XV. Об общественных зданиях и дорогах.

Книга XVI. О камнях и металлах (химия, минералогия),

Книга XVII. О сельском хозяйстве.

Книга XVIII. О войне и играх (терминология войн, юриспруденции и общественных игр).

Книга XIX. О кораблях, зданиях и одеждах.

Книга XX. О съестных припасах, домашних и сельскохозяйственных орудиях (экономика).

2. К «Этимологиям» близко примыкают «Различения в двух книгах» («*Differentiarum Libri II*»). Эти две книги — «Различения слов» и «Различения вещей». Первая — словарь синонимов, составленный очень эрудированным человеком, не лишенным изобретательности. Вторая — изложение теологии и аскетической морали с присовокуплением рассуждений о тринитарной и христологической проблемах. Предположительно, светская часть этого труда навеяна одноименной работой Катона.

3. «Синонимы» («*Synonyma*»), или, как их еще называют, «Книга стенаний» («*Liber lamentationum*») написаны в том же духе, что и первая книга «Различений». Все это представлено в виде диалога Человека и Разума. Главная тема диалога — Человек оплакивает состояние, в которое он попал из-за первородного греха, а Разум успокаивает его, говоря, что он еще может достичь вечного блаженства. Вторая часть этой работы посвящена проблеме зла и добродетели.

4. «О природе вещей» («*De natura rerum*») — учебник элементарной физики. Он написан по просьбе короля Сисебута, правившего с 601 по 612 гг., ему же и посвящен. Здесь рассматриваются астрономия, география и прочее. Это одна из лучших книг Исидора, которой наслаждались многие люди средних веков. Она была отредактирована Г. Беккером (Berlin, 1857).

5. Подлинность книги «О порядке творений» («*De ordine creaturarum*») оспаривалась некоторыми критиками, но Аревало решительно приписывает ее Исидору. Здесь речь о различных физических и теологических вопросах типа тринитарного, последствия первородного греха, проблемах вечности океана, небес и небесных тел.

Исторические и биографические труды Исидора представлены тремя крупными работами.

6. Прежде всего, это «Хроника» («*Chronicon*») — всеобщая хроника. В ее предисловии Исидор сообщает, что он обязан этим трудом Юлию Солину Африканскому, Евсевию в переложении бл. Иеронима Стридонского и Виктору из Туннуны.

7. «История королей готов, вандалов и севов» («*Historiade regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum*», иначе «*Origo Gothorum*») посвящена, в основном, готским королям (к истории вандалов и севов автор обращается в двух кратких приложениях). Это работа — главный авторитет по истории готов на Западе. Она содер жит интересное утверждение бл. Иеронима, что готы происходят от народов Гога и Магога. Как и прочие писания Исидора, она — компендиум более ранних исторических сочинений. «История» дошла до нас в двух редакциях, одна из которых кончается годом смерти короля Рекареда II (612 — 621 гг.), а вторая датируется пятым годом правления его преемника, Свинтилы. Исторические работы Исидора редактировал Т. Моммзен (Mon. Germ. Hist.: Auct. antiquiss. Berlin, 1894).

8. «О сиятельных мужах» («*De viris illustribus*») — главная работа в раннехристианском биографическом жанре и составляет наиболее интересную главу в ранней патрологической литературе. К числу этих знаменитых мужей Браулон добавил и самого Исидора. Ученик Исидора и Браулona, Идельфонсо Толедский, добавил к работе краткий список испанских богословов. Вся работа — продолжение труда Геннадия, полупелагианского священника из Массилии, написанного между 467 и 480 гг. Затем она была, в свою очередь, продолжена бл. Иеронимом.

Среди работ Исидора по теологии и библеистике наиболее примечательны:

9. «О рождении и смерти отцов, прославленных в Писании» («*De ortu et obitu patrum qui in Scriptura laudibus efferuntur*») рассматривает наиболее знаменитых лиц из Свщ. Писания. Впрочем, книга содержит множество пассажей, которые в свете современного знания выглядят довольно наивно или фантастически.

10. «Некоторые аллегории Свщ. Писания» («*Allegoriae quaedam Sacrae Scripturae*») рассматривает аллегорическое значение, которое приписывалось наиболее значительным библейским персонам. Всего рассматривается около 250 лиц из Ветхого и Нового Заветов.

11. «Книга о числах, встречающихся в Свщ. Писаниях» («*Libri numerorum qui in Sanctis Scripturis occurrunt*») — весьма любопытная диссертация на тему мистического значения разных библейских чисел.

12. «Введение в книги Ветхого и Нового Завета» («*In libris Veteri et Novi Testamenti prooemia*»), как и следует из названия, является общим введением для начинающего читать Свщ. Писание с особыми введениями для книг Ветхого и Нового Завета.

13. «Вопросы к Новому и Ветхому Завету» («*De Veteri et Novi Testamento questiones*») — ряд вопросов, касающихся Свщ. Писания.

14. «Представления Св. Таинств, или Вопросы к Ветхому Завету» («*Secretorum expositiones sacramentorum, seu Questiones in Vetus Testamentum*») — мистическое представление книг Ветхого Завета: Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Второзакония, Иисуса Навина, Судей, Царей, Ездры и Маккавеев. Оно основано на писаниях ранних Отцов Церкви.

15. «О католической вере из Ветхого и Нового Завета, против иудеев» («*De fide catholica ex Veteri et Novo Testamento, contra Iudaeos*») — одна из наиболее известных и похвальных книг Исидора. Это сочинение апологетически-полемического характера посвящено сестре Исидора, Флорентине, по просьбе которой, как полагают, и было написано. Его популярность в средние века была безгранична, и оно переводилось на множество наречий. Оно посвящено мессианским пророчествам, преходящести старого закона и христианским заповедям. Первая часть касается второго лица Св. Троицы и его второго пришествия для Страшного суда. Вторая часть посвящена неверию иудеев, воззванию к язычникам и преходящности субботы. Все вместе — обращение к евреям с требованием принять христианство.

16. «Сентенции в III книгах» («*Sententiarum Libri III*») — компендиум морального и догматического богословия. Наиболее щедрые вклады в его содержание внесли свт. папа Григорий Великий и бл. Августин. Признаки божества, рождение, зло и различная смесь — темы первой книги. Вторая книга имеет смешанный характер, тогда как третья касается церковных порядков, божьего суда и наказания. Считается, что эта работа сильно повлияла на Петра Ломбардского и его знаменитые «Сентенции».

17. «О церковных службах» («*De ecclesiasticis officiis*»), разделенная на две книги: «О происхождении служб» и «О происхождении служителей». В первой книге Исидор рассматривает поклонение Богу и, в частности, испанскую литургию. Здесь также содержится ясное объяснение св. причастия. Во второй книге рассматриваются церковная иерархия и разные вопросы церковной жизни. Здесь можно найти много всего интересного касательно музыки вообще и ее приспособления к христианской службе.

18. «Монашеские правила» («*Regulae monachorum*») — образ жизни, предписанный для монахов, и вообще рассматривает вопрос монашества. Автор предоставляет обильные доказательства подлинной демократии христианской религиозной жизни, назначая вступительный взнос для лиц разных рангов и состояний. Не было отказано даже рабам. «Бог, — говорит Исидор, — не делает различия между душой раба и душой свободного человека». Он настаивает, что в монастыре все равны перед лицом Бога и Церкви.

К сожалению, переводы на русский язык сочинений Исидора практически отсутствуют. Фрагменты из трактата «О природе вещей» в переводе и с комментариями Т. Ю. Бородай появились в кн.: *Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме.* — М., 1985. Фрагменты из «Истории о царях готов, вандалов и свевов», «Этимологий» и «Синонимов» в переводе Т. А. Миллер были опубликованы в кн.: *Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков.* — М., 1970. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что и первое полное издание «Этимологий» на испанском языке вышло только в 1951 г. (*Cortezy Gongora L. San Isidoro de Sevilla. Etimologias.* — Madrid, 1951).

«Этимологии» и «Сентенции» — единственные произведения, представленные сегодня в Интернете. Латинский оригинал можно найти на веб-сайтах «Библиотека Августана» Аугсбургского университета (<http://www.fh-augsburg.de/harsch/augustana.html>) и Академии «Ad Fontes» Северной Вирджинии (<http://www.thelatinlibrary.com>). Применительно к «Этимологиям», в обоих случаях переведено в электронный вид последнее двухтомное оксфордское издание 1911г. под редакцией У. Лундсея (*Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum, sive Originum, libri XX / Rec. et instr. W. M. Lindsay.* — Т. 1—2. — Oxford: Clarendon Press, 1911).

Эпизодий 4. Свободные искусства: путь «из греков в латинцы»

Книга, которую вы, читатель, держите в руках, — это первая попытка представить «семь свободных искусств» на русском языке изнутри (*in se*), то есть так, как их видели создатели и первые читатели. Потому надлежит сказать несколько слов, что это за искусства и как они попали в Испанию VII в.

Прежде всего, они подразделялись на тривиум, то есть «трехпутье», — грамматику, риторику и диалектику (логику) — а также квадравиум, или «четырёхпутье», — арифметику, геометрию, гармонику (музыку) и астрономию. Именно в таком составе во времена всего средневековья они были первой ступенью школьной и университетской образовательной программы, подготовительной по отношению к изучению теологии.

Самозарождение этих наук происходило в Элладе в период с начала VII по середину IV вв. до н. э. Кратким очеркам их становления и развития посвящены следующие два эпизодия, поэтому пока ограничимся констатацией факта, что превращением их в науки мы обязаны, в первую очередь, пифагорейцам и софистам. Задним числом логика построения всех «семи свободных искусств» была осмыслена следующим образом: прежде всего, надо научиться читать, писать и понимать язык, то есть грамматике, а также надо, как минимум, уметь говорить складно, а в идеале — произносить убедительные речи, рассчитанные на широкую публику. Это называлось риторикой, без которой жить в эллинском полисе V-IV в. до н. э. было очень трудно). Диалектикой называлось то, что мы сегодня зовем наукой логики, то есть способность выстроить речь и мысль в строгом доказательном порядке. Тем самым совершался переход от обыденного к научному знанию, которое закреплялось в квадравиуме, который иначе называли «четырьмя математическими дисциплинами». Например, великий философ Платон, размышляя над тем, что есть справедливость, и предлагая ее воплощение в виде идеального государства, в VII книге «Государства» задался целью рассмотреть, какие науки следует изучать правящему в этом государстве классу философов, чтобы их ум направлялся на созерцание вечных сущностей, идей, то есть чистого умопостижаемого бытия. Для этого были предложены, во-первых, искусство счета (арифметика), во-вторых, геометрия, в-третьих, теоретическая астрономия, наука о гармонии (музыка). Все это науки сугубо «математические» в нашем понимании этого слова, так как астрономия мыслилась как стереометрия, а музыка была наукой о соотношении длин струн и связанных с этим созвучиях. Сверх того, была предложена философия (здесь именуемая диалектикой), как наука о познании сущности каждой вещи.

Итак, к середине IV в. до н. э. в Афинах сложились наши семь «искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. И не только они! Выделялись еще архитектура, медицина, оптика, механика, геодезия, архитектура, наука о животных, минералогия и многие другие. Кроме того, пока никто их еще не называл свободными искусствами. Во-первых, потому, что порядок преподавания был совершенно иной. Например, в платоновской Академии, самой хорошо организованной философской школе, начинали с математических наук, особенно геометрии (знание грамматики на начальном уровне предполагалось еще до поступления туда), затем переходили к диалектике, которую противопоставляли эристике, а затем читали и комментировали диалоги Платона. Ко временам неоплатоника Ямвлиха (260—330 гг. н. э.) порядок чтения диалогов был таков: «Алкивиад I» — «Горгий» — «Федон» — «Кратил» — «Теэтет» — «Софист» — «Политик» — «Федр» — «Пир» — «Филеб» — «Тимей» — «Парменид»⁶³³. Во-

вторых, греческие школы, в особенности эллинистического периода, стремились не столько научить человека указанным наукам и на этом закончить его образование (как это делается у нас сейчас), сколько «учили жить, как подобает философу». Это означало, что учителя, например школы стоиков, могли сколько угодно заниматься теорией языка и стиля, но учили то, как надо жить, то есть воздержанию и самодисциплине. Так же поступали и эпикурейцы. Иначе говоря, в эллинистическую эпоху система греческого образования имела явно эстетическую направленность (что, конечно, не исключало применение любознательного и теоретизирующего эллинского ума ко всем вопросам, божеским и человеческим).

Римляне были людьми иного склада. Например, они были прекрасными организаторами и «институционализаторами», ведь такая вещь, как «государственный аппарат» в европейском его варианте — это их творение. Также и в области образования они уже к III в. до н. э. разработали трехступенчатую систему школ: *ludus* (начальная школа, или школа «литератора») — средняя школа (школа «грамматика») — риторическая школа. Эллы же были плохими организаторами: «школа» у них работала там, где в данный момент находился учитель. Зато само римское образование было гораздо более педантичным («схоластичным») и более ориентированным на практику. Однако по мере общего помрачения красок, о котором была речь в прологе, наследие античной культуры в преподавании все более и более сокращалось, а с этим все больше усиливалось стремление свести всю эту культуру к некоему систематизированному набору, который, конечно, был призван служить ступенью на пути христианского богопознания⁶³⁴. Так и появились «свободные искусства» в количестве всего лишь семи — соединение всего светского, языческого знания, которое необходимо было (для начала!) знать христианину. Кстати, «свободными» их назвал Цицерон в трактате «Об обязанностях», разбирая вопрос, что достойно, а что не достойно свободного человека.

Латиноязычную публику со «свободными искусствами» познакомил крупнейший римский ученый-энциклопедист М. Теренций Варрон (116—27 гг.). Его труд «Науки» («*Disciplinarum Libri IX*») был посвящен грамматике (кн. I), диалектике (кн. II), риторике (кн. III), геометрии (кн. IV), арифметике (кн. V), астрономии (кн. VI), музыке (кн. VII), медицине (кн. VIII) и архитектуре (кн. IX). К сожалению, он был утрачен уже ко временам Исидора, и нам невозможно подробно восстановить его содержание.

Знаменитый римский ритор Г. Фабий Марий Викторин (ок. 300 — после 362 г. н. э.) был, по словам Августина, «глубоким знатоком всех свободных наук»⁶³⁵. Он писал сочинения на темы грамматики, риторики и логики, а после обращения в христианство — и теологии. В историю науки и философии он вошел как переводчик и комментатор аристотелевских логических сочинений, а также работ неоплатоников. Из поздних специалистов по «искусствам» только он и Боэций знали греческий язык.

Особняком стоит имя крупнейшего из латинских отцов церкви — блаженного Аврелия Августина (354—430 г. н. э.). Его философские воззрения лежат далеко от языческих наук, но его риторическое прошлое и блестящая образованность сказались в его педагогической мысли, выраженной в труде «Христианское образование», а логическая мысль — в книге «Диалектика». Он пытался расширить круг преподаваемых дисциплин (даже в части философии) и углубить их содержание, хотя и безуспешно.

Продолжателем дела Варрона спустя четыре века был адвокат Марциан Капелла (перв. четв. V в. н. э.), который свел воедино именно и только эти семь «свободных искусств» как таковые и вывел их в книге «О бракосочетании Филологии с Меркурием» («*De nuptiis Philologiae et Mercurii*»), написанной между 410 и 429 гг. н. э. Сюжет этого романа в

прозе и стихах, написанного в подражание древним «сатирам» и посвященного сыну, также Марциану, весьма причудлив и интересен. Бог Меркурий, утомленный своим безбрачием, решил жениться, но получил отказ со стороны Мудрости, Провидения и Души. Наконец, Аполлон посоветовал ему искать руки очаровательной молодой и мудрой девы по имени Филология. Боги дают свое согласие на бракосочетание при условии, что невеста станет божественной. Филология соглашается. Ее мать, Размышление, главные добродетели, три грации окружают и украшают невесту. Филология пьет кубок амброзии, которая делает ее бессмертной, и представляется богам, которые дают ей свадебные дары. Феба приводит несколько молодых женщин, которые станут слугами Филологии. Эти женщины — семь свободных искусств: Грамматика, Диалектика, Риторика, Арифметика, Геометрия, Астрономия и Гармония. Первая и вторая книги «Бракосочетания» содержат эту аллегорию. Каждая из последующих книг посвящена одному из искусств: оно само описывает принципы науки, которой руководит. Наконец, наступает ночь. Архитектура и Медицина, конечно, присутствуют, но они осуждены на молчание, так как слишком заботятся о земных делах, ибо уже Цицерон в трактате «Об обязанностях» противопоставил эти два «ремесла» прочим наукам, ведущим к нравственно-прекрасному. Когда спеты все венчальные песни, Гармония отводит невесту в брачный покой. Все это красивая аллегория, написанная в подражание Апулею, правда ее стиль слишком педантичный, часто преувеличивающий дефекты языка прототипа, зато стихи — выше всех похвал. Следовательно, ко временам Капеллы эти две науки исчезли из школьных программ, все более склонявшихся к преподаванию только риторики и наук, ее сопровождающих. Каждая книга Марциана Капеллы — выжимка или компиляция более ранних авторов: книга IV (диалектика) содержит обзор всех наиболее известных логических трактатов на латинском языке, в первую очередь, «Топики» Цицерона, «Об истолковании» Апулея и «Диалектики» бл. Августина; книга V (риторика) взята из Аквилы и Фортунациана; книга VI (геометрия, включая географию) — из Солина и, в значительно сокращенном виде, из Плиния Старшего. Книга IX (музыка) — из Аристида Квинтилиана. Астрологическая и религиозная темы освещаются также под сильным влиянием Плиния Старшего, а через него, возможно, и Нигидия Фигула. Вот так случилось, что великая энциклопедия человеческого знания осталась в средних веках такой, какой она была представлена адвокатом из Мадавры, претендующим стать вторым Апулеем⁶³⁶.

Имя «последнего римлянина», философа Аниция Манлия Торкватина Северина Боэция (ок. 480—525 г. н. э.), будет неоднократно упоминаться в следующих эпизодах как имя самого блестящего эрудита поздней античности и раннего средневековья. Он поставил перед собой задачу создания первого в истории латиноязычной литературы систематического труда по светским наукам, философии и христианской теологии. В его планы входило, начав с логики Аристотеля в качестве пропедевтики, перейти к изложению философии Платона и Аристотеля с полными переводами и комментариями. К сожалению, ранняя гибель пресекла эти намерения, а из его литературного наследия потомкам остались переводы и комментарии к важнейшим частям аристотелевского «Органона», равно как и собственные сочинения на логические темы, подробные справочники по всем искусствам квадривиума, бессмертное «Утешение философией», а также ряд коротких, но блестящих богословских трактатов.

Непосредственным предшественником первых трех книг «Эти-мологий» Исидора стал педагогический труд блестящего стилиста Магна Флавия Аврелия Кассиодора Сенатора (ок. 490 — ок. 590 г. н. э.), «Наставление в науках божественных и светских», которое состояло из двух относительно самостоятельных книг: «Наставлений в божественной

литературе» и «О свободных искусствах и дисциплинах», предназначенных для обучения монахов основанного им Вивария. Из них вторую книгу, представляющую краткие заметки для памяти на тему «семи свободных искусств», Исидор почти дословно переносит в свои «Этимологии». Кассиодор стремится совместить непротиворечивым образом светские и божественные знания, основываясь на предположении, что первые целиком входят в состав вторых, то есть в Свщ. Писания. Светские ученые только извлекли, сгруппировали и расклассифицировали их. Поэтому Писание следует понимать с помощью определенной науки, то есть цикла наук тривиума и квад-ривиума. Как замечает В. И. Уколова: «Как человек довольно обра-зованный и весьма трезвый в практических делах, Кассиодор со своим собственным ему талантом организатора создает новый тип образования, цель которого — служение христианской церкви, познание Писания, соединенное с необходимым для этого усвоением минимума из светских наук... Кассиодор — человек новой формации, он не хранитель, не передатчик достижений древности, не “последний страж античной культуры”, как его часто называют. Он менее всего страж, он активный деятель, разумный и дальновидный создатель новой культуры, выбравший, как рачительный хозяин, из предшествующих достижений материал, необходимый для созидания»⁶³⁷.

Эпизодий 5. Тривиум: «второе дыхание»

I. Грамматика

Грамматика первоначально означала искусство чтения и письма, впоследствии — знание языка (морфологии и синтаксиса) и литературы. Начало теории грамматики положили греческие софисты в V- IV вв. Среди них особо следует назвать Горгия Леонтинского (484— 374 гг.), который занимался синтаксисом и стилем, Продика Кеосского (ок. 460—390 гг.), прославившегося учением о синонимах, Гиппия из Элиды (ок. 470—400 гг.), который был специалистом по вопросам «значений букв и слогов, ритмов и гармоний», Протагора из Абдер (481—411 гг.) с его учением об именах. Кроме того, они заложили основы системы эллинского образования как общественного института⁶³⁸.

Великие греческие философы, Платон (427—347 гг.) и Аристотель (384—322 гг.), не обошли вниманием грамматическую тематику. Платон прямо или косвенно обсуждает эти вопросы в диалогах «Кратил», «Гиппий больший», «Гиппий меньший» и отчасти в «Протагоре», Аристотель же — в трактате «Об истолковании» и гл. 20—21 «Поэтики».

После этого теорией грамматики занимались также эпикурейцы, но наибольшая глубина и последовательность этого искусства об-наруживается в учении стоиков. Среди представителей этой школы своими грамматическими учениями выделялись Хрисипп из Сол (280—208 гг.), его ученик Диоген Вавилонский (II в.), Антипатр из Тарса (II в.) и Кратет Мелосский (перв. пол. II в.). Стоикам принадлежит большая часть современной грамматической терминологии, теория высказываний, учение о частях речи, а также знаменитый принцип аномалии⁶³⁹.

С ними конкурировала не менее знаменитая александрийская школа грамматики, группировавшаяся вокруг Александрийской библиотеки и основанная Аристархом Самофракийским (ок. 217— 145 гг.) и его учеником — Дионисием Фракийским (ок. 170—90 гг.). Последний стал автором первого специализированного учебника по грамматике. На достижениях этой школы здесь нет необходимости останавливаться, так как они — перед читателем, ибо вся данная книга Исидора выдержана в духе александрийцев.

В Риме начало научной грамматики положил стоик Кратет, кото-рый читал там лекции в 169 г. Крупнейшими римскими филологами были Варрон и Реммий Палемон (I в. н. э.), который составил первый учебник по латинскому языку. Сначала у римлян преподавали, ко-нечно, греки и на греческом языке, постепенно грамматические штудии сориентировались на тексты Вергилия, Теренция, Цицерона и Саллюстия. Со времен Реммия влияние александрийской школы на латинскую грамматику становится преобладающим, и в этом духе написаны позднейшие латинские учебники по грамматике (изводы) Доната (IV в. н. э.) и Прискиана (ок. 500 г. н. э.). Огромный трактат Прискиана является приложением к латыни принципов, изложенных в труде грамматика александрийской школы Аполлония Дискола (II в. н. э.).

Российскому читателю, желающему получить более подробные сведения о латинской грамматике, мы можем посоветовать замеча-тельную «Грамматику латинского языка» С. И. Соболевского, не-однократно переиздававшуюся в последнее время.

II. Риторика

Само возникновение искусства риторики связано с особенностями полисного быта народов Средиземноморья, включая тех, кто усвоил это устройство от греков. В условиях полисной демократии, а также при отсутствии средств массовой коммуникации, живое ораторское слово имело большое значение для процветания всего города-государства. Еще в древности красноречие стало подразделяться на гражданское (когда законодатель, государственный деятель или полководец держали речь перед народным собранием, убеждая свободных граждан принять их предложение) и судебное (когда истец или ответчик, обвиняя или защищаясь, своим красноречием склоняли внимание судей). Это могло доходить до изумительных крайностей (чего стоит, например, рассказ Геродота о событиях, предшествовавших Саламинскому сражению!). Поэтому уже в ранний период возникло стремление теоретически обосновать навыки красноречия.

Родиной науки красноречия, видимо, была Сицилия, так как первое учебное руководство по риторике было написано сиракузянами Кораксом и Тисием в V в. Подъем и разработка риторической теории связаны с движением софистов в Афинах V-IV вв., в первую очередь с Протагором из Абдер, Горгием Леонтинским, Фрасимахом из Халкедона (вт. пол. V в.) и др. Горгий считается изобретателем риторических фигур. В основу своей гносеологии (теории познания) софисты клали человеческий релятивизм: истинным является любое мнение, если оно доказано, а как доказывать и убеждать — этому они и учили. Из великих греческих философов Платон недолго любил софистов и их искусство (см. его диалог «Софист»), зато Аристотель в своей знаменитой «Риторике» привычным методом естествоиспытателя вдумчиво анализирует явление художественной речи. Однако наивысший подъем риторического искусства эллинов связан не с Аристотелем, а с его главным противником на почве риторики — школой Лисия (ок. 445—380 гг.) и Исократа (436—338 гг.), который продолжал дело софистов и видел в риторике практическое средство достижения власти над людьми. К этой же школе принадлежал и величайший оратор древности — Демосфен (384—322 гг.). Удачный синтез обоих направлений сделал ближайший ученик Аристотеля — Теофраст из Эреса (327—288 гг.), книга которого «О стиле» стала риторической классикой. Однако утрата греками политической свободы, подчинение Македонии и Риму привели к упадку искусства риторики, бесплодной формализации, преувеличенному отношению к стилистике. Искусственными были оба противоположающихся стилистических течения III-I вв. — азианизм и аттицизм, то есть «риторический импрессионизм» и «риторический академизм», говоря современными терминами. Среднюю позицию занимала родосская школа, основанная стоиком Посидонием из Апамеи (ок. 130—51 гг.). К числу достижений греческой риторики в этот период следует отнести работу «О стиле» перипатетика Деметрия (I в.), продолжателя теории Теофраста.

Новый подъем риторики связан с бурным периодом последних веков Римской республики (II-I вв.). Вместе с греческой системой образования римляне переняли риторику, которая вскоре стала важнейшим предметом образования всякого свободного римлянина. Первым ярким риторическим произведением этого периода стала «Риторика к Гереннию» (консулу 93 г.; работа написана в 80-е гг.), автор которой, к сожалению, не известен. В это же время становятся известными два наиболее значительных римских оратора — азианец Кв. Гортензий Гортал (114—50 гг.) и М. Туллий Цицерон (106—43 гг.), сторонник родосской школы (хотя он советует оратору владеть всеми тремя стилями и применять их сообразно обстоятельствам).

Именно Цицерон сумел сохранить все богатство риторических средств, не выходя за рамки гармонии. Кроме того, Цицерон был автором нескольких теоретических работ по науке риторике и теории стиля — «Об ораторе», «Брут» и «Оратор». В соответствии с римской традицией он выдвигал идеал всесторонне образованного философа-оратора, сочетающего образование с политической деятельностью. Латинь «золотого века» придерживается именно этого умеренного направления, затем становится более популярным азианизм (этот термин, собственно, является презрительной кличкой, данной противниками, «азиатчина»). В первый век принципата борьба между риторическими школами продолжается активно как на греческом, так и на латинском языке. Сторонниками родосской школы были Теодор Гадарский (рубеж эр, учитель императора Тиберия) и неизвестный автор сочинения «О возвышенном» (так называемый псевдо-Лонгин), которые ориентируются на стиль Платона. Крайними аттицистами были Аполлодор Пергамский (I в. до н. э., учитель императора Августа), его ученик Цецилий из Калакты и Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.). Цецилий был автором сочинений против азианцев и словаря аттических слов (его кумиром в стилистике является Лисий), ему же принадлежит самое известное в античные времена учение о риторических фигурах. Наконец, в эпоху Флавиев (вторая пол. I в. н. э.) в Риме окончательно утверждается аттическое направление, выразителем которого был Фронтон (II в. н. э.), воспитатель императора-философа Марка Аврелия.

Однако и в Риме упадок демократии быстро привел к потере связи риторики с практикой, к переоценке роли внешней стилистической формы. Риторика становится, прежде всего, школьным красноречием, где наиболее известными теоретиками были Сенека Старший (ок. 55 г. до н. э. — 40 г. н. э.) и Кв. Фабий Квинтиллиан (35—100 гг. н. э.), принадлежавший к цицероновскому направлению. Как высшая ступень римского образования риторика продолжала существовать до конца античности, причем в последние века наиболее образованными людьми римского общества были именно риторы — учителя риторики. Наиболее известны имена Гермогена из Тарса (ок. 160—225 гг. н. э.), Г. Мария Викторина и Августина Аврелия в его молодые годы.

Главным источником по риторике для Исидора, впрочем, были даже не Цицерон и Викторин, а Кассиодор, чью главу «О риторике» («*De rhetorica*») наш автор переписывает местами дословно вместе с цитатами.

Подробнее об античной грамматике и риторическом искусстве см. книги:

§ Античные теории языка и стиля (антология текстов). — СПб.: Алетейя, 1996.

§ Козаржевский А. Ч. Античное ораторское искусство. — М., 1980.

§ Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. Поэты, поэтика, риторика. — СПб.: Азбука, 2000.

§ Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М.: Языки русской культуры, 1996.

III. Диалектика (логика)

Особую страницу наследства античной науки составляли логические труды Аристотеля Стагирита. Здесь уже, в отличие от латинского неоплатонизма, переводился и комментировался сам Философ. Возникает вопрос: почему именно Аристотель и почему именно «Органон»?

Следует, однако, пояснить правомерность такого вопроса. Для современного читателя, возможно, непонятно, зачем его нужно задавать — Аристотель считается открывателем логики и логиком по-преимуществу. Но в античные времена помимо «Органона» существовали и другие логические системы, например логика стоиков. Ее создателем считался Хрисипп из Сол, и про него говорили, что если бы боги пользовались диалектикой, то не употребляли бы никакой другой, кроме изобретенной Хрисиппом. Существовала еще и третья, противостоящая обеим предыдущим, не столько система, сколько тенденция соединять логику и риторику, — она шла от софистов через Исократа. В Элладе, где мышление всегда было утонченным и разделенным, эти три традиции не столько конкурировали (особенно с III в. до н. э.), сколько занимали свои собственные ниши в сознании и школьном преподавании. Зато в Риме, где стремились всё упростить и объединить, между ними развернулась нешуточная борьба. Сторонником софистико-риторической традиции был М. Туллий Цицерон, полагавший логику стоиков крайне сложной и путаной. Далее, в трактатах ритора Апулея из Мадавры (р. ок. 124 г. н. э.) и врача Галена из Пергама (129—199 гг. н. э.) мы видим совмещение аристотелевской и стоической традиций, но затем в Риме победила традиция риторическая, что было связано с расцветом «второй софистики». Это заметно по «Диалектике» Августина Аврелия. Однако сведение логики к риторике по существу уничтожило логику, тем самым традиция была просто прервана.

Следовательно, на вопрос, почему утвердилась логика Аристотеля, можно ответить так. По двум причинам: отсутствие традиции, а также влияние александрийских неоплатоников.

Во-первых, те времена, когда Платон был современным философом и его можно было читать и комментировать «с листа», давно прошли. Отсутствие же академических платоновских традиций не позволяло римлянам сразу усваивать неоплатонические концепции как таковые (а не как часть христианской теологии). Спекулятивные концепции наивысшей степени, тончайшие понятия, сложнейшая иерархическая схема, — все эти достоинства неоплатоников были непонятны даже большинству образованных людей на эллинском Востоке, не говоря уже о латинском Западе. Прежде, чем заниматься сложными спекуляциями, необходимо на школьном уровне овладеть методом теоретического мышления, а здесь могли помочь только аристотелевская или стоическая логика. Но на Западе стоическая традиция была прервана «второй софистикой», а на Востоке — нео-платонизмом. Есть основания полагать, что сочинения Хрисиппа были потеряны уже к III в. Оставался только «Органон», достоинства которого очевидны. Изложить логическую часть сочинений Аристотеля в упрощенной форме и с предисловием Порфирия Тирского (233—300 гг. н. э.) было вполне возможно.

Во-вторых, превращение Аристотеля в логика по преимуществу, с которого следовало начинать философское образование, совершилось как раз у средних платоников и неоплатоников. В александрийской школе неоплатонизма Аристотеля комментировали с не меньшим тщанием, чем Платона. Но его же и считали азами школьного образования⁶⁴⁰.

Правда, это же крайне узкое, ремесленническое, понимание Аристотеля давало повод более возвышенно настроенным и платонизирующим христианским «отцам-капподокийцам» обвинять перипатетиков в «злохудожественности» («какотехнии») Аристотеля, замечая, что «технология» у них победила «теологию»⁶⁴¹. Это, конечно, верно, но только не в отношении самих александрийцев, которые просто рассматривали логические труды Аристотеля как начало школьного образования, но не как вершину. Во всяком случае, прекрасные комментарии VI в. н. э. Симпликия, Элия, Давида, Иоанна Филопона к самым разным произведениям аристотелевского корпуса, показывают, что они не просто поверхностно знали его, но понимали и ценили не только логику. Но так уж всегда получалось: о то, мимо чего элин проскакивает мимоходом, римлянин разбивает себе лоб. Марию Викторину и Боэцию вполне хватило одного «Органона», а кроме них Аристотеля никто не переводил. Почему платоники выбрали именно «Органон» в качестве пропедевтики, очевидно: считалось, что система логики была не изобретением Аристотеля, а коллективным продуктом платонической школы первых десятилетий ее существования, тогда как Стагирит лишь написал первый учебник по логике и, видимо, первым стал преподавать в платоновской Академии цикл логических и риторических наук. Впоследствии порядок преподавания, при котором аристотелевская логика использовалась как введение к философии Платона, был утвержден платоником Альбином (сер. II в. н. э.), предполагаемым автором «Учебника платоновской философии»⁶⁴².

Вот так и получилось, что ко временам Исидора на латинский язык оказался переведенным практически один Аристотель. «Категории» и «Введение» к ним Порфирия перевел Марий Викторин. Ему же принадлежит перевод «Об истолковании», а также собственные работы: «Об определениях» и «О гипотетических силлогизмах» (вторая написана под влиянием логики стоиков). Боэцию принадлежат: комментарии к «Введению» («Исагоге») Порфирия в переводе Викторина, собственный перевод «Исагоги» с комментарием в 5 книгах, собственный перевод «Категорий» (две редакции) с комментарием в 4 книгах, собственный перевод «Об истолковании» (одна или две редакции) с двумя комментариями в 2 и 6 книгах, а также переводы обеих «Аналитик», «Топики» с комментарием (утраченным) и «Софистических опровержений». Кроме того, он написал комментарий в 6 книгах на «Топику» Цицерона и ряд монографий: «О категорическом силлогизме», «Предкатегории», «О логическом делении», «О гипотетических силлогизмах», «О топическом различии». Основой для комментаторской деятельности Боэция стали комментарии неоплатоников IV-V вв. н. э. Ямвлиха, Прокла и последователей Прокла (например, Аммония). Хотя, по невыясненным причинам, боэциевы переводы «Аналитик», «Топики» и «Софистических опровержений»

пропали и были обнаружены только в XII веке, составив так называемую «новую логику». «Старая логика» (*logica vetus*) состояла только из «Исагоги», «Категорий» и «Об истолковании» с комментариями к ним. Очень важными с точки зрения формирования философского языка средних веков были некоторые теологические трактаты Боэция: «Против Евтихия и Нестория», «Каким образом Троица есть единый Бог, а не трибожества», «Могут ли “Отец”, “Сын” и “Дух Святой” сказываться о божестве субстанциально». Несмотря на свою внешне теологическую тематику, они, главным образом, оттачивают методологию понимания, логику решения философских вопросов⁶⁴³. Кроме того, вместе с «Исагогой» Порфирия и комментарием Боэция в западный мир пришла и «проблема универсалий» (то есть вопрос о том, где и как они существуют), которая потом на долгие века станет пусть не самой главной, но одной из важных задач, решить которые пытался ум средневековых философов.

В заключении нужно указать на еще один немаловажный источник, из которого Исидор мог получить аристотелевские идеи. Это — то самое арианство, с которым он так упорно боролся и уже поэтому знал хорошо. Ведь по отзыву бл. Иеронима, «арианская ересь... отводит ручейки своих аргументов из аристотелевских источников». Вообще, влияние идей Аристотеля в различных еретических учениях, которые Исидор прекрасно и знал и описывал (в кн. VIII «Этимологий»), было велико: от антиохийских докетов III в. н. э. Павла Самосатского и Лукиана Антиохийского до сирийских несториан и монофизитов.

Если читатель заинтересовался темой античной логики, то он может обратиться к любому солидному учебнику по этой дисциплине, так как тема классической аристотелевской логики высказываний будет занимать там значительное место. Однако, поскольку учебники с завидным постоянством следуют правилу «чем новее, тем хуже», мы рекомендуем обратиться за подробностями к старой доброй «Логике Пор-Рояля»: Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. — М.: Наука, 1991.

Эписодий 6. Квадривиум: потерянное наследство

Зарождение европейской математики происходит в малоазийской Ионии. По общему согласию, первые греческие открытия в геометрии и астрономии связываются с именами Фалеса Милетского (640 или 624—546 гг.) и Анаксагора из Клазомен (ок. 500—428 гг.). Традиционно было принято считать, что эти открытия были связаны с определенным набором практических навыков, воспринятых греками от египетских геометров, вавилонских астрономов и финикийских учителей арифметики, однако сегодня эта точка зрения подвергается серьезной критике. Можно предположить, что и сами греки имели собственный запас прикладных вычислений, который, в отличие от восточных жрецов, использовали не для все более и более детального совершенствования вычислительных процедур, а для построения теоретической науки. В результате, и с этим согласны все современные ученые, греческая математика стала качественно отличаться от восточной тем, что ставила не только вопрос «что?», но и «почему?», то есть вооружилась аппаратом математического (логического) доказательства, начиная, конечно, с тех простейших теорем, которые нам известны под именем Фалесовых⁶⁴⁴.

Но на подлинную теоретическую высоту математические науки были подняты в V в. Пифагором Самосским и его последователями, пифагорейцами⁶⁴⁵. По замечанию П. П. Гайдено, они «впервые пришли к убеждению, что “книга природы написана на языке математики”, как спустя два тысячелетия выразил эту мысль Галилей». Например, Филолай из Кротона писал: «Все познаваемое, конечно же, имеет число»⁶⁴⁶. Эта школа представляла собой переходное образование от древних форм учительства типа «учитель-ученик» к общеобразовательным центрам Греции типа Академии, Лицея или Мусейона. Пифагор и его ближайшие ученики дополнили две старые математические науки двумя новыми — арифметикой и гармоникой (теоретической музыкой), делая упор на первую. Уже из названий заметно, что $\gamma\epsilon\omega\mu\epsilon\tau\acute{\iota}\alpha$ и $\alpha\sigma\tau\rho\nu\omicron\nu\acute{\alpha}$ (иначе $\alpha\sigma\tau\rho\omicron\lambda\omicron\gamma\acute{\iota}\alpha$) — более старые науки, ориентированные еще на термин $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\eta$ (тогда имевший смысл «знание»), тогда как $\alpha\sigma\tau\rho\mu\eta\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ ($\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), $\mu\omicron\upsilon\sigma\iota\kappa\acute{\eta}$ ($\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\nu\iota\kappa\acute{\eta}$) — более новые, ориентированные на понятие $\tau\acute{\epsilon}\chi\upsilon\eta$ (искусство). Переход к позднепифагорейской науке можно связать с выходом первого учебника по математике, реконструированного ван дер Варденом⁶⁴⁷. Из поздних пифагорейцев именно Архит Тарентский, главный специалист по математическим дисциплинам платоновских времен, в своем трактате «О математических науках» перечислил именно эти четыре науки: арифметику, геометрию, гармонику и астрономию. Термин «квадривиум» для этого цикла дисциплин введен только Боэцием. Кроме этих четырех к «математическим» были отнесены еще некоторые другие $\tau\acute{\epsilon}\chi\upsilon\alpha$: оптика, механика, геодезия, архитектура и даже врачебное искусство⁶⁴⁸, причем отнесены именно по методу, то есть из-за применения в них «математического аппарата», а не по предмету (то же касается и гармоники с астрономией). Поздние пифагорейцы развивали также теорию доказательств. Предполагают, что им принадлежат книги II, IV и значительная часть положений I и III книг из геометрической части «Начал» Евклида, а также VII- VIII и положения 21—34 IX книги из арифметической части.

Помимо пифагорейской, в V в. существовала еще хиосская математическая школа, основателем которой считался Эноpid. Зато софисты, за одним единственным исключением, а также Сократ⁶⁴⁹ и сократики относились к математическим наукам в целом отрицательно, так как не видели в них житейской пользы.

Платон вывел четыре математические науки в VII книге диалога «Государство»⁶⁵⁰, непосредственно после изложения знаменитого мифа о пещере. Речь зашла о том, каким образом отучить людей, в особенности сословие стражей, от рассматривания теней, телесных образов и обратить их души к видению чистого света, то есть к области умопостигаемого, идей. Для этого в качестве промежуточного звена Платон выбирает число, как понятие достаточно отвлеченное от телесного мира. Далее последовательно выводятся четыре науки о числах, которые способствуют такому перевоспитанию души. Здесь, как мы видим, роль математических наук переосмыслена идеологически, так как эти науки из научной самоцели или средства познания мира с целью принесения жизненной пользы превращаются как раз в средство отрыва от сферы чувственно-воспринимаемого и обращения исключительно в сферу идеального. Такой позиции, справедливости ради надо сказать, придерживались только Платон и его ближайшие ученики (Спевсипп, Ксенократ и Филипп Опунтский), но она сильно повлияла на все последующие теории, породив даже в наше время мифы о будто бы существовавшем в Древней Греции резком разделении теоретических наук (возвышенных и вместе с тем принципиально бесполезных для жизненной практики) и прикладных наук (презренных и приниженных, не поднимавшихся выше примитивных обобщений). В теории Платона был свой смысл, ведь она приучала людей к абстрактному мышлению, но в гипертрофированном виде она оказалась губительна для науки. Христианство в лице Августина («О христианском образовании») и Исидора отчасти перенимает эту позицию, но истолковывает ее на свой лад: постижение всех семи свободных искусств мыслилось как одна из первых ступеней на пути к изучению философии и теологии, то есть на пути души к Богу. Первым из европейских мыслителей, который, изучив семь свободных искусств, осмысленно произнес: «Этого достаточно!», был Данте Алигьери, и с этого началась история Возрождения.

В аристотелевском Ликее (IV-III вв.) был разработан целый историографический проект, который предполагал составление подробных историй развития как теоретического, так и практического знания, каким оно виделось к концу IV в. За основу было взято аристотелевское деление наук на теоретические, «практические» и «поэтические» и, в частности, теоретических на теологию (метафизику), математику и физику. Последней занимался Теофраст из Эреса, первыми двумя — Евдем Родосский, автор сочинений «История теологии», «История арифметики», «История геометрии», «История астрологии». По музыкальным же вопросам специалистом в Ликее был Аристоксен Тарентский. Именно благодаря значительным усилиям этих людей наши знания по греческой математике в ключевой период ее истории достаточно полны⁶⁵¹.

Философские школы раннего эллинистического времени (нач. III — кон. II вв.) утрачивают интерес к математике, следовательно, исчезает ее интегральное восприятие. Поэтому о дальнейшей истории математики имеет смысл говорить уже в связи с конкретными науками и их яркими представителями (см. далее). Из общих особенностей развития наук математического цикла можно отметить следующее. Сама методология греческой математики и все ее течения сложились ко временам Евклида, «Начала» (325 г.) которого содержат все итоги развития математики, а также окончательно сложившийся теоретико-доказательный аппарат. Главным научным центром становится Александрия, а основные открытия делаются в период до середины II в. К этому же периоду относится действительно состоявшееся в Александрии знакомство греческой математики с восточными математическими исследованиями, например Гипсикл (II в.) вводит для измерения угла градусную 60-ричную систему счисления, которую мы употребляем по настоящее время. Общей чертой этого периода стал переход от

пифагорейских арифметических методов к так называемой «геометрической алгебре», в русле которой греческих математиков направили как открытие иррациональных чисел, так и апории философов-элеатов, связанные с парадоксами бытовых представлений о бесконечно малых. Это означало, что числа представляли себе в виде отрезков прямых, их квадраты и кубы — в виде геометрических квадратов и кубов, также и основная работа с ними шла по геометрическим правилам. Это было решением двух указанных проблем, но это же и клало предел развитию греческой науки, ибо развитие алгебры при таком подходе оказывалось просто невозможным.

Поздний, римский, период античной математики характеризуется, как и вся античная наука, замедлением или прекращением самостоятельных исследований, составлением большого числа компендиумов, схолий, сводов и учебников. Как замечает Л. Я. Жмудь, здесь «мы имеем дело со средой философских школ эпохи Империи — перипатетиков, неопифагорейцев, неоплатоников, средой, в которой знание математики было частью образования и профессии, а отсутствие оригинального вклада в эту науку — нормой». Лучшими из компендиумов были различные работы среднего платоника Теона Смирнского (перв. пол. II в. н. э.) и особенно Паппа Александрийского (р. ок. 320 г. н. э.). Среди хороших комментаторов можно назвать неоплатоников Прокла Диадоха (412—485 гг. н. э.) и Симпликия (перв. пол. VI в. н. э.). Новые открытия делались крайне редко, но к числу математиков, сумевших самостоятельно продвинуть науку, следует отнести Клавдия Птолемея и Диофанта, работавших в Александрии. В это время намечается отход от тотальной геометризации и первые попытки построения настоящей алгебры, что связано отчасти с влиянием вавилонской науки, отчасти с появлением неопифагореизма (Нумений, Никомах) во II в., то есть оживлением интереса к числу. К сожалению, эти новые тенденции уже не могли получить развития в связи с общим упадком античной культуры, ее христианизацией и одичанием. Зверское убийство христианами главы александрийского Мусейона, женщины-математика Ипатию, в 415 г. н. э. считается символической датой заката александрийской математики.

Латиноязычная математика в этот же период представляла собой удручающе жалкую картину. Практический склад характера римлян позволял им заниматься и развивать такие «математические науки», как механику, архитектуру и музыку, но теоретическая наука черпалась в незначительных количествах из греческих источников и содержалась только в школьных программах, то есть в традициях. Именно в этой традиции «квадривиум» окончательно превратился исключительно в школьный предмет, не содержащий даже десятой части сделанных к этому времени математических открытий. На латинском языке существовал перевод Апулея из Мадавы популярного трактата «Введение в арифметику» Никомаха из Герасы (II в. н. э.)⁶⁵². Положение дел несколько исправляет все тот же великий умница Боэций, но только к закату античности. Его перу принадлежали трактаты по всем четырем математическим наукам (сохранились «О наставлении в арифметике» и «О наставлении в музыке»), в которых он делает адаптированный перевод арифметических, геометрических, музыкальных и астрономических произведений Никомаха, Евклида и Птолемея. Трактаты по музыке и, вероятно, по астрономии представляли собой весьма солидные, хотя и очень эклектичные компендиумы.

Для читателя, заинтересовавшегося проблемами античной математики и астрономии, мы можем порекомендовать книги (из обзорных работ на русском языке):

§ Варден Б. Л., ван дер. Пробуждающаяся наука. I. Математика древнего Египта, Вавилонии и Греции / Пер. И. Н. Веселовского. — М.: Физматгиз, 1959.

- § *История математики с древнейших времен до начала XIX столетия: В 3 т. / Под ред. А. П. Юшкевича. — Т. 1. — М.: Наука, 1970.*
- § *Рыбников К. А. История математики. — М.: Изд-во МГУ, 1974.*
- § *Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. — СПб.: Изд. РХГИ, 2002.*
- § *Нейгебауэр О. Точные науки в древности. — М.: Наука, 1968.*
- § *Герцман Е. В. Античное музыкальное мышление. — Л., 1986 (и др. книги этого автора по истории музыки).*
- § *Варден Б. Л., ван дер. Пробуждающаяся наука. II. Рождение астрономии / Пер. Г. Е. Куртика. — М.: Наука, 1991.*
- § *На рубежах познания Вселенной. — М.: Наука, 1990.*
- § *См. примеч. к кн. III, гл. 2.*
- Кроме того, отразно отметить, что существенная часть греческих математических работ переведена на русский язык. См.:*
- § *Аполлоний Пергский. Конические сечения // Изв. Северо-Кавказского ун-та, 3 (15), 1928.*
- § *Арат. Явления // Наука, небо, поэзия: Античные авторы о небесных светилах / Пер. А. А. Россиуса. — М.: Изд. МГУ, 1992.*
- § *Архимед. Сочинения / Пер. и комм. И. Н. Веселовского. — М.: Физматгиз, 1962.*
- § *Гигин. Астрономия / Пер. А. И. Рубана; вст. ст. А. В. Петрова. СПб.: Алетейя, 1997.*
- § *Гиппарх. Комментарии к Арату // Историко-астрономические исследования, 1988. Вып. 20.*
- § *Диофант Александрийский. Арифметика и Книга о многоугольных числах / Пер. И. Н. Веселовского. — М.: Наука, 1974.*
- § *Евклид. Начала: В 3 т. / Пер. М. М. Мордухай-Болтовского. — М.; Л.: Гостехиздат, 1949—1950.*
- § *Прокл. Комментарии к первой книге «Начал» Евклида. Введение / Пер. и комм. Ю. А. Шичалина. — М.: ГЛК, 1994.*
- § *Птолемей Клавдий. Альмагест: Математическое сочинение в 13 книгах / Пер. И. Н. Веселовского. — М.: Наука, 1998.*
- § *Птолемей Клавдий. Тетрабиблос. — М., 1992.*

IV. Арифметика

Античная арифметика как наука была основана Пифагором Самосским (ок. 571 —497 гг.), личный вклад которого состоял в следующем.

1. В выделении четных и нечетных чисел, включая сюда представление о простых числах, совершенных числах.

2. В создании теории фигурных чисел, треугольных, квадратных, пятиугольных, пирамидальных и кубических.

3. В начале разработки теории пропорций, выделении арифметической, геометрической и гармонической пропорций.

Поздние пифагорейцы V-IV вв. развивали все эти направления, например теория четных и нечетных чисел приобрела вид положений 21—34 из IX книги «Начал» Евклида, а теория пропорций Евдокса Книдского (ок. 408—355 гг.), ученика Архита, содержится в V книге «Начал». Гиппасу из Метапонта (ок. 500 г. н. э.), непосредственному ученику Пифагора, принадлежит открытие иррациональности числа 2

2^n

, а Феодор Киренский (ум. в 390 г.) и в особенности его ученик, Теэтет Афинский (ок. 420—368 гг.), разработали собственно теорию иррациональных чисел, которую Евклид поместил в X книгу «Начал». Феодор считается автором VII книги «Начал», а Архит Тарентский (430—365 гг.) и его ученики — VIII. Как мы уже отмечали в примечании к Предисловию, пифагорейцы считали именно арифметику базовой математической наукой — теоретическое обоснование этому дал Архит. Школе Архита принадлежит и формулировка замечательного положения, известного как основная теорема арифметики: «Всякое натуральное число раскладывается на простые множители, причем единственным способом (с точностью до их порядка)».

Арифметические работы представителя Хиосской школы Демокрита из Абдер до нас, к сожалению, не дошли.

Достижения этого периода подытожили знаменитые «Начала» Евклида (ок. 365—300 гг.), написанные около 325 г., в которых книги VII-IX посвящены арифметике. В «Началах» изложен и знаменитый алгоритм Евклида по нахождению наибольшего общего делителя двух целых чисел. У Евклида содержится и формула для четных совершенных чисел, а также теорема о бесконечном количестве простых чисел⁶⁵³.

Однако следующий этап развития греческой математики был связан с вышеупомянутой «геометрической алгеброй». Действительно, при том уровне развития науки число 2

\approx

могло быть изображено только как диагональ единичного квадрата. К этому надо было добавить блестяще разработанную (Евклидом и его предшественниками) методiku геометрического доказательства. Вместе с тем для арифметики такая позиция представляла известную сложность: например, если квадраты чисел представлялись как геометрические квадраты, а сами числа — как отрезки, то как же тогда представить себе квадратный трехчлен $x^2 + px + q$

10^{24}

. Как можно сложить отрезок с площадью или кубическое тело с площадью? Кроме того, степени ограничивались кубами. Выходы существовали, но были довольно громоздкими. Поэтому на этом этапе арифметические достижения почти не отличимы

от геометрических. Мы будем полагать, что арифметика — наука об операциях над натуральными, целыми и рациональными числами, а к геометрии относить операции над числами иррациональными, равно как и «алгебру» того времени (алгебра в узком смысле этого слова — теория решения уравнений n -й степени с рациональными коэффициентами). Среди математиков того времени, внесших вклад именно в арифметику, можно назвать Архимеда из Сиракуз (ок. 287—212 гг.), точнее его сочинение «Псаммит» («О счете песчинок»). Здесь он показывает, как с помощью существовавшей тогда системы счисления можно выразить сколь угодно большие числа, тем самым опровергая мнение о существовании «самых больших чисел». В качестве примера Архимед использует задачу о вычислении количества песчинок внутри видимой Вселенной и легко показывает, что если бы даже мир до самой сферы неподвижных звезд был заполнен только песком, то количество этих песчинок было бы легко оценить и записать в виде числа. Вообще в своих вычислениях Архимед доходит до числа $10^8 \cdot 10^{16}$

$$2^n(2^{n+1} - 1)$$

. Ему же принадлежит аксиома Архимеда, которую он сам приписывает Евдоксу: «Если две величины не равны, то можно столько раз сложить с собой их разность, чтобы она превзошла любую конечную величину». Еще одним достижением этого великого математика стало вычисление сумм некоторых бесконечных сходящихся рядов (впервые!). Другому математику III в., Эратосфену Киренскому (ок. 282—202 гг.), принадлежит способ отыскания простых чисел через отсеивание всех кратных — так называемое «решето Эратосфена»⁶⁵⁴.

В последний, римский, период развития греческой науки, как мы сказали, возрождается интерес к числу как арифметическому объекту.

Уже в работах Герона Александрийского (вероятно, I в. н. э.) намечается поворот к арифметизации при изложении различных вычислительных алгоритмов. Он же впервые решает геометрические задачи через уравнения (в «Геометрике»). Обычно этот поворот объясняют влиянием вавилонской традиции, достигшей своего расцвета на рубеже эр.

Кроме того, в это время группой энтузиастов начинает возрождаться пифагореизм, правда философское содержание его позаимствовано, в основном, из Платона. Среди неопифагорейских математиков наиболее известен Никомах из Герасы⁶⁵⁵ (р. ок. 100 г. н. э.), который пересказывал пифагорейскую математику по Евклидовым «Началам». Но самым знаменитым арифметиком этого направления и вообще последним греческим математиком был Диофант Александрийский (возможно, сер. III в. н. э.), которого, кстати, иногда считают эллинизированным вавилонянином. Он был известен как создатель первого варианта арифметической символики, отрицательных чисел именно как чисел, а также исследованием так называемых «Диофантовых уравнений», то есть алгебраических уравнений с целыми коэффициентами (или систем таких уравнений), для которых требуется нахождение целочисленных решений (например, $3x + 5y = 7$;

€

$$x^2 + y^2 = z^2;$$

$$2^{n+1} - 1$$

$$3x^2 + 4y^3 = 5z^3$$

€

и др.). Книга I «Арифметики» Диофанта — первое известное нам изложение основ алгебры.

В последующем все эти научные достижения получили свое развитие не на

христианском Западе, а в трудах ученых арабского Востока IX-X вв. н. э. — ал-Хорезми, ал-Баттани, Абу Камила, Ибн ал-Хайсама и других. И уже через посредство испанских и итальянских переводчиков с арабского греческая математика с середины XII в. н. э. стала появляться в Европе. Массовый перевод греческих математических трактатов на латинский и национальные европейские языки был осуществлен только в XVI в. н. э.

V. Геометрия

Давая краткий очерк развития античной геометрии, мы, как и в предыдущем случае, вынуждены ограничиться только общей периодизацией, главными течениями, основными именами с указанием, кто что открыл. Геометрия, действительно, наука более древняя, чем арифметика, но мы полагаем, что упоминание о вездесущих египтянах скорее является штампом, характерным для античной историографии науки, чем отвечает реальному положению дел. Во всяком случае, с именем первого греческого геометра Фалеса Милетского связывают четыре теоремы, не соотносимые с восточной математикой: 1) о том, что диаметр делит круг пополам, 2) что углы при основании равнобедренного треугольника равны («теорема Фалеса»), 3) что накрест лежащие углы при пересечении двух прямых равны, 4) теорему о равенстве треугольников по двум углам и стороне. Все эти факты элементарны и доказываются взаимным наложением соответствующих фигур. Революционность мысли Фалеса и его последователей состояла именно в том, что он стремился найти доказательства для очевидных фактов. И это был первый камень в основание теории дедуктивных доказательств. Предполагается, что к Фалесу восходит часть положений III книги «Начал» Евклида.

Превращение геометрии в теоретическую науку было, по словам историографа математики Евдема Родосского (вт. пол. IV в.), осуществлено Пифагором⁶⁵⁶. Сам Пифагор, надо полагать, доказал теорему, носящую его имя (вероятно, через сложение формул подобия треугольников, получающихся при опускании высоты из прямого угла на гипотенузу), и построил два первых правильных многогранника (тетраэдр и куб). Пифагорейской школе в целом принадлежит: 1) теорема о равенстве суммы углов треугольника двум прямым углам; 2) теорема о замощении плоскости правильными многоугольниками; 3) теория приложения площадей (изложенная в I-II книгах «Начал»; 4) вся IV книга «Начал»; 5) построение всех пяти правильных многогранников (додекаэдр построил Гиппас, а октаэдр и икосаэдр — Теэтет), которая вошла в XIII книгу «Начал»; 6) создание теории иррациональных чисел (Гиппас, Феодор и Теэтет); 7) написание популярного учебника по геометрии еще в сер. V в., содержащего основы первых четырех книг «Начал» (по ван дер Вардену). Первое дошедшее до нас дедуктивное доказательство находится в поэме «О природе» философа Парменида Элейского (540—480 гг.), и, по мысли Т. Гомперца, заимствовано у пифагорейцев, поскольку сам Парменид был учеником этой школы.

Среди математиков Хиосской школы наиболее известен Гиппократ Хиосский (ок. 440 г.), чей трактат «Начала», посвященный проблеме квадратуры круга с помощью луночек, — первое дошедшее до нас математическое сочинение эллинов. Вообще Гиппократ исследовал площади плоских фигур, ограниченных прямыми и кривыми линиями. Другой представитель этой школы, философ и ученый Демокрит из Абдер⁶⁵⁷ (470 или 480—380 или 370 гг.), основываясь на своей атомистической философии, заложил основы того, что мы сегодня называем интегральным исчислением: считал объемы призм, конусов и цилиндров, разбивая их по высоте на малые секции.

Решение трех классических геометрических задач древности связывается с именами софиста Гиппия Элидского, который нашел способ трисекции угла при помощи изобретенной им кривой — квадратрисы; математика Динострата (сер. IV в.), ученика Евдокса, который применил ту же квадратрису для решения проблемы квадрирования круга. Решение проблемы удвоения куба связывают с именами Архита, Евдокса, ученика

Архита, и Менэхма (сер. IV в.), ученика Евдокса. Про Менэхма мы знаем, что он решил эту проблему через нахождение двух средних пропорциональных в точке пересечения гиперболы и параболы. Он же был первым математиком, который начал разработку теории конических сечений: круга, эллипса, гиперболы, параболы. Доказательства невозможности решить классические задачи с помощью только циркуля и линейки были получены лишь в 1837 и 1882 гг. П. Ванцелем и И. Г. Ламбертом.

Как мы уже отмечали, открытие иррациональности, а также парадоксы бесконечно малых, предложенные Зеноном Элейским, направили античную математику в русло геометрии, и первым, кто это сделал, был Евдокс Книдский. Опираясь на свою теорию отношений, он применил «метод исчерпывания», при котором геометрическая фигура, длина, площадь или объем которой требуется найти сначала, исчерпывается такими фигурами (вписанными и описанными), длины, площади или объемы которых легко найти, а затем делается предельный переход. Обобщая этот метод, мы и сегодня вводим определенный интеграл как предел, к которому стремятся верхняя и нижняя римановы суммы. Но и в античности доказательство, полученное таким методом, являлось совершенно строгим, легко формализующимся в терминах современной математики.

Формирование античной математики закончилось ко временам Евклида. Его «Начала» — это искусно собранные и расположенные достижения античной математики к концу IV в., снабженные прекрасным доказательным аппаратом. Книга стала основным учебником по математике на две тысячи лет, а способ изложения материала и в XX в. считается образцом, которому стремятся следовать ученые даже за пределами этой науки. I книга содержит основные определения, аксиомы, здесь рассматриваются основные свойства треугольников и четырехугольников; во II книге излагается геометрическая алгебра (способы решения квадратных уравнений); в III книге рассматриваются свойства касательных и хорд, а в IV — правильные многоугольники и основы учения о подобии; в V книге изложена Евдоксова теория пропорций в ее геометрической форме, которая в VI книге применяется к подобию треугольников. Книги VII-IX, как мы уже говорили, арифметические, а X книга, самая сложная, содержит теорию иррациональных чисел Теэтета. В книгах XI-XIII рассматривается стереометрия: основные определения, вычисление объемов основных фигур и их отношений, теория правильных многогранников. Теория конических сечений была изложена в отдельной книге.

Период от Евклида (включительно) до Аполлония и его учеников, Диокла, Никомеда и Персея, то есть с 300 по 150 г., был золотым веком греческой математики. Огромен вклад в геометрию Архимеда Сиракузского, особенно в той области, которую мы называем интегральным исчислением. Используя деление тел на сегменты малой толщины и метод исчерпывания, он в работах «О сфере и цилиндре», «О коноидах и сфероидах», «Квадратура параболы» находит точные и приближенные значения площадей практически всех известных в его время геометрических фигур, в том числе и довольно сложных, как, например, площадь параболического сегмента. В трактате «Измерение круга» Архимед нашел приближенное значение числа π с точностью до третьего знака после запятой. Особенно интересна его книга «О спиралях», в которой он сумел придумать новую сложную кривую, носящую теперь его имя, исследовать ее свойства и применить ее для точного вычисления числа π , а также для вычисления различных площадей, например эллипса. Исследуя спирали, он научился находить касательную к ним, что было первым шагом в направлении дифференциального исчисления. Современниками Архимеда были Кóнон из Самоса, исследователь конических сечений и спиралей, и его ученик Досифей. Последним великим математиком эпохи эллинизма был Аполлоний из Перги (ок. 260 — ок. 70 гг.), в

лице которого «геометрическая алгебра» достигает своей вершины. Он написал трактат в семи книгах «О кониках», то есть о конических сечениях, где исследование их свойств доведено до исследования эволют этих кривых. Кстати, именно в работах Аполлония мы впервые в явном виде встречаем требование выполнять геометрические построения только с помощью циркуля и линейки — это требование было не таким уж обязательным для греческой науки, как иногда полагают.

Римская эпоха также дала несколько замечательных имен математиков, работавших, главным образом, в Александрии Египетской. Среди них — Герон Александрийский, живший, вероятно, в I в. н. э., — энциклопедист, писавший на геометрические и механические темы. Формулу Герона для вычисления площади треугольника (из трактата «Геометрика») знает сегодня любой школьник. Герон также вычислял объемы различных тел: вообще его интересовали метрические свойства тел, при этом он знал египетскую и вавилонскую математику. Младший современник Герона, Менелай Александрийский (ок. 100 г. н. э.), в работе «Сферика» рассматривает геометрию сферы, сферические треугольники, тригонометрию. Самым известным математиком этого периода был Птолемей, чей труд «Альмагест», написанный около 140 г. н. э., в особенности его II книга, содержит немало геометрических идей, особенно из области тригонометрии. Птолемей вычисляет значения синусов для углов с шагом в полградуса. В «Планисферии» он рассматривает теорию проекций, а в «Руководстве по географии» определяет положение на Земле с помощью системы географических координат (изобретенной еще Эратосфеном именно для этих целей). Последним известным греческим математиком был Папп Александрийский (кон. III в. н. э.). Его «Собрание» было большим учебником по изучению всего того, чего достигла античная математика. Большинство результатов трудов древних авторов сохранилось до наших дней благодаря Паппу, который был очень талантливым компилятором, а его книга будила мысль многих математиков арабского мира и европейского Возрождения.

В латинской традиции геометрия, с которой римлян познакомил Варрон, долгое время существовала лишь как школьная дисциплина, соответственно входила в круг знания людей, которых называют риторамы. Примеры глубины этого рода знания можно найти в сочинении «О дне рождения» Цензорина (III в. н. э.) или в «О бракосочетании Филологии с Меркурием» Марциана Капеллы. Даже попытка Аврелия Августина улучшить качество высшего образования, в целом, кончилась неудачей. Существенным шагом вперед была переводческая работа Боэция, однако, его геометрические труды были утрачены уже в раннем средневековье. Двум замечаниям Кассиодора, что Боэций перевел «Начала» Евклида, можно доверять, в отличие от вложенной им же в уста короля Теодориха фразы, что «механика Архимеда ты, [Боэций,] вернул сицилийцам в латинском облици»⁶⁵⁸: последняя отражала скорее намерение, чем действительность. Нам не известно, что представляла собой эта книга, но, очевидно, это было краткое переложение основных мест Евклида, а не полный перевод (последний появился в Европе только в начале XVI в. н. э. и был выполнен Н. Тартальей). Вероятно, III и IV книги сочинения Псевдо-Боэция «Наука геометрии и арифметики» в пяти книгах как раз и представляют это переложение. Кроме того, под именем Боэция в средние века ходил трактат «Геометрия» в двух книгах, но его написание датируется X веком. Правда, нельзя исключать, что при его составлении был использован подлинный трактат Боэция. Кроме того, мы не можем сделать однозначных выводов об источниках геометрических работ «последнего римлянина». Можно предположить, что такими источниками были популярные геометрические трактаты того же Никомаха. В целом, складывается очень печальная картина, прямым следствием чего является факт,

что у Исидора изложение геометрии среди прочих дисциплин квадривиума выглядит наиболее жалким образом и содержит серьезные ошибки и несуразности.

VI. Музыка

Мы предлагаем здесь читателю несколько пояснений, которые помогут ему воссоздать более или менее целостную картину теории античной музыки, а также ее истории.

Прежде всего — три общих замечания. Хотя от древнегреческой музыки до нас дошло намного меньше свидетельств, чем, скажем, от скульптуры или архитектуры, — всего около 20 фрагментов мелодий, — даже беглое знакомство с античными авторами показывает, что музыка имела в их обществе намного большее значение, чем другие искусства. То есть она играла ключевую роль в социальной жизни и была более распространена в повседневности, чем сегодня. Во-вторых, как это ни парадоксально, она при этом была значительно беднее, чем классическая европейская музыка XVIII-XIX вв. (чего не скажешь, например, о скульптуре), так как строилась горизонтально мелодически, то есть не имела одновременного звучания нескольких тонов. Также она издревле была связана с пением, и до самого позднего времени ее лучшие образцы рассматривались как сопровождение вокала. Хоровой склад был также одностольным — пели в унисон, стараясь не размывать аккомпанементом внятность слова, а, наоборот, усиливать ее. Из трех составляющих исполнения на первом по значению месте было слово, на втором — ритм, задаваемый чередованием долгих и кратких слогов, а также «музыкальными» ударениями, которые повышали или понижали голос на тон и полтона, и только на третьем месте — сама мелодия (мелос). В-третьих, она существенно отличалась от современной музыки направлением воздействия, так как была направлена извне вовнутрь человека, а не наоборот, то есть никогда не рассматривалась как самовыражение личности. Более того, само понятие самостоятельной, уникальной и самоценной человеческой личности — это европейское изобретение Нового времени. Древность, античность и средние века строились на представлении, что человек существует для мира и государства и никак не наоборот, поэтому отдельные личностные свойства рассматривались как нечто, подлежащее выравниванию под единое представление о совершенном человеке, а музыка и была одним из самых мощных инструментов для этого. Обоснование этому нашел еще в V в. Дамон из Афин, учитель и советник Перикла. Таким образом, музыка всегда предназначалась для воздействия на человека в широком диапазоне возможностей: от чисто медицинского через нравственно-воспитательное к восхождению души в мир богов. Например, была известна история о том, как Пифагор повстречал на улице компанию пьяных гуляк. Он приказал сопровождающему их флейтисту сыграть мелодию в спондеическом размере, и те мгновенно протрезвели. Наоборот, Тимофея Милетского чуть не убили за то, что он, будучи приглашен воспитывать юношей, присоединил к кифаре еще одну струну и, введя тем самым хроматическое наклонение, получил возможность более тонко передавать эмоции. Считали, что он развратил спартанских детей такой эмоциональной музыкой.

Искусство музыки в Греции существовало, конечно, с самых древних времен: тут назывались имена мифических и полумифических первооткрывателей, но считалось, что наукой музыку сделал Пифагор. Мы можем уверенно говорить, что именно он догадался подвести под музыку математический аппарат (теорию пропорций), что он открыл октаву, квинту и кварту, исчисляя длины струн. Нам мало известно о теориях и экспериментах старших пифагорейцев — Гиппаса из Метапонта и Ласа из Гермионы (548 или 545 — 497 гг.), но с работами младших пифагорейцев конца V в. мы знакомы неплохо. Филолай из Кротона (ок. 470 — после 388 гг.) построил диатоническую гамму для дорического лада и, надо полагать, и прочих ладов. Архит ввел энгармоническое и

хроматическое наклонения⁶⁵⁹. Основные достижения пифагорейской музыки изложил Евклид в сочинении «О делении канона» (ок. 300 г.) (канон — это старое название монохорда). Монохорд, на котором, в основном, экспериментировали пифагорейцы, представлял собою резонирующий ящик с одной или двумя струнами (вторая — эталонная), причем к струне была приложена линейка с 12 равными делениями и устройство, позволявшее зажимать струну на любом из них. Например, зажав струну на шестом, среднем, делении и ударив одновременно и по этой струне и по эталонной, исследователь получал октаву и легко убеждался, что это консонанс. Таким образом, вопреки распространенному мнению, пифагорейцы не были абстрактными теоретиками: их наука состояла из эмпирического компонента и математической теории. Конечно, эта теория накладывала ограничения на всю науку в целом, например, потому, что интервалы выражались только отношениями натуральных чисел и, желательного, небольших, а это не позволяло поделить на равные половины какой бы то ни было простой интервал: приходилось вводить больший и меньший полутона, большую и меньшую четверти и т. д. Но вносить ограничения — это свойство любого математического аппарата, даже в наши дни⁶⁶⁰.

Крайности начались потом, когда пифагорейцев стали «критиковать справа и слева». Платон, много позаимствовавший у Филолая, был изобретателем идей и полагал, что подлинная музыка существует в душе, то есть уме, мира, ее бледная тень — в движении планет и в — математических построениях наших умов, а музыка, воспринимаемая чувствами, — это уже тень тени. Умопостигаемая музыка должна возвышать людей над материальной действительностью. Поэтому в «Государстве» он насмеялся над теми пифагорейскими музыкантами, которые «ценят уши выше ума». Аристотель ударился в противоположную крайность: его физическая теория была принципиально качественна, а не количественна, то есть отвергала математические закономерности вообще, по крайней мере, в музыке. Главный специалист аристотелевского Ликеея по музыкальным вопросам, Аристоксен из Тарента (р. ок. 365 г.), автор фундаментальных работ «Начала гармоник» и «Начала ритма», учившийся музыке у пифагорейца Ксенофила, напротив, построил учение о гармонии из элементов мелоса, основываясь только на субъективном восприятии тонов человеческим ухом. Он критиковал пифагорейцев именно за наличие теоретической части. Вся дальнейшая музыкальная теория разделилась между «канониками», сторонниками платонического подхода, и «гармониками» — аристоксеновцами. В Византии до последних веков ее существования наиболее распространенной была темперация Аристоксена, а средневековый Запад из-за влияния Боэция и его неопифагорейских источников ориентировался, в основном, на «канонику».

Эллинистическая эпоха знает несколько имен теоретиков музыки, которые занимались, в частности, расчетом интервалов и построением звукоряда, например имена Эратосфена Киренского и Дидима Александрийского (вт. пол. I в. до н. э.); а также практиков, из которых самым известным был Ктесибий (III в.). Уже в римскую эпоху Птолемей во II в. н. э. в своей трехкнижной «Гармонике» подвел исчерпывающее и наглядное сопоставление многочисленных музыкальных учений, кроме того, он лично повторял все важные эксперименты. Важнейшие трактаты принадлежат Плутарху из Херонеи (ок. 46 — после 119 г. н. э.), Алипию, Аристиду Квинтиллиану (II или III вв.) и Гауденцию (III в. н. э.). Большой популярностью пользовалось неопифагорейское сочинение Никомаха «Руководство по гармонике», которое было написано в духе среднего раннего неоплатонизма. Возможно, Никомаху принадлежал и более обширный труд на ту же тему.

Римлян с наукой музыки познакомил Теренций Варрон («О науках»), и она получила здесь питательную почву. Практическому складу характера римлян еще в большей степени, чем у греков, импонировало нравственно-воспитательное значение музыки, поэтому основные греческие теории музыки так или иначе переводились на латинский язык, а что касалось практики, то тут римским инженерам не было равных: усовершенствовались почти все музыкальные инструменты (см., например, у Витрувия: *Vitr.*, X, 8). С переменным успехом проводились кампании по искоренению «идейно чуждых римскому человеку» ладов, наклонений и инструментов. О музыке писали и не очень профессиональные люди — Цицерон, Папиний Стаций (ок. 40 — 96 гг. н. э.) и Цензорин («О дне рождения»), Макробий (р. ок. 400 г., «Комментарий на “Сон Сципиона”»), и грамотные музыковеды — Альбин (II в. н. э.) и Аврелий Августин («О музыке» в шести книгах). «Введение в гармонику» Гауденция было известно в переводе Муциана.

Наконец, весьма солидную компиляцию всех предшествующих музыкальных учений предпринял Боэций в трактате «О наставлении в музыке». В первых трех книгах он воспроизводит учение Никомаха, в остальных двух — отрывки из книг Евклида, Гауденция, Птолемея и других. Исследованием же музыкальных пассажей у Исидора занимался К. Шмидт. Тщательно сравнив фрагменты, посвященные музыке, у Августина, Кассиодора и Исидора, он пришел к выводу, что все эти три сочинения относительно независимы и восходят к какому-то неизвестному нам четвертому латиноязычному источнику ⁶⁶¹. Что касается философского осмысления места музыки в мире, Боэций придерживается неоплатонизма и неопифагорейства с их презрением ко всему материальному: он делит музыку на мировую (небесную, математическую гармонию), человеческую (умопостигаемую) и инструментальную (ту, которую издают инструменты, — она

третьеразрядна). Настоящая музыка существует в уме Бога в виде математических пропорций, поэтому музыку нужно слушать не ушами, а умом. Применительно к тварному миру музыка — гармония космоса и человека, души и тела, ее математическая рациональность — следствие рационального творения всего мира. Поэтому настоящий музыкант — это математик и философ, он поднимается умом от презренного ощущения к числовым абстракциям, обращая, тем самым, душу на путь к Богу и спасению. Такая позиция оставалась официальной в течение всех средних веков, то есть до времен Данте. Но так или иначе даже самая теоретическая из трех видов (наряду со светской аристократической и народной) средневековой музыки — церковная — была вынуждена временами опускаться до практики, поскольку необходимо было организовывать музыкальное и хоровое сопровождение служб. Например, заметно, что епископ Исидор с теории быстро сворачивает на хореографию и аккомпанемент: большая часть титула «О музыке» касается как раз инструментальной музыки.

В целом, бросая на античную теорию музыки взгляд из XXI века, мы должны сказать, что проект музыки как естественной науки с математическим аппаратом, в отличие от астрономии, не состоялся. И то, что трактат Боэция был учебником в Оксфорде еще в XVII в., свидетельствует, на наш взгляд, не о гениальности его автора, а об отсутствии возможностей творческого развития этого вида знания. На деле музыка оказалась в гораздо более сильной зависимости от эстетического восприятия, чем это предполагали вначале, следовательно, для ее достойного представления на теоретическом уровне была необходима такая философская дисциплина, как эстетика, которая появилась только в середине и конце XVIII в. в работах А. Баумгартена и И. Канта.

VII. Астрономия

Общими принципами античной космологии были следующие четыре.

1. Представление о сферическом небосводе, «сфере неподвижных звезд» и сферах планет, Солнца и Луны. Оно восходит к пифагорейцам.

2. Идея одушевленности небесных тел была столь же древней, сколь и сама религия. Одушевленными их считал и Платон, и даже прагматичный Аристотель мыслил за движениями планет некий неподвижный Ум-перводвигатель.

3. Принцип небесного совершенства. Он распадается на две части, то есть на так называемую аксиому движения Платона и на доктрину идеальности, божественности и неизменности небесных, «надлунных» тел и их движений. Аксиома движения состояла в том, что все светила движутся равномерным круговым движением; хотя она названа по имени ее главного популяризатора, как принцип она была зафиксирована еще у Филолая, а восходит к еще более ранней пифагорейской традиции. Это была вполне научная рабочая гипотеза, возникшая на основе наблюдения за звездами и перенесенная по аналогии на другие небесные тела ввиду родства их природ (современная наука поступает так же, стремясь объяснить непонятное через понятное в аналогичных ситуациях). Учение о божественности небесных тел и о всеобщем небесном совершенстве, напротив, сравнительно позднее. Оно впервые зафиксировано у Платона и развито Аристотелем. В обоих случаях оно превратилось в антинаучную догму, которая на протяжении двух тысяч лет мешала видеть переменные явления в астрономии.

4. Принцип музыки сфер, предложенный Филолаем. Правда, он разделялся не всеми, например Аристотель замечает, что «теория эта изящна и поэтична, однако дело не может обстоять таким образом»⁶⁶². Вопреки мнению Платона⁶⁶³, небесная гармония связывалась пифагорейцами не с математикой космоса, а с его физикой («Не бывает звука без движения», — писал Гиппас). Наконец, надо отметить громадное значение истории астрономии для становления современной естественнонаучной картины мира. Именно астрономия стала тем испытательным полигоном, на котором впервые удалось блестяще совместить эмпирические наблюдения и их математические обоснования, именно здесь был впервые сформулирован гипотетико-дедуктивный метод (т. е. эмпирические наблюдения, построение на их основе объяснительных теоретических гипотез, последующая эмпирическая проверка дедуктивных выводов из них и т. д.), составивший основу современной научной теории познания и разрушивший догматически-религиозную теорию познания средних веков. Задолго до Н. Кузанского, Г. Галилея и Ф. Бэкона, создателей этого метода, Аристотель применительно к астрономии выражал ту же мысль: «Дело опыта — доставлять начала всякого явления. Я имею в виду, например, что опыт в знании о небесных светилах, должен доставлять начала учению (теории) о небесных светилах»⁶⁶⁴.

Далее, говоря об истории астрономии, греки единодушно считали ее первооткрывателем Фалеса Милетского. Точку зрения, что греческая астрономия на раннем этапе своего развития основывалась на вавилонских данных, мы отрицаем, следуя О. Нейгебауеру, Л. Я. Жмудю и др. Вообще первоначально астрономия развивалась в рамках натурфилософии, истории которой посвящены «Мнения натурфилософов» перипатетика Теофраста. Фалес, по-видимому, занимался точным вычислением дат солнцестояний и равноденствий, а значит, продолжительностью тропического года, он же, говорят, ввел для эллинов созвездия Медведиц. Традиция приписывала ему и предсказание солнечного

затмения 28 мая 585 г., но, если такое предсказание имело место, оно было счастливой случайностью и простым знанием того, что у вавилонян есть такой период между затмениями как 18-летний сарос. Во всяком случае, никакой теории, позволявшей правильно объяснять и рассчитывать солнечные затмения у Фалеса не было, и традиция молчит о дальнейших предсказаниях. Главной заслугой его ученика Анаксимандра (ок. 610 — 547 гг.) было придание Земле статуса небесного тела, входящего в ту же систему, что Солнце и Луна. Он же первым поставил (но не решил!) вопрос о величинах небесных тел, расстояниях между ними. Анаксагор впервые правильно объяснил солнечные и лунные затмения, а также факт, что Луна светит отраженным светом Солнца и движется по эклиптике.

Наконец Пифагор и его ближайшие ученики детально занялись Землей и планетами. Пифагор открыл шарообразность Земли, разделил небесную сферу на семь поясов, изобретя два полярных круга, два тропика и экватор (позже учившийся у пифагорейцев Парменид перенесет эти пояса на Землю), а также установил, что Вечерняя и Утренняя звезды — это одна планета (Венера). Применительно к планетам пифагорейцы создали собственно представление о том, что мы сегодня называем Солнечной системой. Они открыли собственное движение пяти планет, приблизительно высчитали сидерические периоды их обращения и составили первую модель системы мира: в ее центре располагалась шарообразная Земля, вокруг которой в направлении с запада на восток равномерно вращаются по кругу Луна, Солнце, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн (именно в этом порядке). За ними находится сфера неподвижных звезд, вращающаяся равномерно с востока на запад. Скорости этого вращения считались обратно пропорциональными расстоянию до Земли: быстрее всего вращаются звезды (один оборот за время чуть меньше суток), медленнее всего — Луна (один оборот за месяц). Движение светил порождает их гармоничное звучание.

Начиная с середины V в. астрономия отошла от натурфилософии и разделилась на два относительно самостоятельных научных направления: эмпирическую астрономию и теоретическую («математическую») астрономию. Подлинным творцом теоретической астрономии стал Энопид Хиосский (сер. V в.), который, по словам историка астрономии Евдема, был автором первого специального трактата по математической астрономии, то есть небесной кинематике. Он же вполне точно определил угол наклона эклиптики к небесному экватору (24°) и высчитал «большой год» в 59 лет. Его ученик, Гиппократ Хиосский, продолжил работу по математизации астрономии. Число же астрономов-наблюдателей было достаточно велико, но самыми известными в то время (430-е гг.) были Метон и Евктемон из Афин. Роль этих людей по отношению к теоретической астрономии IV-III вв. сравнима с ролью Тихо Браге по отношению к И. Кеплеру. В частности, они определили неравномерность движения Солнца по эклиптике, следовательно, непостоянство расстояния от Земли до Солнца. Метон высчитал большой лунный цикл: 19 солнечных лет почти точно равны 235 синодическим месяцам. Евктемон же впервые в греческой традиции разделил эклиптику на 12 знаков Зодиака и начал публиковать «парепегму», то есть звездный календарь разнообразных астрономических событий.

Самым выдающимся достижением астрономии IV в. были следующие.

Во-первых, это постановка проблемы «спасения явлений, представляемых планетами» пифагорейцем Евдоксом Книдским (но не Платоном, как ошибочно указывал Сосиген!), то есть задачи нахождения комбинации таких равномерных правильных движений планет, которые объясняли бы данные явления, например попятное движение планет.

Во-вторых, решение этой задачи тем же Евдоксом, Калиппом (перв. пол. IV в.) и

Аристотелем в виде геоцентрической модели мира, известной под названием «теории гомоцентрических сфер»⁶⁶⁵. Помимо геоцентрической системы мира античная наука предложила альтернативную, которая находилась в стороне от главного русла астрономических теорий древности, но была осознана как истинная 2000 лет спустя. Прежде всего, пифагорейцы перв. пол. IV в. Гикет и Экфант из Сиракуз предположили, что суточное движение звезд можно объяснить вращением Земли вокруг своей оси⁶⁶⁶, и этого предположения держались Платон и его ученик Гераклид Понтийский (р. ок. 350 г.), связанный также с аристотелевским Ликеем.

Во-вторых, еще в конце V в. пифагореец Филолай предложил собственную, так сказать «гестиоцентрическую» систему (так называемая «гипотеза Филолая»), по которой все планеты, включая Землю, обращались вокруг некоего Центрального огня (Гестию). С Земли он не виден, так как его заслоняет от нас вращающаяся синхронно Антисземля (неизвестно, самостоятельная ли планета или просто Луна). Эту теорию критиковал Аристотель.

В-третьих, Гераклид Понтийский предположил, что Меркурий и Венера вращаются вокруг Солнца. Он же, к слову сказать, высказал гениальную догадку о существовании планетарных систем у других звезд.

Наконец, Аристарх Самосский (ок. 320—250 гг.) создал первую гелиоцентрическую модель Солнечной системы. Однако эта система наталкивалась на очень серьезное возражение — если Земля вращается вокруг Солнца, то звезды должны испытывать годовое параллактическое смещение, чего не наблюдалось. Аристарх, по словам Архимеда, грамотно возражал на это, предполагая, что звезды удалены от Земли на расстояния гораздо большие, чем считалось ранее, и параллаксы просто незаметны. Но такой ответ встречал еще возражение, что если звезды так далеки, то их размеры должны быть просто чудовищными (в тысячи раз больше, чем орбита Сатурна), чтобы они были видимы с Земли. В то время ошибочно полагали, что для того, чтобы видеть какое-либо тело, необходимо видеть его угловые размеры отличными от нуля. Учитывая, что угловая разрешающая способность невооруженного человеческого глаза составляет 1' дуги, легко подсчитать, например, что звезда Сириус (при современных данных о расстоянии до нее в 9,7 световых лет) для того, чтобы быть едва видимой, должна быть в 13 000 раз больше, чем она есть в действительности. На самом же деле одна минута дуги необходима для того, чтобы видеть разделенными две точки, то есть для того, чтобы распознать детали небесного тела, а не для того, чтобы увидеть его само. Но этого никто не знал, и до Галилея считалось, что звезды первой величины видны под углом даже 2'. Окончательно вопрос был снят в 1837 г. н. э., когда П. Б. Струве удалось определить годичный параллакс звезды Вега. Но пока всего этого не знали, возражение от размеров и отсутствия параллаксов звезд было убийственным для гелиоцентрической системы, которая, несмотря на ее усовершенствование Селевком из Селевкии (р. ок. 150 г.), так и не получила широкого распространения. Аристарх же стал пионером научных вычислений расстояний до Солнца, Луны и планет и их размеров⁶⁶⁷.

Кроме того, из авторов конца IV — начала III в. надо назвать имя Арата из Сол (ок. 310—245 гг.), автора знаменитой дидактической поэмы «Явления», в которой излагается Евдоксоватеория сфер, описываются различные небесные явления и дается первое у греков систематизированное описание созвездий. При описании этих явления Арат опирался на какой-то чрезвычайно древний источник, самые первые данные которого относятся, по современным вычислениям, к III тыс. до н. э. Перипатетик Евдем Родосский пишет первую «Историю астрономии», а Евклид подводит итог современной ему астрономии в своих «Явлениях».

Эллинистическое время характеризуется, во-первых, все возрастающим влиянием астрологии, начало которой в Греции положил вавилонский жрец, историк и астролог Берос (Бел-ушур, ок. 350—280 гг.), основавший в 280-х гг. на Косе астрологическую школу, во-вторых, глубоким знакомством эллинской науки с материалами вавилонских наблюдений (в частности, указывают на записи жреца Кидинну), и в-третьих, развитыми математическими построениями. Например, Аполлоний Пергский предложил теорию эпициклических форм движения планет, вытеснившую теорию гомоцентрических сфер Евдокса⁶⁶⁸.

Самым же знаменитым астрономом этого времени был Гиппарх из Никеи (ок. 190—125 гг.), главной заслугой которого было создание звездного каталога, включавшего 850 звезд с их угловыми координатами, а также разделение видимого блеска звезд на шесть звездных величин, которыми мы пользуемся и сегодня. Здесь он опирался на звездные списки своих предшественников в деле каталогизации — Тимохариса и Аристиллы (перв. пол. III в.). Плиний говорит, что к составлению каталога его побудило наблюдение сверхновой звезды 134 г. Он же проделал множество точных наблюдений: составил таблицы движения Луны и Солнца, определил различные аномалии этого движения, с точностью до нескольких секунд вычислил продолжительность солнечного тропического года и синодического месяца, вычислил наклон плоскости лунной орбиты, открыл и определил скорость вращения узлов лунной орбиты, и, наконец, открыл явление прецессии равноденствий, то есть прецессии оси вращения Земли. Он же считается изобретателем важнейшего астрономического прибора дотелескопной эпохи — астролябии. Глубоким вниманием к физической проблематике отличались средние стоики, из которых Посидоний Апанейский пытался построить всесторонне разработанную физическую картину мира. Он исследовал связь между приливами-отливами и фазами Луны, развивал климатические астрономические теории. Именно у Посидония впервые встречается тот порядок светил, которого придерживалась вся последующая античная астрономия: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн⁶⁶⁹. Последователь Посидония, астроном, математик и астролог Гемин с Родоса (рубеж I в. до н. э. — I в. н. э.), написал известный и сохранившийся до наших дней комментарий на «Введение в астрономию» Посидония.

Помимо Гемина, к греческим астрономам римского периода относится и Клавдий Птолемей (ок. 90 — после 161 гг. н. э.) — последний великий астроном античности. О нем самом и его сочинениях см. примечание к главе 26 книги III. Он известен, прежде всего, как автор «птолемеевской системы мира»⁶⁷⁰. Помимо этого, он расширил звездный каталог Гиппарха до 1028 звезд с указанием их блеска и положений (в VII-VIII книгах «Альмагеста»), впервые предложил каталог цвета звезд, включая переменные звезды⁶⁷¹, изобрел такой астрономический инструмент, как параллактическая линейка. В этом смысле его записи интересны с точки зрения эволюции звезд, так как он отмечает кратковременные изменения цвета звезд в связи с их вспышками, например у Сириуса. Птолемей был великим систематизатором всего астрономического наследия античности.

Из числа явлений за пределами Солнечной системы греческим астрономам были известны немногие. Прежде всего, их заслуга заключается в уранографии — каталогизации координат, блеска и цвета звезд, их разделение на созвездия (Евктемон, Тимохарис, Арат, Гиппарх, Птолемей), в частности, изобретение звездной величины (Гиппарх). В части определения размеров Вселенной были сделаны догадки о громадном удалении звезд от нас (Аристарх) и о неограниченности Вселенной, то есть о ее топологической полноте в смысле одноименной гильбертовой аксиомы (Лукреций Кар)⁶⁷². Античность знала два звездных

скопления — Гиады и Плеяды. Имелись также догадки о том, что Млечный Путь — множество мелких звезд (Демокрит) и о наличии планетарных систем у звезд (Гераклид Понтийский). Наконец, из переменных явлений на небе, вопреки аксиоме Платона, греки заметили вспышку сверхновой в созвездии Скорпиона в 134 г. до н. э. (но не замечены сверхновая Центавра 183 г. н. э. и Скорпиона 393 г. н. э.), вероятно, знали некоторые переменные звезды, например Алголь и Сириус, но не знали Миру и многие другие.

Латиноязычные астрономические сочинения были многочисленны, но поверхностны и популярны. То есть о небе, звездах, областях неба, созвездиях, движении Луны и Солнца писали многие, но наукой не интересовался практически никто. Самым ученым из римлян, писавших на астрономические темы, был Т. Лукреций Кар (ок. 96—55 гг.), последовательно излагавший эпикурейскую физику в поэме «О природе вещей». Об астрономии в естественнонаучном разрезе писали Варрон, Цицерон, Витрувий, современники Лукреция, и Плиний Старший (23—79 гг. н. э.). Цицерон учился у Посидония и, как мог, стремился популяризовать в том числе и астрономические знания эллинов. Он же первый перевел на латынь поэму Арата «Явления», которую также переводили Г. Юлий Цезарь Германик (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.) и Руфий Фест Авиен (IV в. н. э.). Другие дидактические сочинения на ту же тему писали П. Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э., «Фасты»), М. Манилий («Астрономика», нач. I в. н. э.) и Цензорин («О дне рождения»). Чрезвычайно упрощенные сведения о космологии встречались у поэтов Вергилия, Лукана, Стация. Наконец, начиная с П. Нигидия Фигула (ок. 99—45 гг.) и Л. Таруция Фирмана (116—28 гг.?) в Риме начала свое победное шествие астрология, авторы которой исчисляются десятками, включая даже императоров (Октавиана Августа и Адриана). Все это многообразие разнородных сведений входило в программу риторского образования, именно его мы и находим у Исидора во вполне сносном виде и объеме как в «Этимологиях», так и в трактате «О природе вещей». Во всяком случае, надо отметить, что уровень астрономических и космологических представлений образованного римлянина конца античности был гораздо выше, чем уровень знаний в области арифметики и геометрии.

Поэтому Боэций, стремясь завершить цикл наук квадривиума, должен был видеть свою задачу, во-первых в систематизации этих представлений, а во-вторых — в подведении под нее математической (геометрической) базы, то есть птолемеевской небесной кинематики. В этой связи им был написан трактат об астрономии, который, к сожалению, не сохранился. Мы знаем о нем лишь исходя из указания Кассиодора относительно боэциевского перевода Птолемея и из сообщения магистра Герберта Реймсского, будущего папы Сильвестра II (ок. 940—1003), что он видел в Мантуе это сочинение в восьми книгах. Мы можем только предполагать, что оно представляло собой краткое переложение существенных мест из Птолемея. Так или иначе, но полный латинский перевод «Альмагеста», сделанный Герардом Кремонским с арабского перевода, Европа узнала только в 1175 г. н. э.

Завершая очерк развития древнегреческой астрономии, надо отметить, что в VI-VII вв. н. э. она сделала один серьезный шаг назад. Полная победа христианского мировоззрения и теории познания в виде ссылок на авторитеты привела к частичному восстановлению космологических представлений Древнего Вавилона (примерно рубежа III и II тыс. до н. э.), так как именно они, будучи заимствованы евреями, попали в Ветхий Завет⁶⁷³. Разумеется, ретроградной ревизии подвергались только те, к счастью, не многие, части астрономии, которые явно противоречили словам ветхозаветных пророков, остальные оставались прежними. Тем не менее представления о плоской Земле, о полусферическом небе и двух его вратах, о купающемся в море Солнце, вынырнувшие из незапамятной древности, еще долгое

время морочили головы людям средних веков. Плодотворное же развитие античной астрономии продолжилось только через 14 веков (!) застоя западноевропейской естественнонаучной мысли, то есть в XV веке н. э. в наблюдениях и теоретических работах Н. Коперника, Т. Браге, И. Кеплера.

Эпизодий 7. Метод «Этимологий»

Таким образом, мы выяснили, каково было то историческое научное наследство, которое получил Исидор Севильский. Посмотрим теперь, как он им воспользовался. Мы уже знаем, что он был компилятор, то есть он воспроизводил и систематизировал это наследие, но не увеличивал его. Но такая характеристика, конечно, нуждается в уточнении. Для этого, как обычно, различим форму сочинений и их материю.

Материал, то есть содержание, его сочинения — это расклассифицированные определения научных понятий. Об этих науках и шла речь в предыдущих двух эпизодиях. Обобщая, можно сделать несколько замечаний. Прежде всего, Исидору часто, особенно в немецкой историографической традиции XIX в., бросались упреки в упрощенчестве и плагиате. Первое обвинение отвести легко — наш автор писал не научную монографию, а практически то, что сегодня в преподавательской среде принято называть «методическими указаниями»; было бы странно ожидать глубокой проработки темы, когда указывается не то, что вообще известно, а то, что непременно следует знать. Оригинальной здесь является широта охвата: учебник представляет программу изучения всего массива научного, светского и религиозного знания.

Касательно обвинения в плагиате, надо сказать, что Исидор далеко не всегда дословно заимствует, а когда заимствует, делает это не слепо, а по определенным методическим соображениям, таким образом, чтобы в результате получилось не «лоскутное одеяло», а целостное мировоззрение от наивысших начал (Бога) и до бытовых мелочей, которым посвящены последняя книга «Этимологий». Наш автор действует вполне в духе философии людей как античности, которые просто не замечали времени, так и средневековья, для которых время было только церковным, библейским. В античности время мыслилось как царство разрушения и упадка, а никак не прогресса, в том числе и прогресса научного знания. «Молодеем мы что ли со временем?» — риторически спрашивал Аристотель в IV книге «Физики», посвященной времени, и делал вывод: «Время само по себе — скорее причина уничтожения». Поэтому знание, тем более философское знание о сущем, есть знание вечное и знание вечного. Тот же философ писал, что о сущем говорится в разных значениях, и в первую очередь, это сущее в смысле привходящего, вечно текущего и меняющегося бытия, и сущее, само по себе, которое обозначается через формы категориального высказывания, то есть в словах и мыслях. Но о привходящем никакой науки не может быть!⁶⁷⁴ Следовательно, предметами наук являются вечные и неизменные сущности, которые фиксируются в мыслях (идеях) и словах, поскольку самое главное, что можно сделать с сущностью, — это определить ее⁶⁷⁵. Но ко временам поздней античности науки уже существовали, причем довольно дотошные, то есть, как полагали, с известной степенью подробности все было изучено и описано. Отсюда и возникали те странные, но обычные для того времени разновидности астрономии или географии, когда новые светила или страны разыскивались не на небе или на земле, а в старых книгах. Для Исидора, как и для всех христиан, время существует только как церковное время, задаваемое главными библейскими событиями: творением, пришествием Сына Божия и Страшным судом, со множеством промежуточных событий, взятых из того же источника. Христиане средневековья, равно как и ученые наших дней, всегда стремились, по мере сил, смотреть на мир как бы глазами Бога, извне его, упаковывая привходящие события в формы вечных законов и сущностей. Конечно, наш автор понимает, что что-то меняется, но все это для него как бы незначительно и вненаучно. Например, факт

гибели Римской империи просто прошел мимо его внимания: да, есть некоторые смуты и временные трудности, но когда их не было! Как и всякий философ или ученый своей эпохи, он обращает внимание на вечное, а не на временное. Отсюда глубокое и обоснованное уважение к старым рукописям.

Для формы, то есть метода сочинений Исидора, характерны два принципа: принцип дефиниции (этимологии) и принцип классификации.

1. Принцип дефиниции (этимологии). Все произведение не зря называется «Этимологиями». Повторимся: Исидор был вполне нормальным мыслителем своего времени, то есть стремился не столько проникнуть в тайны реального изменчивого мира, сколько конструировал свое умпостигаемое представление о мире словесными средствами. Он разбирает не реальные начала вещей, а идеальные начала понятий. Там, где реальность и понятие адекватны, он передает это; там же, где между реальностью и понятием возникает противоречие, предпочтение безоговорочно отдается слову. Таковы были и новые христианские веяния, которые представляли зримый человеку мир лишь мигмом в более высокой божественной идеальной реальности. Например, Исидор не различает букв и звуков, ими обозначаемых, — он говорит «буква» в обоих случаях, почти не различает имен существительных и предметов, ими обозначаемых, не отличает глаголы от самих действий, ими выражаемых⁶⁷⁶. Справедливости ради надо сказать, что попытка серьезно посомневаться в том, таковы ли вещи, как мы о них говорим, в античности предпринималась. Это знаменитый платоновский «Кратил» (см. ниже). Потому античные и средневековые мыслители серьезно полагали, что все на свете таково и есть, как об этом говорится в человеческом языке, — у философов это называется принципом «тождества бытия и мышления», восходящим к тезису Парменида Элейского⁶⁷⁷.

Для Исидора познать — отыскать присущее вещи наименование в бесконечном перечне вещей, так как слово воспринималось не как более или менее адекватное подобие вещи в человеческом мышлении, а как большая реальность, чем сама эта вещь, точнее, «текущая» вещь просто не считалась подлинной реальностью. При этом он считал, что научное знание не прогрессирует, а деградирует, что связано с путаницей, вносимой в значения различных научных терминов эпигонами. Поэтому значения понятий надо прояснять и очищать от позднейших напластований. В соответствии с этим методологическим основанием он и приступает к исследованию.

Конечно, здесь у него были предшественники. Изобретателем термина «этимология» считается Хрисипп⁶⁷⁸, хотя сам метод исследования через этимологизирование известен еще с Гесиода (р. ок. 700 г.) и достигает своего расцвета в диалоге «Кратил», где Платон одновременно осознает его ограниченность. Общий вывод «Кратила» — вещи надо исследовать скорее из них самих, чем из их имен⁶⁷⁹. Однако в античные и средневековые времена эта мысль не получила конструктивного развития (деструктивное было в школе скептиков), оставшись в «запасниках» философии до времен Иммануила Канта. У римлян родоначальником этимологического метода был известный учитель и грамматик М. Веррий Флакк (кон. I в. до н. э. — нач. I в. н. э.), которому принадлежал утраченный трактат «О значении слов» («De verborum significatu»), известный сегодня только по извлечению С. Помпея Феста (II в. н. э.), точнее, по сделанному Павлом Диаконом (ок. 729—799) извлечению в свою очередь из Феста. Вероятно, часть материала «Этимологий» восходит непосредственно к Веррию. Другим латинским предшественником Исидора был Г. Светоний Транквилл (ок. 70 — ок. 140 гг. н. э.), к утраченным «Лугам» («Prata») которого, возможно, восходит общий план «Этимологий».

В общем можно сказать, что все его «Этимологии» это детально структурированный

толковый словарь, то есть они только и состоят что из понятий и определений, что это есть. В наиболее полных случаях ответ на вопрос «что это?» состоит из четырех частей: определения через род и видовые отличия («что это?»), этимологии («почему так названо?»), классификации («на какие виды делится?») и примера. Вот, скажем, «риторика». Во-первых, «это наука хорошо говорить по гражданским вопросам», «хорошо» здесь понимается во всех смыслах — от складной, правильной речи до христианского этического блага. Во-вторых, она названа «ῥητορικὴ τέχνη», то есть от множества разговоров (locutio), ведь ῥήσις у греков — это разговор». В-третьих, она подразделяется на «нахождение частей речи, их расположение, собственно речь, память, произношение и обязанности, состоящие в том, чтобы убеждать всякого»⁶⁸⁰. Далее, эти виды делятся на свои подвиды и т. д. и т. п. до конкретных примеров, скажем, риторических фигур, главным образом, из Цицерона.

Конечно, самое слабое звено в этом четырехчастном определении — это как раз этимология, так как она, как правило, греческая, а этого языка Исидор не знал. К сказанному по этому поводу Брехейтом⁶⁸¹ надо добавить, что термины, которые в рукописи проставлены по-гречески, как правило, склоняются правильно. Например, когда Исидору нужно поставить греческое ὁμάσις в аккузатив, он пишет ὁμάσιν⁶⁸² или для прилагательного ἁγίων τῶν τοῦν указывает множественное число ἁγίων τῶν. Исидор, очевидно еще из школьной программы, знал правила употребления наиболее известных заимствованных греческих слов в латинском языке, поэтому не ошибался в простых случаях. Кроме того, у него был под рукой римско-греческий словарь или кто-нибудь из севильского скриптория, кто мог бы ему подсказать греческий аналог латинского термина. Но этим его знание греческого и ограничивалось, так как в более сложных случаях Исидор просто не понимает греческой морфологии. Например, название трактата Аристотеля «Περὶ ἑρμηνείας» («Об истолковании») он повсеместно пишет по-латыни слитно «Perihermenias». Это-то еще можно списать на ошибку переписчика, но не переписчик же склонял: Nom.: Perihermenias, Gen.: Perihermeniarum, Acc.: Perihermeniam (почему-то в единственном числе), Abl.: Perihermeniis. И к тому же дал перевод: «Hanc Aristoteles Perihermeniam nominat, quam interpretationem nos appellamus» («То, что Аристотель именовал “Perihermeniam”, мы называем истолкованием»). Он явно не понимает, что περί — предлог, управляющий родительным падежом, а ἑρμηνείας; — существительное в единственном числе этого падежа.

2. Принцип классификации. Он имеет самостоятельное и большое значение. В своей работе «Эволюция основных философских идей в Древней Греции. Платон и Аристотель» я уже отмечал эволюцию упорядочивающей мысли эллинов от классификации у Платона и Аристотеля к иерархии неоплатоников и связь этой последней с семитским мировоззрением. Как в случае с классификацией, так и в случае с иерархией дело сводится к сформулированному Платоном принципу наглядного представления. «Дело свободного человека — уметь наглядно представить в разуме то, о чем он говорит и что он мыслит»⁶⁸³. У Исидора же, в отличие от неоплатоников, мы имеем не столько иерархию, сколько старую добрую классификацию, что указывает на ранний тип научного мышления. Сам этот принцип наглядного представления восходит к вполне обыденному сознанию эллинов, к его «зрелищу сознания», употребляя удачный термин А. В. Ахутина. Эллин пытался мыслить так, как жил в своем обществе: театр и суд (например, ареопаг), давали ему возможность наглядно и со стороны лицезреть суть дела. К этим двум «зрелищам» я бы добавил еще лавки на афинской агоре: ведь любой товар легко узнать и купить, если он

разложен правильно и на своем месте.

Впервые метод определения сущности чего-либо через классификацию был предложен Платоном, например в «Софисте», правда здесь классификация была просто дихотомической. Мощным этот аппарат становится у Аристотеля, в особенности в его трудах по естественной истории. В Риме же создавалось множество энциклопедий, из которых самые известные — «Человеческие и божественные древности в 41 книге» («*Antiquitatum rerum humanarum et divinarum Libri XLI*») М. Теренция Варрона, «Естественная история» в 37 книгах («*Naturalis historiae Libri XXXVII*») Г. Плиния Старшего и «Сжатая наука» в 20 книгах («*Compendiosa doctrina*») Нонния Марцелла (прибл. IV в. н. э.). У Исидора этот метод доводится до филигранного совершенства, отшлифованный всей латинской школьной традицией.

Взять, например, риторiku. Она состоит, как уже сказано, из нахождения частей речи, их расположения, собственно речи, памяти, произношения и, наконец, включает «обязанности, состоящие в том, чтобы убеждать всякого». Далее, чтобы убеждать, надо рассмотреть, каков статус дела (юридического). Статусы бывают «от разума» и «от закона». «От разума» — это статусы установления, определения, оценки и перенесения. Определение — это статусы законности и сделки. Статусы законности — это самостоятельный и несамостоятельный. Несамостоятельный — это признание, отведение вины, перенесение вины, возмещение. Признание — это снятие вины или мольба о прощении. Так, начиная с первых родов, мы доходим до последних видов. Примеры (индивиды), конечно, приводятся только для последних видов, как, скажем, для сентенциальной энтимемы, зато для первых родов приводится анализ их отношения с другими родами, как, скажем, риторики и грамматики, диалектики и риторики⁶⁸⁴. Короче говоря, «древо Порфирия» в действии! Всего таких деревьев в «Этимологии» сотни.

Так классифицируется все без исключения сущее сверху донизу, от Бога до неживого мира. Иногда Исидор так увлекается чисто родовидовой стороной дела, что попросту забывает вписать это все в систему божественного творения. Временами он спохватывается и ставит над всей этой классификацией Бога: «...*novissimus Deus, qui est super omnia benedictus in saecula*»⁶⁸⁵. Даже физический мир у него расположен на плоскости: рай находится на земле, далеко на Востоке; ад — под центром земли, Иерусалимом. Это прямое влияние латинской риторической и грамматической традиции: классифицируются не вещи, но слова, понятия.

Эпизодий 8. Заключительный

В заключение следует остановиться на том новом, что Исидор Севильский внес в историю западной философской и научной мысли. Это новое можно выразить буквально одним словом — «мировоззрение». Именно наш автор впервые в истории создает общую картину мира как иерархию сущностей, как они видятся с точки зрения божественного ума, устанавливая единую форму, в которую может быть заключено такое знание — форму учебника, и в этом смысле он на шаг ближе к нам, чем к философам античности. Действительно, если попросить у современного ученого, скажем, физика, объяснить, чем он занимается, то он ответит, что он стремится познать мир, таким, каков он на самом деле, и выразить это знание в форме своей науки, физики. При этом он будет особенно гордиться, что его наука как таковая стремится быть объективной, то есть отличной от простой совокупности субъективных взглядов отдельных ученых. Но если мы станем допытываться, где же и как существует такая наука вообще, отличная от мнений конкретных ученых, то он, пожалуй, ответит, что в учебнике. Конечно, в любой науке есть, так сказать, «передовой край», то есть то, что сейчас изучается, обсуждается, для чего предлагаются различные конкурирующие гипотезы, но если нечто стало познанным и признанным, то упаковывается оно именно в структуру учебника и изучается по нему всеми последующими поколениями; здесь оно обязано находиться в согласии со всем остальным знанием о мире, быть логически непротиворечивым и найти свое место в общей системе знания.

Но именно это мы и видим в «Этимологиях». Работа Исидора отличается от энциклопедий его предшественников уже тем, что он толкует не о том, что вообще известно по тому или иному поводу, а о том, что следует об этом знать всем, хотя бы всем тем, кто вообще обязан знать, то есть всем священникам (потом скажут просто «всем» и назовут это «всеобщим образованием»). Исидор многое переписывает у Кассиодора, но его принципиально не волнует более узкая задача его предшественника, задача согласования светского знания и божественного и постановки первого под власть второго. Для нашего автора это уже свершившийся факт. Его интересует то, что следует знать обо всем мире вообще от начала и до конца безо всяких исключений. Он рисует именно картину мира, которой у Кассиодора или Августина еще не было. По этой же линии мысли следовали и афинские неоплатоники, как, например, Прокл и Дамаский в своих комментариях к платоновскому «Пармениду», но неоплатонизм представлял иную по отношению к христианской философии ветвь мышления, во многом похожую и уже поэтому сильно конкурирующую с христианской. Другое дело, что по ряду субъективных и объективных причин неоплатонизм проиграл в этой борьбе. Эту неоплатоническую традицию в христианской философии интерпретировали свт. Дионисий Ареопагит (нач. VI в. н. э.) и преп. Иоанн Дамаскин (675—749 гг. н. э.), без которых невозможно представить себе мировоззрение византийского, и, конечно, русского христианина. Но то — вечно мудрый Восток, а мы говорим о наших западных соседях, для которых иерархию сущего создавал как раз Исидор Севильский.

Его отличие от современной науки в том, что мы к процессу построения такой непротиворечивой, согласованной и всеобщей картины мира относимся диалектически, то есть «не предполагаем готовым и неизменным наше познание, разбираем, каким образом из незнания рождается знание, каким образом неполное, неточное знание становится все более полным и более точным»⁶⁸⁶. Исидор этой диалектики не знал и думал проще: что все

уже сформулированное его предшественниками знание есть именно знание, которое следует либо просто принять, если оно истинно, либо просто отвергнуть, если оно ложно (тогда оно было не знанием, а мнением). Правда, он не стесняется исправлять мнения древних там, где считает это необходимым в целях истины или просто согласованности. Любопытно, что и с Писанием он поступает точно так же, как бы подгоняя к собственному тексту отрывки из Библии и весьма свободно передавая ее смысл!⁶⁸⁷

Но он становится выше своих античных предшественников в том, что раз и навсегда кончает с правом озарения и догадки на окончательную и непосредственную истину. И если мы считаем высшей целью человеческого существования, как в лице одного человека, так и в лице всего человечества и даже всего мира, выход к высшей трансцендентной реальности, к Знанию, превосходящему любое знание, то, возможно, отдельные люди времен мистерий Древней Греции были гораздо ближе к решению этой задачи, но только на личном уровне. Вся история античного знания была галереей более или менее ярких вспышек озарений, которые, однако, зарождались и гасли только в единичных индивидах. Другие были вынуждены или начинать с самого начала, причем своего начала, или просто эпигонствовать. Если бы задача сводилась только к вырыванию из повседневного мира отдельно взятых людей, то античный тип человека был бы более приемлем, и можно было бы, как выражался Шри Ауробиндо, «перепрыгнуть через интеллект» прямо к Высшему началу⁶⁸⁸, то есть интеллект, научный разум были бы не нужны. Но вся эволюция природы показывает нам, что развитие идет в противоположном направлении, и древняя интуиция покрывается все более и более сложными интеллектуальными слоями того, что мы сегодня называем наукой. Поэтому у Исидора интуиция Древней Греции уступила место человеческому разуму, который был, несомненно, ниже и грубее интуиции, но в известном смысле более универсален и последователен.

Беда западного мира состояла не в этом необходимом и прогрессивном шаге, а в том, что он так и не смог сделать следующий шаг, выводящий за пределы всеобщего интеллекта. Логический ум стал рассматриваться как наилучшее средство для достижения истины, и люди Запада даже от духовного опыта требуют, чтобы он прошел проверку разумом, если он стремится стать признанным, вместо того, чтобы ставить интеллектуальное заключение в зависимость от духовного опыта. Тем самым философское знание стало чистым интеллектуальным умозрением, оторванным от духовного открытия, и дорога, ведущая вперед, за пределы интеллекта, была забыта⁶⁸⁹. Принудительное же приведение действительности, в особенности человеческой общественной действительности, к умозрительным конструкциям всегда оборачивается на практике насилием и кровопролитием, будь то хоть построение коммунизма так, как его понимали в СССР, торжество национал-социализма так, как его понимали в Третьем Рейхе, или насаждение демократии так, как ее понимают в США⁶⁹⁰.

Нам осталось кратко проследить результаты деятельности Исидора Севильского и судьбу его наследия.

Уходя в лучший мир, Исидор вполне мог считать свою жизнь удавшейся, а свои дела — плодоносящими. По всей Испании были учреждены школы, в них шло активное преподавание разного рода учености. Объединение нации, казалось, не за горами. Более того, на 8-м соборе в Толете был принят *Forum Iudicium* — единый правовой кодекс, объединивший *Codex Theodosii* (по которому жили испаноримляне) и *Lex Romana Visigotorum* (который распространялся на визиготов). Это достижение юридической мысли на Западе будет превзойдено только в XIII в. Однако...

Однако основания молодого королевства уже подтачивала страшная «готская болезнь» (*morbis Gothorum*), первые симптомы которой описал Григорий Турский, — королей низлагали и убивали, как вздумается, словно обезумев. Началось это еще в 531 г., когда был убит Амальрих, последний король из дома Амалов и Балтов. Правда, при Леовигильде (572—586 гг.) и Рекареде I (586—601 гг.) наступило некоторое успокоение, но правление Сисебута (601—612) стало последним относительно мирным правлением. Затем начались гражданские войны, узурпации престола и на фоне всего этого — фактическая независимость отдельных военачальников и владельцев крупных земельных наделов. Кровавые распри, начавшись, шли не прекращаясь. Визиготы сумели ассимилировать бюрократический аппарат Римской империи, но не сумели реорганизовать его и заставить работать как положено. Пассионарные короли и их преданные приближенные погибли в боях во Фракии, Италии, Галлии. При их ничтожных потомках королевская власть ослабела настолько, что Соборы епископов старались уже не ограничить ее, а поддержать. Визиготское королевство было самым совершенным наследником Империи, но совершенным как в своей силе, так и в своей слабости. Правда, если бы судьба подарила ему несколько столетий спокойного существования на их отгороженном от всего мира полуострове, то многие неурядицы сошли бы на нет, но у истории — свои законы.

На Востоке поднималась новая великая сила, которой было суждено владеть Испанией до конца XV в. и навсегда определить ее культурное и историческое своеобразие. В год смерти Исидора в решающей битве при реке Ярмук (20 августа 636 г.) арабы-мусульмане разбили византийскую армию, что открыло им возможность широкомасштабного вторжения в Сирию и Палестину. Вскоре были завоеваны Египет и Африканский экзархат. А в 711 г. по просьбе одного из соперников короля Родериха в Испании высадился берберский губернатор Тингиса Тарик ибн Зияд с 7000-м войском, переправившись через пролив, впоследствии названный в его честь (Гебир аль-Тарик, Гибралтар). Родериха он, конечно, разгромил, равно как и все визиготское королевство, с которым было покончено к 718 г.

Культурное наследие Исидора Севильского оказалось гораздо счастливее политического. Культурная жизнь на развалинах Римской империи напоминала такую же ситуацию в странах Советского Союза после его распада: страны уже разные, но образованные люди еще мыслят себя культурным единством, живо общаются, обмениваются научными и культурными достижениями, как бы прохладны ни были отношения между правительствами. Это продолжается недолго, но это бывает. Поэтому еще при жизни Исидора его творения переписывались и распространялись не только в Испании (Севилье, Толедо и Сарагоссе). Ж. Фонтэн составил карту распространения его работ в Европе раннего средневековья. После Сарагоссы рукописи попали в королевство

франков (Сен-Дени, Камбре, Флери), в Италию (Монте Кассино), в различные германские аббатства, а затем — в Нортумбрию и на еще один мирный островок уходящей культуры — Ирландию. Поэтому арабское завоевание не уничтожило его рукописей. Однако в следующее столетие уровень культуры европейцев резко снизился, поэтому даже компендиумы Исидора казались слишком большими. Глава придворной академии во времена Карла Великого Алкуин (730—804 гг. н. э.) включил в свой учебник по диалектике только «Исагогу», комментарий на книгу «Об истолковании» и краткий пересказ «Категорий». Как выразился М. Л. Гаспаров, «античная светская культура должна была занять место в архиве общественного сознания и ждать, когда ее востребуют для употребления вновь. Сознательно или бессознательно она как бы готовилась к этой судьбе и (по удачному выражению одного филолога) упаковывала свои ценности так, чтобы их было удобнее хранить»⁶⁹¹.

Но когда наступили лучшие времена, «Этимологии», трактат «О природе вещей», «О католической вере против иудеев» получили огромную популярность и пользовались ею почти все средние века, и только рационализм Нового времени XVIII и XIX вв., был склонен поверхностно обвинять Исидора в ненаучной эклектичности.

В арабской же Испании заложенная Исидором Севильским система образования также не погибла, но, обогатившись арабским и еврейским влиянием, превратила эту страну в источник, из которого в IX-XII вв. в Европу лилась живая философская мысль, в том числе и античная. Но это уже совсем другая история...

Текст. Предлагаемый читателю перевод выполнен по изданию: *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum, sive Originum, libri XX / Rec. et instr. W. M. Lindsay. — T. 1—2. — Oxford: Clarendon Press, 1911.* Имеются его электронная копия в библиотеке Аугсбургского университета (http://www.fh-augsburg.de/harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_in_tr.html) и факсимиле манускрипта конца XIII в. из монастыря Поблет, размещенное в «Schoenberg Center for Electronic Texts & Image» (<http://dewey.library.upenn.edu/sceti/ljs/PageLevel/index.cfm?option=view&ManID=ljsl84>).

Данный манускрипт принадлежит к семейству *Codex Toletanus (Matritiensis)* VIII в., базовому для последних критических изданий. Также использовалось предыдущее издание, выполненное Ф. Арвалом и приводимое у Ж.-П. Мюнья: *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus... Series secunda [Latina] / Accurante J.-P. Migne. — Paris: Garnier, 1850. — T. LXXXII.*

Настоящий перевод был начат как один из проектов совместного семинара «Латинский язык средневековой схоластики» Центра изучения средневековой культуры и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ в составе: И. Ю. Ларионов (СПбГУ, председатель), А. Б. Паткуль (СПбГУ), М. В. Петрова (СПбГУ), А. Ю. Рахманин (РХГИ), Л. А. Харитонов (СПбГУ); а с гл. 35 I книги продолжен Л. А. Харитоновым самостоятельно. Переводчик стремился передать текст возможно более близко к латинскому оригиналу. С этой целью использовался несколько архаизированный русский язык, так как, во-первых, старые синтаксис и орфография лучше подходят для передачи старых латинских конструкций, а во-вторых, у читателя создается ощущение древности самого текста. Тем не менее для удобства чтения многие конструкции упрощались, а многие термины переводились значениями, предельными для смыслового поля.

Греческий язык. В рукописях Исидора греческие буквы не используются, но у редактора (У. Линдсея) есть основания полагать, что в оригинале они были, но также были и латинские кальки с греческих слов. В связи с этим переводчик руководствовался тем правилом, что раз для читателей времен Исидора латинский язык был родным, а греческий — чужим, то надлежит все латинские слова переводить на родной для читателя язык (русский), а все чужие (греческие) оставить на чужом (греческом) — или непосредственно, или в виде русской кальки. Где писать по-гречески, а где делать кальку решал отчасти редактор, отчасти переводчик, но главным критерием кальки было наличие в оригинале латинских окончаний у греческих слов.

Цитаты. По мере возможности все цитаты даются по классическим русским переводам («Энеида» Вергилия — в переводе С. Ошерова, «Буколики» и «Георгики» — в переводе С. Шервинского, речи Цицерона — в переводе В. Горенштейна, «Фарсалия» Лукана — в переводе Л. Остроумова, «Сатиры» Персия — в переводе Ф. Петровского, цитаты из Свц. Писания — в русском синодальном переводе, комедии Теренция — в переводе А. Артюшкова, остальные цитаты единичны). Если классический перевод оказывался недостаточно точным для контекста, делался дословный перевод, а если и этого было недостаточно, то оставлялся латинский оригинал. Статистика прямых цитат такова. Книга I: Вергилий — 66 («Энеида» — 56, «Буколики» — 6, «Георгики» — 4), Лукан — 5, Персий — 5, Свц. Писание — 5, Энний — 4, Теренциан — 2, Эзон — 1, Невий — 1, Плавт — 1, Лукреций Кар — 1, Цицерон — 1, Цезарь Август — 1, Овидий — 1, Гораций — 1, Ювенал — 1 и Луцилий — 1. Книга II: Цицерон — 33 (речи — 28), Вергилий — 28 («Энеида» — 26,

«Георгики» — 2), Теренций — 5, Аристотель в переводе — 5 («Об истолковании» — 4, «Категории» — 1), Овидий — 2, Г. Гракх — 1, Сципион Младший — 1, Луцилий — 1, Петроний — 1, Кальв — 1, Рутилий Луп — 1, Свщ. Писание — 1 и бл. Иероним — 1. Книга III: Вергилий — 7, Свщ. Писание — 3, Лукан — 3, Иосиф Флавий — 1, свт. Климент Александрийский — 1, Стаций — 1 и Ювенал — 1. Кроме того, имеется много отсылок к Аристотелю (в переводе Викторина и Боэция), Цицерону, Апулею, Элию Донату, Марию Викторину, Боэцию, Кассиодору и др.

Конъектуры редакторов и переводчика помещены в сносках под литерами Si. Часть конъектур снималась через обращение к рукописи, и эти случаи специально не отмечались. Разночтения обозначаются литерами V. I. и касаются, в основном, случаев, когда в рукописи присутствуют не вполне точные цитаты.

В квадратные скобки ([]) помещен текст, отсутствующий в рукописи и вставленный переводчиком по смыслу для облегчения понимания текста, из-за чрезвычайной краткости и сжатости языка оригинала.

Круглые скобки употребляются в следующих случаях.

1. В них приводится латинский вариант всех основных терминов, вводимых Исидором (так как «Этимологии» — это энциклопедия).

2. Они содержат расшифровку по-латыни некоторых значимых терминов и выражений (включая примеры), переводимых по-русски с частичной потерей или искажением смысла. Латинские термины ставятся в именительном падеже необходимого числа, прилагательные и причастия — в мужском роде, а глаголы — в инфинитиве, если иного не требует контекст.

3. Если дословный перевод выражения на русский язык приводит к полной потере смысла (что имеет место в некоторых примерах, касающихся только латинского языка), то оно оставляется латинским и сопровождается русским переводом в круглых скобках, имеющим исключительно вспомогательный характер. Когда это возможно, таким примерам подыскиваются русские аналоги, которые помещаются в примечания.

4. В круглые скобки помещаются ссылки при цитатах.

5. Круглые скобки содержат редакторскую разбивку глав на параграфы.

6. В них заключены некоторые присутствующие в рукописи значки, а также отсутствующие в рукописи, но необходимые для понимания схемы стоп и стихов, прочтения латинских и греческих букв.

Угловые скобки (< >) содержат места, помеченные У. Линдсеем как сомнительные или позднейшие вставки.

Курсив использован переводчиком для выделения основных вводимых Исидором терминов. Полужирный курсив — для родовых терминов.

Постановка всех диакритических знаков (краткости, долготы, различных ударений) в тексте и примерах принадлежит переводчику, равно как и расстановка кавычек, тире и выделения подчеркиванием.

Нумерация терминов, как правило, вводилась переводчиком для удобства показа классификационных схем — в этом случае она поставлена в квадратные скобки. Если же она присутствует и в рукописи, то приводится арабскими цифрами без скобок, при этом имеющиеся в рукописи очевидные ошибки в нумерации, конечно, исправляются. За этим исключением, вся разбивка на абзацы принадлежит переводчику.

В фонетических транскрипциях знак «ÿ» означает звук, близкий к английскому w в слове «well» (неслоговое u), а знак «кÿ

» — звук «к», произносимый лабиально, с легким округлением губ. Косая черта (/) означает «или».

Рисунки. Книга I. В главе 21 изображения пометок в предложениях различаются от рукописи к рукописи, поэтому Ф. Аревало и У. Линдсей дают по несколько вариантов, причем каждый — свои. У нас приводятся и те и другие. Книга III. По поводу рисунков фигурных чисел к главе 7 Линдсей замечает, что не смог их найти ни в одной рукописи, потому не приводит. Аревало отмечает то же самое, но восстанавливает их сам. Мы, однако, приводим их не по Аревало, а по одной из рукописей «О наставлении в арифметике» Боэция, где эти фигурные числа изображены в должной мере архаично, но более вразумительно. Что касается рисунков геометрических фигур к главе 12, Аревало пишет, что в первом издании «Этимологий» (без указания места и года издания) приводятся изображения, которые он помещает в свое издание (P.L., LXXXII, col. 869—872); Линдсей приводит их без комментариев. Рисунки астрологических фигур в главе 14 и различные схемы музыкальных интервалов для главы 20, § 3 Аревало и Линдсей помещают со ссылкой на *codices Toletani*. В этих рисунках встречается много ошибок, например, в арифметических подсчетах на рис. 24, из которых мы исправляли только самые очевидные. Растилкувателю читателю смысл музыкальных чертежей мы не рискуем; во всяком случае, прямой связи с текстом эта безумная музыкальная арифметика не имеет. Роза ветров к главе 61, отсутствующая в рукописях, приведена по чертежу из примечания И. Д. Рожанского к «Метеорологике» Аристотеля (Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1981. — С. 591), так как он в значительно большей степени соответствует словесному описанию, чем розы, помещенные в трактате Исидора «О природе вещей». Фазы Луны для глав 63—64 нарисованы нами.

Особенностью языка Исидора является искусственное, нехарактерное для этого времени стремление к исправлению «ошибок» классической орфографии, то есть, в частности, к правописанию приставок без ассимиляций, например *adsiduitas*, *conprehensio*, *conloquium* и т. д. вместо *assiduitas*, *comprehensio* и *colloquium*. Это выглядит непривычно, поэтому все оставленные в тексте латинские слова и выражения приведены к классическому словарному виду. Читатель при необходимости легко сделает обратное преобразование, так как ассимиляция Исидором не употребляется никогда.

Все приводимые даты следует считать датами до нашей эры, если иное не оговаривается специально.

Список сокращений имен авторов и их произведений

Отсутствие названия произведения при имени автора означает, что ссылка делается на фрагмент из неустановленного произведения данного автора.

A. L. (R)	"Латинская антология» (VI в. н. э.) (редакция A. Riese)
Aet.	Аэтий (?). «Мнения философов»
Alex. Aphrodis.	Александр Афродисийский (II в. н. э.)
Comm, in Met.	"Комментарий к "Метафизике" Аристотеля»
Anax. (Лебедев)	Анаксимандр из Милета (VI в.) (ред. А. В. Лебедева)
Anaxag. (Лебедев)	Анаксагор из Клазомен (V в.) (ред. А. В. Лебедева)
Anaxim. (Лебедев)	Анаксимен из Милета (VI в.) (ред. А. В. Лебедева)
Ar.	Апулей из Мадавры (II в. н. э.)
De interpr.	"Об истолковании»
Apoll.	Псевдо-Апполодор (I в. ?)
Bibl.	"Мифологическая библиотека»
Apoll. Dyc.	Аполлоний Дискол из Александрии (II в. н. э.)
De syntax.	"О синтаксисе частей речи»
De pronom. (Schn)	"О местоимениях» (ред. R. Shneider)
Apoll. Perg.	Аполлоний Пергский (III-IV вв.)
Con.	"О конических сечениях»
Arat.	Арат из Сол (IV-III вв.). «Явления»
Archim.	Архимед из Сиракуз (III в.)
Con.	"О коноидах и сфероидах»
Psam.	"Псаммит»
Sph.	"О сфере и цилиндре»
Archyt. (Лебедев)	Архит из Тарента (V-IV вв.) (ред. А. В. Лебедева)
Arist.	Аристотель из Стагир (IV в.)
An. post.	"Вторая аналитика»
An. pr.	"Первая аналитика»
Cael.	"О небе»
Cat.	"Категории»
De anima	"О душе»
De gen.	"О возникновении и уничтожении»
De interpr.	"Об истолковании»

De mund.	"О мире»
EN	"Никомахова этика»
Met.	» Метафизика»
Meteor.	"Метеорологика»
MM	"Большая этика»
Phys.	"Физика»
Poet.	"Поэтика»
Rhet.	"Риторика»
Soph. el.	"О софистических опровержениях»
Top.	"Топика»
Aristox.	Аристоксен из Тарента (IV-III вв.)
Aug.	Бл. Августин Аврелий (IV-V вв. н. э.)
Conf.	"Исповедь»
Educ.	"О христианском образовании»
Mus.	"О музыке»
Boet.	Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (V-VI вв. н.
Comm, in Porph.	"Комментарий к Порфирию»
Contra Eut. et Nest.	"Против Евтихия и Нестория»
Inst, arithm.	"О наставлении в арифметике»
Inst. mus.	"О наставлении в музыке»
Cass.	Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор (VI в. н. э.)
Inst.	"Наставления в науках божественных и светских»
Var.	"Барии»
Catul.	Г. Валерий Катулл (I в.)
Carm.	"Стихотворения»
Cens.	Цензорин (III в. н. э.). «О дне рождения»
Charis. (K)	Флавий Сосипатер Харисий (IV в. н. э.). «Искусство грамматики» (ред. Н. Keil).
Choerob. (H)	Георгий Хировоск (V-VI вв.). «Эпимерисмы» (ред. А. Hilgard)
Chrys.	Хрисипп из Сол (III в.)
Clem.	Т. Флавий Климент Александрийский (II-III вв. н. э.)
Cic.	М. Туллий Цицерон (I в.)
Acad.	"Учения академиков»
Brut.	"Брут, или О славных ораторах»
C. cont. Metelli	Речь против речи Кв. Метелла
Cael.	Речь в защиту М. Целия Руфа
Cat.	Речи против Л. Сергия Катилины
Flacc.	Речь в защиту Л. Флакка

Cluent.	Речь в защиту А. Клуенция Габита
De div.	"О предвидении»
De fin.	"О пределах добра и зла»
De inv.	"Об ораторском изобретении»
De orat.	"Об ораторе»
Deiot.	Речь в защиту царя Дейотара
Div. in Caes.	Дивинация против Кв. Цецилия
Ligar.	Речь в защиту Кв. Лигария
Marcell.	Речь по поводу возвращения М. Клавдия Марцелла
Mil.	Речь в защиту Т. Анния Милона
Nat. deor.	"О природе богов»
Orat.	"Оратор»
Parad.	"Парадоксы стоиков»
Phil.	Филиппики против М. Антония
Pis.	Речь против Л. Кальпурния Пизона Цезонина
Top.	"Топика»
Tusc.	"Тускуланские беседы»
De cels.	Псевдо-Лонгин. «О возвышенном» (I в. н. э.)
Demetr.	Деметрий (I в. н. э.)
De stylo	"О стиле»
Demetr.	Деметрий Фалерский (III в.)
Phaler.	
Aprofth.	"Изречения семи мудрецов»
Democr.	Демокрит из Абдер (V-IV вв.) (ред. А. О. Маковельского)
(Мак)	
Dig.	"Дигесты Юстиниана» (VI в. н. э.)
Diod. Sic.	Диодор Сицилийский (I в.). «Историческая библиотека»
Diog. Babyl.	Диоген Вавилонский (II в.)
Diog. Laert.	Диоген Лаэртский (III в.). «Жизнеописания и мнения знаменитых философов»
Diomed. (K)	Диомед (IV в. н. э.). «Искусство грамматики» (ред. Н. Keil)
Dion.	Дионисий Галикарнасский (I в.)
Halicarn.	
De verb.	"О сочетании имен»
Demosth.	"О речи Демосфена»
Dion. Thrac.	Дионисий Фракиец (II-I вв.). «Грамматическое искусство»
Dioph.	Диофант Александрийский (III в.)
Arithm.	"Арифметика»
De num.	"О многоугольных числах»
Donati	Донат Элий (IV в. н. э.)
Ars gramm.	"Искусство грамматики» (ред. Н. Keil)
(K)	

Ars min. Enn.	"Малое искусство грамматики. О частях речи» Кв. Энний (III-II вв.)
Ann.	"Анналы»
Eucl.	Евклид (IV в.)
Sect. can.	"О делении канона»
Elem.	"Начала»
Phaen.	"Явления»
Eud.	Евдем Родосский (IV-III вв.)
Hist. ar.	"История арифметики»
Hist. astr.	"История астрологии» («История астрономии»)
Hist. geom.	"История геометрии»
Eudox.	Евдокс Книдский (IV в.). «Явления»
Eustrat.	Евстратий Никейский (XI-XII вв. н. э.)
In Arist., EN	"Комментарии к «Никомаховой этике» Аристотеля»
Galen.	Клавдий Гален (II в. н. э.)
De loc.	"О местностях»
Inst. log.	"Введение в логику»
Gaud.	Гауденций (III в. н. э.)
Harm.	"Введение в гармонику»
Gell.	А. Гелий (II в. н. э.). «Аттические ночи»
Gemin.	Гемин Родосский (I в.), математик
Hermog.	Гермоген из Тарса (II-III вв. н. э.)
De id.	"Об идеях»
Herod.	Геродот из Галикарнаса (V в.)
Hist.	» История»
Heron.	Герои Александрийский (I в. н. э.)
Geom.	» Геометрика»
Hes.	Гесиод (VII в.)
Theog.	"Теогония»
Hieronum.	Бл. Иероним Стридонский (IV-V вв. н. э.)
Chron.	"Хроника»
Epist. ad Rust.	"Письмо к монаху Русту»
Hipp. Ch.	Гиппократ Хиосский (V в.)
Elem.	"Начала»
Hipp. Cos.	Гиппократ Косский (V-IV вв.) и Corpus Hippocraticum
Aer.	"О воздухе, водах и местностях»
Hippol.	Ипполит (II-III вв. н. э.)
Naer.	"Опровержение всех ересей»
Hom.	Гомер (VIII в.)
Il.	"Илиада»
Hor.	Кв. Гораций Флакк (I в.)

Er.	"Эподы»
Odae	"Оды» («Песни»)
Hyperid.	Гиперид из Афин (IV в.)
Orat.	Речи
Ios.	Иосиф Флавий (I в. н. э.)
Ant. Iud.	"Иудейские древности»
Is.	Исидор Севильский (VI-VII вв. н. э.)
De nat. rerum	"О природе вещей»
Sent.	"Сентенции»
Iuven.	Д. Юний Ювенал (I-II вв. н. э.)
Sat.	"Сатиры»
Liv.	Тит Ливий (I в. до н. э. — I в. н. э.). «История Рима от основания города»
Luc. Sam.	Лукиан Самосатский (II в. н. э.)
De astr.	"Об астрологии»
Lucan.	М. Анней Лукан (I в. н. э.)
Phars.	"Фарсалия»
Lucil.	Г. Луцилий (II в.)
Lucret.	Т. Лукреций Кар (I в.)
De nat. rerum	"О природе вещей»
Macrob.	Амвросий Феодосий Макробий (V в. н. э.).
Sat. (K)	"Сатурналии» (ред. Н. Keil)
Somn. Scip.	"Комментарий на «Сон Сципиона»»
Marii Vict.	Г. Марий Викторин Афр (IV в. н. э.)
Ars gramm. (K)	"Искусство грамматики» (ред. Н. Keil)
Def.	"Об определениях»
Syll. hyp.	"О гипотетических силлогизмах»
Mart.	Марциан Капелла (V в.)
De nupt.	"О бракосочетании Филологии с Меркурием»
Modest.	Модестин (III в. н. э.)
Reg.	"Правила»
Naev.	Гн. Невий (III в.)
Tarent. (W)	"Девушка из Тарента» (ред. Е. Н. Warmington)
Nic.	Никомах из Герасы (II в. н. э.)
Intr. ar.	"Введение в арифметику»
Harm.	"Руководство по гармонике»
Theol. ar.	"Теологумены арифметики»
Оенор. (Лебедев)	Энопид Хиосский (V в.) (ред. А. В. Лебедева)
Ovid.	П. Овидий Назон (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Fast.	"Фасты»
Heroid.	"Героиды»
Met.	"Метаморфозы»
Papp.	Папп Александрийский (IV в. н. э.)
Collect.	"Математическое собрание»
Parm.	Парменид из Элеи (V в.)
De natura	"О природе»
Pers.	А. Персий Флакк (I в. до н. э. — I в. н. э.)
Sat.	"Сатиры»
Petron.	Г. (Т.?) Петроний Арбитр (I в. н. э.)
Sat.	"Сатирикон»
Phil. Op.	Филипп Опунтский (IV в.)
Epinom.	"Послезаконие»
Philol. (Лебедев)	Филолай из Кротона (V в.) (ред. А. В. Лебедева)
Plat.	Платон из Афин (V-IV вв.)
Apol.	"Апология Сократа»
Crat.	"Кратил»
Hipp. mai.	"Гиппий больший»
Hipp. min.	"Гиппий меньший»
Leg.	"Законы»
Men.	"Менон»
Phaed.	"Федон»
Phileb	"Филеб»
Prot.	"Протагор»
Resp.	"Государство»
Soph.	"Софист»
Tim.	"Тимей»
Plaut.	Т. Макций Плавт (III-II вв.)
Porph.	Порфирий из Тира (III в. н. э.)
In Ptolem. Harm.	"Комментарий к "Гармонике" Птолемея»
(During) Isag.	"Исагога» («Введение в "Органон" Аристотеля»)
Prisc.	Прискиан из Цезареи (VI в.). «Грамматические
Probi (K)	наставления» "Добавления Проба» (IV в. ?) (ред. Н. Keil)
Procl.	Прокл Диадох из Константинополя (V в. н. э.)
In Eucl.	Комментарии к I книге "Начал" Евклида
Ptol.	Клавдий Птолемей (II в.)
Alm.	"Математическое собрание» («Альмагест»)
Geogr.	"Руководство по географии»

Tetr.	"Четверокнижие»
Pyth. (Лебедев)	Пифагор Самосский (VI-V вв.) (ред. А. В. Лебедева)
Quint.	М. Фабий Квинтилиан (I в. н. э.). «Наставление оратору»
Rhet. ad Her.	"Риторика к Гереннию» (I в.)
Rutil. Lup.	П. Рутилий Луп (I в. н. э.)
De fig.	"О фигурах речи и красноречия»
Schol. Hom., П.	"Схолии к «Илиаде» Гомера»
Sen. Mai.	Л. Анней Сенека Старший (I в. до н. э. — I в. н. э.)
Contr.	"Контроверсии»
Sen.	М. Анней Сенека (I в. н. э.)
Luc.	"Нравственные письма к Луцилию»
Sexti Emp.	Секст Эмпирик (II в. н. э.)
Adv. gram.	"Против ученых. Против грамматиков»
Speus.	Спевсипп из Афин (IV в.). «О пифагорейских числах»
Stat.	П. Папиний Стаций (I в. н. э.)
Theb.	"Фиваида»
Stob.	Иоанн Стобей (V в. н. э.). «Антология»
Strab.	Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.). «География»
Suda	Лексикон «Суда» («Свида») (X-XI вв. н. э.)
Suet.	Г. Светоний Транквилл (I-II вв. н. э.)
Aug.	"О жизни цезарей. Божественный Август»
Ter.	Теренций Афр (II в.)
Andr.	"Девушка с Андроса»
Eun.	"Евнух»
Terent. (K)	Теренциан Мавр (III в.) (ред. Н. Keil)
Thai. (Лебедев)	Фалес Милетский (VII-VI вв.) (ред. А. В. Лебедева)
Theoph.	Теофраст из Эреса (IV-III вв.)
De stylo	"О стиле»
Phys. dox.	"Мнения натурфилософов»
Varr.	М. Теренций Варрон (II-I вв.)
De lingua Lat.	"О латинском языке»
Verg.	П. Вергилий Марон (I в.)
Aen.	"Энеида»
Ecl.	"Буколики»
Georg.	"Георгики»
Vitr.	Витрувий (I в.) «Об архитектуре»
Xen.	Ксенофонт из Афин (V-IV вв.)

Мем.	"Меморабиии» («Воспоминания о Сократе») Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового заветов
Быт.	Первая книга Моисеева. Бытие (IX-VI вв.)
Второзак.	Пятая книга Моисеева. Второзаконие (IX-VI вв.)
Еккл.	Книга Екклесиаста, или Проповедника (III в.)
Иезек.	Книга Пророка Иезекииля (VI в.)
Лука	От Луки Св. благовествование (I в. н. э.)
Матф.	От Матфея Св. благовествование (I в. н. э.)
Откр.	Откровение Иоанна Богослова, или Апокалипсис (I в. н. э.)
Песнь	Книга Песни Песней Соломона (III в.)
Прем. Сол.	Книга Премудрости Соломоновой (неканоническая для православия) (II-I вв.)
Притчи	Книга Притчей Соломоновых (VIII в.)
Пс.	Псалтирь (XI-IV вв.)
Сирах.	Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова (неканоническая для православия) (II в.)
Судей	Книга Судей Израилевых (IX-VI вв.)

Самое известное сочинение «первого энциклопедиста средневековья» Исидора, епископа Севильского (ок. 570 — 636 гг.), представляет собой всеохватывающую систему человеческого знания, ставшую связующим звеном между духовным миром античности и последующими эпохами. Предлагаемый читателю перевод первых трех из двадцати книг охватывает область науки, которую в средневековых университетах было принято именовать «семью свободными искусствами», и является древним учебником по грамматике латинского языка, риторике, логике, арифметике, геометрии, теории музыки и астрономии. Впервые для русскоязычного читателя эти дисциплины представлены такими, какими их видели преподаватели и учащиеся в средние века. Автор составлял свои книги по материалам античной науки, и еще шире — всего культурного универсума античности, систематизируя, классифицируя его и преобразуя в учебных целях. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся духовной культурой античности и средневековья, снабжено статьями, примечаниями и указателями.

Примечания

Браулон (Браулион) — епископ Сарагоссы, младший современник, друг и ученик Исидора. Был первым редактором «Этимологий». В ряде рукописей посвящение делается не Браулону, а королю Сисебуту. В предисловии Исидор объявляет, что его сочинение состоит как из дословных цитат из первоисточников, так и авторских вставок, носящих характер примечаний. Исследование того, что же именно из «написанного стилосом предков» попало сюда, см. в работе Dressel. De Isidori Originum Fontibus // Rivista di Filologia, vol. 3, 1874—75.

Греки считали добродетель знанием. Так, с точки зрения Аристотеля, полагал Сократ (Arist., MM, I, 1), хотя ранний Платон утверждал, что Сократ учил, будто добродетель есть не знание, но правильное мнение, а оно — дар богов (Plat., Men., 95e- 99a). При этом ни Платон, ни Аристотель сами не придерживались такого мнения о добродетели.

Платон, сын Аристона, из Афин (427—347 гг.) — великий греческий философ, политический мыслитель, основатель самой известной античной высшей философской и научной школы — афинской Академии. Основные понятия его философии — идеи, этика, познание и его пути, государство — излагались и обсуждались им в своеобразной форме философских диалогов, главным действующим лицом которых был учитель Платона, Сократ. Учение Платона было вершиной философской мысли античности (если не всех времен вообще), и платоническое влияние прослеживается на всех этапах развития европейской философии. Философия Платона была сведена в единую систему неоплатониками.

Аристотель, сын Никомаха, из Стагир (384—322 гг.) — великий греческий философ и ученый-энциклопедист, основатель перипатетической научно-философской школы (Лицея). Ученик Платона и блестящий естествоиспытатель. Сохранилось множество его научных трудов и конспектов лекций по философии, логике, физике, астрономии, метеорологии, минералогии, естественной истории и биологии, ботанике, медицине, психологии, эстетике, поэтике, риторике, искусствоведению. В большинстве этих дисциплин считается или основателем, или человеком, обеспечившим качественный прорыв знания. Деятельность Аристотеля считается вершиной древнегреческой науки.

Искусство — в тех вещах, которые могут быть теми или иными. Здесь дословно: «которые могут иметь себя и в ином» (quae se et aliter habere possunt). Смысл изменен на более понятный читателю в соответствии с контекстом того места из Аристотеля, на которое ссылается Исидор. См. Plat., Phileb, 28a-29a; Arist., EN, VI, 3—4. То есть наука имеет дело с тем, что происходит самостоятельно и необходимым образом, а искусство — с тем, что бывает и таким, и другим, а причину своего существования имеет не в себе, а в своем мастере.

*Наук свободных искусств. Несмотря на произведенное выше различение искусства и науки, Исидор далеко не всегда ему следует, называя искусство наукой и наоборот. В данном случае он приводит громоздкое словосочетание «науки свободных искусств» (*disciplinae atrium liberalium*). Отчасти терминологическая свобода автора оправдана, так как науки, как правило, содержат в себе искусства и наоборот. Например, математика — наука, но она включает в себя искусство счета или искусство взятия неопределенных интегралов. Литература же — искусство, но она содержит в качестве базового знания науку грамматики или фонетики.*

М. Теренций Варрон (116—27 гг.) Крупнейший римский ученый-энциклопедист, филолог, антиквар и историограф. Автор первого крупного исследования по латинской филологии «О латинском языке» («De lingua Latina» в 25 книгах) и ряда других фундаментальных работ по истории римского народа и его обычаям, юриспруденции, сельскому хозяйству, искусству, истории литературы. Почти вся его библиотека погибла во время проскрипций 43 г.

Латинские и греческие буквы произошли от еврейских. Правильнее, финикийских. Исидор здесь смешивает семитские народы, в частности финикийцев и арамеев (семитское население Сирии сер. II тыс.), и полагает, что впервые алфавит появился у евреев. На самом деле и евреи, и арамеи позаимствовали свои алфавиты у финикийцев. Причем первые алфавитные письма зародились в северной Финикии (Угарит, сер. II тыс.) и в Древней Персии (кон. I тыс.) на основе аккадской клинописи. Только самое позднее к IX в. в южной Финикии (Тир и Сидон) стандартизировались формы того письма, от которого произошли современные западные и восточные алфавиты. Основой для этого письма, как полагают, было демотическое скорописное египетское письмо, специально приспособленное для семитских народов Синайского полуострова. Когда Исидор говорит, что финикийские (у него ошибочно — еврейские) буквы использовались халдеями (см. ниже § 5), он прав и не прав одновременно. Правда состоит в том, что алфавитное письмо, действительно, быстро распространилось не только на эллино-римский Запад, но и далеко на Восток, в Среднюю Азию и Иран, где стали пользоваться арамейским алфавитом. А неправда в том, что как раз в «Халдее», то есть в Вавилоне, с начала I тыс. и до эпохи эллинизма пользовались не алфавитным письмом, а силлабарием, составленным на основе аккадской клинописи. Выдвигая на исторически первое место еврейские буквы, Исидор допускает неточность по идеологическим соображениям: ему как христианскому епископу важно показать первичность Ветхого Завета по отношению к античной философии и другим областям знания. Такую теорию впервые развил Филон Александрийский, а Исидор придерживается ее систематически — см. в главах 39,42 данной книги и вообще по всем книгам «Этимологий». Рациональное зерно этой теории — в том, что разные народы так называемого «Благодатного полумесяца» (Месопотамия, Левант, Египет) имели культурные традиции, которые оформились гораздо раньше греческой; из них Исидору известна только еврейская традиция, зато не известны ее заимствования из культурных традиций Египта и Междуречья.

М. Анней Лукан (39 г. н. э. — 65 г. н. э.) — известный римский поэт эпического жанра, автор поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне» и множества других несохранившихся литературных произведений. Его поэма, проникнутая пафосом обличения тирании, изобилующая риторическими отступлениями, была популярна и в средние века.

Финикийским цветом — пурпурным, или темно-красным. Предполагают, что само греческое слово φοῖνιξ (встречается у Гомера) первоначально обозначало этот цвет, а затем перешло на финиковую пальму и самих ханаанеев, которые специализировались на окраске тканей в этот цвет. (См. Харден Д. Финикийцы. — М.: Центр-полиграф, 2002.) Мы сегодня заголовки частей, глав и разделов уже не пишем красным цветом, но термин «красная строка» для первой строки абзаца еще сохраняем.

Кадм, сын Лгенора, перенес буквы из Финикии в Грецию. Очевидное хронологическое несоответствие: если финикийские буквы в Грецию привез Кадм, то из Греции в Египет их никак не могла занести Но, которая приходилась Кадму прапрабабкой (через Ливию, дочь Эпафа (Аписа)). И́б, дочь Ина́ха, была возлюбленной Зевса. Ее превращение в корову и бегство в Египет от козней Геры было излюбленной темой античных писателей и художников. В эллинистическом Египте она отождествлялась с древнеегипетской богиней Исидой (Исет). Кадм, сын финикийского царя Агенора, занимаясь поисками своей похищенной сестры Европы, попал в Грецию, в Беотию, где основал город Фивы. Подробнее о Кадме, Но и других мифологических персонажах см. Apoll., Bibl., III, 4, 1—2 и II, 1, 3, а также Ovid., Met., 747. Считая, что египтяне использовали греческие буквы, Исидор, конечно, смешивает демотическое письмо древнего и эллинистического Египта. Кроме того, согласно современным археологическим данным греки стали использовать финикийский алфавит в начале VIII века, то есть намного позже основания Фив (Кадмси), которое, если верить «Паросскому мрамору», состоялось в конце XVI в.

Названия букв греческого алфавита почти все происходили от семитских названий и были непонятны уже грекам. В данном фрагменте приводятся принятые сегодня их названия, хотя они принадлежат византийскому периоду, когда сформировались имена «э-пси́лон» (простое э), «ю-пси́лон» (простое ю), «о-ми́крон» (краткое о), о-ме́га (долгое о).

Паламед, сын Навплия, с Эвбеи (XIII в.) — герой Троянской войны, поэт, мудрец и признанный изобретатель. Большинство авторов VI-V вв. приписывали ему открытие письменности (алфавита), искусства счета (логистики), мер веса, календарной астрономии, а также игры в шашки и смешивания неразбавленного вина с водой в пропорции 2:5. В ходе Троянской войны был ложно обвинен Одиссеем в измене и пал жертвой судебного убийства. См.: Стесихор (frg. 213 Page), Эсхил (frg. 182 и 470 N2), Софокл (frg. 399 N2), Еврипид (frg. 578 N2), Горгий (76B 11a DK), Алкидамант («Оды», 22).

Ci. melicus вместо *Melicus*, так как *Melicus* == *Medicus*, т. е. Мидийский. Нет такого Симонида! См. гл 39, 7. V.l.: *miles* (воин). Аревало *ci.*: *Melicertes* (Меликерт).

Симонид с Кеоса (556—468 гг.) — греческий поэт, жил в Афинах и Сиракузах, писал песни в честь победителей в спортивных состязаниях, траурные песни, эпиграммы, дифирамбы. Создатель мнемотехники. Считается, что именно он написал эпитафии для памятников спартанцам и фесийцам, павшим при Фермопилах.

Пифагор, сын Мнесарха, с Самоса (ок. 571—497 гг.) — греческий философ и политический деятель, основатель пифагорейской школы (в Южной Италии), которая представляла собой религиозно-философское братство. В рамках этой школы было сделано много замечательных открытий в области философии, математики, астрономии, механики, музыки, биологии и медицины.

А. Персий Флакк (34—62 гг. н. э.). Поэт и стоический философ. Автор шести книг сатир, в которых излагается стоическая жизненная мудрость, наставления, диатрибы, критика современных нравов. Цитируется Исидором относительно часто.

«Сделай знак “tau”». В русском синодальном переводе стоит просто «сделай знак», в Вульгате — «signa tau» (обозначь знаком «tau»).

Латиняне числа к буквам не причисляют. Достаточно странное заявление, ибо римляне для обозначения чисел пользовались еще буквами L, C, D, M (букву V Исидор, очевидно, считает половинкой от X).

Нимфа Кармента — малоизвестный персонаж античной мифологии, одна из римских богинь пения и музыки, которых впоследствии отождествили с музами. Любопытно, что Исидор не проявляет никакого сомнения в мифологии язычников. См. также главу 39, §13 (об Аполлоне и Пифоне).

Те, которые пишут книги, — то есть свободные люди.

Гласные и согласные буквы. Заметим характерную для античных времен традицию не делать принципиальных различий между буквой и звуком. И то и другое могло обозначаться словом littera. Далее у автора речь о звуках. Ср. Aristot., Poet., 20, 1; Dion. Thrac., 6; Dion. Halicarn., De verb., 14; Marii Vict., Ars gramm., VI, 32—34K; Varr., frg. 43.

Полугласные — то есть сонорные. Немые — то есть взрывные.

Термины «звуки», «полузвуки», «беззвучные» — см. Plat., Crat., 424.

Когда согласные IиUсоставляют один слог с гласными. То есть тогда, когда мы бы сегодня записали их при помощи J и V, каковых букв античность не знала (равно как и W).

Звук I удваивается. Имеется в виду прочтение «Трой-йа», где буква I читается как два «й». В древнейшую эпоху одиночный звук «й» в середине слова выпадал, но в сочетании с согласным ассимилировал его и давал звук более сильный — «йй» (так называемая регрессивная ассимиляция), который на письме записывался через одно I. То есть фонетический ряд был таким (для таіор, например): «ма́гиор» > «ма́гйор» > > «ма́ййор» > «ма́йор» > «ма́ёр».

У Исидора — *consonantes* (согласными), но это, очевидно, описка: следует — *semivocales* (полугласными).

Просодия — тоническое ударение (см. ниже гл. 18, §1, и примечание к этому месту).

О латинских буквах C, K и Q. В латинском языке глухой палатальный согласный «к» первоначально обозначался с помощью трех букв: K перед A, C перед «мягкими» E и I (переход его к аффрикату «ц» относится уже ко временам Исидора, см. ниже гл. 27, §28) и Q перед O и U. Впоследствии буква K почти совершенно исчезла из употребления, а Q применялась только для лабиовелярного звука «кў», так что «к» во всех его оттенках стал передаваться через C.

Букве Q нет отголоска ни в греческом, ни в еврейском языках. О греческой букве ϱ (коппа) и еврейской ק (коф) Исидор ничего не знал.

Буквы X вплоть до времени Августа у латинян не было — небольшая идеологическая подтасовка: эту букву употреблял еще Цицерон.

«Разум рта». Игра слов основана и на том, что oratio (речь) по-гречески — λόγος, в обратном переводе на латынь — ratio.

Примерно с этого места и до главы 38 Исидор воспроизводит «Ars grammatica» Элия Доната. Приведем, для примера, оглавление этого труда: *De voce* (О голосе), *De littera* (О букве/звуке), *De syllaba* (О слоге), *De pedibus* (О стопах), *De posituris* (О препинании), *De partibus orationis* (О частях речи), *De nomine* (Об имени), *De pronomine* (О местоимении), *De verbo* (О глаголе), *De adverbio* (О наречии), *De participio* (О причастии), *De coniunctione* (О союзе), *De praepositione* (О предлоге), *De interiectione* (О междометии), *De barbarismo* (О варваризме), *Desoloecismo* (О солецизме), *De ceteris vitiis* (О прочих ошибках), *De metaplasmo* (О метаплазме), *De schematibus* (О фигурах речи), *De tropis* (О тропях). Но Исидор не просто переписывает или пересказывает Доната — он его редактирует, уточняет и добавляет много своего.

Аристотель первым вывел две части речи. De interpr., I, 1. Однако в «Поэтике» (§20) он указывает их четыре — имя, глагол, союз и артикль. Под именами здесь и далее понимаются как имена существительные, так и прилагательные.

Элий Донат (IV в.). Крупнейший римский грамматик и учитель бл. Иеронима. Автор наиболее популярного в поздней античности извода (учебника) грамматики латинского языка «Искусство грамматики» («Ars grammatica»), «Малая грамматика» («Ars minor») и «Большая грамматика» («Ars maior»). Два последних труда под названием «Донат» были основным пособием по изучению латыни в Западной Европе до XV в. Для Исидора был одним основным источником по части грамматики. По поводу деления частей речи см. «De partibus orationis ars minor» (так эта книга называется полностью).

О частях речи также см. Arist., *De interpr.*, 1—4; Arist., *Poet.*, 20; Diog. *Babyl.*, frg. 21; Dion. *Halicarn.*, *De verb.*, 2; Dion *Tharc.*, 11; Donati, *Ars gramm.*, IV, 372K. Конечно, для установления количества частей речи потребовалось времени гораздо меньше, чем те почти 750 лет, которые прошли между Аристотелем и Донатом. Уже Аристотель, Теодект Ликийский и Дионисий Галикарнасский выделяли глаголы, имена (включая сюда местоимения и наречия, рассматривавшиеся как «падеж» имени), а также соединительные частицы (союзы, предлоги, части наречий и пр. служебные части речи). Впоследствии стоики выделили артикли (Хрисипп, III в.) и наречия (Антипатр из Тарса, II в.). Остальные части речи были отделены от прочих александрийскими грамматиками, начиная с Аристарха II в.). В римскую грамматику все восемь были введены Реммием Палемоном (I в. н. э.).

Собственные имена. Любопытно, что стоик Хрисипп выделял личные имена в особую часть речи. См. Chrys., frg. 148.

Личные имена. Известно, что первых имен у латинян было всего восемнадцать. Здесь уместно перечислить все, так как общепринятые их аббревиатуры часто встречаются в тексте и в примечаниях: Авл (А.), Аппий (Апп.), Гай (Г.), Гней (Гн.), Децим (Д.), Кезон (К.), Люций (Л.), Марк (М.), Маний (М'), Мамерк (Мам.), Нумерий (Н.), Публий (П.), Квинт (Кв.), Секст (С.), Сервий (Сер.), Спурий (Сп.), Тит (Т.), Тиберий (Тиб.). Заметим также, что о женских именах Исидор даже не упоминает.

Дополнительная возможность определить человека по имени. То есть, например, отличить Квинта Цецилия Метелла Македонского от Квинта Цецилия Метелла Пия.

Каллисто́ — имя нимфы. Заметим, что здесь, как и в некоторых последующих рубриках, в качестве примеров к именам нарицательным будут взяты собственные имена, причем эти рубрики кажутся вообще более предназначенными для собственных имен.

Рожденные в другой семье — усыновленные или внебрачные дети.

Не может быть правого без левого. Ср. Arist., Cat., VII.

Имена прилагательные во времена античности не выделялись в особую часть речи. Прилагательным именем называлось всякое имя, которое служило спецификацией) для другого, то есть детализировало его качественность. Например в словосочетании «философ Платон», «философ» есть «прилагательное» к «Платон». Прилагательные имена в узком смысле — те, которые не функционируют самостоятельно, но только сопровождают другие имена.

«Причастные» имена. Вероятно, имеется в виду субстантивация причастий. Исидор хочет сказать, что хотя слово «legens» выглядит как причастие настоящего времени действительного залога — «читающий», — оно может являться и именем существительным в значении «читатель». В русском языке похожая история происходит не с причастиями, а с прилагательными: «столовая» (в смысле, комната, где едят), «красный» (в смысле, красноармеец).

Глаголоподобные имена. Аналогичный пример из русского языка — слово «лай» и еще коекакое слово (вспомним находчивый ответ В. А. Жуковского своему царственному воспитаннику).

Рода называются так потому, что порождают, как мужской и женский. Не роды, а существа, обозначаемые именами и обладающие родом. Далее переводятся как имена, обладающие родом.

Общий род. Сюда относились имена, употреблявшиеся и в мужском и в женском роде в зависимости от пола обозначаемого существа. Хороший русский аналог — «этот» или «эта шимпанзе», то есть непонятно, какого «шимпанзе» рода, если нет уточнения, о самце или о самке речь.

Эпикен. Исидор употребляет греческий термин, но был и латинский — совместный, смешанный род. Им обозначали ситуацию, когда оба пола назывались одним именем, сохраняющим неизменный род. Пример Исидора понимается в том смысле, что хотя «рыба» — женского рода, но рыбой может быть и «щука» — женского рода, и «окунь» — мужского. Кстати, по-латыни piscis (рыба) — мужского рода, поэтому у Исидора «hie piscis» («этот рыба»).

*Отложительный падеж. В этом примере русский падеж не совпадает с латинским, тем более что латинский *ablativus* соответствует русским творительному и предложному падежам.*

П. Вергилий Марон (70—19 гг.) — великий римский эпический поэт «золотого века» латинской литературы. Его поэма «Энеида» стала национальным эпосом римлян и вошла во все учебники латинской грамматики в качестве излюбленного примера. Из прочих его произведений широко известны «Георгики» — прославление крестьянского труда и «Буколики» («Эклоги») — ностальгическое воспевание мирной жизни идеализированных пастухов. Вергилий — один из самых цитируемых латинских авторов, его книги были настольными и во времена Исихора.

Местоимения бывают конечными и бесконечными. У поздних стоиков это называлось «определенные» и «неопределенные».

*Артикли являются указательными местоимениями. Сама эта часть речи, артикль, — греческого происхождения. В латыни, как видим, она морфологически совпала с местоимением. Артикли современных французского, итальянского и испанского языков произошли не от *hie, haec, hoc*, а от местоимения *ille, illa, illud* (тот, та, то) или числительного *unus, una, unum* (один, одна, одно). В английском языке они суть редуцированные формы местоимения *this* (этот) и числительного *one* (один). То же и у германцев.*

О местоимении см. также *Dion. Thrac.*, 17; *Apoll. Dysc.*, *De pronom.*, 3—16 Schn; *Donati, Arsgramm.*, IV, 379K; *Prise.*, XII, 1; *Charis.*, I, 157K; *Probi*, IV, 131K. У них была достаточно долгая история возникновения. Стоики относили личные местоимения к «именам», а все прочие — к артиклю в широком смысле этого слова, ибо было замечено, что местоимения склоняются иначе, чем имена (это наблюдается уже в санскрите). Выделили их, как уже было сказано александрийские грамматики, назвав «местоимениями» по указанной Исидором причине, однако в число местоимений они не включали вопросительные и неопределенные, которые относились к «именам». Римляне последовали поздним стоическим теориям, по которым все местоимения в современном смысле этого слова собирались вместе, но к ним, по-прежнему добавлялись артикли. Исидор здесь цитирует Доната, а Донат дает местоимениям расширительное толкование, чтобы захватить и неопределенные местоимения. Заметим, что вопросительные местоимения в эту часть речи так и не попали.

Глагол назван так, поскольку звучит посредством толчков воздуха . См. Arist., De anima, II, 8: 420b. О роли голосовых связок при произношении в античности не было известно.

Времена. Подробнее о них см. *Diomed.*, I,335K; *Dion. Thrac.*, 13 и схолии к этому месту (249H, 250H); *Prisc.*, VIII, 51—54; *Choerob.*, II, 12H. Удивительно, но важнейшая и интереснейшая из характеристик глагола — время — изложена у Исидора хуже всего. В архаические времена глагол у индоевропейцев мог обозначать: 1) дъящееся в настоящем или прошлом действие, действие повторяющееся или начатое намерением; 2) чистое действие вне всяких дальнейших характеристик; 3) настоящее или прошедшее состояние, наступившее в результате совершения какого-либо действия. Первому соответствуют *Praesens* и *Imperfectum* (а если действие только начинают делать или намереваются сделать — *Imperfectum de conatu*); второму — *Aoristus*; третьему *Perfectum* и *Plusquamperfectum* (если упомянутое состояние наступило в прошлом). Будущее время (*Futurum*) стояло особняком, так как уже к классическим временам потеряло видовые различия (хотя в древности перфектное будущее существовало), а морфологически образовывалось по типу аориста. Поэтому даже ранние грамматики легко установили эти три формы сродства времен глаголов. Однако дальше начался процесс «вытягивания по линии времени» глагольного действия, то есть соотношения грамматических времен с моментами реального времени. Поэтому «длительность», «завершенность» или «нейтральность» перестают быть подразделениями прошлого, настоящего и будущего времени и становятся показателями законченности или незаконченности действия к моменту говорения в настоящем или прошлом, если план действия, о котором ведется речь, смещен в прошлое. Стойки опирались на атомистическую теорию времени, по которой прошлое, настоящее и будущее — это три конечной длины отрезка времени; движение по этим отрезкам совершается скачками с остановками времени внутри каждого отрезка. В соответствии с этой теорией стоическая грамматика объясняла времена глаголов следующим образом: *Perfectum* оказывался «настоящим завершенным» действием, а *Plusquamperfectum* — «прошлым завершенным», то есть оба обозначали действие, закончившееся к определенному моменту времени. *Praesens* понимался как начавшееся в прошлом, продолжающееся в данный момент и переходящее в будущее действие, а *Imperfectum* — как незаконченное действие, прерванное к настоящему моменту, но могущее возобновиться в будущем. *Aoristus* стали понимать как завершенное действие без указания, к какому моменту оно было завершено. Александрийские грамматики исповедывали более модные континуальные (аристотелевские) теории времени и рассматривали настоящее лишь как точку, как мгно-венную границу между прошлым и будущим. Поэтому грамматическое «настоящее» было поделено между прошлым и будущим, и, таким образом, *Perfectum* отошел к числу «прошедших» времен. Такая теория плохо объясняла даже изъявительное наклонение и вовсе не объясняла другие наклонения, которые у греков (если не считать будущего времени) указывают лишь на видовые, но никак не временные отличия. Поэтому теория продолжала развиваться, что заметно из данного отрывка у Исидора. Логическим завершением этого процесса «протягивания времен по времени», являются многие современные языки, например, русский, ибо многие русские рож-даются, живут и умирают с убеждением, что времен у глаголов бывает только три — прошлое, настоящее и будущее (а какие же еще?!), хотя, строго говоря, глаголов в прошлом времени мы уже не употребляем. Кто не верит, пусть подумает, бывают ли глаголы, не изменяющиеся по лицам (то есть не спрягающиеся), зато меняющиеся по родам и числам (то есть склоняющиеся), ведь именно это происходит с

глаголами в нашем «прошедшем времени». Пусть читатель сам догадается, что за глагольную форму мы употребляем под названием «прошедшего времени» нашего глагола. Правда, русский язык, упростив времена до этого предела, немедленно изобрел так называемые «формы» глагола, то есть «совершенную» и «несовершенную». Если бы к ним добавилась еще «перфектная» как указание на результат действия (а «совершенную» сочли бы «аористной» в старом значении этого слова), то мы вернулись бы к древнейшей системе времен, правда, в сильно рационализированном виде. Возвращаясь к латыни, заметим, что римская грамматическая традиция воспро-изводила александрийскую греческую, отмечая лишь морфологическое совпадение в латинском перфекте греческого перфекта и аориста (однако синтаксически латинский перфект тут же распадался на *Perfectum praesens* и *Perfectum historicum* == *Aoristus*). Латинское *Futurum II*, указывавшее на действие, которое должно совершиться в будущем, но прежде какого-либо другого будущего действия, еще со времен Варрона относили к сослагательному наклонению.

У риторов глагол обозначает всю речь. Русское слово «глагол» сохранило ту же двусмысленность, так как в старом русском языке обозначало просто «слово». Например у А. С. Пушкина: «Глаголом жги сердца людей».

Формы глагола. Осталась неназванной собственно «обычная» форма глагола, которая называлась законченной. См. Donati, Ars gramm., IV, 381K. Из этих экзотических «форм» в русском языке широко используется только одна — участительная: «зевать» — «позевывать», «читать» — «почитывать». Начинательная отчасти совпала с совершенной формой русского глагола.

Сослагательное — поскольку с его помощью мы что-либо в речи присоединяем, так чтобы речь стала полной по смыслу. Определение связано с тем, что в латинском языке многие придаточные предложения ставятся в сослагательном наклонении.

Сослагательное наклонение. Для русского читателя такое объяснение не даст ничего, так как пример взят из согласования времен, которое у нас свое. Однако следы употребления конъюнктива при согласовании времен в русском языке еще сохранились: можно обратить внимание на частицу «бы», слившуюся с союзом «чтобы», который вводит у нас придаточное предложение цели. Та же частица отвечает и за сослагательное наклонение. Оказывается, в придаточных цели мы, сами того не ведая, употребляем конъюнктив.

Неопределенное наклонение, определяя времена, не определяет лица. В латинском языке неопределенная форма глагола изменяется по временам и залогам.

О наклонениях см. также. Choerob., II, 4H; Dion. Thrac., 13; Diomed., I. 338—340K; Prisc., VIII, 63—76. Исидор, следуя Донату, приводит достаточно поздний вариант теории наклонений. Более ранние римские грамматики от Варрона до Реммия Палемона находились под сильным греческим влиянием, выделяя желательное наклонение (*optativus*), а также ряд искусственных наклонений — «вопросительное» (например, *scribone, legone* — пишу ли я, читаю ли я), «увещательное» (*hortativus* или *iussivus*), «уступительное» (*congressivus*), «обещательное» (будущее время с модальным оттенком), «причастное» (*gerundius* и *supin*), «безличное» (употребление 3-го лица ед. числа пассива). У Исидора, как видим, из всех искусственных осталась только «безличное». Кстати, *созлагательное* наклонение могли называть *subiunctivus* («подчинительным»), а могли — *coniunctivus* («созлагательным»), но в чем было различие — неизвестно.

Сказать «legebo» вместо «legam». То есть проспрягает глагол «legere» (читать) в Futurum I по второму вместо третьего спряжения. Ср. в русском «ездиют» вместо «ездят» (первое спряжение вместо второго). Заметим, кстати, что Исидор не упоминает о том, сколько бывает спряжений (то есть четыре, не считая Шб спряжения) и каковы они.

О залогах также см. Choerob., II, 5H; Dion. Thrac., 13; Macrob., Sat., V, 627—628K; Diomed., I, 336—337K. Греческий термин для обозначения залога — διάθεσις — дословно означает «расположение». Согласно византийцу Хировоску (Choerob., II, 5H) «древние называли залогами и наклонения, и залогом и лишь впоследствии произвели разделение, называя душевные расположения наклонениями, а телесные — залогами». То есть наклонение показывает то, к чему наклонена душа, а залог — в каком телесном положении находится действующий. Следов греческого медиального залога в позднеримских грамматических учебниках нет. Говоря об истории возникновения залогов, надо заметить, что разделение их на действительный и страдательный — позднее. В древнейших индоевропейских языках фиксируются тоже два залога, но иным образом — действительный и медиальный. Их значение легко понять, например, по санскриту, где действительный залог назвался *Parasmai-pada* (букв.: «слово для другого»), а медиальный — *Atmane-pada* (букв.: «слово для себя»). То есть залог указывал направленность действия глагола вовне или на себя; у каждого из них была своя система личных окончаний. Причем в том же санскрите мы видим, что большинство глаголов спрягается либо по одному залогом, либо по другому; то есть для обозначения медиального действия просто использовались другие глагольные корни. Можно сказать, что древние глаголы почти все были как бы отложительные. Количество глаголов, принимающих формы обоих залогов, крайне невелико (например, *yaj* — «приносить жертву в чью-то пользу»). Страдательный же залог (пассив) изначально был чем-то вроде наклонения, в которое можно было поставить глаголы обоих залогов, но имел личные окончания медиального залога. В греческом языке мы имеем переходный вариант, когда все три залога существуют равноправно, но окончания пассива совпадают либо с окончаниями медиального залога, либо даже действительного (актива). При этом существует великое множество отложительных и полуотложительных глаголов. Латинский язык показывает картину, близкую к современной: морфологически есть только два залога, актив и пассив, из которых пассив при необходимости может пониматься в медиальном значении. Отложительных глаголов мало, из них общеупотребимых буквально 6—7, и примерно такое же количество полуотложительных.

Оно названо наречием, что, будучи присоединенным к глаголу, наполняется смыслом. В отличие от имен прилагательных, которые сами добавляют смысл.

Подробнее о наречии см. Dion. Thrac., 19; Charis., I, 180K, 190K.

Образов было три: простое слово, составное и образованное от составного (см. *Dion. Thrac.*, 12). Вообще о причастии подробнее см. *Dion. Thrac.*, 15; *Prisc.*, XI, 1—11.

«Que regi, que homini». Исидор благочестиво убрал имя Божие из примера ошибки (спасибо И. Ларионову за это замечание).

Общее замечание к главе 12. Также о союзах см. Dion. Thrac., 20; Charis., I, 224K). Классификация союзов восходила к стоическому учению о сложном предложении, опирающемуся на анализ типов суждений и умозаключений. Существовало много разных классификаций. Новейшую мы видим у Исихора и в нашем собственном языке. Старейшая подразумевала деление союзов на «связующие» (типа «если»), которые устанавливали связь между предложениями гипотетического силлогизма; «вдобавок связующие» (типа «поскольку»), если вдобавок к связи указывалось на осуществление ее условий; «причинные» и целевые; «вопросительные» (типа «ли», «разве»), «выводные» — следственные союзы, а также те, что вводили вторую посылку категорического силлогизма (типа «но», «ведь»). Затем выводные делились на присоединительные и результативные и т. д. и т. п.

Неотделимые предлоги — приставки.

Он же Дионисий Фракийский (конец II в.) — ученик александрийского филолога Аристарха и автор первого грамматического (греческого) компендия, который пользовался огромным авторитетом. Аревало со ссылкой на Страбона (Strab., XIV, 2, 13) дает конъектуру: *Lindius* (Дионисий из Линда на Родосе)

Стихотворный метр как бы шагает стопами. Греческое и римское стихосложение существенно отличалось от современного, так как было основано на закономерном чередовании долгих и кратких слогов (так называемое количественное стихосложение), в отличие от современного, например русского, основанного на чередовании слогов ударных и безударных. Однако большинство современных ученых согласны с тем, что стиховой ритм не может быть исчерпывающим образом описан в рамках лишь одного параметра, например, такого как оппозиция долгих и кратких слогов. В связи с этим предполагают, что вторым параметром, формирующим стихосложение в античности, было метрическое ударение (ictus), приходившееся на сильную долю стопы (арсис, см. примечание к этой главе, §21). Вероятно, такое ударение было близко к нашему экспираторному ударению (см. примечание к гл. 18, §1). Практически единственный доступный нам способ чтения латинских стихов и состоит в том, что мы выделяем сильную долю стопы экспираторным ударением, а ударение, принадлежащее отдельным словам, опускаем вовсе, поскольку мы не можем сохранить за ним его музыкальный характер, при котором оно не перебивало бы стихового ритма. Подробнее об этом см. PawlowskiA., EderM.. Quantity or Stress? Sequential Analysis of Latin Prosody. //Journal of Quantitative Linguistics 2001, Vol. 8, No. 1, pp. 81—97.

Юношеских играх. То есть в военных плясках. Πύρριχη — это военная пляска с оружием у спартанцев.

Σπονδή — это и есть жертвенное возлияние.

Ямб назван от глагола ἄμβιζειν. Здесь спутаны причина и следствие: обычно греческие глаголы на -ίζω происходят от имен существительных, а не наоборот (как и русские глаголы на «-зирать»).

Ἀναπαύω — греч. «возвращаться назад».

Пеонийские стопы названы так по имени их открывателя — то есть Аполлона.

” Арσις и θέσις — это основные элементы стопы — сильная доля и слабая доля. Эти термины первоначально использовались по отношению к танцевальным движениям. Тесис означал, что танцор опускал свою ногу на землю, тогда как арсис обозначал, что танцор поднимал свою ногу. Заметим, кстати, что у греков все было как раз наоборот: тесис был сильной долей (ударной, повышение голоса), а арсис — слабой (безударной, понижение голоса).

Исполняет синалёфу. То есть произносит «а́бьете» вместо «а́биете». О синалёфе см. главу 35, §5.

Ударение. Поскольку об ударении в древних языках приходится судить по кос-венным данным, вопрос о том, какого рода оно было, не получил однозначного решения. Согласно наиболее обоснованному мнению, греческое и латинское ударения были тоническими (музыкальными), то есть состояли, главным образом, в повышении тона голоса на ударном гласном. Они имели несколько вариантов, например в конце слова, если за ним следовало другое слово, голос не повышался, а понижался. Влияла на ударения и долгота слога. Такое ударение существенно отличается от современного динамического (экспираторного) ударения, которое усиливает голос на гласном звуке ударного слова. Однако за неимением возможности воспроизвести лишь теоретически восстанавливаемое ударение чуждого нам типа, мы при произношении латинских слов заменяем музыкальное ударение во всех его разновидностях на привычное нам экспираторное. Кроме того, надо сказать, что в вульгарной и провинциальной латыни уже I в. до н. э. экспираторное ударение играло значительную роль, а с конца III в. н. э. стало единственным.

Облеченное ударение названо так потому, что состоит из острого и тупого. Уже поэтому облеченное ударение может стоять только над долгим гласным.

Слово «ergo» означает причину и союз. То есть ergo

□
о

— это наречие «следовательно», «вследствие этого», а ergo — это предлог «для», «ради».

Общее замечание к главе 19. В этой главе речь не только о знаках ударения, но о всех диакритических знаках.

Долгота. Краткость и долгота слогов перестали различаться в латинском произношении примерно к концу III в. н. э.

Юфен. Рисовался, очевидно, снизу. Этот знак соответствует нашей объединяющей дужке сверху↷

Правая половника окружности под строкой — запятая.

Псиле. Тонкое придыхание.

Пунктуация предназначена для разделения речи. О членении самой речи на ком-мы, колоны и периоды см. главу 18 книги II.

Знаки пунктуации. Описанная ниже система (точка внизу, посередине или сверху строки) восходит к Аристофану Византийскому (III в.), филологу и главе Александрийской библиотеки. Познейшие грамматики устанавливали большее количество знаков препинания, например Никанор (II в.) — до восьми знаков.

По-гречески стрела — οὐβελος. Ошибка: οὐβελος — это вертел.

Аристарх из Самофракии (ок. 217—145 гг.) — известный александрийский грамматик, один из основоположников принципа «аналогии», как принципа словообра-зования.

Параграф. Этот и следующий знак, если рисовались на полях, могли быть по-вернуты вертикально, примерно так † (только гораздо больше по размеру) или вверх ногами.

Гомер (VIII в.) — великий греческий поэт, стоявший у истоков европейской поэзии. Считается автором героических эпосов «Илиада» и «Одиссея», а также еще некоторых эпических поэм и гимнов. Его эпосы долго передавались изустно певцами-аэдами и были записаны только в VI в., в Афинах. Хотя они являются высшими образцами поэтических произведений, о жизни Гомера было мало известно даже в древности. Изображался он слепым старцем, а из множества городов, претендовавших на право быть его родиной, наиболее оправданными кажутся притязания Смирны и Хиоса.

Зенодот из Эфеса (III в.) — редактор первого критического издания поэм Гомера, основанного на сопоставлении рукописей. Был первым главой знаменитой Александрийской библиотеки при Мусейоне.

«Обыденные знаки». Имеются в виду стенографические (тахиграфические) знаки. См. ниже.

Кв. Энний (239—169 гг.) Выдающийся римский поэт архаического времени. Автор эпоса «Анналы», около 20 трагедий, 4 книг «Сатир» и эпиграмм.

М. Туллий Тирон (103—4 гг.) — раб Цицерона, впоследствии отпущенный им на свободу и ставший его личным секретарем и другом. После смерти Цицерона написал его биографию, редактировал, систематизировал и издавал литературное наследие своего бывшего хозяина. Особенно известен как создатель тахиграфии — прототипа современной стенографии, по крайней мере его система — первая из известных нам. Тирон взял традиционную римскую систему сокращений, принятую еще с VI в. для обозначения календарных дат, имен, юридических, военных и гражданских терминов, и приспособил ее для того, чтобы с помощью отдельных букв и знаков передавать слова и окончания. Впервые стенография официально была применена на заседании Сената 5.12.63 г., а в последний раз — в 1067 г. К этому времени вся система разрослась уже до 13 000 знаков.

М. Туллий Цицерон (106—43 гг.) — великий римский оратор, писатель и политический деятель эпохи заката республики. Считался непревзойденным мастером римского красноречия. Его литературное наследие составляло основу римского грамматического и риторического школьного образования и включало в себя около 110 речей (сохранилось 57), философско-политические, риторические сочинения и письма. Как философ он был эклектиком, но одним из первых (вместе с кружком Сципиона Эмилиана) популяризаторов эллинской философии, переводчиком и создателем латинской философской и риторической терминологии. Из его риторических работ наиболее интересны диалоги «Об ораторе», в котором рисуется идеальный образ всесторонне образованного оратора-философа, «Брут», содержащий историю римского красноречия, и «Оратор», где Цицерон разрабатывает вопрос о лучшем стиле и обосновывает собственный идеал. Даже во времена Исихора труды Цицерона оставались настольными книгами, поэтому в «Этимологиях» он один из самых часто цитируемых авторов.

Аревало сі. Випсаний Филаргий (Vipsanius Philargius)

Г. Цильний Меценат (ум. в 8 г. до н. э.) — приближенный императора Августа, известный своим покровительством искусству и литературе.

Анней Сенека старший (ок. 55 г. до н. э. — ок. 40 г. н. э.) — известный римский ритор, автор «Образцов, отрывков и оттенков мастерства различных ораторов и риторов». Систематизацией стенографических знаков скорее всего занимался не он сам, а его вольноотпущенник того же имени.

«И можно отметить порок черной тхетой» — то есть осудить его смерть.

М. Юний Брут (84—42 гг.). Римский патриций и политический деятель, республиканец, сторонник и друг Цицерона. Идеальный вдохновитель и участник заговора против Цезаря в марте 44 г. Впоследствии — один из руководителей республиканского войска, после поражения которого в битве при Фарсале покончил с собой.

Август пишет сыну. Имеются в виду император Октавиан Август и его приемный сын Тиберий, будущий император. Вся это история, хотя и короче, изложена у Светония (Suet., Aug., 88).

Энний говорит об одной бесстыднице. Нижеследующий фрагмент принадлежит не Эннию, а поэту Гн. Невию. Он взят из комедии «Тарентилла».

«Равный» в смысле справедливый. О тождестве понятий «справедливый» и «равный» см. Arist., MM, 33; EN, V, 6 sqq.

Ci. forno вместо formo

Буква I состоит из двух. См. примечание к гл. 4, §7.

Г. Юлий Цезарь (100—44 гг.) — крупнейший римский политический деятель и полководец. Пожизненный диктатор с 48 г.

Когда «os» обозначает человека. То есть в местоимении «hos» (их) — мн. число, вин. падеж, м. род от «hie» (он, этот).

Это закон ротацизма. В латинский язык его ввел Аппий Клавдий Слепой в начале III в.

Т. е. Хрусмоc

«*Populus*» означает дерево или многих людей. А именно: ро

pulus — тополь, ро

pulus — народ.

о

о

Спор об аномалии и аналогии — важная веха в развитии античной грамматики. Проблема состояла в установлении единых правил для окончаний (флексий) в склонениях имен и спряжениях глаголов, а также правил словообразования. Система александрийской грамматики (на которую, в основном, опирается Исидор) развивала учение «аналогии» — единого флектирования «аналогичных» слов. Стоики (Кратет и другие) отстаивали «аномалию», то есть констатировали отсутствие правил и призывали использовать слова согласно обиходному употреблению, а не ученым правилам. Общий вывод из этого спора нам известен по трактату Варрона: в словообразовании господствует аномалия, а во флексии — аналогия. См Varr., De lingua Lat., VIII-X; Sexti Emp., Adv. gram., 176—240.

«Этимология». См. нашу статью, эписодий 7-й.

В кн. XVIII, гл. 6 Исидор возводит латинское silva (xilva) к греческому ξύλον (дерево).

Звукосочетание, которое мы хотим понять. Исидор справедливо пишет vox (звучание, звукосочетание), а не verbum (слово), так как, действительно, пока мы не поняли его значения, оно для нас еще только «звучание», а не слово.

Варваризм — всякая орфографическая ошибка.

Солецизм — синтаксическая ошибка. Подробнее см., например Apoll. Dysc., De syntax., III. Это сочинение Аполлония Дискола (II в. н. э.) является почти единственным для ознакомления с проблемами синтаксиса, так как этими проблемами в античные времена занимались от случая к случаю. Трактат «О синтаксисе», в четырех книгах, разбирает синтаксис артиклей, местоимений, глаголов и предлогов; за этим следует синтаксис наречий (сохранился фрагментарно) и союзов (утрачен). Исидор едва ли читал это сочинение и просто следует Донату (Donati, Ars gramm., de so- loecismo).

Город Солы в Киликии действительно имел интернациональное население. Он был основан финикийцами, затем заселен родосцами. После крушения Сирийского царства Селевкидов все население было депортировано армянским царем Тиграном в столицу Армении. В оставленном городе Гн. Помпей (Великий) поселил побежденных им киликийских морских разбойников, которые представляли собой сброд со всего Восточного Средиземноморья, говоривший на смеси всех языков этого региона.

Нельзя прибавлять предлоги к наречиям. Об этой ошибке, см. Charis., I, 181К.

Вероятно, Г. Луцилий (180—102 гг.) — римский поэт, считающийся основателем жанра сатиры.

Акирология. Термин образован от греч. ἀνόμος λόγος = «незаконнословие», т. е. нарушение семантической или лексической сочетаемости. Об этой и других ошибках сочетания слов см. также кн. II, гл. 20.

Κακωφάτων. Γρεχ. κακός ε= μφασις = «πλοχορечие».

Непристойный как емфатон: «arrectus» действительно означает «вставший», но чаще всего применяется отнюдь не к духу.

Плеоназм — доел., греч. «избыточность».

Периссология — от греч. περισσός λόγος = «излишнеречие».

Пирр (319—272 гг.), царь Эпира, сын Эакида. Претендовал на власть в Македонии, безуспешно пытался создать великую эллинистическую державу на Западе Средиземноморья, подобную восточной державе своего предка, Александра Великого, в связи с чем воевал в Италии с римлянами, в Сицилии — с карфагенянами. Погиб при попытке установить власть над Пелопоннесом. Здесь речь о двусмысленном ответе Дельфийского оракула, который царь получил перед своим вторжением в Италию. Этот оракул вообще известен прорицаниями подобного рода (см. Herod., Hist., I, 53).

Метаплазм. См. тж. XXXII, 2.

Парагога — доел. греч. «обман».

Афересис — доел. греч. «отнятие». В стихах афересой называется исчезновение начального e- в глаголе est перед окончанием -um; например «quod latet ignotum est» читается (а иногда и пишется) «quod latet ignotumst».

Эктасис — доел. греч. «растягивание». По-нашему, ударение.

Систола — доел. греч. «сокращение».

Диересис — доел. греч. «разделение».

Albai Longai — архаическая форма родительного падежа. Этот стих Энния во-обще довольно часто цитируется, во-первых из-за архаического окончания, а во-вторых, поскольку состоит только из спондеев: *Óllī rēspōndīt rēx Álbai Lóngai* (где *olli* == *illi*, ему). Аналогично и в русском языке: «Красуйся, град Петров» (А. С. Пушкин) вместо «град Петра».

Синалёфа — досл. греч. «вместе намазанные».

Антитесис — досл. греч. «подстановка».

Метатесис — досл. греч. «перестановка».

Ci. «*Item inter soloecismum et figura, id est perfectam sermonum conexionem, schema est*» вместо «*Item inter soloecismum et schema, id est perfectam sermonum conexionem, figura est*». Здесь очевидная ошибка, так как далее будет сказано, что «*schemata media sunt*» (фигуры речи — средние). Некоторая путаница связана также и с тем, что для «*schema*» устоявшимся является перевод «фигура речи», как ее, впрочем, определяет и сам Исидор (см. начало следующей главы). Чтобы не усугублять путаницу, слово «*figura*» в этом предложении, как и в предыдущем (*Interbarbarismum et figuram, hoc est Latinam et perfectam elocutionem, metaplasmum esse*) пришлось вовсе оставить без перевода. Кроме того, сам термин «*figura*» в данной книге перегружен по смыслу: когда речь шла о буквах, он обозначал «начертание», для имен — «состав», для предлогов — «смысл», для стоп — изображение долготы или краткости и т. д. Даже в данном параграфе в двух соседних предложениях *figura* — это и слово без орфографических ошибок (потому что метаплазм находится посередине между ним и варваризмом), и предложение без синтаксических ошибок (поскольку *schema* — среднее между ним и солецизмом), а в начале следующей главы *schema* будет определена как «*figura*», что явно не согласуется с данным предложением, где сказано, что *schema* — среднее между *soloecismus* и *figura* (то есть отличается от обоих).

Пролемпсис — инверсия, то есть нарушение порядка слов в предложении. Эта фигура, так же как и парабола, относится к фигурам мысли, а не к фигурам слова, как все остальные.

Зевгма — греч. «соединение», однако далее будет описан скорее параллелизм, чем зевгма. В этом случае ее следует отнести к фигурам перемещения.

Гипозевксис — греч. «упряжка». Фигура, обратная параллелизму, — это хиазм, названный так уже в новое время: «Ненавидит римский народ роскошь у частных лиц, а пышность в общественных делах ценит». В нижеследующем примере Исидора хиазм есть, но в его определении не указаны характерные черты хиазма — перекрещивание подлежащих и синонимичность/антиномичность сказуемых. В русской поэзии — «Мутно небо, ночь мутна» (А. С. Пушкин).

«Спутников и царя я найду». Суть примера состоит в том, что следовало бы сказать «мы найдем», ведь Илионей говорит за всех троянцев. Пример из русской литературы: «В деревне послышался топот и крики» (Л. Н. Толстой), «Вам путь известен всех планет» (М. В. Ломоносов) (ведь у многих планет — многие пути).

Анадиплосис — греч. «удвоение». Далее скорее будет описана эпанастрофа (см. Quint., IX, 3,44). Начиная отсюда и до схесис ономагон перечисляются фигуры при-бавления.

Анафора — греч. «единоначание». Пример из русской поэзии: «Не тот отчизны верный сын, // Не тот в стране самодержавья» (К. Ф. Рылеев, «Волынский»).

Эпанафора в русской поэзии — «Родина слышит, Родина знает // Где в облаках ее сын пролетает.» (Е. Долматовский).

Эпизевксис — это рефрен, удвоение. В русской поэзии: «"Пади, Пади!" — раз-дался крик» (А. С. Пушкин).

Эпаналемпсис — доел. греч. «повторение». Пример из русской поэзии: «Кукушка хвалит петуха за то, что тот хвалит кукушку» (И. А. Крылов). Определение и пример соответствуют такой фигуре, как просаподосис, то есть «охват», который считался частным случаем эпаналемпсиса, то есть повторения слов вообще.

Парономасия — доел., греч. «переименовывание», по смыслу — подбозвучье, т. е. игра словами со схожим звучанием. В русской литературе: «Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот» (Козьма Прутков).

Схесис ономатон — досл., греч. «задержка имен». Пример из русской поэзии: «Ночь, улица, фонарь, аптека, // Бессмысленный и тусклый свет» (А. Блок).

Парамойон — то есть аллитерация. Из русской поэзии: «Вечер. Взморье. Вздохи ветра // Величавый возглас волн» (К. Д. Бальмонт). Фигуру можно лишь условно отнести к фигурам прибавления.

Тит Таций (ум. ок. 720 г.) — вождь сабинян, впоследствии римский царь, со-правитель Ромула. За что Энний объявил его тираном, не вполне понятно. Возможно, только за то, что когда родственники Тация как-то обидели лаврентийских послов, он, вопреки справедливости, принял решение не в пользу лаврентийцев (и за это был убит). Подробнее о нем см. у Тита Ливия (Liv., I, 10—14).

Гомеоптотон — доел., греч. «то, что в одном падеже». Гомеоптотон, гомеотелевтон и ирмос относятся к фигурам перемещения.

Гомеотелевтон — досл., греч. «то, что с одним окончанием», то есть рифма. Пример Исидора соответствует скорее такой фигуре, как климакс (градация). Для гомой-отелевта лучше бы было: «Omnia praeclara rara» (Все прекрасное редко). Русский пример: «Какая река так широка, как Ока?»

Полиптотон — доел., греч. «многopaдежие». Пример: «беда на беде беду погоняет».

Полисинтетон — доел., греч. «многосоюзие». Полисинтет также относился к фигурам прибавления.

Асинтетон — досл., греч. «бессоюзие», διαλυτός — «разборный», отсюда еще одно название этого тропа — диалелимомен. Единственная у Исидора фигура убавления. Пример полисинтетона и асинтетона в русской поэзии: «И солнце жгло, // И дело шло, // И все, казалось, пело. // Коси, коса, // Пока роса, // Роса — долой // И мы домой.» (А. Твардовский).

Пример антитезы в русской литературе: «Они сошлись. Волна и камень, // Стихи и проза, лед и пламень» (А. С. Пушкин). Любопытно, что у Аристотеля антитеза трактуется не в числе фигур, а как форма периода (см. Arist., Rhet., III, 9), иначе она могла относиться к фигурам мысли.

Гипаллага — доел., греч. «подмена». Это уже скорее троп, чем фигура, так как касается уже отклонения от «естественной нормы» в пределах одного слова.

О фигурах речи. Не упомянуты фигуры речи: эналлага, гендиасис, анаколүф, брахиология и зевгма, если ее понимать не как параллелизм. См. также: Quint. IX, 3; Rhet. ad Her., IV, 19—41; Rut. Lup., De fig.; Demetr., De stylo, 22—29, 193; Hermog., De id., I, 12, 285—287. Исидор приводит фигуры и тропы без особой классификации, и это производит впечатление беспорядка. На самом деле у античных раторов была разработана подробнейшая система фигур и тропов. Верхний уровень классификации — фигуры мысли (средства выделения мысли), фигуры слова (средство привлечения внимания к данному месту посредством необычного словосочетания) и тропы (необычное употребление одного слова), см. у М. Л. Гаспарова, который ориентируется, в основном, на Г. Лаусберга (Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. Поэты, поэтика, риторика. — СПб., 2000).

Fiunt autem a propria significatione ad non propriam similitudinem. Попросту говоря, тропы — это употребление переносных значений («non propriae similitudines»).

Тропов Донат записал тринадцать — Donati, Ars gramm., de tropis.

Метафора с одушевленного на одушевленное в русской поэзии: «Ее (рыбки) серебристый голосок // Мне речи странные шептал» (М. Ю. Лермонтов).

Метафора с неодушевленное на неодушевленное в русской поэзии: «В саду горит костер рябины красной, // Но никого не может он согреть» (С. Есенин).

Метафора с неодушевленного на одушевленное. Приводя свой пример, Исидор забыл о традиции считать растения одушевленными (аристотелевская «растительная душа», anima nutritiva). Пример из русской поэзии: «Нам разум дал стальные руки- крылья, // А вместо сердца — пламенный мотор» (П. Герман).

Метафора с одушевленного на неодушевленное — олицетворение — самый распространенный вид метафоры. Пример Исидора имеет смысл в том случае, если считать, что Нептун и Океан воспринимаются не как бог и титан языческой мифологии, а как олицетворения океана. У бога-то по античным понятиям были и мысли, и виски, и косы. Пример олицетворения в русской поэзии: «Буря мглою небо кроет, // Вихри снежные крутя; //То как зверь она завоет, //То заплачет, как дитя» (А. С. Пушкин). Вообще, метафора — перенос значения слова по сходству. Будучи развернутой в пространную картину, метафора превращается в аллегорию (см. ниже).

Катахресис — доел., греч. «служение вместо чего-то». В русской поэзии: «Зеленая прическа, // Девическая грудь, // О тонкая березка, // Что загляделась в пруд?» (С. Есенин).

Металемпсис (металепсис) — доел., греч. «замена», то есть двойная метонимия. Квинтилиан (VIII, 6) пишет, что этот троп встречается в латинской поэзии крайне редко, а у греков, напротив, часто. «Сущность металепсиса состоит в том, что между переносимыми понятиями должна существовать некая средняя ступень, сама по себе ничего не значащая, но подготовляющая переход» от одной метонимии к другой.

Ci. inque вместо quaeve. В этом же стихе v.l.: «chartae», «harundo».

Метонимия вообще — это перенос значения по смежности. Далее следует классификация метонимий по характеру этой смежности. Метонимия первая. Аналогичный троп в русской поэзии: «Театр уж полон; ложи блещут; // Партер и кресла — все кипит» (А. С. Пушкин).

Метонимия вторая. Из русской литературы: «Янтарь на трубках Цареграда, // Фарфор и бронза на столе, // И, чувств изнеженных отрада, // Духи в граненом хрустале» (А. С. Пушкин).

Метонимия третья. Русский пример: «Королева играла в башне замка Шопена, // И внимая Шопену, полюбил ее паж» (И. Северянин).

Метонимия четвертая. Пример из русской поэзии: «Чу, — молвил, — к берегу родному // Попутный ветер тебя зовет», т. е. Стрибог (А. С. Пушкин).

Метонимия пятая. В русской поэзии: «Прозрачно небо. Звезды блещут. // Своей дремоты превозмочь // Не хочет воздух» (А. С. Пушкин).

Метонимия шестая. Аналогичный троп в русской песне: «С друзьями легче море переплыть // И есть морскую соль, что нам досталась» (В. Ландсберг).

Автономасия. Автономасию можно считать разновидностью синекдохи, так как здесь частное имя заменяется более общим. Пример из русской поэзии — «Беги, сокройся от очей, // Цитеры слабая царица!» (А. С. Пушкин). Т. е. Афродита, богиня любви, названная так по одному из самых известных мест своего почитания — острову Кифере (Цитере).

Анхизид — сын Анхиза, то есть Эней.

Сам великан — то есть циклоп.

Отрок несчастный — то есть Троил, юный сын Приама, убитый Ахиллом.

Эпитет в русской литературе: «И душа моя — поле безбрежное -// Дышит запахом меда и роз.» (С. Есенин).

Синекдоха — перенос значения по количеству. Пример обеих ее видов в русской поэзии: «По домам идет Европа, // Пух перин над ней пургой. // И на русского солдата // Брат-француз, британец-брат, // Брат-поляк и все подряд // С дружбой будто виноватой, // Но сердечною глядят.» (А. Т. Твардовский).

Ономатопейя — досл., греч. «звукоподражание». Пример из русской литературы: «Морозом выпитые лужи // Хрустят и хрупки, как хрусталь» (И. Северянин).

Перифраза в русской поэзии: «Меж тем как сельские циклопы // Перед мед-лительным огнем // Российским лечат молотком // Изделье легкое Европы» (А. С. Пушкин), т. е. кузнецы чинят карету.

**Ci. carpis вместо carpit*

Гипербатон. В русской литературе гипербатон используется либо в виде отрыва определения от определяемого слова, как: «Когда коварного свирепством Годунова» (М. В. Ломоносов), либо в виде парентесиса, как: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась» (А. С. Пушкин), тогда как тмесис, гистерон-протерон и синтесис считаются просто ошибками. Античные риторы относили гипербатон со всеми его разновидностями не к тропам, а к фигурам слова, к разновидности фигур перемещения.

Гистерон-протерон — досл., греч. «последнее первое». Другое название — про-гипантесис. Этот и последующие тропы до синтесиса включительно скорее относятся к фигурам речи, чем к тропам.

Гипербола. Это троп усиления значения слова. Пример в русской поэзии: «Раз-дирает рог зевота шире // Мексиканского залива» (В. Маяковский).

И с помощью этого тропа не только преувеличивают что-либо, но и преуменьшают. Троп, обратный гиперболе, называется мейосисом (но не литотой!) — «море по колено», «рукой подать» и т. п. Но примеры Исидора мало ему соответствуют.

Аллегория — пример из русской литературы: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая — // Галици стады бьжать к Дону Великому» («Слово о полку Игореве»).

Три полководца Пунических войн — Гамилькар (Абд Мелькарт, «раб Мелькар-та») из рода Барка (финик. «Молния»), сын его Ганнибал (Анни Баал, «Баал милостив») и тот Гасдрубал (Азру Баал, «помощь Баала»), что руководил последнею обороною Карфагена. Пунические войны — войны римлян с карфагенянами сначала за Сицилию, а затем — за Испанию и Африку. В ходе I Пунической войны (264—241 гг.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и был принужден заплатить громадную контрибуцию. II Пуническая война (218—201 гг.) знаменита вторжением Ганнибала в Италию, где он чуть было не разрушил Латинский союз и не покончил с Римом, но, оставленный без поддержки родным городом и союзниками, был принужден вернуться в Африку, где потерпел поражение от Сципиона. Карфаген лишился всех владений вне Африки и статуса великой державы. III Пуническая война (149—146 гг.) привела к полному разрушению Карфагена, обращению его жителей в рабство, а страны — в римскую провинцию.

Ирония — перенос значения по противоположности. В русской поэзии: «Вос-питанный под барабаном, // Наш царь лихим был капитаном: // Под Австерлицем он бежал, // В двенадцатом году дрожал, // Зато был фрунтовый профессор!» (А. С. Пушкин).

Антифраза вообще — это употребление слова в противоположном значении. Русский пример: «В день девятый января шли проведать мы царя. // А уж он нас угостил — напоил и накормил. // Ой ты, батюшка наш царь, ты надежда-государь, // Не забудем мы вовек, сколь ты добрый человек!» (Народи.).

Парками латиняне называли тех, кого греки звали Мойрами. Эти три богини, Клото, Лахесис и Атропос, определяли срок жизни человека. Фурии по-латыни, а по-гречески Эринии, — богини мщения из царства Аида, которые безжалостно и неустанно карали всяческую людскую и божескую несправедливость. Их именовали еще эменидами — благожелательными богинями — то ли из страха произносить их подлинные имена, то ли потому, что и в самом деле стали считать божествами, предотвращающими несчастья.

Иронию же и антифразу то различает... То есть антифраза — противоположный смысл, а не переносный.

Энигма — греч. «загадка». Русский пример: «Без окон, без дверей, — // Полна горница людей.» (Народн.).

Хариентизм — досл., «острота», «любезность», другое название тропа — эвфемизм, хотя пример Исидора — это, скорее, «черный юмор», правда в те времена такой ответ, возможно, и воспринимался всерьез как выражение жалости, то есть «Дать-то я тебе не могу, но пусть добрая судьба о тебе позаботится». И только потом «Бог подаст!» превратилось в сарказм. Эвфемизм мог быть разновидностью перифразы, если одно слово заменялось смягчающим описанием. Русский пример эвфемизма (также прозаический, из подлинного выступления): «В нашей работе еще встречаются не-достатки, мешающие успешному преодолению отставания», вместо простого: «Мы работаем плохо».

Рожон (stimulus) — это затесанный кол, вбиваемый в землю острым концом вверх для преграждения пути неприятельской коннице.

Пароймия. В отечественных поговорках волки, правда, на язык не выскакивают, зато медведи с удовольствием наступают на уши.

«Так ступай и передай это Пелиду». Такие слова Неоптолем, сын Ахилла (Пелида), погибшего от троянской руки, сказал троянскому царю Приаму прежде, чем убить этого старца, в чем, собственно, и состоит сарказм.» Выродок» — это в том смысле, что он был незаконнорожденным. Сарказм у наших поэтов: «Полу-милорд, полу-купец, // Полу-мудрец, полу-невежда, // Полу-подлец, но есть надежда, // Что будет полным наконец.» (А. С. Пушкин).

Астизм в русской поэзии — «Что, братец! жаль! — Вот умер и Скопин!.. // Ну, право, лучше б не родился» (М. Ю. Лермонтов о «Скопине» Н. Кукольника).

Гомойосис — досл., греч. «уподобление». У нас носит название сравнения.

Ведь сравниваемый соответствует по роду тому, с которым его сравнивают. Т. е. бог сравнивается с богом. В русской поэзии «икона» — это сравнительное описание: «Когда Рафаэль вдохновенный // Пречистой девы лик священный // Живою кистью окончал, // Своим искусством восхищенный // Он пред картиною упал! // Но скоро сей порыв чудесный // Слабел в груди его молодой, // И утомленный и немой // Он забывал огонь небесный. // Таков поэт...» (М. Ю. Лермонтов).

Пример параболы в русской литературе: «Так тощий плод, до времени созрелый, // Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, // Висит между цветов, пришлец осиротелый» (М. Ю. Лермонтов).

Парадигма. Русский пример: «И он убит — и взят могилой, // Как тот певец, неведомый, но милый... // Сраженный как и он безжалостной рукой» (М. Ю. Лермонтов).

«Сципион также храбро умер под Гиппоном, как Катон — в Утике». Имеются в виду полководцы времен гражданских войн в Риме. Кв. Цецилий Метелл Сципион, консул 52 г., был главнокомандующим республиканской армией, разбит Цезарем при Тапсе и покончил с собою у Гиппона Регийского в 46 г., когда его корабли были захвачены флотом цезарианцев. М. Порций Катон, посмертно прозванный Утическим (95—46 гг.), ревностный сторонник Римской республики, самый непримиримый враг Цезаря, идейный вдохновитель борьбы с ним. После поражения при Тапсе покончил с собою, бросившись на меч, чтобы не дать Цезарю возможности помиловать его.

Бунт. С ним сравнивается морская буря.

Так, порожденье ветров, сверкает молния в тучах. С ней сравниваются действия Цезаря.

Общее замечание к главе 37. Перечисленные в этой главе тропы относятся только к поэзии, так как прозаические, иначе риторические, тропы будут описаны в книге II (О риторике и диалектике), глава 21. См. в конце этой главы библиографию по всей теме. Заметим отдельно, что отделение тропов от фигур происходит сравнительно поздно: ранняя перипатетическая риторика этого еще не знает. В сохранившихся источниках термин «троп» впервые встречается у Тавриска, ученика Кратета, то есть принадлежит стоической риторике. Поэтические тропы перечислены довольно подробно — упущена только эмфаза, то есть троп сужения значения.

Ci. Plautus apud Varronem вместо Varro apud Platinum.

Ферекид, сын Бабия, из Сирова, живший, вероятно, в VI в., — автор космологических произведений с мифологической окраской, в основе которых лежала мысль, что мировое устройство является следствием воздействия божественного на земное. Ему приписывают первое руководство по навигации.

Апп. Клавдий Слепой — римский государственный деятель, консул в 307 и 296 гг., диктатор между 292 и 285 гг., реформатор и организатор строительства, в т. ч. знаменитой Аппиевой дороги, считается основателем юриспруденции. В 280 г. он произнес в сенате речь, в которой требовал отвергнуть мирные предложения царя Пирра.

Сенарий — шестистопный ямб, он же ямбический триметр. В латинской поэзии встречается, например: Ног., Ер., 17.

Гекзаметр, он же героический, он же эпический стих — самый древний и уважаемый в античной поэзии. Встречается, например: Verg., Аен.

Анакреонт из Теоса (VI-V вв.) — греческий лирик. Жил на Самосе и в Афинах, в своих изящных стихах воспевал мирские наслаждения: любовь, вино и пиры. Наряду с этим в его стихах звучат старческие стенания и страх смерти.

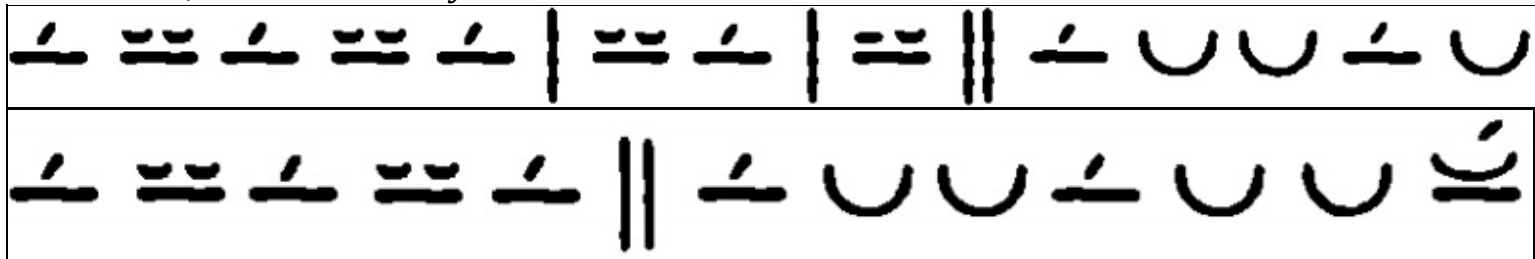
Сапфический стих. У латинян встречается, например: Catul., Carm., 51,1. Сапфо из Эреса на Lesbos (род. ок. 650 г.) — выдающаяся греческая поэтесса, за выразительность, красоту и благозвучие своих стихов прозванная десятой музой. Ее стихи, собранные в девять книг, отличаются силою и искренностью чувства, тонкостью описания природы, они посвящены девушкам из ее кружка, брату, страстно влюбившемуся в гетеру, возлюбленному Фаону, из-за несчастной любви к которому она покончила с собою, бросившись в море.

Архилохов стих. Встречается, например: Ног., Odae, 1, 4, 1. Архилох Паросский (род. в 680 г.) — известнейший греческий лирик. Будучи сыном обедневшего аристократа и рабыни, поступил на армейскую службу. В отношении техники стиха он подражал Гомеру, но в передаче человеческих переживаний создал свой стиль, оказавший большое влияние на последующую греческую и, в особенности, римскую поэзию, так как его стихотворения отличались страстностью и индивидуализмом. Считался изобретателем ямбического (сатирического) стиха. Погиб в сражении.

Колофониец. Вероятно, Ксенофан, сын Дексия (ок. 570—480 гг.) — философ, поэт и рапсо́д, который бежал из Малой Азии от преследований персов. Вел жизнь бродячего распода, затем обосновался в Элее (Южная Италия). Как философ прославился, основав «Элейскую школу», к которой принадлежали знаменитые философы Парменид и Зенон. Как поэт известен своими элегиями и силлами (памфлетами), а также эпическими песнями о Колофоне и основании колонии в Элее. Вообще город Колофон в Малой Азии был богат литературными талантами, из которых самые известные — элегиограф и ученый Антимах (ок. 400 г.) и эпический поэт Никандр (III-II вв.). Кроме того, Колофонийцем иногда называли и самого Гомера, так как этот город также претендовал на право считаться родиной великого поэта. По мнению же Беды, колофонийский стих — тот же самый, что Анакреонтов.

Сота́д (перв. пол. III в.) — греческий поэт из Маронеи в Фессалии (но не на Крите!), живший в Александрии и писавший на ионическом диалекте непристойные стихи. Был казнен за сатирические стихи, направленные против царя Птолемея Филадельфа.

Возможно, имеется в виду элегический дистих:

О Симониде см. примечание к гл. 3, §6.

К асклепиадовому стиху имеет отношение, конечно, не врачеватель Асклепий, сын Аполлона, а Асклепиад Самосский, греческий поэт III в., автор эпиграмм, в которых воспевается любовь и наслаждение жизнью. В латинской поэзии встречается, например: Hor., Odae, I, 1. Из числа «именных» стихов не упомянуты: Алкеевы стихи, Алкманов, Гликонов, Ферекратов, Аристофанов, Фалеков, адонический стих и др.

Задолго до Гомера и Ферекида. Моисей, по преданию, жил в XIII в., Гомер — в VIII в., Ферекид — в VI в. Современные ученые полагают, что греческий гекзаметр, послуживший моделью для своего латинского восприемника, сам являлся адаптацией иностранной схемы, возможно, индийского происхождения (Nagy S. Comparative studies in Greek and Indie meter. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974).

Арвало сі.: Несагаеус (Гекагеі). Лундсей оставяет Achatesius.

Теренциан Мавр (ок. 200 или 1-я пол IV в. н. э.) — грамматик из Мавретании, автор поэмы, которая состоит из частей «De litteris» («О звуках»), «De syllabis» («О слогах») и «De metris» («О стихах»). Последняя часть содержит теорию стихосложения, причем излагается тем стихом, о котором идет речь в каждом конкретном случае.

Элегия с греческого дословно переводится как «увы-говорение».

Когда Ксеркс, царь персов, проходил через Фракию — речь о событиях второй Греко-персидской войны 480—479 гг.

Гимны первым составил и спел во славу Бога пророк Давид. Имеется в виду Псалтирь.

Первым эпиталамы издал Соломон в честь Церкви и Христа. Речь о «Песне песней».

Эпод — греч. «привес».

Кв. Гораций Флакк (65—8 гг.) — знаменитый римский поэт-лирик «золотого века» латинской поэзии. Его стихи отличались необычайной глубиной и образностью, точностью и искусством слова. Его стихотворения сохранились полностью, так как они вскоре вошли в состав школьных программ по грамматике и риторке. Наиболее известны «Песни», «Эподы», «Искусство поэзии», «Послания». Исидор, однако, цитирует Горация крайне редко.

Центон. Примечательно, что не упомянут знаменитый «Свадебный центон» Авсония.

Общее замечание к главе 39. Вообще говоря, можно отметить, что Исидор не упоминает о таких видах стихотворений, как оды, эклоги, сатиры, послания, посвящения (продолжение темы поэтов и поэзии будет в гл. 7 кн. VIII). Более того, если считать, что Исидор здесь заканчивает тему метрической литературы, то совершенно не упомянутой остается вся драматургия! Правда, очень коротко вопроса о трагедиях, комедиях, трагиках и комедиографах Исидор коснется в упомянутой гл. 7 кн. VIII. Там же читатель найдет наши комментарии к истории греческой и римской драматургии.

Алкмеон, сын Пейрифоя, из Кротона (перв. пол. V в.), ученик Пифагора, наи-более известный из пифагорейских врачей, автор прозаического трактата «О природе». Он удачно сочетал медицинскую практику с теорией, был основателем представления о здоровье, как о соразмерности всех элементов и качеств организма.

Эзоп (VI в.) — самый знаменитый из греческих баснописцев. Раб-калека из Фригии, жил на Самосе, затем отпущен на волю. Отлично умел сочетать понятный простому люду сюжет с побуждающей к размышлению моралью. Ходившие в народе и приписывающиеся ему басни собрал воедино на рубеже IV и III вв. Деметрий Фалерский.

Т. Макций Плавт (ок. 250 — 184 гг.) — выдающийся римский комедиограф, со-здателъ комедии «паллиата» по образцу новой аттической комедии. Был автором около 130 комедий, в которых элементы древних народных италийских пьес подавались в оживленном действии, с искрящимся юмором и игрою слов, ярким и образным языком, благодаря чему эти комедии имели огромный успех и у аристократов, и у простого народа. Теренций Афр (190—159 гг.) — знаменитый римский комедиограф, автор 6 комедий, написанных по образцу Менандра и Аполлодора из Кариста и посвященных проблемам воспитания, семьи, любви и человечности. От комедий Плавта его произведения отличались чистым, изысканным языком, отсутствием непристойных сцен и грубых шуток. Поэтому его комедии первоначально имели успех, в основном, в образованных кругах.

Χίμαιρα — греч. «козочка».

Демосфен, сын Демосфена, афинянин (384—322 гг.) — великий оратор, политический деятель. Был идейным вождем афинской демократии в борьбе против Филиппа, царя Македонии, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы. По этому поводу Демосфен произнес несколько речей, получивших широкую известность — три «Филиппики» и три «Олинфские речи». Он был безусловным образцом для подражания у всех позднейших греческих и римских ораторов, включая Цицерона.

У нас же историю от начала мира первым записал Моисей. «У нас», то есть у христиан. Имеется в виду Пятикнижие.

Дарет Фригийский — персонаж «Энеиды» Вергилия, спутник Энея и автор «Истории Трои», написанной на пальмовых листьях. См. Verg., Aen., V, 369—481; XII, 363.

Геродот, сын Ликса, из Галикарнасса (ок. 484 — 425 гг.) — великий греческий историк, «отец истории», живший в последние свои годы в Афинах и входивший в кружок Перикла, автор «Истории» в 9 книгах, посвященных событиям Греко-персидских войн. Вместе с тем эти книги содержат богатый исторический и этнографический материал о народах, населявших земли империи Ахеменидов до ее создания, а также ее соседей, основанный на личных наблюдениях автора, сделанных во время путешествий. Для нас История» Геродота является бесценным источником сведений о жизни и быте кочевых народов Северного Причерноморья.

Г. Саллюстий Крисп (86—35 гг.) — знаменитый римский историк и политический деятель эпохи гражданских войн, сражался на стороне Цезаря. Автор монографий «Заговор Катилины» (о событиях 63 г.), «Югуртианская война» (о войне 111—106 гг.) и «История» (с 78 по 67 г.), в которых стремился дать теоретическое и философское обоснование исторических событий.

Т. Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — великий римский историк, автор масштабного труда «История Рима от основания города» в 142 книгах, доведенного до 9 г. н. э. Его труд представлял собой наиболее подробное изложение истории Древнего Рима, хотя и не свободное от влияния идеологии и некритического отношения к источникам. Тем не менее полнота, громадный проделанный труд и несомненные литературные достоинства стали причиной огромной популярности его «Истории». Евсевий Кесарийский (ок. 260 — 339 гг. н. э.) — античный церковный писатель и историк, епископ в Кесарии, «отец истории церкви». Написал по-гречески первый труд по истории христианской церкви, «Церковную историю», охватывавший период от основания церкви до 324 г. Известен также своими биографическими трудами и выписками из не дошедших до нас произведений античной литературы. Бл. Иероним Евсевий Софроний Стридонский (347—420 гг. н. э.) — крупный церковный деятель и ученый, посвятивший себя изучению античной и христианской литературы, ученик Элия Доната. Получил всеобщую известность благодаря составлению первого точного перевода Библии на латинский язык («Вульгаты») с текстов греческой «Септуагинты» и еврейского оригинала. Творчески перевел многие теологические труды с греческого на латинский язык, написал первую историю христианской литературы. Латинский перевод и продолжение «Истории» Евсевия до 378 г., сделанные Иеронимом, превзошли оригинал.

Наука эта была изобретена греками. Термин inventio (изобретение) у Исидора имеет несколько отрицательный смысл: «измышлять нечто новое, противоестественное». Этим же термином он обозначает появление зла в мире: «Зло не сотворено дьяволом, но изобретено, поэтому зло есть ничто» (Sent., I, 9, 1).

Горгий, сын Хармантида, из Леонтин (485—380 гг.) — один из наиболее известных греческих софистов. Жил и преподавал риторiku в Афинах. Разрабатывал приемы выразительной, художественно украшенной речи с целью добиться наибольшего воздействия на слушателей. Автор пышных торжественных речей и декламаций. Учитель Исократа.

Гермагор из Темны — греческий ритор, писатель и философ II-I вв., живший в Риме. Автор системы риторического искусства («Technai rhetorikai»), разработал методику преподавания риторики. Его система была положена в основу большинства позднейших учебников по этой дисциплине, этике, теории общества и политических систем.

М. Фабий Квинтилиан (ок. 35 г. н. э. — 100 г. н. э.) — римский оратор, учитель риторики. Главным трудом его жизни считается «Наставление оратору» («Institutio oratoria») в 12 книгах, сочетающих педагогическую направленность с систематическим изложением риторической теории, начиная с основ. В этой теории был последователем и систематизатором Цицероновского стиля. Особенный интерес представляет 10-я книга «Наставлений», содержащая краткий очерк истории греческой и римской литературы, сопровождаемый тонкою литературною критикою.

Согласно «Хронике» бл. Иеронима (*Hieronym., Chron., оlупr. 281*), некий Тициан, «муж красноречивый», был в 345—348 гг. н. э. префектом претория у галлов.

Определение оратора «vir bonus dicendi peritus» принадлежит М. Порцию Катону Старшему, см.: Quint., XII, 1, 1 и Sen. Mai., Contr., I, 9; ср.: Cic., De orat., II, 20.

Суммируем. 1. Источниками искусства оратора являются: 1) природное дарование (*natura*), 2) выучка ораторскому искусству (*ars, doctrina*), 3) постоянное упражнение (*exercitatio*) и практический опыт (*usus*). Иногда указывалось еще и 4) умение подражать образцам (*imitatio*). 2. Разработка речи («части риторики») состояла из: 1) нахождения материала и выбор точки зрения (*inventio*), 2) расположения материала по частям ораторской речи, работы над композицией (*dispositio*), 3) придания речи необходимой стилистической формы (*elocutio*), 4) выучивания ее наизусть (*memoria*) и 5) собственно произнесения (*pronuntiatio*). Дальнейшее изложение риторики у Исидора будет строится в соответствии с этим пятичленным делением риторики: нахождению посвящены гл. 5—6, 9—15 и 30, распределению — гл. 7 и словесному выражению гл. 8, 16—21.

Рода дел. Здесь Исидор начинает изложение первого отдела риторики — учения нахождении материала (гл. 4—6, а также гл. 30). Предмет, по поводу которого составлялась речь, назывался «вопросом», который подразделялся на отвлеченные «установления» и конкретные «дела» (см. гл. 15). Однако в данной главе приводится известное разделение по родам красноречия и для «дел», и для «установлений».

Показательный род — он же эпидиктический (описательный), предназначенный для торжественных случаев.

Порядок хваления разделяется на три времени: «до самого себя», «в самом себе», «после самого себя». Имеется в виду, что хвалить можно прошлое, настоящее или будущее положение дел. В первом случае делается умозаключение от похвального настоящего к вызвавшему его похвальному прошлому. Аналогично и для третьего случая. См. примеры ниже.

«Ораторы» («Rhetores»). Это собирательное название для работ Цицерона «Об ораторе» («De oratore») (55 г.), «Брут, или О знаменитых ораторах» («Brutus, sive De clavis oratoribus») (46 г.), «Оратор» («Orator») (46 г.) и нескольких небольших трактатов. В русском переводе см.: Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. — М.: Ладомир, 1994.

Στάσις — греч., стояние, поза, спокойствие, место. Из множества значений этого слова Исидор выбирает «раздор», «противостояние», потому и «в противоположность». Само понятие статус дела вводится в связи с разделом риторики, посвященным нахождению материала. Речь, в зависимости от материала (предмета), относилась к нескольким основным категориям-статусам, то есть как бы к возможным позам, в которые мог встать оратор, как правило, на суде. Далее будет предложена детальная классификация статусов дел, восходящая к Геормагору и повторенная на латинском языке автором «Риторики к Гереннию». Цицерон посвятил этой теме юношескую работу «О нахождении» («*De inventione*»), но впоследствии перешел на менее школярские позиции и относился ко всем этим утонченным классификациям с пренебрежением, ибо они уже тогда были слишком далеки от практики.

Сї. definitio. См. ниже про статус определения.

Смысл первого и второго разделения статусов состоит в том, что в статусе установления исследуют, был ли совершен поступок, в статусе определения исследуют, правильно ли он определен, под какой закон подведен, в статусе оценки устанавливают, каков по оценочным характеристикам был поступок, следует ли его поэтому извинить, как он соотносится с другими законами, в статусе перенесения разбирают, законно ли было само обвинение истца. Прочие статусы менее значимы.

Самостоятельное и несамостоятельное дело. Напр., у Квинтилиана: «Ассумптивным называется дело, фактическая сторона которого, будучи сама по себе сомнительной, подкрепляется заимствованными извне вспомогательными средствами». Уже из высокого удельного веса судебной части классификации оснований видно, что для греков и римлян риторика во многом была ораторством судебным.

Оценка. На самом деле — это общий заголовок для всех подразделов, которые помещены под заголовком «определение» («статус определения»). Исидор здесь делает ошибку, переписывая Кассиодора, у которого классификация правильная. Поэтому у него и получается 19 правильных статусов вместо 18, как заявлено далее (§ 10). Вообще статус оценки (качества) — такой, при котором спрашивают: «Каково сделанное?»

Возмещение. Великолепный образчик техничной латинской речи: «Compensatio est, cum aliud aliquod alterius factum honestum aut utile contenditur, quod ut fieret, illud, quod arguitur, dicitur esse commissum». «Возмещение — это когда одно для некоторого другого дела достойного или полезного требуется, которое, чтобы сделалось, про это, в котором обвиняют, говорится, что это есть вина». И вот так полкниги!

Каковой род основания дел может случиться крайне редко. Известно, что Сократ был осужден на смерть в том числе и потому, что якобы из гордости отказался воспользоваться deprecatiō см. Plat., Apol., 34c-35d и 37a-b.

Статус «буквы и смысла». Здесь Исидор не вполне точно передает смысл статуса. На самом деле речь идет о расхождении между буквой закона и смыслом дела, то есть случаем, когда формально поступок подпадает под статью закона, но по сути — нет.

Статус противоречия законов. Речь о ситуации, когда поступок подпадает под два и более противоречивых закона.

Статус двусмысленности. То есть когда закон в данном случае так написан, что его можно толковать двояко.

Трехчастный спор. Разделение, применимое только к совещательному роду красноречия (гл. 4). Собственно говоря, термин controversia означал не столько спор, сколько спорный пункт, из-за несогласия по поводу которого и началось судебное разбирательство (discrepatio).

Объявлять ли войну коринфянам? Речь о событиях, предшествовавших Ахейской войне 146 г., которая закончилась упразднением последнего свободного греческого союза, Ахейского, и варварским разрушением Коринфа консулом Л. Муммием.

Разрушить ли Карфаген? Имеется в виду дискуссия по поводу итогов третьей Пунической войны (149—146 гг.). Сенат принял первое решение, упорным сторонником которого был М. Порций Катон Цензорий. Второе защищал Сципион Насика.

Послать ли войско в Македонию или оставить в Италии? Речь о событиях первой Македонской войны (214—205 гг.). Филипп — это македонский царь Филипп V; союзники римлян — это в первую очередь этолицы, а также афиняне, мессенцы, спартанцы и пергамский царь Аттал. Римский сенат, как известно, принял второе решение.

Частей речи в риторике... Здесь Исидор переходит к изложению второго отдела риторики — учению о расположении материала, (гл. 7—15, за исключением случайно вклинившихся глав 11, 13 и 14). Части речи в риторике не следует путать с частями речи в грамматике, см. кн. I, гл. 7. Обычно их указывают не четыре, а шесть. У Кассиодора: вступление (exordio), повествование (narratio), определение темы (propositio) с разделением ее на части (partitio), подтверждение [своих аргументов] (confirmatio, probatio), опровержение [доводов оппонента] (reprehensio, refutatio), и заключение (conclusio). Во всю эту схему могли вклиниваться еще «отступления» (digressiones).

Таким образом, аргументацию Исидор подразделяет на доказательство собственных положений (confirmatio) и опровержение доводов оппонента (refutatio).

Побудительные причины — в смысле «убедительные» — это анализ речей по эмоциональному воздействию на слушателей.

Риторические силлогизмы. Риторическими они названы в отличие от диалектических. Вообще в латиноязычной логике было две тенденции: разделять правила речи (риторику) и правила ясного мышления (логику) или соединять их. Первое шло от философов, второе — от раторов и софистов, за что активно ратует Цицерон в «Топике». Исидор, следуя Боэцию, вновь разделяет речь и мысль.

Аргумент — речь ясного (argutus) ума. Мы берем древнее значение корня «argu», которое также обнаружится в «argentum». Возможные варианты перевода: выясняющего, живого, хитрого, многословного.

propositio == *proposition maior* — *большая посылка*

assumption == *proposition minor* — *меньшая посылка*

Модус Cesare II фигуры (считая единичное суждение за общее).

Апостол — то есть ап. Павел в своих Посланиях. Любопытно, что у Исидора он попадает в число диалектиков.

Силлогизмы бывают двух родов — выведение и рассуждение. Имеется в виду разделение умозаключений на полные и неполные.

Ci.: лучше было бы deductio (тж. и выше).

atique rhetoricus. Ci.: apud rhetoricos — y pumopoe.

Ἐνθόμηνα (греч.) — мысль, выдумка. Аристотель называет энтимемой силлогизм о вероятно присущем: «А вероятно присуще В, а В присуще С; тогда А вероятно присуще С» (Arist., An. pr., II, 27). В современной логике энтимема — простой категорический силлогизм с опущенной (из очевидности) большей посылкой, меньшей посылкой или заключением. Для Исидора энтимема есть нечто среднее: она — риторическое умозаключение (поэтому вероятностное, ведь ораторы, в угоду взглядам толпы, используют в качестве посылок не знания, а мнения), в которой для простоты опущено несколько очевидных посылок или даже заключение. Причем эти умозаключения скорее являются ораторскими фигурами и могут считаться силлогизмами в строго логическом (для Исидора, диалектическом) смысле этого слова лишь с большой натяжкой. См. также: Demetr., De stylo, 30—33.

«Значит, вы заседаете здесь, чтобы отомстить за смерть того, кого отказались бы вернуть к жизни». Цицерон защищает Т. Анния Милона от обвинений в убийстве своего политического врага П. Клодия. Заключение энтимемы: «поэтому вы не должны мстить Милону за его, т. е. Клодия, смерть». Милон, однако, был осужден за домогательства и насильственные действия и приговорен к изгнанию и конфискации имущества. Дело слушалось в 52 г. за 5 дней до апрельских ид.

«Он все еще живет: мало того, он еще приходит в сенат!». Восстанавливаем силлогизм: «Такой человек не должен жить, но он еще живет, значит, его надо убить». Речь была произнесена в консульство Цицерона и Гибриды (63 г.). «Он» — это, конечно, Л. Сергий Катилина.

«Удивляюсь я тебе, Антоний, что конец тех, чьим поступкам ты подражаешь, тебя не страшит». Заключение: «И поэтому ты, Марк Антоний, кончишь как они», то есть участники заговора Катилины. Памфлет Цицерона написан в ноябре 44 г., в смутное время, наступившее после убийства Цезаря.

«Итак, того, кого он некогда не захотел убить по справедливости, он захотел убить теперь, когда некоторые этим недовольны?». Заключение: «Поэтому он не убивал». Была приведена классификация по содержанию, далее будет классификация по форме.

Г. Марий Викторин (ок. 300 — после 362 гг. н. э.) — филолог, ритор и богослов. Известнейший в свое время преподаватель риторики в Риме, за что удостоен статуи на форуме. Переводчик и комментатор с греческого. Наиболее известны его книги «Об определениях», «О гипотетических силлогизмах» (см. главы 28—29), «Искусство грамматики», перевод «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля, перевод «Исагоги» Порфирия и др. сочинений неоплатоников (впервые!).

Ἐπιχειρήματα (греч.) — занятие, начинание; умозаключение. Здесь наблюдается любопытное развитие понятия. Для Аристотеля эпихирема — диалектический силлогизм (Arist., Top., VIII, 11: 162a15), и он строго различает «аподиктическое» (философское, научное, касающееся знания) и «диалектическое» (риторическое, касающееся мнения), причем диалектический силлогизм — тот, который строится только из правдоподобных посылок (Arist., Top., I, 1: 100b30; An. post., I, 4—12). В современной логике эпихирема — сложный силлогизм, в котором каждая из посылок является энтимемой, но мы уже различаем не «аподиктическую логику» и «диалектическую», а только логику или ее отсутствие. Исидор находится посередине между этими точками зрения: для него существует различие «риторического» и «диалектического» (философского), причем разница здесь не в истинности или правдоподобности, как у Аристотеля, а в функциональности — в том, кто, где и зачем использует эти приемы. Поэтому все риторические фигуры по сравнению с диалектическими (логическими) более широки, менее строгие, зато более красивы и лучше действуют на неученую публику.

*Ведь то, что приказал царь или император, называется постановлением или эдиктом. Исидор указывает два источника права — постановления народа и царя. Вообще в Империи их было семь: «старый закон» — законы XII таблиц, составленные децемвирами в V в., гражданское право — толкования к этим законам со стороны авторитетных юристов, легисакции — сборники прецедентов (исков), плебисцит — постановления плебса, *ius honorarium* — эдикты магистратов, сенатусконсульт — решения сената и постановления (конституции) принцепсов, позднее императоров. Вообще об истории римского права см., например, Юстиниановы «Дигесты», кн. 1, тит. 2.*

Обычай же есть длительное обыкновение, равным образом извлеченное из предшествующих обычаев. Это не круг в определении. Автор хочет сказать, что обычаи рождают обыкновение, привычку, а та — новые обычаи.

Законом будет все то, что уже было прежде установлено рассудком, по крайней мере то, что будет согласовываться с религией, что будет открыто наукою и что будет полезно для благосостояния. Таким образом, предъявлены три главные требования к закону: 1) согласие с божескими установлениями, 2) согласие с достижениями наук, т. е. знанием человеческим, 3) согласие с личной и общественной пользой.

Священные девы — т. е. весталки.

Всякий же закон или нечто разрешает, или запрещает, или карает. К этим трем так называемым «силам» права добавлялось и четвертое — повелевать (Модестиан, «Regulae», кн. 1).

«Поплатится головою» — т. е. будет приговорен к смертной казни.

Митрофан — командир времен Третьей Митридатовой войны (74—64 гг.).

Сентенция. В продолжение этой темы (и притом весьма внушительное продолжение), см. главу 21, фигуры NoNo 11—12.

Доказательство (catasceua) — от греч. κατασκευή — устройство, сооружение чего-либо.

Опривержение (anasceua) — от греч. ἀνάσκειν — разрушение чего-либо.

М. Порций Катон Цензорий Старший (234—149 гг.) — римский государственный деятель, военачальник и писатель. В поздние времена служил образцом старых добрых римских нравов, так как, находясь на посту цензора в 184 г., он всячески стремился к возрождению древней строгости правил и обычаев, противодействовал «разлагающему влиянию» греческой философии и риторике, очистил Сенат и всадничество от недостойных и продажных членов, провел в жизнь закон о строжайшем налоге на роскошь.

«Ведь Клодий был убит, но не устраивал засады». См. примеч. 20. На данном невозможном доводе как раз и основывалась защита Цицерона.

Ci.: proderit см. prodeerit.

Рода вопросов. Эта глава принадлежит теме нахождения материала, так как материал древние делили, в первую очередь, на конкретные дела и общие вопросы. При этом конкретные дела могли быть сведены к общим вопросам посредством абстрагирования.

По-латыни же надлежит говорить ясно. Имеются в виду требования к стилю: языковой правильности (latinitas), ясности (perspicuitas), уместности (aptum) и украшенности (ornatus). Таким образом, Исидор переходит к третьей области риторики — учению об изложении материала, причем с требованием уместности связано употребление стилей в речи, манеры говорить (гл. 16—17), с требованием правильности речи — учение об отборе слов (об этом говорилось в книге про грамматику), с требованием ясности — учение о сочетании слов (гл. 18—20), а с требованием пышности — учение о фигурах и тропах (гл. 21, 11, 13 и 14). Ссылку на др. источники см. в следующем примечании.

О манерах говорить. Иначе эти три стиля могли называться сухим (*subtile*), приспособленным для поучения (*docere*) и судебного красноречия; возвышенным (*sublime*), имеющим целью тронуть (*movere*) слушателя и употреблявшимся в совещательном роде красноречия; средним (*medium*), предназначенным для услаждения (*delectare*) слушателя в торжественном (показательном) роде красноречия. Кроме этих трех выделяли еще цветистый стиль (*floridum*), он же веселый, и мощный (*vehemens*). К дурным из-за впадения в крайности относили стили: ходульный (*frigidum*), расплывчатый (*dissolutum*), небрежный α=’ χαρις, излишне сухой (*exile*) и безвкусный (κακόζηλος) типы. См. также *Rhet. ad Her.*, IV, 11; *Cic., De orat.*, 5, 19—21; *Demetr., De stylo*, 35—37.

Здесь следует говорить умеренно. Перипатетик Теофраст, автор самой популярной теории речи раннего эллинизма, считал, что изобретателем средней манеры речи был Фрасимах Халкедонский (Dion. Halicarn., Demosth., 3).

Всякая речь выстраивается из слов, комм, колонов и периодов. Нужно отметить, что воззрение на двух- (без коммы) или трехчастное деление периода, равно как и сами термины «комма», «колон» и «период», перешло на прозаическую речь из теории стихосложения. Причем перенос этот совершился относительно поздно, так как Аристотель в «Риторике» (Arist., Rhet., III, 9) предполагает эти термины понятными читателю. Кстати, Аристотель в этом месте развивает мысль о том, что наиболее благозвучный период должен состоять из двух колонов.

О комме см. также Rhet. ad Her., IV, 26; Demetr., De stylo, 9—10. В русском правописании комма — придаточное предложение, обособляемое запятой. У греков и римлян знаком препинания, обозначавшим комму, была точка или запятая (внизу). См. кн. I, гл. 20.

О колонне см. также Demetr., De stylo, 1—8,34; Rhet. ad Her., IV, 26. В античности окончание колона отмечалась точкою посередине высоты буквы, каковая точка также носила название колона. См. кн. 1, гл. 20. В русском языке колоны внутри предложения могут разделяться и запятыми, и точками с запятыми, причем последний колон иногда может выделяться запятой с тире.

О периоде см. также *Rhet. ad Her.*, IV, 27; *Demetr.*, *De stylo*, 10—21, 35; *Cic.*, *De orat.*, III, 48, 166; 66, 221—222. В античные времена конец периода обозначался точкой сверху или двоеточием, в современных языках — точкой. Однако не всякое предложение является периодом, но только циклическое, ритмичное, ведь здесь говорится о риторике, то есть о речах, которые предназначены для произношения, а не для чтения.

«Feminae Aegyptiae». Это зияние. Аналогичная ошибка в русском языке: «А Аэлита сказала». Вообще в этой главе речь идет об искусстве, называемом фоникою.

«Error Romuli» и т. п. Аналогичная ошибка по-русски: «конкурс взрослых». «Пупс взбешен». «Ах, почаще б с шоколадом».

Следует избегать также помещения М между гласными. Последнее замечание верно лишь для латыни, в которой слабое конечное М часто элидировалось. В греческом конечное Ν не только не исчезало, но, напротив, специально вставлялось, чтобы избежать зияния. В русском языке также невелика опасность «мычания», зато он изобилует «щами», «вшами», «ужами» и «раками», то есть неблагозвучными, свистящими и шипящими суффиксами некоторых глагольных форм, а также резким «р», каковых звуко сочетаний следует по возможности избегать, особенно в устной речи.

Общее замечание к главе 20. Содержание этой главы перекликается с содержанием гл. 34, кн. I. См. названную главу в связи с акирологией, какемфатоном, тавтологией, эллипсисом, макрологией, периссологией и плеоназмом. В тексте главы 20 пронумерованы как пороки сочетаний слов, так и противоположные им приемы.

...И им подобные. Под «подобными» имеются в виду неназванные варваризм, солецизм, тапинос и какосинтетон. См. гл. 34 книги I.

Он возвысился до славы Сципиона — вероятно, П. Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского Младшего (185—129 гг.), выдающегося полководца, государственного деятеля и распространителя греческого языка и культуры. Он был известен взятием Карфагена (146 г.), умеренной позицией по вопросу земельной реформы Тиберия Гракха (133—129 гг.), а также своим стремлением всячески усилить в Риме греческое культурное влияние: в его кружок входили философ Панэтий, историк Полибий и комедиограф Теренций.

Вниз, по канату, скользя. Описывается выход из брюха деревянного коня греческих героев.

Ci. vitium em. Virtus

Что касается анадиплосиса, то любопытно, что в гл. 36 книги I под этим же названием была помещена, скорее, эпанастрофа. Это лишний раз показывает, что смыслы фигур были несколько различны в поэзии и в ораторском искусстве. Фигуры анадиплосиса и климакса — это разновидности эпизевксиса (удвоения), см. кн. I, гл. 36, §10, который является одной из фигур прибавления.

Изъявительные предложения. См. пример выше.

«Сын мой, ступай, Зефиров зови, и на крыльях слетая...». Исидор увлекся. Это, конечно, императив, но не сентенция: здесь нет ничего «сказанного безлично», так как это Зевс обращается к Меркурию. То же верно по отношению к еще нескольким примерам.

«Иди, следуй в Италию за ветром, ищи царства в волнах!» Эти слова произносит с язвительной иронией карфагенская царица Дидона, пытаясь удержать любимого Энея.

Плача, как.. Здесь и в следующих нескольких видах сентенций в рукописи оставлены пустые места, в которых, видимо, предполагалось позже вписать примеры.

...На критских холмах, повествуют, когда-то // Был Лабиринт. Здесь Вергилий сравнивает блуждающих по Лабиринту юношей с троянскими всадниками, смешавшими строй на поле битвы.

Г. Лициний Кальв (82—48 гг.) — оратор, яркий памфлетист и искусный поэт. П. Ватиний — народный трибун 58 г. и, по выражению Моммзена, «самый дерзкий и ничтожный из всех ближайших приверженцев Цезаря» и, вместе с тем, храбрый и способный офицер. Речь о событиях 56 г., когда Ватиний выставил себя кандидатом в преторы (точнее, Цезарь выставил его и всячески поддерживал). На этих выборах Ватиний провалился.

Эпаналепсис. Смысл совершенно отличен от эпаналемпсиса в грамматике (кн. I, гл. 36), где этим же термином обозначалась фигура типа охвата.

Пример для обоих случаев будет, если ты назовешь Катилину ревнителем государства, а Сципиона — врагом государства. Ирония в том, что первый считался подлым заговорщиком, пытавшимся установить тиранию, а второй — самым доблестным государственным деятелем — защитником родины. Ирония также относилась к тропам переноса значения по противоположности.

Певсис. Сюда же относятся так называемые «риторические вопросы».

Общее замечание к главе 21. Параграфы с 3 по 48 данной главы Линдсей помечает как неаутентичный текст. Помимо перечисленных здесь и в 36 главе кн. I остались неназванными (включая «грамматические» фигуры): аллойосис, анакласис, анаколуф, ананкайон, ангипофора, антенантиосис, антистрофа, апокрисис, брахилогия, диафора, дикеология, диэксод, диэременон, койнотес, меризм, метабасис, метабола, метаклисис, метанойя, метафрасис, оксюморон, панта-прос-панта, парадиастола, паромойон, паромология, плока, просдиасафесис, просаподосис, протасис, синатройсм, синойкейосис, таксис, эпекфонесис, эпибола, эпитимесис, эпитропа, эпифонуменон, эпифора, хоризм, а также фигуры, образованные посредством управления мерностью речи: исколон, триколон, парисон и др. Впрочем, некоторые из вышеперечисленных фигур очень близки по смыслу к тем, которые перечисляет Исидор, например парадиастола и хоризм. О фигурах речи и тронах см. также: Arist., Rhet., III, 8—9; Quint. IX, 3; Rhet. ad Her., IV, 19—41; Rutil. Lup., De fig.; Demetr., Destylo, 22—29, 193; Hermog., De id., I, 12, 285—287; A. L., 485 R. На этом Исидор заканчивает изложение риторики, опустив отделы, посвященные запоминанию и произнесению речи.

Диалектика. Заметим, что даны два различных определения диалектики. Первое восходит к Платону, который называет диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи (Plat., Resp., VII: 534b). Второе принадлежит стоикам, которые считали, что диалектика — наука правильно рассуждать и отличать истину от лжи (это определение, по словам Цицерона, дал стоик Диоген (Cic., De orat., II, 157/XXXVIII)). Совместить оба можно только в одном предмете, то есть в том, что мы сегодня называем гносеологией. Ведь гносеология, с одной стороны (логической) — наука о методологии истинного знания, а с другой (диалектической) — стыкуется с онтологией в том, что у них один предмет, сущее и его причины. Иначе говоря, Исидор указывает на предмет данной науки — «причины вещей» (общий для всей философии), и на особенность — верифицируемое рассуждение. К слову сказать, было и третье определение диалектики — аристотелевское, который отличал аподиктическое рассуждение (необходимо истинное силлогистическое заключение из истинных посылок) и диалектическое рассуждение (силлогистическое рассуждение, исходящее из общепринятых мнений, правдоподобное для всех или большинства людей); то есть диалектика — это топики (Arist., Top., I, 1: 100a25—100b23). Любопытно, что давая общие определения свободным искусствам в I книге (гл. 2), Исидор ограничился стоическим определением («Tertia dialectica cognomento logica, quae disputationibus subtilissimis vera secernit a falsis»). Видимо, он был более склонен за диалектикой оставлять платоновское определение, за логикой — стоическое, а «диалектика-топики» после Аристотеля стала самостоятельной наукой под названием «топики». По содержанию Исидорова диалектика является кратким изложением начала аристотелевского «Органона» (так называются логические труды великого философа), с отдельными усовершенствованиями и многочисленными упрощениями, но изложение чрезвычайно ясное и внятное.

Ее рассматривали в своих изречениях некоторые первые философы, не доводя, однако, до состояния искусства. Снова, как и в начале I книги (гл. 2 и др.), автор не делает принципиального различия между наукою (disciplina) и искусством (ars). «Первые философы» — это те, которых мы сегодня называем досократиками.

*Они во многом обе появляются совместно. Примером такого совмещения являются диалоги Платона. У философов это называется диалектическим методом Сократа, то есть выявлением истины через вопрошание, в серии вопросов и ответов. Это, уже четвертое, определение (как искусства ведения беседы или философской беседы) ближе всего к этимологии слова, ведь *SiaAiyoraí* — это «беседовать», «разговаривать». Заметим, что как раз Аристотель, открыв науку логики, отличал ее от диалектики, так как он различал аподиктическое рассуждение (то есть научное, логически непротиворечивое), основанное на доказательствах рассмотрение предметов, и диалектическое рассуждение, которое имеет вероятностный характер. (Arist., Top., I, 1.)*

Варрон в 9 книгах «Наук». Речь о третьей, посвященной риторике, книге из утраченного труда М. Теренция Варрона «Disciplinarum Libri IX». Описанный ниже жест руки Варрон заимствовал у Зенона Китийского. См. Cic., Orat., 32; ср. De fin., II, 17; Acad., II, 145.

Философы же решили, прежде чем переходить к изложению «Исагоги», указать на определение философии, поскольку легче показать то, что относится к философии. Здесь и далее (начала глав 26—28) содержится явное указание на наличие устоявшегося школьного порядка преподавания «диалектики», то есть такого, который, по крайней мере, был принят в Кафедральной школе в Севилье (в начале VII в. — единственной в королевстве). В данном месте Исидор вынужден следовать решению некоторых философов, установивших данный порядок изложения: определение философии — «Исагога» Порфирия — «Категории» — «Об истолковании» — силлогистика (по «Аналитикам») — об определении — топика — учение о противоположащем. Ни до, ни после этого Исидор так не делает, предпочитая сам указывать, в каком порядке надлежит изучать материал (напомню, что «Этимологии» написаны как школьная программа). Упомянутые философы — это, конечно, александрийские неоплатоники в передаче Боэция, так как именно им принадлежал рукописный сборник Аристотеля, которым пользовался «последний римлянин».

Философия. Здесь необходимо сказать несколько слов о том, что и как попадало на латинскую почву под названием «философия». Если с остальными шестью свободными искусстваами мы не находим недостатка в латинских авторах, писавших самостоятельно или переводивших эллинские исследования, то применительно к философии зрелище куда печальнее. Первое впечатление таково, что в античности латинской философии не существовало вовсе. Это впечатление, конечно, ошибочно: были ведь и эпикуреец Лукреций Кар, и эклектик Туллий Цицерон, и римские стоики Сенека Младший, Эпиктет и М. Аврелий, и, разумеется, «неоплатонизирующий» перипатетик Боэций. К ним можно еще добавить тех христиан, которые могут считаться философами-богословами: Кв. Септимий Тертуллиан, Амвросий Медиоланский, бл. Иероним Стридонский, бл. Августин и еще некоторые. Но тогда появляется второе впечатление: римская философия очевидно неоригинальна (если не считать христианской теологии, которая себя философией не считала). Сколь бы яркой звездой на философском небе Рима ни был Цицерон, у него не обнаруживается ни единой своей философской мысли. Что касается римских стоиков, то стоиками-то они могут считаться с изрядной натяжкой. Так, например, считает Боэций, когда относит Сенеку, Сорана, Канния, равно как и Цицерона, к нормальной римской философии, особенностью которой был просвященный и сознательный эклектизм. Все они, начиная с кружка Сципиона и Лелия, продолжая Цицероном и Сенекой, действительно, находились в русле обычной для римлян морализаторской традиции, «логоэтической», как ее еще называют. Но ведь так же ворчал о порче старых добрых нравов Катон Цензор. А стоическая философия просто лучше всего подходила для этой традиции, когда же не подходила, то... «что истинно, то мое». Можно, следовательно, указать две причины того, что эллинская философия так слабо распространялась в римской среде. Во-первых, начиная с III в. до н. э. и по II в. н. э. большинство образованных римлян вполне свободно владело греческим языком, поэтому не нуждалось в специализированно латинских переводах и комментариях. Можно много говорить о различиях в менталитете эллинов и римлян, но все же и те и другие принадлежали к одной суперэтнической целостности. В этом смысле эллинская и римская культуры не успели достаточно разойтись, чтобы требовалась специальная и кропотливая деятельность по заимствованию достижений одной культуры в другую, деятельность, без которой это заимствование было невозможным (как, например, у арабов в средние века или в России сейчас). А значит, образованные римляне не считали возможным создавать свою философскую традицию, раз традиция эллинская уже существовала и была для них во многом своей. Потому латиноязычной традиции перевода и комментирования Платона и Аристотеля в Риме не сложилось, если не считать редких эпигонов: Лукреция Кара, Туллия Цицерона. Когда же уровень образования в Риме стал падать, знание греческого стало редкостью, то было уже поздно: отсутствие латиноязычной традиции как раз и помешало дальнейшему развитию философии на римской почве; впрочем, упадок на то и упадок, что высокими умозрениями (какова была «первая философия») в это время мало интересуются. Во-вторых, римляне все же отличались от эллинов в практическую и прагматическую сторону, то есть питали недоверие к разного рода сложным умозрительным конструкциям. Там, где одни изучали поэму, другие изучали законодательство Города. Кроме того, расцвет римской мысли пришелся на упадок эллинской — с I в. до н. э. по начало II в. н. э. К этому времени Платон и Аристотель перестали быть «живыми» даже в Греции, и эллины не могли подсказать

римлянам новых ходов мысли. Зато на первом месте была этика, что римляне охотно заимствовали, включая в свою морализаторскую традицию, сознательно эклектичную. Новый же всплеск теоретического мышления в III в. у грекоязычных неоплатоников и христианских гностиков, в основном, оставался для римлян неизвестным, так как времена двуязычности для них кончились. Заметно, что при классификации философии, предложенной ниже (§§3—11), для эллинской философии в ее старом смысле оставались только две «ячейки»: логика (в составе диалектики) и «божественная философия», то есть теология (конечно, христианская, но построенная к V в. на понятиях античной философии). Собственно, ничего больше от прежней философии заимствовано быть не могло: науки «физического» цикла (космология, география, биология и т. п.) уже отделились от собственно философии, равно как и грамматика с риторикой. Этика ко временам Боэция и Исидора была христианской и в основном не нуждалась в языческой этике, так как этическая направленность была характерна для христианства с самого его начала. Такая узость классификации, конечно, имела для западной философии самые печальные последствия, сделав ее той, какой она является сегодня — либо рассуждениями о самой технике познания (вещь, конечно, интересная, часто строго научная, но все же только «техника»), либо непонятно откуда взявшимися откровениями об устройстве мира и месте человека в нем (с более или менее очевидным подчинением христианской теологии). Эти две классификационные ячейки философии в структуре позднеантичного знания предопределили и два основных источника перевода философских произведений с греческого на латынь — аристотелевский «Органон» и различные неоплатонические идеи. Первый собственно и составил «логику», как одну из наук тривиума; вторые пополняли христианскую теологию (*philosophia divina*). Что касается теологии, то первоначально христианство не имело ее вовсе, так как было религией угнетенных сословий Римской империи и обходилось простым жи-тейским морализаторством, максимум, этическими обобщениями, которые мы находим повсеместно в Новом завете, если читать его буквально. Затем, во времена апологетики II-III вв. интеллектуальным авангардом христианства были риторы, чьи красивые речи были призваны защищать новое учение, но это была еще христианская «софистика», а не философия. Наконец, в III-V вв. христианство овладело наиболее образованными слоями общества, для которых было недостаточно примитивного морализаторства и которые стремились оформить новое мировоззрение в целостную картину мира. Наиболее яркими из таких интеллектуалов были деятели каппадокийского кружка IV в. (св. Василий Великий, св. Григорий Богослов и св. Григорий Нисский), а свое завершение это направление мысли получило в трактатах св. Дионисия Ареопагита (нач. VI в.). В поисках философского обоснования христианства эти люди обратились к единственной в то время эллинской школе, высокий теоретизм которой мог бы помочь им в этом, — к наследию Платона, а затем и к неоплатонизму. Давно замечено, что «таксисы» и «диакосмосы» мироустройства Дионисия находятся в прямой зависимости от представлений о мире неоплатоников Прокла и Дамаския. Главными переводчиками на латинский язык этих идей стали свт. Амвросий Медиоланский (333—397 гг.), который познакомил латинский мир с трудами каппадокийцев, Марий Викторин и Макробий (IV в.), переводчики неоплатоников, и отчасти Боэций, который при изложении Аристотеля исходил из комментариев Ямвлиха и Прокла. Впрочем, переводились именно неоплатоники. Сам Платон остался для Запада неизвестным, если не считать «Тимея» в переводе и с комментариями Халкидия (которых наш автор не знает, но которые потом читались в Шартрской школе, в XI-XII вв.). Правда, были еще те платонические идеи, которыми напитался главный римский популяризатор греческой философии Цицерон, и

которые он изложил в своих эклектических философских трактатах.

Жить хорошо — в обоих смыслах, то есть нравственно правильно и житейски благополучно (богато, счастливо, долго). Как это согласуется, не объяснено, но ясно, что с Божьей помощью.

Философия состоит из двух вещей: знания и мнения. Начало такому разделению положил Парменид, сын Пирета (540—480 гг.) (Parm., De natura), а утвердил — Платон, у которого оно является общим местом. См., напр., Plat., Resp., VII: 534a sqq.; Arist., An. post., I, 33. Затем Исидор забудет об этом разделении, то есть будет иметь в виду под философией только знание.

Само же это название философии на латынь переводится как «любовь к мудрости». Изобретателем этого термина был, как известно, Пифагор (Diod. Sic., X, 10, 1).

Видов философии три: одна — естественная, другая — нравственная, третья — умозрительная. Такое разделение приписывают академику Ксенократу (ок. 395 — 312 гг.). Затем оно было подхвачено стоиками и (с оговорками) эпикурейцами (Sen., Luc., LXXXIX).

Один из их семерых мудрецов — «*Quid est Athenis et Hierosolymis?.. Institutiones nostrae — a porticu Solomonis!*» Фалес, сын Эксамия, из Милета (ок. 640 или 624 — 546 гг.) — греческий философ, математик и астроном, представитель ионической натурфилософии. Считается первым греческим философом. Известные нам натурфилософские воззрения Фалеса сводятся, во-первых, к утверждению, что первооснова всего сущего есть вода, а во-вторых, что все полно божеств (одушевлено). «Семь мудрецов» — ряд авторитетных греческих мыслителей и государственных деятелей VII и VI вв., отличавшиеся практической жизненной мудростью и глубоким государственным умом. В более позднее время установились такие имена: Фалес, сын Эксамия, милетец, Солон, сын Эксекестида, афинянин, Биант, сын Тевтама, из Приены, Питтак, сын Гирраса, митиленец, Периандр, сын Кипсела, коринфянин, Клеобул, сын Эвагра, из Линда, Хилон, сын Дамагета, из Спарты (*Demetr. Phaler., Aroft.* // *Aet.*, III, 1, 172). Вообще же называлось около 20 человек, включая нашего соотечественника, скифа Анахарсиса. Они были изобретателями максим (частных этических правил), предназначенных для упорядочения бытовой и гражданской жизни, например: «Ничего сверх меры» (Солон), «Познай самого себя» (Хилон), «Уважай отца» (Клеобул), «Большинство людей дурны» (Биант) и многих др.

Платон разделил на четыре определенные части — Plat., Resp., VII: 525c-531c. Куда при таком разделении делась вся остальная натурфилософия — неясно. Ниже будет предложен более удачный вариант классификации.

Четыре добродетели души даны по Сократу (Платону): Plat., Resp., IV, 427e- 433b. Этика стоиков не упомянута, равно как и христианская этика.

Ci.: theoretica (Лундсей), theorica (Аревалю), theologia (Дю Брель).

Конечно, из этих трех родов философии состоят также божественные речения. Никаких сомнений в том, что с логикой божеской дела могут обстоять иначе, чем с человеческой, нет!

Некоторые из ученых людей так определяют название и части философии: философия есть правдоподобное знание вещей божеских и человеческих. В данном случае «некоторые ученые люди» — это стоики, которые определяли мудрость как «знание всего божеского и человеческого», а философию — «любовь (стремление) к мудрости» (Sen., Luc., LXXXIX).

Философия есть искусство искусств и наука наук. Это, конечно, не определение, а распространенный эпитет. Впервые Аристотель так называет свою «первую философию» (Eustrat., In Arist., EN, VI, 322, 12), а в латинской традиции эпитет восходит к Цицерону (Cic., Tusc., I, 64). Эта формулировка была общим местом для Александрийской школы неоплатонизма (примиряющей Аристотеля с Платоном), а в средние века она стала очень известной, так как попала в «Summulae logicales» Петра Испанского, знаменитого логика XIII в. (применительно к диалектике).

Философия есть размышление о смерти — Plat., Phaed., 64a sqq.

Философия делится на две части: во-первых, теоретическую и, во-вторых, практическую. За этим «альтернативным» по отношению к ксенократовскому разделением чувствуется Аристотелевское разделение наук на теоретические, практические и творческие (Arist., Top, VI, 6; VIII, 1; Met., VI, 1; EN, VI, 2 3—5). С течением времени два конкурирующих разделения стали сближаться: «теоретическую» философию Аристотеля стали отождествлять с физикой, «практическую» — с этикой, а «творческую» философию, то есть риторику и поэтику, или удаляли, рассматривая как искусство, или включали в логику. Зато к оставшимся двум добавляли ксенократовскую «логику» под именем рациональной философии. См. также Voet., Comm, in Porph., I. Как пишет Т. Ю. Бородай, «ко времени Боэция самое распространенное деление философии, помещаемое в учебниках и компендиях, было таково: теоретическая — практическая — логическая части философии.» Первая подразделялась на *philosophia naturalis* — *mathematica (doctrinalis)* — *divina*. Вторая также называлась *philosophia moralis* (Боэций. Утешение философией и др. трактаты. — М., 1990. — С. 291). У Исидора имеется очередной, усложненный, вариант этой схемы, при котором *mathematica* именуется «научной философией» (что почти одно и то же по этимологии слова) и делится как квадравиум, а практическая часть не синонимична нравственной, а включает, помимо нее, экономику и социальную философию. Все это вполне разумно, но следует совершенно исключить ту компромиссную позицию, которая приводится у автора строчкой ниже («Другие определяют, что умозрительная философия...»), так как включать квадравиум и мораль в рациональную философию абсурдно.

Теоретическая разделяется трояко, то есть, во-первых, на естественную, во-вторых, на научную и, в-третьих, на божественную. Это аристотелевское разделение теоретической философии на физику, математику и первую философию (теологию) (Arist., Met., VI, 1). Таким образом, Исидор предлагает сразу две классификационные схемы для философии: I. Философия: 1. Естественная (Физика): А. Арифметика В. Геометрия С. Музыка D. Астрономия 2. Умозрительная (логика): А. Диалектика (логика) В. Риторика 3. Нравственная (этика): Учение о четырех добродетелях по Сократу (Платону). II. Философия: 1. Теоретическая: А. Божественная (теология) В. Научная (математическая): а. Арифметика в. Геометрия с. Музыка d. Астрономия С. Естественная 2. Практическая: А. Нравственная: Учение о 4 добродетелях по Сократу (Платону) В. Хозяйственная С. Гражданская. И компромиссный вариант: III. Философия: 1. Естественная (физика): А. Арифметика В. Геометрия С. Музыка D. Астрономия 2. Умозрительная (логика): А. Теоретическая (далее по схеме II) В. Практическая (далее по схеме II) 3. Нравственная (этика): Учение о четырех добродетелях по Сократу (Платону). Любопытно, что Клавдий Птолемей, принимая и комментируя разделение теоретической философии по схеме II, указывает, что первый и последний ее разделы «больше похожи на гадание, чем на научное познание; теология — потому что она трактует о вещах невидимых и не могущих быть воспринятыми, физика же — вследствие неустойчивости и неясности материальных форм; вследствие этого нельзя даже надеяться, что относительно этих предметов можно будет добиться согласия между философами. Одна только математическая часть доставляет занимающимся ею прочное и надежное знание, ибо она дает доказательства, идя двумя путями, с которых невозможно сбиться: арифметическим и геометрическим» (Ptol., Aim., I, 1).

У нее четыре вида: арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Все четыре будут подробно рассмотрены в следующей, III, книге «Этимологий».

Далее будет изложена начальная часть «Органона» Аристотеля с приложением стоической силлогистики, развитого учения об определении, а также Цицеронианской топики. Краткий очерк всех античных философских школ, где перечисляются названия этих школ, их представители и краткие характеристики учений, читатель найдет в кн. VIII, гл. 6.

Порфирий Тирский (ок. 232—301 гг. н. э.) — грекоязычный римский философнеоплатоник, ближайший ученик и биограф основателя школы, Плотина. Его работы посвящены развитию учения Плотина, поэмам Гомера, истории философии, а также критике христиан (по большей части не сохранились). В истории философии и логики известен как автор «Исагоги» («Введения») к логическим сочинениям Аристотеля, которая стала в средние века обязательным введением в логику вообще. Кроме того, здесь впервые в оформленном виде ставится т. н. «проблема универсалий», ставшая на долгое время одной из главных философских дискуссионных тем. Любопытно, что Исидор от постановки проблемы универсалий уклоняется.

Quod quid sit — это калька с греческого выражения τὸ τί ἐστίν, являющегося субстантивацией вопроса «Τί ἐστίν» («Что это?»). Такая субстантивация обыкновенна для Аристотеля (напр., *Arist., Met., VII, 1*) и в переводе А. В. Кубицкого звучит как «суть вещи» (не очень удачно).

Ведь положив первый род, затем виды и прочее тому подобное, мы подчиняем виды родам. То есть выстраиваем сущности в иерархическом порядке.

...Пока не дойдем до ее собственного признака. *Porph., Isag., 2, 20—22*. См. также *Voet., Comt., in Porph., II, de gen.* Перевод терминов этой главы — принятый А. В. Кубицким (Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. М., 1939), а также Т. Ю. Бородай (Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990).

Из-за тех, у кого отсутствует разум — это, например, нелетающие птицы (страусы и т. п.).

Ci.: theoretica (Лундсей), theorica (Аревалло), theologia (Дю Брель)

Определение состоит из рода и отличительных признаков. См. Cic., Top., 6, где Цицерон ссылается на Аристотеля.

Некоторые, более обстоятельные, разделили сущностное определение на пять частей. То есть Порфирий и Боэций. Оба, впрочем, указывали, что уже у Аристотеля содержатся все эти пять терминов, только философ опустил объяснение, что они такое, как заранее известное. (Boet., Comm, in Porph., I).

Сужностное определение. О других видах определения, см. главу 29.

Викторин. См. примечание к гл. 9, §14.

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (ок. 480—526 гг. н. э.) — латиноязычный философ, христианский богослов и политический деятель королевства остготов (Теодориха). Как философ принадлежал к александрийскому течению неоплатонизма. Его перу принадлежат латинские переводы и комментарии к Аристотелю, Цицерону, Порфирию, богословские трактаты, работы по логике, арифметике, музыке, естествознанию и знаменитый трактат «Утешение философией». Был очень почитаемым авторитетом в средние века, в особенности за комментарий к «Исагоге» Порфирия. Исидор здесь показывает знание трактатов Боэция и ссылается на работу «Комментарий к Порфирию, им самим переведенному» («Commentaria in Porphyrium a se translatum»).

Категории Аристотеля. Arist., Cat., 1. Перевод терминов этой главы — принятый А. В. Кубицким с уточнениями И. С. Нарского и И. И. Стяжкина (Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978).

Окончанием (casu), то есть падежом. Это калька с аристотелевского τῆ πτω' σει.

Видов категорий десять. См. Arist., Cat., 4. Порядок также аристотелевский.

Сущность. См. Arist., Cat., 5: 2a11 — 16 (почти дословная цитата).

Количество. См. Arist., Cat., 6.

Качество. См. Arist., Cat., 8: 8b25—26.

Отношение. См. Arist., Cat., 7.

Mecmo. Arist., Cat., 4: 2a 1—2.

Движение в отношении места, т. е. пространственное перемещение. См. Arist., Cat., 14: 15b4. У Аристотеля это называется κίνησις κατὰ τόπον, один из шести видов движения. См. также мою статью «De Aristotelis motu secundum locum» // Studia culturae. Вып. 2. — СПб.: СПб-ское филос. общ-во, 2002.

Время. См. Arist., Cat., 4: 2a2. Не очень понятно, как движение во времени может иметь шесть видов.

Положение. См. Arist., Cat., 4: 2a2—3; 7: 6b11—14.

Обладание. См. Arist., Cat., 15.

Действие и претерпевание. См. Arist., Cat., 4a: 2a3-4; 9: 11b1—7.

Тем самым принимается трактовка Аристотеля, которая объединяет сущность из «Категорий» с сущностью из «Метафизики». По нашему мнению, такое объединение невозможно, что показано в нашей работе «Эволюция основных философских идей в Древней Греции. Платон и Аристотель». То есть это безосновательное смешение родов действительных вещей с родами оказываний о них.

Существует сама по себе самостоятельно (subsistit). Значение термина subsisted дается согласно Боэцию (Boet., Contra Eut. et Nest., 3). Именно в значении самостоятельного бытия, бытия в отвлечении от его субъекта этот термин был заимствован схоластическими. Сам Боэций, впрочем, дает другую этимологию для сущности (substantia), а именно, что она «стоит под» (substat) акциденциями как их подлежащее (idem). Исидор заметно упрощает Боэция, если не сказать путается в терминологии, так как смешивает субстанцию и субсистенцию. Так, например, по Боэцию, тело не потому является субстанцией, что оно субсистенция, но потому, что оно существует вместе с субъектом (бытие вместе с его субъектом и есть субстанция), тогда как субсистенция сама по себе субъекта не требует. То есть всякая индивидуальная вещь есть субстанция, а поэтому и субсистенция, но не всякая субсистенция является субстанцией, например роды и виды.

Ведь там, где сказывается о подлежащем, — это сущность. Это не противоречие с определением сущности. Мысль Исидора такова: когда о чем-то говорится как о подлежащем, — это сущность («вторая», конечно, ибо первая не может даже говориться о подлежащем; см. Arist., Cat., 4: 3a7 sqq.); когда о чем-то говорится как о принадлежащем подлежащему, — это привходящее. Здесь и дальше «сказываться в подлежащем» — техническое выражение, обозначающее «говориться как о находящемся в подлежащем» или «как о являющемся частью подлежащего».

Общее замечание к главе 26. В этой главе рассмотрена только часть трактата «Категории», то есть опущены главы 10—14. Главам 10—11 «Категорий» посвящена 31-я глава данной книги.

Затем следует книга «Об истолковании». Я даю устоявшееся русское название этого сочинения. Исидор повсюду пишет «Perihermenias» (слитно). Термины этой главы указаны согласно переводу Э. Л. Радлова (Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1978), хотя этот перевод сильно устарел и путает читающих. Само русское слово «истолкование» в том смысле, в котором оно здесь употребляется, конечно, устарело, однако наличие этого термина в устоявшемся названии трактата вынуждает повсеместно переводить глагол «interpretari» словом «истолковывать». Читателю следует понимать его в смысле «переводить» с языка мысли на язык слов, «интерпретировать мысль словами», ведь язык есть посредник в общении людей. Соответственно название аристотелевского трактата должно было бы звучать на современном языке примерно так: «О способах интерпретации мысли словами». Заслуга Исидора в том, что он все это четко объясняет (из аристотелевского текста это не очевидно). К слову сказать, в упомянутом здесь 4-томном издании Аристотеля, в комментарии к трактату «Об истолковании», допущена ошибка: там говорится, что само это название является русской калькой с латинского заголовка «De interpretatione», предложенного Исидором в «Этимологиях». Это неверно. Во-первых, Исидор везде пишет «Perihermenias», во-вторых, этот греческий термин встречался и раньше, например у неоплатоника Аммония Гермия (V в. н. э.), а сам термин вполне мог принадлежать даже Андронику Родосскому (I в.).

Введение к книге «Об истолковании». В рукописи эти слова отмечены как заголовок отдельной главы.

Вот это Аристотель именовал « Περὶ ἑρμηνείας», а мы называем истолкованием (interpretatio). Здесь у Исидора очевидная ошибка: указывая на синонимичность терминов «interpretatio» и «Perihermenias», он обнаруживает непонимание греческого слова, то есть не умеет отделить предлога от имени существительного. Кроме того, он еще и склоняет: N.: Perihermenias; G.: Perihermeniarum; Ac.: Perihermeniam (!); Ab.: Perihermeniis.

Вещи, которые замыслил ум, истолковываются посредством утверждения и отрицания. Этот параграф навеян отнюдь не вводной частью, а главами 6 и 7 трактата. Видимо, в латинской школьной традиции существовало какое-то краткое введение к трактату «Об истолковании», принадлежащее Викторину или Боэцию.

Имя. См. Arist., De interpr., 2: 16a 19—21 (дословная цитата, кроме примера).

Линдсей справедливо исправляет notat на nota, так как в тексте Аристотеля стоит именно «знак» (σημεῖον), следовательно, это была ошибка переписчика.

Глагол. См. Arist., De interpr., 3: 16b6—7 (дословная цитата, кроме примера).

*Речь. См. Arist., De interpr., 4: 16b26—27 (дословная цитата, кроме примера).
Любопытно, что греческий аналог термину «речь» — это .*

Высказывающая речь. См. Arist., De interpr., 4: 17a8—9.

Утверждение и отрицание. См. Arist., De interpr., 6: 17a25—26 (дословная цитата, кроме примера).

Противоречие. См. Arist., De interpr., 6: 17a33—34.

Компетентное объяснение можно найти в самой книге. Исидор признает, что у него получилось довольно беглое изложение содержания трактата, то есть изложение только его вводной, определительной, части. Остались нераскрытыми главы 7—14.

Далее последует не изложение обеих «Аналитик», как можно было бы ожидать, но только ассерторической логики Аристотеля, то есть о модусах простых категорических силлогизмов (гл. 4—7 кн. I «Первой Аналитики»). Кроме того, отсутствие совпадений с аристотелевским текстом свидетельствует, что Боэцийев перевод «Аналитик» уже к VII в. был утерян, то есть не был по каким-то причинам лично для Боэция характера известен читающей публике с самого начала.

Чтобы не возникло ошибки и обмана из-за лжи софистических выводов. Примером такого лживого софистического вывода может служить силлогизм: «Если Сократ — лошадь, то Сократ — живое существо. Но Сократ не лошадь. Следовательно, Сократ не живое существо». Знающий диалектику сразу же заметит, что рассуждение сделано по неправильному модусу: $A \rightarrow B, \neg A \vdash \neg B$ (где запись «A1

, A2

A₁

$\vdash C$ » эквивалентна «A1

A₂

$\rightarrow (A2$

A₁

$\rightarrow C)$ », то есть «если A1

A₂

и A2, следовательно C

A₁

A₂, следовательно C

)».

Фигур простых категорических силлогизмов три. Исидор здесь оставляет вопрос о том, что есть силлогизм сам по себе и каковы его составные части, так как это уже рассматривалось применительно к силлогизмам риторическим (см. главу 9). Термин «formula» для фигуры принадлежит Апулею из Мадавры (см. примечание к ссылке Исидора на него). Кроме того, пусть читателя не удивляет отсутствие IV фигуры силлогизма, поскольку как самостоятельная фигура она вошла в школьную традицию только со времен «Логики Пор-Рояля» (1662 г.), хотя и после этого пользовалась славой «неестественной» фигуры. Как известно, те силлогизмы, которые мы сегодня называем пятью сильными модусами IV фигуры, были изобретены учениками Аристотеля Теофрастом и Евдемом в качестве дополнительных модусов I фигуры. Именно так они излагаются Боэцием, а за ним — Исидором. Первым, кто предложил выделить их в отдельную фигуру, был, по словам Аверроэса, перипатетик и знаменитый врач II в. н. э. Клавдий Гален, однако вся логика европейского средневековья и Возрождения шла под знаком трех фигур.

Модусов первой фигуры девять. Определение фигуры см. Arist., An. pr., I, 4: 25b35—36. Для всех фигур указываются только сильные модусы. Для всех модусов этой фигуры в качестве среднего термина взято «честное». Порядок модусов — аристотелевский.

Общеутвердительное высказывание. Термины «dedicative» для утвердительного высказывания и «abdicative» (см. следующий модус) для отрицательного высказывания принадлежат Апулею.

Пример первого модуса I фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 25b37—40. Изображение примеров в виде схем — мое. Читатель должен иметь в виду, что порядок следования посылок противоположен современному, то есть у Исидора вначале идет меньшая посылка, а за ней большая. Для примера техники логической речи, вот формулировки всех четырех модусов I фигуры по-латыни: Barbara: «Omne iustum honestum: omne honestum bonum: omne igitur iustum bonum»; Cesare: «Omne iustum honestum: nullum honestum turpē nullum igitur iustum turpe»; Darii: «Quoddam iustum honestum: omne honestum utilē quoddam igitur iustum utile»; Ferio: «Quoddam iustum honestum: nullum honestum turpē quoddam igitur iustum non est turpe».

Второй модус I фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 25b40—26a2.

Третий модус I фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 26a23—25.

Четвертый модус I фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 26a25—27.

Пятый — девятый модусы I фигуры. Формулировку принципа образования пяти добавочных модусов силлогизма см. Arist., An. pr., II, 1: 53a3-7. Заметим, что для пяти модусов IV фигуры (и только для них) последовательность посылок у Исидора совпадает с принятой сегодня.

Здесь у Исидора ошибка, надо: «Некоторое справедливое не постыдно» (Feasaro и Fresison дают одинаковое следствие) Кроме того, частноутвердительные суждения не обращаются.

Модусов второй фигуры четыре. Определение фигуры см. Arist., An. pr., I, 5: 26b34—39. Порядок модусов — аристотелевский.

Первый модус II фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 27a5—9.

Неточность, надо: «Ничто справедливое не постыдно» (исправляется обращением заключения).

Второй модус II фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 27a9—14.

Третий модус II фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 27a32—36.

Четвертый модус II фигуры. См. Arist., An. pr., I, 4: 27a36—27b8.

Модусов третьей фигуры шесть. Определение фигуры см. Arist., An. pr., I, 6: 28a 10—15. Для всех модусов фигуры средний термин — «справедливое». У Аристотеля — другой порядок модусов: Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison.

Первый модус III фигуры. См. Arist., An. pr., I, 6: 28a 17—22. Сюда же помещен добавочный модус третьей фигуры (Bramantip), изобретенный Порфирием и Боэцием.

Второй модус III фигуры. См. Arist., An. pr., I, 6: 28b12—13.

Третий модус III фигуры. См. Arist., An. pr., I, 6: 28b5—15.

Четвертый модус III-й фигуры. См. Arist., An. pr., I, 6: 28a26—29.

Пятый модус III фигуры. См. Arist., An. pr., I, 6: 28b31—34.

Шестой модус III фигуры. См. Arist., An. пр., I, 6: 28b5—23.

Апулей из Мадавры (ок. 124 — после 170-х гг. н. э.) — писатель, адвокат, философ-платоник, яркий представитель «второй софистики». Учился, вероятно, у Кальвеиа Тавра, самого знаменитого платоника сер. II в. н. э. Жил в Карфагене, Риме, Афинах, писал по-латыни и по-гречески. Из его литературного наследия, помимо знаменитых «Метаморфоз», до нас дошли некоторые его философские работы: «О Платоне и его учении», «О даймоне Сократа», «О мире» (популярное изложение одноименного трактата Аристотеля) и «Об истолковании» (популярный учебник по логике). В последнем трактате он не только комментирует одноименное сочинение Аристотеля, но анализирует отношение между суждениями, впервые вводя «логический квадрат», рассматривает учение о категорических силлогизмах, сравнивая позиции стоиков и позиции перипатетиков. См.: Тоноян Л. Г. Римская судьба логического наследия Аристотеля // Verbum. Вып. 6. — СПб.: СПб-ское филос. общ-во, 2002. Никак не возможно согласиться с мнением М. Е. Грабарь-Пассек об Апулее как о посредственном философе (Грабарь-Пассек М. Е. Апулей // Апулей. Апология; Метаморфозы; Флориды. — М.: Наука, 1993).

Все это предложение — дословная цитата из «Установлений» Флавия Кассиодора (Cass., Inst., II, 3), равно как и рекомендации читать «Категории» Аристотеля (см. выше, гл. 27, §15) или трактат Мария Викторина (см. ниже, §25). Поэтому сам Исидор мог и не читать логические трактаты Апулея, Викторина и переводы Аристотеля.

Мы же теперь перейдем к гипотетическим силлогизмам. Сюда относятся условно-категорические, разделительно-категорические и соединительно-категорические силлогизмы, то есть термин «гипотетические» по сегодняшним меркам неудачен. Это так называемые «пять аксиом стоической логики», автором которых является Хрисипп (Diog. Laert., VII, 1: 80—81), с прибавлением еще двух фигур, которое сделал Цицерон (Cic., Top., 53—57), следуя какому-то своему неназванному источнику. Все семь были систематизированы в работе врача и ученого Галена (131—200 гг. н. э.) «Введение в логику», написанной по-гречески и поэтому выпавшей из латинской логической традиции.

Третий модус. Несложно заметить, что 3-й и 6-й (см. ниже) — это один и тот же модус: $\neg(p \& q), p \vdash \neg q$. Действительно, 3-й модус: $\neg(D \& \neg C), D \vdash C$ (здесь можно ввести обозначения $p := D, q := \neg C$); 6-й модус: $\neg(D \& H), D \vdash \neg H$ (здесь $p := D, q := H$). К тому, что удобно произносить в нормальной устной речи, ближе 6-й по счету Исидора (Цицерона) модус. Например, в «Логике Пор-Рояля»: Человек не может быть одновременно служителем Бога и идолопоклонником денег, Скупой — идолопоклонник денег, -----
----- Скупой не может быть служителем Бога. В современной логике соединительно-категорический силлогизм не встречается, ибо модус: $\neg(p \& q), p \vdash \neg q$ есть разновидность *modus tollendo ponens*. Действительно, по закону де Моргана $\neg(p \& q) = (\neg p \vee$

$\neg q)$. Далее, обозначим $A := \neg p, B := \neg q$. Учитывая, что $p = \neg \neg p$, получаем: $A \vee$

$B, \neg A \vdash B$, то есть *modus tollendo ponens*.

Четвертый модус. Напомним, что здесь «или» — это исключающая дизъюнкция (\vee

), в отличие от простой дизъюнкции в *modus tollendo ponens*. Исидор этого не знает или не считает нужным сказать, хотя Хрисипп отличал виды дизъюнкции, употребляя разные союзы «или»: $\eta\#61;$ ' и $\eta\#61;$ ' *τοι*.

Ошибка, надо: «И не день, и ночь».

Седьмой модус. Этот модус, строго говоря, неверен. Его формула такова: $\neg(p \& q), \neg p \vdash q$. Заменяем в первой посылке $\neg(p \& q) = (\neg p \vee$

$\neg q)$, вводим обозначения $A := \neg p, B := \neg q$ и учтем, что $q = \neg \neg q$. Получаем неверный модус: $A \vee$

*$B, A \vdash \neg B$. Правильным будет *modus ponendo tollens* $A \vee$*

$B, A \vdash \neg B$, требующий исключаящей дизъюнкции. В примере Исидора исключаящая дизъюнкция между «день» и «ночь» случайным образом присутствует. Автором данной ошибки является Цицерон (или его источник), которого повторяют Марий Викторин и Марциан Капелла.

Читатель, вероятно, уже утомлен постоянным возвращением к теме определения (главы 25, 26 и здесь). Получается какая-то «логика определения» (самый термин принадлежит проф. А. Г. Погоняйло), и это очень удачное наблюдение. Философия, как ее определяет Аристотель, — это наука о началах сущего (знание дел человеческих и божеских отсюда уже само следует). Начала сущего, в терминологии античности и средних веков, это сущность (οὐσία substantia), то есть то, что отвечает на вопрос: «Что есть это?» (τὸ τί ἐστίν, quod quid sit), то, чем является данная вещь как именно эта вещь (τὸ τί ἦν εἶναι, quod quid erat esse). (Как удачно показал Арпе, это громоздкое аристотелевское словосочетание является субстантивацией обычного для греческого языка вопроса, например: τί ἦν τῷ ἀνθρώπῳ εἶναι; — «что такое для человека быть человеком?» См.: Arpe C. *Das ti ēn einai bei Aristoteles*. — Hamburg, 1938. В этом смысле перевод А. В. Кубицкого «суть бытия вещи» неудачен, так как наводит на посторонние размышления о наличии у вещи какого-то отличного от нее «бытия» и поиски сути этого странного бытия.) Поэтому, исследуя сам процесс определения вещи, ученый как раз и погружался в самую сердцевину философской работы. И такая логико-грамматическая философия не была следствием только «темных веков». Она вполне соответствовала духу как античной, так и средневековой философии. Даже ученейший неоплатоник Дамаский не мог ни на миг допустить, что действительная вещь есть вещь материальная из чувственно-воспринимаемого мира. Конечно, действительная вещь — это умопостигаемая сущность, расположенная в своей ячейке идеального миропорядка, тогда как материя и то, что из нее состоит, — в некотором отношении несущее. Правда, неоплатоники, следуя традициям платоновского «Кратила», отличали действительный предмет от его имени и речи о нем, тогда как для Исидора Севильского уже это различие слишком тонкое: но на то оно и начало латиноязычной философии — от времен Исидора до времен «утонченного доктора» Дунса Скота было еще далеко, но они оба принадлежали одной традиции. Сама по себе классификация определений у Исидора достаточно подробна, так как содержит 15 разновидностей, по большей части не совпадающих с современным делением, только само сущностное определение да «представление» соответствуют нашему определению через род и видовые отличия, а также операциональному определению соответственно. Любопытно, что в первом же параграфе определение называется делом конвенциональным, то есть, в понимании Исидора, реальные определения не отличались от номинальных. В этой главе для всех определений приводятся греческие названия, притом без ошибок, хотя латинские термины не всегда им адекватны.

Первый вид определений есть сущностное. Этому виду определения посвящена 25 глава.

Операциональное определение.

По-руски — синонимические.

См. тж. кн. I, гл. 31.

По-руски — метафорически.

Тринадцатый вид определения есть тот, который греки именуют κατά τὸ πρὸς τι. Это аристотелевская категория «отношение».

Κατὰ τὸν ὄρον — греч. «через предел (определение)».

Общее замечание к главе 30. Глава излагается по «Топике» Цицерона, которая существенным образом отличается от «Топики» Аристотеля, хотя о последней Исидор тоже знал, см. конец предыдущей главы. Для Цицерона топики были наукой, призванной помогать оратору, оптимизируя процесс доказательства в смысле поиска подходящих аргументов при построении речи. Тем самым из топики получалось искусство ораторской мнемотехники, соединенное со списком стратегии аргументации. Поэтому собственно аристотелевских топов мы здесь не найдем. Мы сомневались, как перевести название этой главы: «О топике» или «О “Топике”» (в смысле, «О “Топике” Аристотеля»), но остановились на первом варианте, так как, прежде всего, в самой главе нигде нет ссылок на книгу «Топики», ее переводчиков, структуру и т. д. Далее, само изложение материала строится не на аристотелевской «Топике». Наконец, глава начинается с определения топики как науки.

Топика есть наука изобретения доводов. Такая ясность — заслуга Цицерона, так как сам Аристотель столь сложно и долго рассуждает о предмете, задачах и содержании этой науки, что остается малопонятным; Цицерон же пишет: «Умение искусно рассуждать составляется из двух частей: искусства нахождения и искусства суждения, и создателем обеих был Аристотель. После него стоики усердно разрабатывали вторую часть, науку, называемую диалектикой, следуя, таким образом, по пути суждения. Искусством же нахождения, которое называют также топикой, они совершенно пренебрегли, хотя... использовать его приходится чаще» (Cic., Top., 6). Этот момент очень важен: сегодня мы знаем Аристотеля как создателя силлогистики, но его собственная оценка значимости этой науки была невелика. Сравнивая индукцию (получение новых истин) и дедукцию (силлогистические выводы из найденных истин), Аристотель пишет: «индукция есть нечто более убедительное и очевидное, более доступное для познания и более распространенное; однако силлогизм есть нечто более сильное и более действенное против спорщиков» (Arist., Top., I, 12: 105a 16—19). Находить новые истины и доказывать их, опровергая ошибочные мнения софистов, — вещи разные. Для Исидора также именно топика, а не силлогистика есть высшее достижение логики. Он дает ей эпитеты «обитель доводов», «источник смыслов» и «начало речений» (*argumentorum sedes, fontes sensuum et origines dictionum*). Любопытно, что во времена А. Арно и П. Николя про топикку думали прямо обратное (см. «Логику Пор-Рояля», ч. III, гл. 17). Итак, топика — наука о нахождении доводов, которые позволят делать правдо-подобное заключение. Доводы же ищутся из «общих мест», то есть положений, которые являются не безусловно истинными начальными посылками, но общепринятыми мнениями. «То, что риторика и логики называют общими местами (топами), суть некоторые основные положения, под которые можно подвести все доводы, какими пользуются при рассмотрении различных вопросов; и в том разделе логики, который посвящен нахождению (топике), они наставляют читателя именно в отношении этих общих мест». («Логику Пор-Рояля», ч. III, гл. 16). Однако Исидор, упрощая материал, классифицирует не топы, как Аристотель, а классы аксиом, то есть предложений, могущих служить аргументами, как Цицерон. Последний осуществлял такую подмену по идейным соображениям — для Цицерона топика была наукой, призванной помогать оратору, оптимизируя процесс доказательства в смысле поиска подходящих аргументов при построении речи. Тем самым из топикки получалось искусство ораторской мнемотехники, соединенное со списком стратегии аргументации. Это был так называемый «риторический подход» к топике. Любопытно, что Исидор не знал работ Боэция, касающихся топикки, в которых последний совмещал риторическую (цицеронову) и логическую (аристотелевско-фемистиеву) традиции учения о топике. В целом, это явный шаг назад по сравнению с Боэцием. Подробнее см. работу: Лисанюк Е. Н. Боэций о значении искусства топикки (на материале трактата «О различениях топов») // *Verbum*. Вып. 6. — СПб.: СПб-ское филос. общ-во, 2002.

«Консула, говорю, искал, которого в этом борове найти не мог». Имеется в виду, что весь довод построен на несоответствии человека смыслу слова «консул». Боровом здесь назван Л. Кальпурний Пизон Цезонин, консул 58 г.

Всего их числом четырнадцать. Исидор приводит всего 13. По всей видимости, он полагает первый вид доводов двухчастным и считает эти части отдельно. Производные доводы и доводы, пребывающие в том самом, о чем дело, могли также группироваться под названием внутренних по отношению к риторической мысли, противопоставляясь внешним, то есть свидетельствам.

Interceptio est amentium, haud amantium. Неперевоаемая по-русски игра слов amens (безумный) и amans (любящий). Это никакой не довод, а просто игра слов. Далеше Исидор будет говорить об изменении в окончании, правильное было бы — в корне слова.

Женщина — изменчивого и ненадежного рода. Тезис (Меркурия) «Дидона изменчива и ненадежна» доказывается ссылкой на род: «Дидона — женщина, а все женщины изменчивы и ненадежны».

Разве не так проник пастух фригийский к спартанцу. Тезис (Аматы) «Троянцы — лживые изменники» доказывается ссылкой на частный пример (вид): «Парис, проникший к Менелая, был лживый изменник».

«Ведь под Троей не раз оставались //Копья мои у аргивян в груди!» Тезис (Энея) «Я буду храбро сражаться с рутулами» доказывается ссылкой на аналогичную ситуацию с греками.

Не Диомеда коней, не упряжку Ахилла ты видишь... Тезис (Лигера) «Я тебя убью» доказывается тем, что он, Лигер, не Диомед и не Ахилл, которые Энея убить не смогли. Все кончилось, конечно, смертью Лигера, так как Эней использовал некорректный прием спора, так называемую «механическую уловку» (просто проткнул оппонента копьем).

Есть ли закон, чтоб корабль, рукой построенной смертной, //Жребий бессмертный обрел. Тезис (Юпитера) «Корабли троянцев не вечны» доказывается тем, что, если бы они были вечны, то это было бы нарушением рока. Этот довод практически не отличается от 3.9.

Чуждо насилie нам, и надменности нет в побежденных! Тезис (Илионей) «Троянцы пришли с миром» доказывается тем, что троянцы побеждены, следовательно, смиренны и унижены.

«Если он, не колебаясь, открыл то, что он думал, то можете ли вы сомневаться насчет того, что он сделал?» Тезис (Цицерона) «Клодий поехал убить Милона» доказывается тем, что он раньше сам говорил, что вскоре убьет его. Из этого следует, что он именно за этим и выехал из Рима.

Довод от противоречащего. Именно этот довод в большей степени соответствует современному доказательству от противного, чем то, что названо этим именем (довод 3.7).

«Он, следовательно, не только освободившись от таких опасностей, но и облеченный высшим званием, захотел убить тебя дома». Тезис (Цицерона) «Дейотар не хотел убить Цезаря» доказывается тем, что если бы хотел, то это вступило бы в противоречие с его счастливым освобождением от опасностей и с только что пожалованным ему царским титулом (Малой Армении). Дейотар, сражавшийся на стороне Помпея против Цезаря, но впоследствии помилованный Цезарем, был в 45 г. обвинен своим внуком в заговоре против Цезаря.

Рутулы мнят, что, тевкров изгнав, уж не встретят преграды // И Гесперийскую всю повергнув землю под иго... Тезис (Энея) «Царь Эвандр должен стать союзником троянцев» доказывається ссылкой на то, что произойдет, если рутулы победят, то есть на захват последними всей Италии.

Низких духом обличает трусость. Тезис (Дидоны) «Эней — сын богини» доказывается ссылкой на его храбрые поступки.

Если могла ты спасти от рук Ахейцев Энея, // Воздух пустой и туман под мечи вместо сына подставить... Тезис (Юноны) «Я имею право помогать италийцам» доказывается тем, что оппонент (Венера) помогает троянцам.

«Искусственные» — «*artis expertes*». Очевидная ошибка: ἀ= τεχνος — это как раз *безыскусственный, простой, грубый*.

Ci.: vera вместо vero.

Общее замечание к главе 31. Глава приписана позднее. Ее место — между 26 и 27-й главами. Вся она восходит к аристотелевским «Категориям» (гл. 10,11), «Метафизике» (V, 10; X, 3—6), а также отдельным упоминаниям в «Топике» (через Цицерона). Соответственно я придерживаюсь терминологии, принятой в переводах Э. Л. Радлова и А. В. Кубицкого (Аристотель. Сочинения: В 4-х т. — Тома 1 и 2. — М.: Мысль, 1976 и 1978). Был еще утраченный аристотелевский трактат «Перечень противоположностей», на который ссылается и сам Аристотель в «Метафизике» (напр., Arist., Met.: 1004b2), и комментаторы. По всей этой главе используются почти дословные цитаты из Аристотеля и его терминология в латинском варианте. Очевидная заслуга Викторина!

Противолежат именно через противоположность. Не следует путаться в терминах «противолежащее» (oppositum, ἀντικείμενον), «противоположное» (контрарное, contrarium, ἀντίον) и «противоречащее» (контрадикторное, contradictum, ἀντίφασις). По этому поводу см., например, Arist., Met., X, 4: 1055a38-b9. То есть противоположное отличается от противоречащего тем, что первое имеет нечто среднее, а второе — нет, а противолежащее является родовым понятием для первых двух (а также для лишенности и отношения). В случае с противолежащим греческая приставка ἀντι— понимается не в смысле противопоставления, а в смысле сопоставления. «Противолежащее» — это когда две вещи положены друг рядом с другом (их противопоставление не обязательно), например, когда мы говорим, что «два дома стоят друг напротив друга через улицу». Если русский предлог «напротив» еще имеет такое значение (сопоставления без противопоставления), то приставка «противо-» — уже нет, потому при переводе возникает маловразумительная тавтология. Возможно, лучше было бы вместо «противолежащее» говорить «сопоставленное».

Соотнесенное. У Аристотеля τὸ πρὸς τι. Философ объединял противоположное (δνανιον), противоречащее (δνι<ραν) и соотнесенное (τὸ πρὸς τι) родовым понятием «противолежащее» (ἀντικείμενον).

Третий род противоположащего — это обладание или лишенность (*habitus vel orbatio*). Этот род Цицерон называет «собственностью» (*privatium*). Скорее всего, не Цицерон, а Исидор здесь путается в терминах. «*Privatium*» — это как раз и есть лишенность, которую Цицерон называл так потому, что и сам Аристотель часто этот род противоположащего называет просто «лишенность» (*στέρεις*), например *Arist., Met., X, 4: 1055a38-b1; X, 7: 1057a33-b1*.

Он называется «полной противоположностью», так как третьего не принимает. Формулировка закона исключенного третьего в формулировке т. н. «принципа двойственности».

Μανθάνω — это по-гречески «учиться, узнавать, слышать». В дальнейшем за этим корнем все больше закрепляется значения не «учения» вообще, а учения о числах, количествах и величинах в частности. Поэтому у Платона и Аристотеля *μαθηματική* (подразумевается *τέχνη*) — «наука о величинах». Однако и старое значение сохранялось, то есть *μαθηματικός* могло означать просто «ученый».

Весь абзац дословно переписан из «Наставлений...» Кассиодора, кн. II, гл. «О математике», а тот воспроизводит рассуждения Боэция (Boet., Inst, arithm., 1,1). О первоочередности наук ср. Arist., An. post., I, 27: 87a.

Число. Греческая математика начала с наглядного представления о числе, то есть умственного образа некоторого количества, например счетных камушков (псефов). И впоследствии «число» для греков — всегда натуральное число. Остальные числа были для у них чем-то соотносительным: отрицательные числа они рассматривали как натуральные в позиции вычитаемого, а рациональные — как простую дробь двух натуральных (десятичные дроби в Европе были изобретены в XVI в. н. э.). Иррациональные числа представляли себе исключительно геометрически, например, как гипотенузы прямоугольных треугольников с соответствующими катетами.

Никомах из Герасы (перв. пол. II в. н. э.) — неопифагорейский философ и математик. Сохранились его работы «Введение в арифметику» и две книги «Теологуме нов арифметики», а также «Руководство по гармонике» (учебник пифагорейской теории музыки), «Введение в геометрию» (не сохранилась), «Жизнь Пифагора». «Теологумены...» были посвящены символике, мистике чисел и отчасти «философии числа»; в своих философских взглядах придерживался поздней платонической доктрины, а также некоторых идей Филолая из Кротона (V в.). «Введение в арифметику» было введением в пифагорейскую математику, извлеченную, в основном, из Евклида с привлечением сохранившихся работ Архита. Доказательств теорем не приводится, так как работа писалась для широкой публики. И хотя учебник апеллировал к достижениям науки 600-летней давности, он из-за своей простоты пользовался популярностью; свои комментарии к нему оставили неоплатоники Ямвлих Халкидский (кон. III в. н. э.) и Иоанн Филопон (VI в. н. э.). Переведено на латынь Апулеем (перевод не сохранился) и Боэцием.

Для Исидора практически единственным источником по данному титулу и началу следующего является трактат Аврелия Кассиодора (VI в. н. э.) «Наставления в науках божественных и светских» (кн. II, титул 4: De arithmetica), который делает кратчайшую выжимку из двух книг Боэция «О наставлении в арифметике» («De institutione arithmetica»), которые, в свою очередь, являются адаптированным переводом «Введения в арифметику» Никомаха. Этим и объясняется набор упоминаемых имен. Вообще математические науки не принадлежали к сфере интересов Исидора Севильского (в отличие от дисциплин «тривиума» и натурфилософии), поэтому он и опустился до почти дословного цитирования Кассиодора.

Это заявление — остаток пифагорейской и неопифагорейской онтологии. Дело в том, что пифагорейские (возможно) и неопифагорейские философы считали, что единица (монада) — бог и начало всех вещей в мире. Это как бы всеобъемлющее единство, целостность, определенность, посредством которой можно различить все вещи и все сосчитать. Двойка (диада) тоже не была числом и символизировала беспредельность, так как через две точки можно провести бесконечную прямую. Сама по себе беспредельность — это плохо, поскольку ее невозможно охватить мыслью. Первым числом была тройка (триада), как единство предела и беспредельности. По крайней мере, так мы сегодня пытаемся совместить рассказы о Филолае Кротонском (V в.), авторе пифагорейской «философии числа», будто он, с одной стороны, считал началом монаду (по Ямвлиху), а с другой стороны — предел и беспредельное (по Стобею, а также Аристотелю, если считать, что учение упомянутых у последнего «анонимных пифагорейцев» — это учение Филолая в части «философии числа»; см. Arist., Met., I, 5: 986a 13). Восстановить подлинную онтологию пифагорейских философов (самого Пифагора, Алкмеона, Филолая) достаточно сложно ввиду немногочисленности и противоречивости сохранившихся фрагментов, зато неопифагорейцы (Нумений, Модерат, Никомах) выражались более определенно. Например, Никомах пишет, что бог тождественен монаде, «ибо он является семенным началом всех вещей в природе, включающим в себя числа и потенциально охватывающим все вещи, которые проявляются как крайние противоположности», тогда как диаду он считал первичной неоформленной материей. Тут, конечно, чувствуется влияние и физики стоиков с их «семенными логосами». Мистика чисел встречается на латинском языке в комментарии неоплатоника Макробия на «Сон Сципиона». Разумеется, такова была позиция философов: профессиональные математики, не мудрствуя лукаво, полагали числами и единицу, и двойку.

Единица ведь получила имя от греческого языка. Количественные числительные до ста единообразны во всех индоевропейских языках, то есть происходят от общего праязыка. Для примера приведем числительные из санскрита: 1 — «э́ка», 2 — «д́ва», 3 — «т́ри», 4 — «чату́р», 5 — «па́нча», 6 — «шаш», 7 — «сапта́», 8 — «ашта́», 9 — «на́ва», 10 — «да́ща», 20 — «винчатí», 30 — «тринча́т», ..., 100 — «щата́», 200 — «две щате́». Некоторое время вызывал разноречивые мнения вопрос от том, какой согласный стоял в индоевропейском праязыке вначале числительных 4 и 5, если он смог превратиться и в губной «п», и в передненёбный аффрикат «ч», и в переднеязычный «т», и в заднеязычный «к». Сегодня полагают, что латынь дольше всех сохранила старое звучание этого согласного, который записывается как «к ъ

».

Тысяча, которую греки называют μυριάς. Исидор ошибается, по-гречески мириада — это 10 000.

Шестерка, совершенная в своих частях — так как $6 = 1 + 2 + 3$. О совершенных числах см. ниже гл. 5, §11 и примечание к нему.

Время возвращающегося года. Это эналлага: имеется в виду (постоянно) возвращающееся время года.

Эта теория принадлежит к самому древнему пласту пифагорейской арифметики, скорее всего, Пифагору лично, и к началу IV в. уже отошла на задний план, продолжая играть роль элементарного введения в арифметику для непрофессионалов (почему к теме четных и нечетных чисел так часто обращаются и Платон, и Аристотель). После трудов Евдокса Книдского (рубеж IV-III вв.) она стала уже некоторым математическим раритетом, не имеющим прямой связи с современной арифметикой.

2, 4, 8. В латинской редакции Лундсея римские цифры и словесно выраженные числительные употребляются без различия (в рукописях — то же самое, но в еще большей степени). Чтобы передать дух этой несогласованности, мы оставляем в переводе римские цифры такими, какими они являются в тексте. Кроме того, различия в правописании словесных числительных мы передаем так: латинские количественные числительные (*unum, duo, tres, quattuor* и т. д.) переводятся такими же русскими числительными (один, два, три, четыре и т. д.); порядковые числительные — как русские порядковые; числительные кратности (*singuli, bibi, terni, quaterni, quini* и т. д.) — как «по одному», «по два», «по три», «по четыре», «по пять» и т. д.; прилагательные кратности (*unitas, binarius, ternarius, quaternaries, quinarius, senarius* и т. д., — подразумевается *numerus*) переводятся как «единица», «двойка», «тройка», «четверка», «пятерка», «шестерка» и т. д., поскольку термины «двоичное», «троичное» [число] и т. п. сегодня используются для обозначения систем счисления; наречия кратности (*semel, bis, ter, quarter, quinquies* и т. д.) — как «один раз», «два раза», «три раза», «четыре раза» и т. д. Греческие термины, как обычно, оставляются по-гречески, а *unitas* переводится по-разному в зависимости от контекста.

Нечетные числа 3, 5, 7, 9 и прочие. Заметим, что единица (монада) считалась не нечетным числом, а четным и нечетным одновременно, так как породила оба вида числа (см. Alex. Aphrodis., Comm, in Met. I, 5: 985b23). То есть для нечетных чисел принималась формула $2n+1$, $n \in$

□

N.

Четно-четные числа — числа вида $2n$

, $n \in$

2^n

\in

N (степени двойки).

Четно-нечетные числа — числа вида $2(2n-1)$, $n \in \mathbb{N}$

(удвоенные нечетные числа).

Нечетно-четные числа — числа вида 2^k

$(2n+1) \cdot 2^k$, где $k, n \in$

$\mathbb{N}, k \geq$

2.

2^k

\in

\mathbb{N}

Измеряться каким-либо числом — иметь его своим делителем. То есть нечетно-нечетные числа — произведения нечетных чисел; их формула: $(2n+1)(2k+1)$, где $k, n \in \mathbb{N}$

N. Правда, Исидор свои примеры почему-то ограничивает квадратами нечетных чисел.

Простые числа — такие, которые не имеют никакого другого делителя, кроме одной целой. Мы бы сказали: «кроме единицы и самого себя». Кассиодор говорит: «которые измеряются одной единичной мерой (*sola monadica mensura*)», что и означает кратность себе и единице. Однако Исидор вводит здесь одно усложнение, так как полагает, что, например, $1/5$ есть делитель 5 (конечно, он имеет в виду $1/5$ от 5, то есть 1), $1/3$ — делитель 3 и т. д. По сегодняшним понятиям, 1 и 2 также относятся к простым числам. Теория простых чисел — один из самых увлекательных разделов арифметики. Ею занимались Евклид, доказывавший что таких чисел бесконечно много, Эратосфен, предложивший простой метод «отсеивания» составных чисел до любого наперед заданного («решето Эратосфена»), П. Ферма и М. Мерсенн, безуспешно искавшие формулу для простых чисел и исследовавшие некоторые разновидности этих чисел (например, простые числа Мерсенна вида 2^n

$$2^n$$

—1), Л. Эйлер, обобщивший всю теорию простых чисел. А. Лежандр, К. Гаусс, Л. Дирихле, Ж. Бертран, П. Л. Чебышев, Ж. Адамар и многие другие занимались вопросом о том, как простые числа распределяются среди натуральных чисел. Например, удалось показать, что $\pi(n) \approx$

$$\approx$$

$n/ln n$, где $\pi(n)$ — количество простых чисел, не превосходящих n . (См. Серпинский В. Что мы знаем и чего мы не знаем о простых числах. — М.: Физматгиз, 1963.)

И снова Исидор выражается менее ясно, чем Кассиодор, который правильно говорит, что составные числа — те, которые [нацело] делятся как на единицу (или себя), так и на другое число.

Средние числа — такие, которые, кажется, некоторым образом являются простыми и несоставными, а другим образом — составными. Имеются в виду простые дроби, которые могут быть и несокращаемыми и сокращаемыми. Несократимую же дробь пифагорейцы называли питменом (πιθμήν).

Совершенным называется число, равное сумме своих делителей, исключая его самого. Ниже Исидор перечисляет три первых совершенных числа — 6, 28 и 496. Четвертым будет 8218, а восьмое, например, имеет порядок 10^{24}

$$10^{24}$$

. Эмпирическую формулу для совершенных чисел вывел Евклид: $2^n (2^{n+1} - 1)$

$$2^n (2^{n+1} - 1)$$

, где $n \in$

$$\mathbb{N}$$

\mathbb{N} , но число $2^{n+1} - 1$

$$2^{n+1} - 1$$

должно быть простым (так называемое, простое число Мерсенна). То есть, например, для первых одиннадцати совершенных чисел $n = 2, 3, 5, 7, 13, 17, 19, 31, 61, 89, 127$. Впоследствии Л. Эйлер доказал, что этой формулой исчерпываются все четные совершенные числа. Однако, вопреки заявлению Исидора, вопрос о том, являются ли все совершенные числа четными, до сих пор открытый. В XX в. удалось доказать только то, что если нечетные совершенные числа и существуют, то они должны делиться по крайней мере на пять различных простых чисел и должны быть чрезвычайно большими, так как проверены все числа до 1050. Неизвестно даже, есть ли совершенным числам предел или их бесконечно много: сегодня известно более тридцати, и последнее имеет $n = 132050$. Раздел, посвященный этим числам, — один из интересных разделов арифметики.

Общее примечание к главе 5. О первом разделении чисел на четные и нечетные. К Пифагоровой теории четных и нечетных чисел относилось, по словам Ямвлиха (в которых в данном случае нет оснований сомневаться), также открытие так называемых «дружественных чисел», то есть таких, каждое из которых равно сумме делителей другого числа, например 220 и 284 или 2620 и 2924.

Число по отношению к другому. Заметим, что здесь и далее Исидор и его неопифагорейский источник допускают двусмысленность. Говоря об отношении двух чисел, он имеет в виду как собственно некое отношение, тип связи двух чисел (больше, меньше, равно, отношение двухкратности, отношение суперпартикулярности и т. п.), так и простую дробь (5/3, 3/5, 2/2, 2/1, 3/2 и т. п.), которая в нашем сегодняшнем понимании есть одно рациональное число (1,6(6); 0,6; 1; 2; 1,5 и т. п.). Исидор, равно как и ранние пифагорейцы, не различал этих ситуаций. Вообще учение о пропорциях разрабатывалось не в связи с арифметикой, а в связи с гармоникой, то есть в связи с поисками консонансов и диссонансов струн разной длины (октава — отношение 2/1, квинта — 3/2, кварта — 4/3, большая и малая терции — 5/4 и 6/5 соответственно) потому чаще встречается у теоретиков музыки, пифагорейских и других. Бозций данные определения отношений помещает как в свой музыкальный трактат, так и в арифметический. Исидор следует Флавию Кассиодору. Вся дальнейшая теория будет связана с анализом отношения чисел p и q , $p=pqt$, где $p, q, n \in$

$N, m \in$

☐

☐

Z при произвольном q и различных значениях параметров m и n . А именно: при $n=1, m=0$ — равенство, при $n=1, m \geq$

☐

1 (или $n \geq$

☐

2, $m > q(1-n)$ — p больше q , в частности для отношения p к q , при $n \geq$

☐

2, $m=0$ — многократность, при $n=1, m=1$ — суперпартикулярность, при $n=1, m \geq$

☐

2 — суперпартиентность, при $n \geq$

☐

2, $m=1$ — многократная суперпартикулярность, при $n \geq$

☐

2, $m \geq$

☐

2 — многократная суперпартиентность. Отношения меньше, подмножителя, субсуперпартикулярности, субсуперпартиентности, многократной субсуперпартикулярности и многократной субсуперпартиентности — это обратные предыдущим шести, то есть такие, в которых при тех же значениях параметров рассматривается не отношение p к q , а отношение q к p , где $p=pqt$. Данное исследование принадлежит поздним пифагорейским математикам, скорее всего, Архиту, хотя начальная часть этой теории (до суперпартикулярности включительно) восходит к Пифагору.

Число p называется суперпартикулярным по отношению к q , если $p=q1$, где $p, q \in$

\mathbb{E}

N . Соответственно отношение суперпартикулярности — это отношение вида $(q1)/q=1 \ 1/q$

$1^{1/q}$

. Для $q=1$ суперпартикулярность становится многократностью (двухкратностью). В этом и последующем определении под дополнительной «одной частью» будет иметься в виду $1/p$ -тая часть числа p , то есть просто единица, аналогично «две части» — двойка и т. д.

Число p называется суперpartiентным по отношению к q , если $p=qt$, где $p, q, t \in$

$$\mathbb{N}$$

$N, t \geq$

$$\mathbb{N}$$

2. Соответственно отношение суперpartiентности — это отношение вида $(qt)/q=1$
 t/q

$$1^{t/q}$$

. Для $t=kq, k \in$

$$\mathbb{N}$$

N суперpartiентность становится многократностью.

Число q называется субсуперпартитным по отношению к r , если $r=qt$, где $p, q, t \in$

\mathbb{N}

$N, t \geq$

\mathbb{N}

2. Соответственно отношение субсуперпартитности — это отношение вида $q/(qt)$. Для $t=kq, k \in$

\mathbb{N}

N субсуперпартитное число становится подмножителем.

Число q называется субсуперпартикулярным по отношению к p , если $p=q1$, где $p, q \in$

\mathbb{N}

\mathbb{N} . Соответственно отношение субсуперпартикулярности — это отношение вида $q/(q1)$. Для $q=1$ субсуперпартикулярное число становится подмножителем (половиною).

Число p называется многократно суперпартикулярным по отношению к q , если $p=nq^l$, где $p, q, n \in$

$$\mathbb{N}$$

$N, n \geq$

$$\mathbb{N}$$

2. Соответственно отношение многократной суперпартикулярности — это отношение вида $(nq^l)/q=n^{1/q}$

$$n^{1/q}$$

.

Число q называется многократно субсуперпартикулярным по отношению к r , если $r = nq1$, где $p, q, n \in$

$$\mathbb{N}$$

$N, n \geq$

$$\mathbb{N}$$

2. Соответственно отношение многократной субсуперпартикулярности — это отношение вида $q/(nq1)$.

Число p называется многократно суперпартиентным по отношению к q , если $p = nqt$, где $p, q, n, t \in \mathbb{N}$

$N, n \geq 2$

$2, t \geq 2$

2. Соответственно отношение многократной суперпартиентности — это отношение вида $(nqt)/q = nt/q$

. Для $t = kq, k \in \mathbb{N}$

N многократная суперпартиентность становится многократностью. Для $t = kq + 1, k \in \mathbb{N}$

N многократная суперпартиентность становится многократной суперпартикулярностью. Если снять условие $n \geq 2$,

2 , то многократная суперпартиентность становится простою суперпартиентностью. Если снять условия $n \geq 2$,

$2, t \geq 2$

2 , то многократная суперпартиентность становится простою суперпартикулярностью.

Число q называется многократно субсуперпартиентным по отношению к r , если $r = nqt$, где $p, q, n, t \in$

$$\mathbb{N}$$

$N, n \geq$

$$\mathbb{N}$$

$2, t \geq$

$$t \geq$$

2. Соответственно отношение многократной субсуперпартиентности — это отношение вида $q/(nqt)$. Для $t=kq, k \in$

$$\mathbb{N}$$

N многократно субсуперпартиентное число становится подмножителем. Для $t=kq, k \in$

$$\mathbb{N}$$

N многократная субсуперпартиентность становится многократной субсуперпартикулярностью. Если снять условие $n \geq$

$$\mathbb{N}$$

2 , то многократная субсуперпартиентность становится простою субсуперпартиентностью. Если снять условия $n \geq$

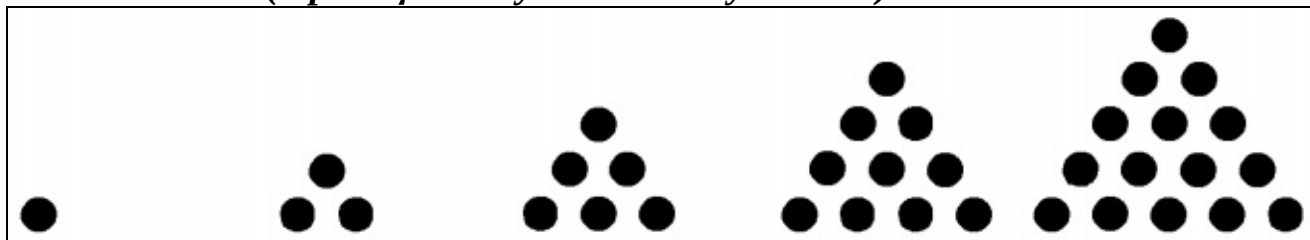
$$\mathbb{N}$$

$2, t \geq$

$$\mathbb{N}$$

2 , то многократная субсуперпартиентность становится простою субсуперпартикулярностью.

Линейные, плоскостные и объемные числа. Теория фигурных (геометрических) чисел также восходит к раннепифагорейской традиции. Считая числа при помощи камешков-псефов, математики обращали внимание на те случаи, когда эти камешки можно было сложить в виде правильной фигуры. Кроме пифагорейцев, трактаты «О многоугольных числах» оставили Гипсикл (II в.) и Диофант (II в. н. э.), причем часть сочинения последнего сохранилась. Из математиков более поздних времен, этими числами увлекались П. Ферма и Б. Паскаль. Наиболее известными были треугольные, квадратные, пятиугольные, пирамидальные и кубические числа. N-е треугольное число, как легко заметить, представляет собою сумму чисел арифметической прогрессии, у которой первый член — единица и разность также единица, поэтому его формула проста: $n(n+1)/2$. Если обобщать на общий случай арифметической прогрессии, то следовало бы говорить о трапециевидных числах (трапеция получится косоугольной).

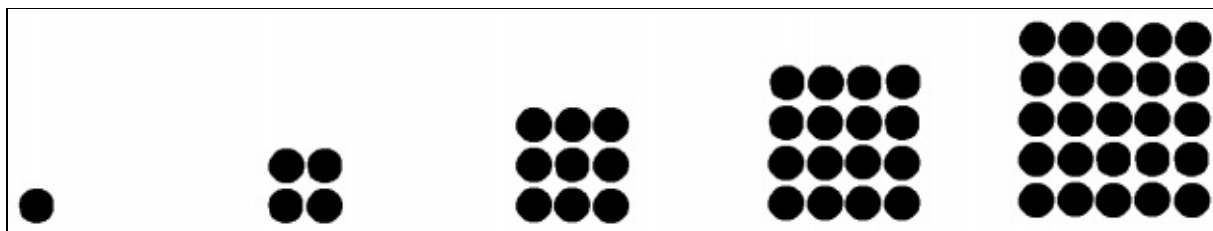
Квадратные и кубические числа — очевидно просто квадраты и кубы натуральных чисел; их формулы для n-го числа соответственно: n^2

$$n^2$$

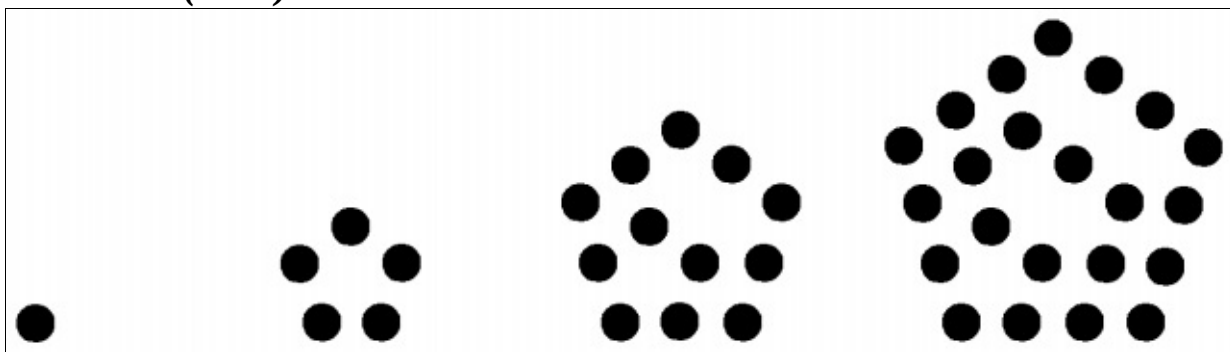
и n^3

$$n^3$$

:

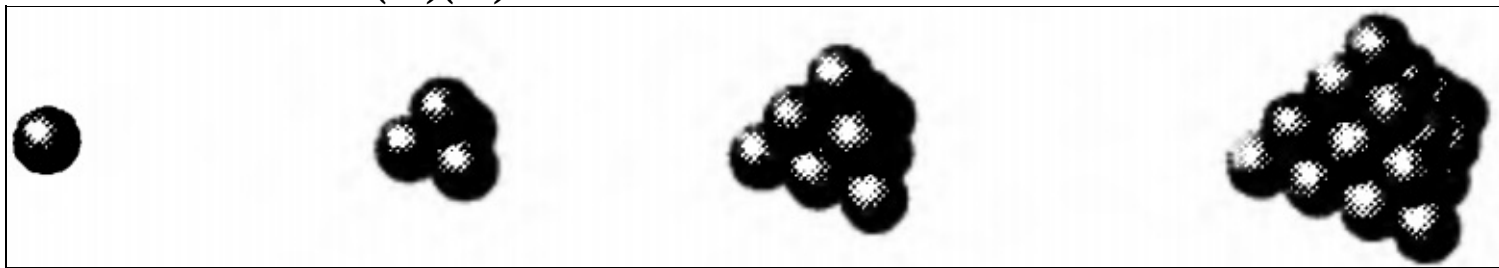

Пятиугольные числа немного сложнее. Чтобы посчитать n-е пятиугольное число, его надо разбить на два треугольных, после чего останется еще л точек с краю. Формула получается такая: $n^2(n+1)/2$.

Подобным образом можно образовывать любые многоугольные числа. Формула для n-го k-угольного числа такова: $n(n-1)(k-2)/2$. Иногда выделяют еще прямоугольные числа, то есть составные, поскольку любое составное число можно, очевидно, выложить в виде прямоугольника со сторонами больше единицы. N-е пирамидальное число, как нетрудно

заметить, равно сумме всех треугольных чисел от первого до n -го. Формула для вычисления такого числа имеет вид: $n(n+1)(n+2)/6$.

Непрерывное число — это когда число понимают как единицу длины.

Квадратные числа оказываются весьма интересными, так как при исследовании их свойств, вероятно, пифагорейцами был получен метод определения «Пифагоровых» или «вавилонских» чисел — целочисленных длин катетов и гипотенузы любого прямоугольного треугольника, то есть решению в целых числах уравнения $X^2 + Y^2 = Z^2$

Y^2

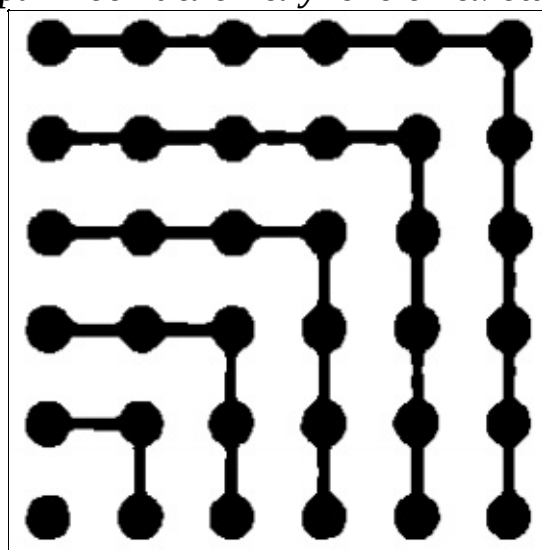
$= Z^2$

X^2

Y^2

Z^2

. Дело в том, что переход от одного квадратного числа к другому осуществлялся с помощью гномона — наращивания в виде уголка чисел-псефов с двух сторон квадрата. Например, нижеследующее квадратное число получено с помощью пяти гномонов:

Ставится задача: если гномон — квадратное число, то какому правилу должно отвечать квадратное число, полученное с его помощью, ведь тогда получится, что квадратное число плюс квадратное число дает квадратное число. Легко заметить, что, если X — квадратный гномон, то предыдущее квадратное число — $(X - 1)^2$, а последующее — $(X + 1)^2$

X^2

$(X - 1)^2$, а последующее — $(X + 1)^2$

X^2

$(X + 1)^2$ (поскольку гномон всегда равен $2Y + 1$, где Y — сторона предыдущего квадрата), где X — нечетное число. Правда, такое решение является частным случаем общей формулы Пифагоровых троек, так как в нем есть дополнительное условие: $Z = Y + 1$, то есть чтобы катет и гипотенуза были бы двумя соседними квадратными числами. Общее решение см., например, в «Началах» Евклида, кн. X, предл. 29, или в «Арифметике» Диофанта, кн. II, задача 8 (та самая, к которой П. Ферма сделал свое знаменитое замечание на полях).

Циклические и сферические числа (см. ниже) имеют не столько геометрическую, сколько арифметическую интерпретацию: это степени чисел 5 и 6, которые, как известно, кончатся всегда также на 5 и 6, то есть «возвращаются к себе», говоря словами Кассиодора и Исидора, — и в этом смысле они подобны кругам. Иначе говоря, циклическое число — такое, квадрат которого оканчивается на те же цифры, из которых состоит оно само (например, 25 и $25 \times 25 = 625$), а сферическое число — такое, квадрат и куб которого оканчивается на те же цифры, из которых состоит оно само (например, 6, $6 \times 6 = 36$ и $6 \times 6 \times 6 = 216$).

Пирамида — поднимающееся пламя. Имеется в виду греческая этимология слова «пирамида» от πῦρ (огонь, пламя).

Глава 8. О различии арифметики, геометрии и музыки. Название главы крайне неудачно: ее следовало бы озаглавить «О различии среднего арифметического, среднего геометрического и среднего гармонического», ибо речь пойдет именно об этих трех средних. Кстати, все три пропорции, по вполне достоверному преданию, были известны опять-таки самому Пифагору, причем Ямвлих приписывает ему также изобретение «музыкальной пропорции» (см. ниже). Наш автор ничего не пишет о знаменитом неравенстве средних: $c_h \leq c_g \leq c_m$

$$c_h \leq c_g \leq c_m$$

, хотя оно было хорошо известно древним, так как очевидно вытекало из геометрического построения всех трех средних величин (см., например в «Математическом собрании» Паппа Александрийского).

В арифметике среднее ты ищешь так. Речь о среднем арифметическом двух чисел a и b — числе c

$c = (a+b)/2$. Обобщенно — средним арифметическим n положительных чисел a_1

, a_2

, ..., a_n

называется число c

$c = (a_1 +$

$a_2 +$

$\dots + a_n$

$)/n$. Оно потому называется арифметическим, что если не искать среднего между четным и нечетным числом (чего делать не рекомендовалось), такая операция не выводит за пределы множества натуральных чисел (объекта арифметики).

При помощи же геометрии так ищешь среднее. Среднее геометрическое двух чисел a и b — это число $c_g = \sqrt{ab}$

$$c_g = \sqrt{ab}$$

. В общем случае — средним геометрическим n положительных чисел a_1

$$a_1$$

, a_2

$$a_2$$

, ..., a_n

$$a_n$$

называется число $c_k = \sqrt[n]{a_1 a_2 \dots a_n}$

$$c_k = \sqrt[n]{a_1 a_2 \dots a_n}$$

Для 6 и 9 среднее геометрическое — иррациональное число $\sqrt{72}$

$$\sqrt{72}$$

$\approx 8,4853\dots$ Исидор знает иррациональные числа только как геометрические фигуры (см. главу 11, §3), поэтому средних геометрических у него не одно, а два. То есть ищутся два наиболее близких по величине делителя числа ab : в данном случае 8 и 9. Два средних геометрических — это результат позднейшей арифметизации математики. Во времена Евклида среднее геометрическое было одним числом, представляемым в виде отрезка на специальном чертеже.

Исидор пишет: «quot media duplicata» — «дважды умноженные средние»

При помощи музыки так... Среднее гармоническое двух чисел a и b — это число c_h

$c_h = 2ab/(a+b)$. В общем случае — средним гармоническим n положительных чисел a_1

, a_2

, ..., a_n

называется число $c_h = n / (\frac{1}{a_1} + \frac{1}{a_2} + \dots + \frac{1}{a_n})$

$$c_h = n / (\frac{1}{a_1} + \frac{1}{a_2} + \dots + \frac{1}{a_n})$$

. Исидор определяет среднее гармоническое через пропорцию: $(c_h$

$-a):a=(b-c_h$

$):b$. Пример Исидора также звучит темно: «*Utputa VI et VIII; duabus partibus superant, quae duae partes tertia media, octo, superatur ab ultima nona*». Мы предлагаем такую реконструкцию: 4...*quae duae partes [duodenarii sunt] tertia media, [id est] octo, [quae (media)] superatur ab ultima nona*», полагая, что под «третьим средним» имеется в виду среднее гармоническое, третье после арифметического и геометрического. Кроме того, девятка могла возникнуть еще и в связи с «музыкальной пропорцией»: $äc_h$

$=c_m$

$:b$, то есть $6:8=9:12$. Вычисления здесь могли быть такими: $8-6=2=6 \times 2/6$; $12-9=3=9 \times 2/6$. Если бы в конце стояло не 9, а 12, то перевод был бы проще: «[восемь] превосходит [шесть] на две [шестых] части, и на эти же две [шестых] части [от 12], треть, восьмерка превосходится крайними 12-ю. (См. также гл. 23.)

Сложно сказать, кому из математиков первому пришла в голову эта мысль (Архимед приписывает ее Евдоксу), но ее блестящее изложение читатель может найти в «Псаммите» Архимеда (см. Архимед. Сочинения / Пер. и комм. И. Н. Веселовского. — М., Физматгиз, 1962).

...Каковы суть у Платона числом пять. Исидор, очевидно, путает пять правильных многогранников, о которых говорит Платон в «Тимее» (Plat., Tim., 53c-55c), с пятью видами плоских фигур (см. ниже, гл. 12, §§1—2).

Телесные фигуры — это те, которые содержатся в длине, ширине и высоте. На данном месте у Кассиодора кончается содержательная часть (Cass., Inst., II, 6), поэтому все дальнейшее взято Исидором из другого, неизвестного нам, источника. По всей вероятности, им был утраченный еще в раннем средневековье трактат Боэция о геометрии. Впоследствии под его именем ходили два геометрических трактата, пятикнижный и двухкнижный, но оба подложные. Правда, можно предположить, что оригинальный текст Боэция вошел частично и в тот и в другой.

Телесные фигуры... разновидностей коих на плоскости пять. (Figurae solidae sunt, quae longitudine, latitudine et altitudine continentur, ut est cubus, cuius species quinque in piano.) Место, испорченное в рукописи. Вся фраза, начиная с «Figurae solidae...» (Телесные фигуры...), помещена в начало главы 12, но определение объемных фигур явно должно относиться к главе II. Непонятно, хочет ли Исидор сказать здесь, что существует пять твердых (solidae) фигур на плоскости, или, завершив определение объемных фигур и проиллюстрировав это определение кубом, он желает теперь перейти к детальному рассмотрению плоских фигур, упомянутых в гл. 11, §2. Второе вероятнее, поэтому мы предлагаем читателю вариант, в котором заголовок главы 12 разбивает предложение так, что «cuius species...» (разновидностей коих...) относится к геометрическим фигурам вообще.

В тексте издания Линдсея рисунки отсутствуют, в рукописи — тоже, хотя для них оставлено много пустого места. Поэтому рисунки приведены по изданию Ф. Арвалло, который пишет, что нашел их в первом издании «Этимологий» (без года и места издания). Нужно иметь в виду, что рис. 4—5 изображают треугольники очень неточно: из них первый должен быть прямоугольным, а второй — равносторонним. Мы оставляем все как есть, включая грамматические ошибки, чтобы показать, с какими трудностями реально сталкивался при чтении Исидора средневековый читатель.

Четырехсторонняя фигура — это квадрат. Здесь Исидор смешивает род геометрической фигуры, а именно четырехугольник, с ее частным случаем — квадратом.

Διὰ ἀριθμητικῶν γραμμῶν — досл. греч. «между поставленными чертами». Сегодня мы знаем минимум шесть видов четырехугольников: правильный четырехугольник (квадрат), ромб, прямоугольник, параллелограмм, трапецию и неправильный четырехугольник; Исидор знал два, причем уже невозможно понять, где он усматривал различия между «четырёхсторонней фигурой» и «фигурой διὰ ἀριθμητικῶν γραμμῶν». Нелепое пояснение, что «четырёхсторонняя фигура» есть квадратная и позднейший рисунок, изображающий «фигуру διὰ ἀριθμητικῶν γραμμῶν» в виде прямоугольника, только ухудшают ясность. Может быть, имелось в виду, напротив, что «квадрат — это четырёхсторонняя фигура», а «фигура διὰ ἀριθμητικῶν γραμμῶν» — прямоугольник или параллелограмм, или трапеция, а может быть, Исидор просто не понимал, что писал. Арвалло даёт конъектуру *dia catheton grammon* («между косых черт»), то есть это та же трапеция.

Греч.: ορθόγωνιον (подразумевается τρίγωνον — треугольник). Кажется, Исидор смешивает прямой угол и прямоугольный треугольник, делая ту же ошибку, что и с четырехугольником.

Ἰσόπλευρον (подразумевается *τρίγωνον*) — греч. «равносторонний треугольник». Текст Исидора не вполне ясен: *Isopleuros figura plana, recta et subter constituta*. Вероятно, «*subter constituta*» — это ссылка на рисунок, который должен был в рукописи следовать ниже.

Куб — это собственно телесная фигура, которая содержится в длине, ширине и высоте. Такое определение, конечно, не дает возможность отличить куб от прочих тел. Для примера приведем определение Евклида: «Куб — это объемная фигура, состоящая из шести равных квадратов» (Eucl., Elem., XIII, 25).

Цилиндр — это квадратная фигура, имеющая сверху полукруг. Откуда Исидор взял это невероятное определение или как он сам до него дошел, остается тайной. Возможно, это описание двухмерного изображения цилиндра (см. рис. 8). Евклид определяет цилиндр как фигуру вращения: «Когда одна из сторон... прямоугольного параллелограмма остается на месте, а сам параллелограмм поворачивается вокруг и возвращается в положение, откуда его начали двигать, получается фигура цилиндр» (Eucl., Elem., XI, 21).

Конус — это фигура, которая сужается от широкого основания, как прямоугольный треугольник. Ср. определение Евклида: «Когда одна из сторон, находящихся у прямого угла в прямоугольном треугольнике, остается на месте, а сам треугольник поворачивается вокруг и возвращается в положение, откуда его начали двигать, получается фигура конус» (Eucl., Elem., XIII, 18). «Определение» Исидора, возможно, просто описывает двухмерное изображение конуса.

Пирамида — это фигура, которая остро сходится от широкого основания. У Евклида: «Пирамида — это фигура, состоящая из плоских фигур, строящихся на одной плоской фигуре и сходящихся в точку» (Eucl., Elem., XIII, 12). Пирамида, конечно, не обязана иметь непременно острый угол при вершине, если только «острым» у Исидора не считается всякий угол. Но есть вероятность, что здесь под пирамидой имеется в виду тетраэдр, поскольку в V в. именно так он и назывался, а термин «тетраэдр» был придуман Героном, то есть спустя целых 400 лет после открытия самого этого правильного многогранника; сведения Исидора так или иначе восходят к Никомаху, а неопифагорейцы известны нарочитой архаизацией терминологии.

Ci. intra em. infra.

Любое число есть в 10. Это заявление объясняется отчасти употребляющейся у греков системой счисления, в которой числа до 10 включительно записывались одним знаком («цифрой»), а с 11 — двумя и более знаками (исключая кратные 10, 100, 1000), отчасти пифагорейскими источниками Исидора. Действительно, у пифагорейцев 10 было «совершенным числом», причем Никомах в «Теологуменах арифметики» (Nic., Theol. ar., 82, 10) приводит обширную цитату из популярной книжки платоника Спевсиппа «О пифагорейских числах» (переложение Филолая), вторая часть которой была посвящена различным уникальным свойствам десятки.

Внутри этого круга содержатся контуры всех фигур. Напомним, сегодня мы говорим, что описать окружность (сферу) вокруг какой-либо фигуры, означает найти такую окружность (сферу), на которой лежали бы все углы данной фигуры. Также это понимали и греки. Заметим, что вокруг всех вышеназванных плоских фигур могут быть описаны окружности, если под четырехугольником понимать прямоугольник. Для объемных тел, однако, следовало бы сказать «сфера», причем не вокруг всех пирамид и конусов можно описать сферы, и для конуса вписание в сферу имеет иной смысл. Правда, у нас нет уверенности, что Исидор понимал это именно так. Возможно, он просто имел в виду, что любую фигуру можно заключить в окружность (сферу) достаточно большого радиуса.

Границы поверхностей — это линии, очертания которых потому не были установлены среди десяти вышеназванных фигур, что они находятся среди них. (Superficiei vero fines lineae sunt, quorum formae ideo in superioribus decern figuris positae non sunt, quia inter eas inveniuntur.) Место неясное. То ли эти контуры не были упомянуты, потому что они вписываются в окружность («содержатся внутри круга»), как было сказано чуть выше, то ли имеется в виду, что границы фигур содержатся в самих фигурах, как, скажем, окружность — в круге, и поэтому о них нет смысла говорить отдельно. Второе вероятнее.

При помощи же геометрии так ищешь среднее число. См. примечание к гл. 8, §2. Оно называется геометрическим потому, что дает, главным образом, иррациональные числа, которые могли изучаться только в геометрическом представлении.

Общее замечание к Главе 14. Вся эта глава помечена у Линдсея как позднейшая вставка. В самом деле, она выглядит как отдельные комментарии, прежде бывшие на полях и перенесенные в конец титула. Первая часть главы, §§1—2, присутствует в Поблетской рукописи — она посвящена значению фигур в астрологии, поэтому мы позволили употребить здесь несколько современных астрологических терминов (Ср.: Ptol., Tetr., I, 13—16). Вторая часть, §§3—5, касается космического семичлена (см. ниже), однако в середине помещены два не связанных с этой темой фрагмента о совершенстве числа биотом, что $9 \times 6 = 54$. Конец текста испорчен.

Объем, то есть тело, больше чего открыть невозможно. То есть невозможно представить себе что-то имеющее большую размерность, чем 3. Четырехмерной (и вообще l -мерной) геометрией математики занялись только в XIX в.

Здесь таким образом находятся два куба, то есть два тела. Непонятно, о чем речь. Во всяком случае, ничего из сказанного выше не имеет отношения к классической задаче удвоения куба. Сама задача была решена Менэхмом (сер. IV в.).

См. гл. 5, §11 и примечание к этому месту.

Inter primum in ordine, id est X, qui propter primum perfectum numerum cum primo versu multiplicans sexies noveni, LIV; novies seni, LIV. В этом месте, очевидно, лакуна и вообще текст испорчен. Предположительно, его можно восстановить так: «Между первым по порядку числом (8) и 10 есть число, то есть 9, которое...».

То, что материя имеет такое количество частей, познается по справедливости двумя [пропорциями?], из которых она имеет одну в таком порядке: 1,2,3, 4,9, 8, и вместе с ними 27. Весь этот чрезвычайно темный фрагмент восходит к Филолаю и его сочинению «О ритмах и мерах» то ли через «Гармонику» Никомаха и «Наставление в музыке» Боэция (Boet., Inst. mus., III, 5—8), то ли через «Тимей» Платона (Plat., Tim., 35b-36b) и перевод Халкидия (см. также комментарии А. А. Тахо-Годи к этому месту «Тимея»). То есть имеется в виду, что материя космоса (у Платона — душа космоса) устроена по принципу пифагорейской, в частности филолаевской, музыкальной гармонии. Кроме того, космический семичлен (1, 2, 3, 4, 8, 9, 27) соотносился со светилами (Луна, Солнце, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн соответственно), что отчасти оправдывает помещение этого фрагмента в данную главу, поскольку она начинается с мысли, что светила придают иной смысл геометрическим фигурам и числам.

Музы же названы ἀριθμοὶ τῶν μάσαι. Конъектура Арвалло: μῶσθαι со ссылкой на платоновского «Кратила»: 4Музы и вообще мусические искусства названы... от страстного стремления (μῶσθαι) к философской мудрости» (Plat., Crat., 406a). Однако перевод Исидора отвечает именно глаголу μάσαι.

Звуки.. не могут быть записаны. Система нотации во времена античности существовала, и Исидор, конечно, об этом знал. Его замечание касается отсутствия звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры. В наиболее совершенной форме система греческой нотации описана у Гауденция («Введение в гармонику», III в. н. э.); она воспроизведена у Бозция в 4-й книге его музыкального трактата. Нотация была буквенной, то есть каждой струне двухоктавного диапазона в каждом из ладов присваивались обозначения (частично перекрывавшиеся), заимствованные из греческого и финикийского языков или придуманные специально. Метрические характеристики мелодии практически не отмечались, так как они были связаны с размером стихов, которые при этом напевались: трохеем, ямбом, дактилем и т. д. (см. кн. I, гл. 17). Уже после Исидора, в XIII в. н. э., появились знаки так называемой «мензуральной нотации», а с XVI в. для записи музыки употребляются привычные нам ноты.

Ci.: Iubal ем. Tubal

Пифагор изобрел начала этого искусства от звона молотков и бряцания на вытянутых струнах. Виновником этой легенды был Никомах из Герасы, который написал, будто Пифагор, проходя мимо кузницы, услышал звуки молотков и распознал в них октаву, кварту и квинту. Придя домой, он будто бы провел серию экспериментов с молотками, установил, что разница в тонах зависит от веса молотка, затем прикрепил к четырем струнам грузы, пропорциональные этим весам, и получил эти октаву, кварту и квинту. Этот псевдоэксперимент был опровергнут в XVI в., и, как остроумно заметил Й. Расмед, своим возникновением он обязан ошибке автора или переписчика того источника, которым пользовался Никомах: вместо асратра (металлический шар или диск, с которым действительно иногда экспериментировали пифагорейцы) было написано асрира (молоток). Остальные детали легенды домыслил сам Никомах. Правильное описание этого опыта дает Птолемей.

Лин, Зет и Амфион — мифические персонажи. Амфион, сын Зевса и Антиопы, увлеченно занимался музыкой, и под звуки его кифары сами укладывались камни стен города Фивы (Зет, его брат, был охотником). Лин, сын Гермеса и музы Урании, был поэтом, автором космогонии, по Диодору, — изобретателем ритма и мелодии (Diod. Sic., III, 67,1—4).

Глава 18. О трех частях музыки. Эта глава целиком взята из Кассиодора (Cass., Inst., II, 5, 5). В предыдущих главах также несколько фраз заимствованы из того же 5-го титула II книги «Установлений...». Однако дальше Кассиодор уходит, в основном, в математическую теорию консонансов и ладов, а Исидор, хотя и основывается на том же источнике, то есть трактате Бозция, после изложения консонансов, предпочитает практическую часть — рассуждение о хореографии и различных музыкальных инструментах. Этим и объясняется тот факт, что дальше будет предложено тоже трехчастное, но несколько иное деление музыки.

Проще говоря, гармоника — это хореография, органика — наука о духовых инструментах, а ритмика — об ударных. Любопытно, что струнные щипковые инструменты (лира, кифара, форминга) помещаются в ту же группу, что и ударные (кимвалы, тимпаны).

Ci.: Cantorum em. canorum

Голос есть воздух, колеблемый дыханием, от чего и наречены глаголы. См. кн. I, гл. 9, §1, и примечание к этому месту. Вообще звук в древности считался совокупностью следующих друг за другом «толчков» воздуха, при этом предполагалось, что, чем звук выше, тем он распространяется быстрее. Например, так полагал Архум (Porph., In Ptolem. Harm., 56During).

Созвучия. Они делятся на консонансы (созвучия в узком смысле) и диссонансы (диафонии). Явление консонанса проще всего пояснить с помощью струны. Дело в том, что при звучании струн, кроме основного тона, соответствующего их длине, всегда имеются более высокие и постепенно уменьшающиеся по амплитуде тоны, кратные двум, трем и т. д. основным тонам (их называют обертонами). Причем звучание основного тона с обертонами именуется тембром. Для примера рассмотрим две струны, основные частоты которых 200 Гц и 400 Гц, то есть их отношение составляет октаву. Предположим, что вместе с основными звучат еще пять обертонов. Это значит, что первая струна будет издавать звуки на частотах 200, 400, 600, 800, 1000, 1200 Гц, а вторая — 400, 800, 1200, 1600, 2000, 2400 Гц. Видно, что при их совместном звучании есть три совпадающих тона — 400, 800 и 1200 Гц. Это звучит приятно и согласованно. Предположим, что вторая струна была расстроена и ее основной тон составляет 410 Гц. Это значит, что она будет издавать звуки на частотах 410, 820, 1230, 1640, 2050 и 2460 Гц. При одновременном звучании с первой струной появятся близкие тона 400 и 410 Гц, 800 и 820 Гц, 1200 и 1230 Гц. Как это будет звучать? Плохо, и вот почему. Звук есть гармоническое продольное колебание воздуха, и описывается формулой $s(t) = A \sin \omega t$

$$s(t) = A \sin \omega t$$

. Следовательно, сумма двух колебаний s_1

$$s_1$$

, и s_2

$$s_2$$

с одной амплитудой будет иметь вид $s(t) = s_1(t) + s_2(t) = A \sin \omega_1 t + A \sin \omega_2 t =$

$$s(t) = s_1(t) + s_2(t) = A \sin \omega_1 t + A \sin \omega_2 t =$$

$= 2A \sin \frac{\omega_1 + \omega_2}{2} t \cos \frac{\omega_1 - \omega_2}{2} t.$

$$= 2A \sin \frac{\omega_1 + \omega_2}{2} t \cos \frac{\omega_1 - \omega_2}{2} t.$$

При $\omega_1 \approx \omega_2$

$$\omega_1 \approx \omega_2$$

это будет похоже на один звук с частотой $(\omega_1 + \omega_2)/2$, который будет иметь периодически — с частотой $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — изменяющуюся амплитуду. Такие колебания называются биениями, а $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — частотой биения. Слышится это как своеобразное завывание, которое особенно нестерпимо при частоте биения 33 Гц и исчезает примерно при 130 Гц. Так возникает диссонанс. Древние, конечно, не знали этой теории, но они прекрасно слышали диссонансы и экспериментально искали и находили такие интервалы тонов, которые давали наилучшие консонансы. Диатоническая гамма — первая и простейшая из таких находок.

$$(\omega_1 + \omega_2)/2$$

), который будет иметь периодически — с частотой $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — изменяющуюся амплитуду. Такие колебания называются биениями, а $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — частотой биения. Слышится это как своеобразное завывание, которое особенно нестерпимо при частоте биения 33 Гц и исчезает примерно при 130 Гц. Так возникает диссонанс. Древние, конечно, не знали этой теории, но они прекрасно слышали диссонансы и экспериментально искали и находили такие интервалы тонов, которые давали наилучшие консонансы. Диатоническая гамма — первая и простейшая из таких находок.

$$(\omega_1 - \omega_2)/2$$

), который будет иметь периодически — с частотой $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — изменяющуюся амплитуду. Такие колебания называются биениями, а $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — частотой биения. Слышится это как своеобразное завывание, которое особенно нестерпимо при частоте биения 33 Гц и исчезает примерно при 130 Гц. Так возникает диссонанс. Древние, конечно, не знали этой теории, но они прекрасно слышали диссонансы и экспериментально искали и находили такие интервалы тонов, которые давали наилучшие консонансы. Диатоническая гамма — первая и простейшая из таких находок.

$$(\omega_1 - \omega_2)/2$$

), который будет иметь периодически — с частотой $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — изменяющуюся амплитуду. Такие колебания называются биениями, а $(\omega_1 - \omega_2)/2$ — частотой биения. Слышится это как своеобразное завывание, которое особенно нестерпимо при частоте биения 33 Гц и исчезает примерно при 130 Гц. Так возникает диссонанс. Древние, конечно, не знали этой теории, но они прекрасно слышали диссонансы и экспериментально искали и находили такие интервалы тонов, которые давали наилучшие консонансы. Диатоническая гамма — первая и простейшая из таких находок.

Μέλος — греч., напев, мелодия. Мед по-гречески звучит примерно также — μέλι.

Диез. У пифагорейцев (Филолая) диезом назывался меньший полутон, так как большой полный тон, то есть разница квинты и кварты ($3/2:4/3=9/8$), делился на меньший полутон ($256/243$) и больший полутон, апотомэ, ($2187/2048$). Причем это деление было обусловлено тем, что один тон не делится на два равных полтона (невозможно найти рациональное число, квадрат которого давал бы $9/8$). Зато оно удобно тем, что диез является интервалом, на который кварта превосходит два тона ($4/3:(9/8 \times 9/8)=256/243$), а квинта — три тона ($3/2:(9/8 \times 9/8 \times 9/8)=256/243$). Обычно диез вычитали из тона, а апотомэ прибавляли к нему. Поскольку очевидно, что октава состоит из квинты и кварты: $2/1=3/2 \times 4/3$ или кварты, тона и кварты: $2/1=4/3 \times 9/8 \times 4/3$ (что соответствовало реальной игре на двух соединенных тетрахордах, настроенных на кварты), то это и позволяло создать дорийскую (мажорную) гамму диатонического наклона из двух тонов, меньшего полтона, трех тонов и меньшего полтона, начиная с ми первой октавы и далее по нисходящей. Затем, во времена Бозция диез равнялся просто четверти тона (Boet., Inst. mus., I, 21). Впоследствии диезом стали называть повышение звука на полтона. Заметим, что и в этом, и в предыдущем определении Исидор интервалом (spatium) называет соотношение частот, а не отрезок времени. Того же словоупотребления придерживались и многие из древних, как, например, Дионисий Галикарнасский и Архит в трактате «О музыке». Наконец, необходимо коротко рассказать о соотношении пифагорейской октавы и современной. Октава как музыкальный интервал осталась неизменной, изменился лишь принцип построения интервалов внутри нее. Поскольку октава получается при делении струны пополам, то повышение тона ровно в два раза становится как бы само собой очевидным. А вот как поделить это расстояние? Пифагор поделил его на пропорциональные отрезки. В пределах одной октавы такое слушается вполне приемлемо, однако проблемы начинаются при выходе за пределы этого диапазона. Если продолжать откладывать столь же равные отрезки за границей октавы вверх, например, мы придем к следующей октаве гораздо быстрее, ибо если даже посмотреть на струну, видно, что следующая октава получается при делении настоящей пополам, то есть расстояние между основными тонами в два раза меньше. А продолжая откладывать одинаковые отрезки, мы будем сначала попадать между полтонами, а потом с удивлением обнаружим, что уже перешли границу новой октавы, а тонов прошли отнюдь не семь, а меньше. Эта истина дошла до сознания народа где-то веке в XV, наверное, и тогда было предложено практически современное деление, а именно: частота каждого следующего звука (полтона) получается домножением частоты предыдущего на корень 12-й степени из двух, что отличается от пифагорейских значений меньшего полтона и тона в третьем знаке после запятой. Тогда октава по-прежнему получается из тонов, отличающихся по частоте в 2 раза, а промежуточные интервалы получаются более логичными и, что самое главное, более благозвучными. Более того, отсчитав 8 ступеней-нот (12 полтонов) от любого промежуточного тона, мы получим именно октаву, а не неизвестно что. Проблемы возникли только с интервалами терция и секста. Здесь уже дело не в математике, а в восприятии человеческим ухом биений, получающихся при сложении колебаний. Дело в том, что если построить благозвучную большую терцию от, например, ноты до (это получится, в современной нотации, ми), а затем построить благозвучную большую терцию от получившегося тона (в нашем примере: ми — соль-диез), то получившийся тон будет отнюдь не соль-диезом, и не ля, и не соль, а чем-то посередине. Кстати, индусы заметили

это очень давно, и в их гамме используются не полутоны, а четверти тона. Посему инструменты настраивали по-разному (это, разумеется, не относится к инструментам типа скрипки, где музыкант может извлечь любой мыслимый интервал, который подчас невозможно записать нотами) пока не был разработан Хорошо Темперированный Клавір, коему И.-С. Бах посвятил два альбома прелюдий и фуг. С той поры музыкальный строй придерживается описанного принципа и нет причин, по которым следовало бы что-либо менять. Что касается конкретной привязки тонов к частотам, то она имеет меньшее значение, чем относительная настройка тонов. Поэтому такая привязка всегда несколько различалась, пока в середине прошлого века не договорились считать ноту ля первой октавы за 440 Гц, что дает для ноты до субконтроктавы (самой нижней) значение около 16 Гц, то есть такое, ниже которого человеческое ухо уже не воспринимает звук как звук. (Мы признательны за этот комментарий Dr. Leopoldus'у, лидеру группы «Llanfair. P. G.», <http://www.llanfair.spb.ru>).

Его (тона) рода музыканты разделили на 15 частей, из которых гиперлидийский — новейший и самый высокий, а гиподорийский — самый низкий. Речь о так называемых ладах. Поскольку, как мы сказали, диатоническая октава делится на пять тонов и два меньших полутона (диеза), то возникал вопрос, как распределить эти два полутона между пятью тонами. В древности было три лада, которые отличались тем, что в дорийском (ми-мажорном) ладу полутона шли в конце каждого тетра хорды: м^и — тон — р^е — тон — д^б — полутон — си — тон, разделяющий тетра хорды, — ля — тон — соль — тон — фа — полутон — ми. Во фригийском («ре-минорном») ладу полутона занимали среднее положение: тон — полутон — тон — тон, разделяющий тетра хорды, — тон — полутон — тон, и, чтобы сохранить расположение по нотам ступеней лада, весь лад понижался на один тон, что давало р^е-д^б-си-ля-соль-фа-ми-ре. В лидийском ладу тетра хорды начинались с полутонов, что давало еще понижение всей октавы на тон: д^б-си-ля-соль-фа-ми-ре-д^б. За всеми тремя наклонениями закрепились эмоциональные клише: говорили о воинственности дорийского, чувственности фригийского и грусти лидийского лада. Понятно, что философы, например Платон и Аристотель и их последователи, очень не любил и два последних. Затем по тому же принципу — порядку чередования тонов и полутонов — было построено семь ладов: гиподорийский (ля-ля), гипофригийский (соль'-соль), гиполидийский (фа'-фа), дорийский (ми-ми), фригийский (ре-ре), лидийский (д^б-д^б), гипердорийский (он же миксолидийский, си-си), где приставки «гипер- /гипо-» означали повышение/понижение звука на квинту, а ступени располагались по восьми нотам звукоряда. Ко временам Бозция и Исидора существовало уже 15 ладов, с шагом в полтона (попеременно диез и апатомэ): гиподорийский, гипоиастиийский, гипофригийский, гипозолийский, гиполидийский, дорийский, иастиийский, фригийский, золийский, лидийский, гипердорийский, гипериастиийский, гиперфригийский, гиперзолийский и гиперлидийский. Таким образом, гиперлидийский был выше гиподорического на семь тонов (См. Cass., Inst., II, 5,8). Об особенностях построения ладов для струнных инструментов см. примечание к гл. 22, §5.

Арсис и тесис. О них см. кн. I, гл. 17, §21, и там же гл. 18, §1, и примечания к этим местам.

В завершение теоретической части этой главы надо указать еще на одну сторону античной музыкальной теории, которую Исидор обошел вниманием. Мы уже говорили о диатоническом наклонении, однако их всего было три. Поскольку октава делилась на кварту-тон-кварту, то можно было предложить несколько способов деления самой кварты ($4/3$). Древнейший способ, восходящий еще к Пифагору или его ближайшим ученикам, был диатоническим: кварта делилась на два тона и один меньший полутон: $9/8 \times 9/8 \times 256/243 = 4/3$, то есть если мы возьмем нижнюю кварту дорийского лада: ля-соль-фа-ми малой октавы. Так поступал Филолай, и это деление заимствует Платон в «Тимее», а за ними — Дидим. Однако уже Архит предлагает еще два наклонения: энгармоническое и хроматическое. Энгармоническое у Архита начиналось с большой терции: $5/4 \times 36/35 \times 28/27 = 4/3$; в нем, как видно, все интервалы суперпартикулярны. Впоследствии это превратилось в удвоенный тон, большую и малую четверти тона, то есть приблизительно: ля-фа-фа-без-четверти-ми. Хроматическое наклонение по Эратосфену состояло из полутонатового интервала ($9/8 \times 256/243 = 32/27$), большого и малого полутонов: $32/27 \times 2187/2048 \times 256/243 = 4/3$, что дает приблизительно ля-фа-диез-фа-бекар-ми. Так настраивался нижний тетрахорд. Аналогично в интервале мi-соль, настраивался верхний тетрахорд; и разница между ними по-прежнему оставалась равной одному тону ($9/8$). Хроматическое наклонение оказалось довольно популярным, так как позволяло тонко выражать эмоции поэтического текста. Зато энгармоническое наклонение, видимо занесенное с востока, не прижилось, так как считалось слишком мрачным и суровым (правда, у него были и влиятельные сторонники, например трагик Еврипид), и впоследствии кочевало только по музыкальным теориям.

Орган был изобретен Ктесибием из Александрии (рубеж II-I вв.) и назывался первоначально, надо полагать, «механическим орудием» (μηχανικὴ ὄργανον). Он состоял из 20—50 трубок типа больших свирелей, глиняных или бронзовых, и приводился в движение воздухом из воздушной камеры, который подавался в трубки под напором воды (затем от воды отказались). Достоинствами нового инструмента были большая сила звука, широкий диапазон (до 4 октав) и легкое, клавишное, управление. Поэтому он быстро вошел во всеобщее употребление — в театрах, в цирках и даже в домашнем музицировании. Конструкция органа описана римским последователем Ктесибия — Витрувием (I в.).

Труба. Хотя латинское tuba, соответствующее греческой салпинге, принято переводить словом «труба», надо сказать, что этот инструмент в римской армии был в действительности больше похож на современную тубу. Этот инструмент к римлянам попал через этрусков, которые создали усовершенствованный вид трубы — загнутый кверху сигнальный рожок, литуус. В римской армии оба использовались для подачи сигналов: труба — у пехоты, литуус — у конницы. Предшественником трубы являлся корн — бычий рог, срезанный у острия. Однако римскую трубу нельзя считать, в свою очередь, предшественником современных медных духовых инструментов ввиду отсутствия прямой эволюции. Прототипы наших медных духовых появились не раньше XI века н. э.

Флейта. Этот термин отражает общепринятый перевод латинского tibia или греческого «авлос», хотя, как сегодня полагают, голос этого инструмента походил на звук гобоя, а не флейты. Авлос у греков мог быть двойным и применялся не только при похоронах, но в театральной музыке, для сопровождения пляски и гимнастических упражнений. Считалось, что его мягкий и тягучий голос больше, чем голоса других инструментов, волнует человека и пробуждает в нем страстные чувства. Наши археологи подтверждают, что самые ранние инструменты этого типа состояли из полых костей с боковыми звуковыми отверстиями. Вероятно, флейты имели символическое значение, то есть были связаны с представлениями об охоте и о таинствах жизни, смерти и воскрешения.

Ведь у греков голос называется φῶς, а издавать — στολία. Исидор путает φῶς — свет и φωνή — звук. Испускать — στέλλω, испущенный — στείλασα (так как латинское vox и греческое φωνή — женского рода).

Самбук и пандура. С двумя последними инструментами много неясностей, так как оба считаются струнными: самбук (тригонон) — вид треугольной по форме арфы, а пандура (пандурин) — трехструнный инструмент, разновидность лютни. То, что Исидор описывает под именем пандурина, — это хорошо известный инструмент — сиринга, или флейта Пана, — вид губного органчика.

Сі.: Iubal вм. Tubal (см. тж. Гл 16)

Использование кифары было открыто Аполлоном. Хотя «использование кифары», возможно, и было открыто Аполлоном, но сама кифара (лира) была изобретена Гермесом (Меркурием) после того, как он украл из священного стада Аполлона коров. Причем корпус был сделан из панциря черепахи, а струны — из кишок двух убитых коров. Затем состоялся обмен: Аполлон получил любившийся ему инструмент, а Гермес — животных. После всей этой истории Аполлон научился играть на кифаре и делал это лучше, чем кто-либо из богов и людей (Apoll., Bibl., III, 10, 2). Иную версию этой истории см. ниже. Вероятно, предок кифары (лиры) был исторически первым щипковым музыкальным инструментом: древние люди должны были обратить внимание на звон тетивы лука. Этот инструмент состоял из резонатора, пружинных стоек и поперечины; струны равной длины, но разного натяжения крепились одним концом к резонатору, другим — к поперечине. Резонатором служил панцирь черепахи или выдолбленное дерево, обтянутое кожей. Стойки делались из дерева или из рогов. Струны изготавливались из скрученных кишок животных. Музыкальный инструмент этого типа встречался в различных культурах; в случае Эллады предком кифары была черепаховая форминга, инструмент аэдов и рапсодов, упоминающийся у Гомера, а дальним потомком (через лютню) — современная гитара.

Ci.: pectines в.м. pectides.

Эти семь струн кифары или семь частей диатонической октавы (вместе с восьмой, из следующей октавы) назывались: нета (ми первой октавы), паранета, трита, парамеса, меса (квинта от неты и кварта от гипаты), лиханос, паргипата, гипата (ми малой октавы). Меса соответствовала нашей ля малой октавы (Stob., I, 21, 7d). Причем считалась (согласно Пиндару), что первая кифара-форминга, изготовленная Гермесом, была тетрахордом, а гептахорд (семиструнник) придумал Терпандр Лесбосский в VII в. К V в. количество струн достигло 14 (15), и эти две октавы, от ля первой октавы до ля большой, назывались «большой совершенной системой», причем для всех струн были свои названия (см. у Бозция). Игра на кифаре и родственных ей инструментах вносила одно существенное дополнение в теорию семи ладов. Поскольку на кифаре фиксировались тона неты и гипаты, то для струнных инструментов октава всегда строилась от м^и до ми. И если с дорийским (мажорным) диатоническим ладом все было просто: м^и — р^е — до — си — ля — соль — фа — ми, то остальные шесть ладов были вынуждены привязываться к этой дорийской октаве, при этом сохраняя то чередование тонов и полутонов, какое характеризовало данный лад. Это давало, например, для фригийского («минорного») лада диатоническую гамму: ми — р^е — д^б — ди^{ез} — си — ля — соль — фа — ди^{ез} — ми, для лидийского: м^и — р^е -ди^{ез} — д^б — ди^{ез} — си — ля — соль — ди^{ез} — фа — ди^{ез} — ми, для миксолийского: ми -р^е -до — си — б^{емоль} — ля — соль — фа — ми и т. д. для всех семи. Таким образом, лира и кифара были для древних тем и хороши, что могли настраиваться по-разному, в зависимости от необходимости. Разумеется, допускалась и одновременная игра настроенных по-разному кифар, если это давало консонансы. Например, известна мелодия «для двух кифар с оркестром» в смешанном диатонико-хроматическом наклонении.

Ли́ра — упрощенная кифара, поэтому в историческое время она использовалась непрофессионалами, детьми, чаще всего — для обучения игры на кифаре. Различали два типа лир: хелис и барбит. Первая имела резонатор из панциря черепахи и пружинными стойками из рогов антилопы. Вторая отличалась более длинными изогнутыми стойками. В средние века лира была известна под именем «ротта». Отсутствующий в греческом языке глагол λυρέω находится целиком на совести Исидора, который ошибочно считает, что так по-гречески называется разнообразие голосов. Линдсей от отчаяния предлагает толкование αἰπὸ τοῦ ἄληρεῖν («от болтания вздора»).

Тимпан был инструментом типа бубна с широким ободом, или, точнее, тамбурином без тарелочек. Использовался, в основном, во время разных сомнительных с — моральной точки зрения оргиастических мистерий, например дионисийских. Римляне с их прямолинейным, рациональным мышлением очень не любили эту сторону жизни. О симфонии (бубне) как музыкальном инструменте см. ниже, §14.

Кимвал (литавры) состоял из двух металлических тарелок и применялся в оргиастических культах. Впоследствии этим словом стали называть различные малые ударные инструменты — трещотки, колокольчики и др.

Систр — трещотка, состоявшая из скобы, на которую были нанизаны металлические пластинки. Он являлся неизменным атрибутом культа Исиды, весьма популярного в Риме и Греции эллинистического периода. Вполне вероятно, что он и в самом деле был изобретен в Древнем Египте, хотя главным музыкальным инструментом этой культуры была арфа.

О среднем гармоническом см. гл. 8, §3. Гармоническим (музыкальным) оно называлось потому, что не выводило за пределы множества рациональных чисел, которое лежало в основании теоретической музыки древних. Заметим, что предложенный Исидором способ вычисления этого числа, с h

$= \frac{a(b-a)^2}{ab}$, ошибочен и в предложенном примере совпадает с правильным, с h

$= \frac{2ab}{a+b}$, лишь случайно, в силу того, что взято $b=2a$. Хотя сама формула — «на какую часть оно превосходит, на такую и его превосходят» — верна.

Титул IV. Об астрономии. В ряде рукописей этот титул выделяется в самостоятельную, четвертую, книгу «Этимологий», что дает для всего сочинения объем не в 20 книг, а в 21.

*Звезды, созвездия и светила. При переводе терминов «astra», «sidus» и «Stella» мы пользуемся указаниями самого Исидора (см. главу 60), то есть «sidus» — это созвездие, «astra» — звезда, а что касается родового понятия «Stella», то мы переводим его как «светило», поскольку Исидор включает в него и планеты, а иногда — Солнце и Луну. Заметим, что наш автор часто уклоняется от упомянутого разделения (см., например, в главе 63). Кроме того, применительно к движению звезд, планет, Солнца и Луны Исидор почти всегда употребляет термин *cursus* (бег), а не *motus* (движение), однако мы оба термина обычно переводим как «движение», поскольку в большинстве случаев употребление слова «бег» режет ухо русского читателя, например: «астрономия... касается бегов созвездий» или «неизменные и определенные бега звезд». Обращение светил вокруг себя — вокруг Полярной звезды.*

Автор Иосиф утверждает, что Авраам наставил египтян в астрологии — см. Ios., Ant. Iud., 1, 7—8. Иосиф Флавий (37—100 гг. н. э.) — иудейский полководец и писатель-историк, участник Иудейской войны 66—70 гг. н. э., сражавшийся сначала на стороне своего народа, а затем плененный римлянами и принявший их сторону. Автор «Иудейских древностей» в 20 книгах, посвященных истории иудейского народа от сотворения мира до правления Нерона, а также «Иудейской войны» в 7 книгах, описывающей современные ему военные события. Авраама называют переносчиком знаний из Месопотамии в Египет, потому что он был выходцем из «Ура халдейского», бежавшим впоследствии в Египет. Кроме того, Авраама считали сведущим в различных земных и небесных явлениях (см. ссылку на Бероса и Николая Дамаскина в упомянутом месте у Иосифа).

Птолемей, царь александрийский. Здесь ошибочно смешаны Птолемеи, цари эллинистического Египта из династии Лагидов (305—30 гг.), и Клавдий Птолемей (после 83 — после 161 гг. н. э.) — великий греческий астроном, астролог, математик и географ. Его главным сочинением было «Математическое собрание» в 13 книгах (ок. 140 г.), название которого европейскому читателю более известно в своем искаженном арабском переводе — «Альмагест». В нем были собраны и развиты все основные достижения греческой астрономии. Книга I представляет общие методологические установки и краткий очерк геоцентрической системы мира в своем наиболее развитом варианте. Книга II — самая ранняя из дошедших до нас работ по тригонометрии. Книги III-V посвящены движению Солнца и Луны, расстояниям до них, исчислению года и месяца. Книга VI касается движения планет. Книги VII-VIII посвящены неподвижным звездам, даны координаты и величины 1022 звезд. Остальные книги более детально описывают геоцентрическую систему мира, очерченную в первой книге. Вот его основные труды: «Четверокнижъе» — очень популярный в средние века астрологический сборник, «Гармоника» в трех книгах — музыкальный трактат, в котором рассматриваются и критикуются все греческие музыкальные теории; «Оптика» в пяти книгах, содержащая в том числе теорию отражения, «Об основаниях» и «Планисферия» посвящены теории проекций, «Руководство по географии» в — восьми книгах — грандиозный математико-географический проект, по которому на карте мира, выполненной в конической проекции, даются около 8000 координат различных географических пунктов.

Астрология же — наука частично природная, частично суеверная. Сегодня мы знаем астрологию как лженауку о будто бы существующей связи между судьбами людей и расположением светил, в особенности во время их рождения. Однако не следует недооценивать прогрессивного ее значения для своего времени. Ведь она устраняла мифический произвол богов, а потом и Бога и их влияние на земные события и судьбы людей, подчиняя мир математически описываемым непреложным законам природы, естественным законам движения светил. Она призывала людей наблюдать и рассчитывать, а не молиться. Это просветительское значение астрологии в древности заметил еще Лукиан Самосатский (см. его трактат «Об астрологии»). Поэтому мы вправе считать, что для великих ученых античности — Гиппарха, Птолемея и других — астрология представляла физическую гипотезу, объяснявшую устройство мира в единстве его земных и небесных законов, во взаимовлиянии неба и земли, также как геометрические астрономические теории служили для описания наблюдаемых явлений. Наш автор, следуя Аврелию Августину, относится к астрологии крайне отрицательно (см. гл. 71, §§37—40). Кроме того, надо отметить, что в классической Греции термины ἀστρονομία и ἀστρολογία были синонимами и обозначали начала астрономии, а не астрологии. Например, Платон употребляет исключительно термин ἀστρονομία, тогда как Аристотель и его последователи — только ἀστρολογία. (сочинение Евдема по истории теоретической астрономии называлось «Ἀστρολογικῆ»). Последним фактом весьма злоупотребляют современные астрологи. Разделение этих понятий началось во II-I вв. в связи с распространением собственно астрологии.

Распределяют двенадцать небесных знаков по отдельным частям тела и души. Такая «астрономическая медицина» была характерна для школы Гиппократов Косского. См. сочинение «О диагностике» Иоанна Актуария (XIV в. н. э.).

Глава 30. О форме мира. Весь пассаж о форме мира, возможно, навеян Verg., Georg., 1,231—256. Конечно, из приведенного определения трудно сделать вывод о том, как Исидор представлял себе мир. Значительно облегчает дело его популярный учебник «О природе вещей», в особенности главы 9—27. Космос у него состоит из трех частей: неба, Земли и подземного мира. При этом небо со всеми находящимися на нем сферами светил шарообразно, а Земля непостижимым образом плоская (см. здесь гл. 43), круглая, обтекаемая океаном. Античный астрономико-географический термин «земная сфера» (*orbis*) он понимает как «земная окружность». В данной главе под «миром» имеется в виду именно Земля. Частей земли четыре — восток, юг, запад и север. Такое разделение заимствовано у Вергилия и Лукана. Однако «областей», то есть континентов, только три — северный (Европа), восточный (Азия) и южный (Африка). В центре мира расположен Иерусалим, а главная сторона света, куда обращено лицо мира, — восток, поскольку там располагается земной рай. Представление о том, что Земля плоская, — это, конечно, заметный шаг назад по сравнению с античной географией, и связан он со стремлением совместить античную эллинскую картину мира и библейскую, при превосходстве второй во всех спорных случаях. А поскольку еврейская космология времен великих пророков была не оригинальной, а заимствованной из Вавилона, то мы становимся свидетелями возрождения в VI- VII вв. н. э. вавилонской космологии рубежа II-I тыс. до н. э. Действительно, мы находим у Исидора плоскую землю, как бы плавающую в мировом океане (гл. 47,62) и покрытую полусферой неба (гл. 39,43). Врата запада и востока (гл. 40) — это знакомые вавилонские «Гора восхода» и «Гора заката», закрытые на замок. И т. д., и т. п. Такую же позицию занимал старший современник Исидора, александрийский купец Косма Индикоплов (VI в.) в своей «Христианской топографии», однако в Византийской империи это умопомрачение прошло гораздо быстрее: преп. Иоанн Дамаскин (кон. VII в. н. э.) и свт. Фотий, патриарх Константинопольский (IX в.), считают шарообразность Земли очевидной истиной.

Небо называется ἀστέρες τῶν οὐρανῶν. Ср. с платоновской этимологией: «А имя Уран... прекрасно выражает “взгляд вверх” (ὁρῶσα τὰ ἀστέρες νῶ), который, по словам людей, изучающих небесные явления, сохраняет в чистоте человеческий ум» (Plat., Crat., 396c).

Сфера неба. Это то же самое, что сфера «неподвижных звезд». Аристотель в трактате «О небе» поясняет, что термин «небо» употребляется в трех значениях — 1) вращающаяся сфера «неподвижных звезд»; 2) часть мира, находящаяся между сферой Луны и сферой звезд, то есть Солнечная система, говоря современным языком; 3) все, что находится внутри сферы звезд, то есть Вселенная (Arist., Cael., 1,9). О доказательствах сферичности неба и его вращении см. у Ptol., Aim., I, 3.

Философы же ввели семь небес мира, то есть планет. Упомянутые философы — Евдокс Книдский и его ученик Калипп. Далее в крайне сжатой форме излагается теория гомоцентрических сфер Евдокса (см. также примечание к гл. 67). Семь «планет» — это Луна, Солнце, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн, которые имеют форму шара (globi).

Северный полюс, который никогда не заходит,, и южный полюс, который никогда не виден. Сразу ясно, что человек писал, находясь в северном полушарии. В южном полушарии все будет наоборот, это знали греки уже в III в. до н. э., но не знал Исидор, так как считал землю плоской. Борей — северный ветер, Австроно́т — южный; оба имени использовались в переносном значении для обозначения севера и юга. Первыми же людьми, которые догадались, что вращение небесной (звездной) сферы можно объяснить вращением земного шара вокруг своей оси, были, видимо, пифагорейцы Гикети Экфант(Сю., Acad., 11,39,123; Hippol., Haeg., 1,15). Эту идею подхватил Платон (Plat., Tim., 40b), и затем это учение было развито платоником и перипатетиком Гераклидом Понтийским. К такому выводу философы пришли из-за несоответствия скорости обращения сфер и их удаленности. Действительно, расстояния до планет они справедливо поставили в зависимость от периодов их обращений, то есть чем ближе планета к Солнцу (или, как тогда считали, к Земле), тем быстрее она обращалась: например, Луна — за месяц, две нижние планеты — меньше, чем за год, Солнце — за год, а Сатурн — вообще за 30 лет. И вот за Сатурном была сфера звезд, которая делала полный оборот за 24 часа! Логично было заключить, что причина последнего вращения, если исходить из его скорости, должна быть где-то между центром Земли и кругом Луны, то есть как раз на земной поверхности, которую и предположили вращающейся. После этого сфера неба (звезд) стала считаться вообще покоящейся, то есть как раз сферой «неподвижных звезд».

Сфера неба поворачивается... за двадцатичетырехчасовые промежутки времени, за которые Солнце, вращаясь, завершает свой бег над землей и под землей. Тут автор допускает серьезную неточность, поскольку все три промежутка времени — звездные сутки, 24 часа и солнечные сутки — не равны между собой и древние это хорошо знали. Сегодня это можно пояснить следующим образом. Прежде всего, с точки зрения земного наблюдателя Солнце медленно движется относительно звезд в обратном направлении — с запада на восток, то есть по эклиптике, совершая полный круг за год. Значит, звездные сутки, равные времени полного оборота Земли вокруг своей оси относительно «неподвижных» звезд, короче солнечных суток примерно на 4 мин. И если бы мы приняли звездные сутки за 24 часа, то примерно через полгода момент верхней кульминации Солнца (когда оно поднимается над горизонтом выше всего) пришелся бы на 12 часов ночи. Во-вторых, и с солнечными сутками все не просто. На их продолжительность сильно влияет географическая широта, поскольку Солнце проходит в разные времена года разные пути по небу. Поэтому в зависимости от того, как считать солнечные сутки — от восхода до восхода или от заката до заката — будут получаться разные значения для длительности суток. Например, у нас в северном полушарии в средних широтах весной Солнце восходит раньше, чем накануне, поэтому продолжительность времени «ночьдень» весной всегда больше времени «деньследующая ночь» (ведь каждая следующая ночь короче предыдущей): первая сумма больше, а вторая меньше 24 часов. Эту сложность можно было бы обойти, выбрав для точек отсчета начала и конца суток моменты, не зависящие от широты, например, считать от одной верхней кульминации Солнца до другой. Но и такой промежуток времени, который называется истинными солнечными сутками, не равен 24 часам. Дело в том, что Земля движется вокруг Солнца не равномерно по кругу, а по эллипсу, и, кроме того, на ее движение влияет Луна. Следовательно, видимое движение Солнца относительно звезд неравномерно, что заметил еще в V в. Метон Афинский. Поэтому сегодня за 24 часа мы принимаем средние солнечные сутки, причем разница между средним солнечным временем и истинным, называемая уравнением времени, доходит по абсолютной величине примерно до 16,5 минут. Древние римляне в этом случае поступали несколько по-иному: они принимали за 12 часов промежуток времени от истинного восхода до истинного заката и столько же часов считали в ночи. В этом случае солнечные сутки всегда были равны 24 часам, зато сам час не оставался фиксированным временным интервалом: ночные «часы» отличались от дневных, а летние дневные «часы» были гораздо длиннее зимних.

И названа она осью... поскольку там есть Возок. Ось мира проходит очень близко от Полярной звезды, входящей в созвездие Малой Медведицы, которое иначе называлось Возком, Возом (Plaustrum) . У воза есть оси. См. примечание к гл. 71, §6.

*Полюса мира суть окружности, которые движутся по оси мира... И названы они... от шлифования. Такое весьма странное определение объясняется, очевидно, тем, что Исидор представлял себе ось мира стержнем ненулевой толщины, а полюса — кольцеобразными ступицами, через которые она проходит (как ось повозки через ступицы колес). Витрувий, например, сравнивает их с кружочками-держателями оси на токарном станке (Vitr., IX, 1, 2). Этимология фантастическая, так как автор производит «полюс» от глагола *polire* — «полировать», «шлифовать», «делать гладким», имея в виду, что ось в ступице шлифуется до блеска, тогда как на самом деле слово *πόλος* греческое и восходит к *πέλω* — «двигаться». В следующем предложении Северный полюс мира назван правым, так как для Исидора «лицо» мира обращено на восток, следовательно, северное — это правое, а южное — левое.*

Третья часть неба — северная, куда Солнце приходит с более длинными днями; четвертая — южная, куда Солнце приходит, когда ночи длиннее дней. Совершенно правильное наблюдение. Например, на экваторе все время от момента весеннего равноденствия до осеннего Солнце будет находиться только в северной половине неба, а от осеннего равноденствия до весеннего — в южной. В средних широтах Солнце бывает и в северной части неба, и в южной, но здесь уже считают, где оно бывает дольше.

Семь полярных звезд. Имеются в виду семь самых крупных звезд Малой Медведицы. Ниже Северный полюс мира назван центром вращения, или вершиной мира, поскольку такое словоупотребление имело место, однако он, конечно, не вращается.

Есть и другие семь параллелей неба. Впервые использовать параллели и меридианы стали Евдокс и, особенно, перипатетик Дикеарх (жил ок. 300 г.), родоначальник математической географии, у которого нулевой меридиан проходил по линии «Днепр-Родос-Нил», а нулевая параллель — по линии «Гибралтар-Родос». Географическая сетка из семи параллелей и семи меридианов была предложена еще Эратосфеном (III в.), и за одним исключением (Месопонт) параллели у него проводились именно через пункты, упоминаемые Исидором: Мероэ (19° с. ш.) — столица древнеэфиопского царства, расположенная у четвертого нильского порога; Сиена, ныне Асуан (24° с. ш.), — самый южный из городов Верхнего Египта, находящийся у первого порога; Κατὰ χώρας досл. «нижние земли», — это Нижний Египет, то есть дельта Нила (30° с. ш.); Родос (36,5° с. ш.) — большой греческий остров у юго-западной части Анатолийского полуострова и главный город этого острова; Геллеспонт, ныне Дарданеллы (40,5° с. ш.), — один из проливов между Эгейским и Черным морями; Месопонт, это дословно «середина Понта» — Черного моря (около 44° с. ш.); Борисфен, то есть устье Борисфена, ныне Днепра (47° с. ш.). Таким образом, ширина каждого пояса получается примерно в 4—5°. Затем, вскоре после изобретения глобуса Кратетом Малосским, разделение меридиана от полюса до экватора на 90° предложил Гиппарх (II в.), и в дальнейшем для картографии строились цилиндрическая (Марин Тирский, нач. II в. н. э.) и коническая (Птолемей, сер. II в. н. э.) проекции земного шара. Подробнее см. Ptol., Aim., И, 6. Параллели Исидора соответствуют пятой, седьмой, девятой, одиннадцатой, тринадцатой, пятнадцатой, семнадцатой птолемеевским параллелям. Греческий термин κλίμα, дословно «наклон», очень многозначен. Первоначально, он, видимо, означал наклон земной оси на разных широтах. Как географический термин со значением «параллель», «широта» впервые употреблен Евдоксом и Дикеархом. Затем так стали называть области, параллельные пояса на земном шаре и господствующие в каждом таком поясе климаты в современном смысле этого слова. Об упомянутом влиянии климата на нравы и здоровье людей см., например, трактат «О воздухе, водах и местностях» (V в.) из гиппократовского корпуса, сочинение Клавдия Галена «О местностях» (II в. н. э.) или «Четверокнижье» Птолемея.

Поясов неба пять. Учение о климатических поясах Земли — это общее место античных писателей, так как попадает в пересечение предметных областей натурфилософии, описательной географии (хорографии), математической (координатной) географии, астрономии и медицины. Право первооткрывателей этого учения оспаривают Пифагор (Aristox., frg. 24) и Парменид Элейский (Parm., frg. A 44a Лебедев), что, впрочем, не есть противоречие, ибо сам Парменид учился у пифагорейца Аминия и вряд ли был оригинален при изложении натурфилософских взглядов во второй части своего знаменитого философского эпоса. Компендиум всего учения читатель найдет в «Метеорологике» Аристотеля. Излагаемая ниже теория извлечена из сочинений стоика Посидония (кон. II в.), при этом нарушен порядок кругов: зимний тропический на самом деле шел перед антарктическим. Обитаемыми областями — то, что у эллинов называлось «ойкуменой», — считались только два пояса: от полярных кругов до тропиков, один — в северном, другой — в южном полушарии (см. Arist., Meteor., II, 5; Ptol., Aim., II, 1).

Арктос — досл. греч. «медведь». *Аркты* — созвездия *Большой и Малой Медведиц*. См. гл. 71 §§6—7 и 35.

Зодиак. Греч. ζῳδιακός — «звериный» (подразумевается «круг»), — это 12 со-звездий, лежащих в плоскости эклиптики. Невероятное определение Исидора можно объяснить так, что под Зодиаком он понимал окружность с равномерно расположенными на ней 12 точками — зодиакальными созвездиями. Эта окружность описана около звезды, которая образована из шести линий, пересекающихся в центре и соединяющих оппозиционные знаки (ср., например, его определение таких знаков в гл. 14). Одну из этих линий, вероятно, ту, что рисовалась вертикально, он почему-то выделяет. К созвездиям Зодиака всегда было приковано особое внимание астрономов древности, поскольку в них происходили все наблюдаемые события Солнечной системы: движение Солнца, Луны, планет; вернее сказать, почти только эта часть неба и находилась под наблюдением.

Это есть путь, по которому кружится Солнце, и светит он так, перенимая его сияние. В ошибочности этого утверждения легко убедиться, сравнив положение эклиптики и Млечного Пути — они не совпадают даже приблизительно. То, что Млечный Путь состоит из множества неразличимых невооруженным глазом звезд, первыми открыли Анаксагор и Демокрит, по словам Аристотеля, который подробно исследует вопрос о Млечном Пути (Arist., Meteor., I, 8). Экспериментально это подтвердил только Г. Галилей после изобретения телескопа.

Когда восходит, Солнце одновременно показывается равно на востоке и на западе. Кажется, автор полагает, что Солнце по всей Земле восходит одновременно (так как считает Землю плоской), хотя из этого аргумента нельзя сделать вывода о величине Солнца. Любопытно, что Птолемей доказывал шарообразность Земли как раз неодновременностью восходов и закатов светил (Ptol., Alm., 1,4). Знание о величине Солнца напрямую зависит от знания расстояния до него. О расстояниях в космосе первым заговорил Анаксимандр (Анах., frg. А 19 Лебедев). Что касается вычисления расстояния от Земли до Солнца, то первую научную попытку определить его предпринял Аристарх Самосский в сочинении «О размерах и расстоянии до Солнца и Луны». Он использовал метод триангуляции, выбрав момент, когда диск Луны ровно наполовину освещался Солнцем, то есть центры Земли, Луны и Солнца составляли прямоугольный треугольник. Измеряя угол между направлениями на центр Луны и центр Солнца, можно вычислить расстояние до Солнца в единицах расстояния до Луны (которое Аристарх рассчитал ранее другим методом). Исходя из расстояния до Солнца и его видимого диаметра, он рассчитал величину Солнца. Правда, разница между 90° и упомянутым углом оказалась столь мала, что Аристарх невольно зависил ее в 21 раз: в результате расстояние до Солнца (а значит, и размер Солнца) у него оказалось во столько же раз меньше истинного. Однако ошибки подобного рода неизбежны в пионерских работах, и они бледнеют перед смелостью и принципиальной истинностью мысли этого астронома, который, опираясь на систематические наблюдения, создал удовлетворительную модель Солнечной системы, свободную от теологических представлений, и заложил основы современной космологии. Настоящий диаметр Солнца — ок. 1 391 000 км.

Солнце выше Луны. Исидор не вполне ясно представляет себе природу расстояний в Солнечной системе (даже в ее геоцентрическом варианте): он смешивает понятия «выше», в смысле угловой высоты светила над горизонтом, и «дальше», в смысле космических расстояний между небесными телами. (См. также в гл. 53.) Поэтому мы, переводя, употребляем термины «Земля» или «земля» в зависимости от того, идет ли речь о небесном теле или о «плоской» земле, отождествляемой с плоскостью горизонта.

Величина Луны меньше величины Солнца. Исидор считает, что видимый диаметр Солнца больше лунного, очевидно, потому, что при солнечном затмении из-за диска Луны видна солнечная корона. Видимые угловые диаметры светил изменяются в следующих пределах: Солнца — 31'27» —32'31», Луны — 29'24, —33'40«. Зная расстояние до Луны и ее видимый диаметр, Аристарх сумел вполне удовлетворительно вычислить ее размеры (см. примечание к гл. 57). Настоящий диаметр Луны — 3476 км.

Философы говорят, что огонь Солнца питается водою. Первым из упомянутых философов был Фалес Милетский, который полагал, что Солнце питается водными испарениями (*Thai., frg. A 11, 12a* Лебедев). Совмещение несовместимых элементов объясняется тем, что Солнце испаряет, как бы притягивает к себе воду, и, кроме того, роса бывает по утрам, значит, считали древние, ее источает Солнце. Поэтому оно будто бы влажное. Но уже Аристотель, как известно, считает такую позицию «достойной осмеяния» (*Arist., Meteor., II, 2: 355a*). Среди четырех «элементов» античной натурфилософии — огня, воздуха, воды и земли — огонь и вода считались противоположными. См. также «О природе вещей» нашего автора, гл. 15.

Солнце движется... Сегодня мы видимый годовой путь Солнца по звездной сфере называем эклиптической. О том, что эклиптика наклонена к плоскости небесного экватора, знали еще в глубокой древности, например, Гесиод, но угол наклона вычислил Энопид Хиосский, причем вполне точно: 24° , что лишь немного отличается от известных сегодня $23^\circ 27'$. Сейчас мы понимаем, что плоскость эклиптики — это плоскость, в которой (с небольшими отклонениями) вращаются планеты нашей Солнечной системы, а угол ее наклона к плоскости небесного экватора объясняется углом наклона земной оси к плоскости эклиптики. Заметим, что Исидор знает о движении Солнца относительно сферы звезд, а также о том, что это движение производит смену времен года. Понять причину зимы и лета он не может, лишь констатирует, что зима — это когда Солнце на юге, а лето — когда на севере.

Овощи и плоды, которые варятся во влаге. Процесс созревания плодов считался процессом их варения в собственном соку под действием солнечного тепла. См. Arist., Meteor., IV, 3.

Когда же оно движется на юг, оно ближе к земле, когда же оно вблизи севера, оно поднимается выше. Здесь, конечно, речь не о расстоянии между Землей и Солнцем в разные времена года, а о том, что зимой Солнце поднимается ниже над горизонтом, а летом — выше. Нижеследующую часть главы Линдсей приводит по Is., De nat. rerum, 17, 3, ссылаясь на некоторые второстепенные рукописи «Этимологий» (codices Leidensis, Karolinus и др.).

Святитель Т. Флавий Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — пресвитер и христианский учитель в Александрии, руководитель Катахетической школы (после смерти Пантена ок. 200 г.), глубокий знаток языческой литературы, гностических и христианских учений. Находился под некоторым влиянием гностицизма. Главные его труды — «Строматы» (семь книг богословско-литературной мозаики теоретического характера) и «Педагог» (труд нравственно-воспитательного характера) — являются ценнейшими источниками для истории античной философии, науки и литературы благодаря содержащимся в них цитатам более чем 360 греческих авторов.

Вся последняя часть главы, начиная со слов «Ему, поэтому, Бог установил...», в Поблетской рукописи отсутствует, равно как и чертеж. Однако несколько чертежей сохранились в трактате «О природе вещей», и в данном случае, очевидно, описана знаменитая роза ветров Исидора, восходящая (не непосредственно!) к «Метеорологике» Аристотеля (Arist., Meteor., II, 6). Вся фигура расположена в плоскости горизонта, а перечисленные точки соответствуют следующим ветрам Аристотеля (по часовой стрелке): Δ -эвру, Θ — ноту (юг), Γ — либу, Α — зефиру (запад), Ε — аргесту, Η — борею (север), Ζ — кекию, Β — апилиоту (восток). Направление на юг названо шестым часом дня потому, что день делился на 12 часов, то есть полдень наступал как раз в шесть часов. Азимуты точек восхода и захода Солнца в дни зимнего и летнего солнцестояния названы точками восхода и захода в Рождество Господне и Рождество Иоанна Предтечи, из чего следует, что эти праздники приходились, по нашему календарю, на 21 декабря и 21 июня соответственно. (Современный церковный календарь несколько отошел от этих дат.) Углы ΔΟΘ, ΘΟΓ, ΕΟΗ и ΗΟΖ равны между собой и, конечно, зависят от географической широты: в Севилье они составляют примерно 60°. Все эти чертежи были чрезвычайно популярны в средние века, в частности, роза ветров Исидора, по мнению Ж. Фонтэна, — это уже готовая роза готического собора. По этому поводу см. Fontaine J. Isidore de Séville. Traite de la natura, suivi de l'Espître en vers du roi Sisebut a%` Isidore. — Bordeaux, 1960. — P. 296, а также стихотворение «Окнороза» Р.-М. Рильке.

Некоторые философы говорят, что Луна имеет собственный свет. Это очень древняя точка зрения. Известно, что ее держался Анаксимандр, хотя объяснение Исидора скорее отвечает учению Гераклита о чашеобразных Солнце и Луне. Первым, кто открыл, что Луна светит отраженным светом, считается Анаксагор (но не Анаксимен, как ошибочно указывает Теон Смирнский). Споры на эту тему закончились еще в V в., и непонятно, как они могли попасть в сочинение, написанное 11 веков спустя.

Седьмой же с половиною день лунного месяца и двадцать второй с половиною — в ее окружности средние, а прочие дни — долевыe. Автор принимает синодический месяц за 30 суток (на самом деле 29 суток 12 час. 44 мин. 2,78 с и это значение, к слову сказать, еще Гиппарх вычислил с точностью до 1 с), причем в упомянутые дни Луна находится соответственно в первой и последней четвертях, то есть освещена наполовину. В первоначальном римском календаре день первой четверти Луны назывался Нонами, а начало месяца — Календы — старались подогнать под новолуние.

Она движется по кривой орбите, а не по прямой, как Солнце. Уже со времен Гиппарха было известно, что Луна движется не в плоскости эклиптики, а в другой плоскости, которая наклонена к эклиптике на $5,1^\circ$. Кстати, известно было и то, что Луна перемещается не по круговой орбите, с чем справедливо связывали некоторую неравномерность ее движения относительно звезд. Объяснение Исидора причины «косого» движения Луны совершенно неверно: если бы она находилась постоянно в плоскости эклиптики, то есть перемещалась относительно звезд по тому же пути, что и Солнце, она все равно не упала бы на Землю.

Луна ближе к Земле, нежели Солнце. Аристарху удалось придумать остроумный способ определения расстояния до Луны (выраженного в радиусах Земли) по средней продолжительности лунного затмения и периода орбитального движения Луны. Это расстояние получилось равным примерно 60 радиусам Земли (по современным подсчетам, около 63,8). Радиус же Земли был вычислен Эратосфеном с точностью до 1%.

Затмения Солнца и Луны. Первым, кто предложил изложенные здесь совершенно правильные причины затмений, был Анаксагор из Клазомен (сер. V в.). См.: Plat., Crat., 409a-b; Aet., II, 29, 6—7.

*Созвездия, звезды. Здесь очевидно перепутаны примеры к терминам *sidera* и *astra*. То есть созвездия Ориона и Волопаса — это, конечно, «многие светила», а скопления Гиад и Плеяд — это пример образования «больших светил», так как считалось, что большие и яркие звезды — это скопление множества мелких.*

Светила не имеют собственного света. Это, конечно, верно для светил-планет и неверно для светил-звезд. Утверждение, что звезды светят отраженным светом, сравнительно позднее и не характерно для времен расцвета греческой астрономии.

Ci.: multa minora вм. *multae maiores*. Вероятно, переписчик отнес оба прилагательных к слову *claritas* (яркость) из предыдущего предложения, но тогда получается трюизм: большую видимую яркость имеют те светила, которые видимы более яркими. Мы предлагаем отнести оба слова к слову *intervalla* (расстояния), которое фигурирует в названии главы.

Светило обегает свой круг или по долготе, или по широте. Широты и долготы здесь астрономические (эклиптические), то есть широта — расстояние до эклиптики, а долгота — расстояние по эклиптике, начиная с точки весеннего равноденствия.

Для планет «круговое число» определяется здесь как наименьшее общее кратное сидерического (по долготе) и драконического (по широте) периодов, но фактически приводятся цифры НОК для сидерического периода и тропического земного года. Поскольку точно эта задача не решается, то, в зависимости от заданной точности, можно получить сколь угодно большие числа, однако при небольшой точности (96—98%) получаются вполне астрономически значимые отрезки времени: например, в случае с Марсом — это 15—17-летний период между великими противостояниями, а для обеих дальних планет — просто их сидерические периоды. Цифры, приведенные Исидором для нижних планет, можно исправить: число 9 для Венеры приведено ошибочно вместо 8, а для Меркурия лучше подошли бы 13 лет. Числа для Солнца и Луны, вероятнее всего, просто перепутаны. А именно: лунно-солнечный период в 19 лет был вычислен еще Метоном из Афин, так как за это время проходит почти ровно 235 синодических месяцев, то есть Луна в возвращается в свое исходное положение относительно Солнца, Земли и звезд. Период обращения Солнца вокруг Земли в геоцентрической системе отсчета как раз и принимается за один земной тропический год, продолжительность которого со времен Гиппарха принималась за 365,24(6) дней. Для сравнения приведем цифры, которые указывает Птолемей со ссылкой на Гиппарха (на самом деле они принадлежат вавилонянам): Меркурий — 46 лет, Венера — 8 лет, Марс — 79 лет, Юпитер — 71 год, Сатурн — 59 лет, а для Луны — периоды в 18 и 54 года (Ptol., Alm., IX, 3; IV, 2). Кроме того, указаны очень странные имена планет. Венера названа своим архаичным именем (Lucifer), Марс — Вечерней звездой (Vesper), очевидно, просто по ошибке, так как уже давно было известно, что Вечерняя и Утренняя звезды — это одна планета, а Юпитер именуется Фээтоном. (О названиях планет см. примечание к главе 71, §18—20.)

Солнце... лучей своих мощью путь заграждает вперед и стоянкой их ход замедляет. Откуда Лукан мог взять такое фантастическое объяснение причин попятного движения планет, остается непонятным. О настоящих научных теориях того времени, объясняющих это явление, мы говорим в примечании к следующей главе. Может быть, источником для поэта послужила какая-нибудь расхожая космологическая или астрологическая гипотеза, известная среди поверхностно образованной римской публики? См. также гл. 67.

Планеты, то есть «блуждающие». Совершенно верная этимология. По-гречески $\pi\lambda\alpha\nu\acute{\alpha}\sigma\tau\alpha\iota$ как раз и значит «блуждать». Планетами называли такие странные звезды, которые бродят по небу туда и сюда, в то время как все прочие порядочные звезды неподвижно стоят на своих местах и вращаются только вместе с небосводом. (Солнце и Луну тоже иногда относили к планетам.) О них знали еще в древнейшие времена, но у эллинов впервые систематически наблюдать за каждой из них по отдельности стали Пифагор и его ученики: это стало, так сказать, «визитной карточкой» их астрономии. Исследовались пути планет, их блеск, различные периоды обращения, другие циклы. Следовательно, именно Пифагор был открывателем Солнечной системы как совокупности астрономических тел, связанной определенными кинематическими законами. Еще V в. греческие астрономы обратили внимание на то, что планеты движутся приблизительно в плоскости эклиптики, т. е. по зодиакальным созвездиям, и что они выписывают сложные петли, меняя прямое движение на попятное. Сегодня мы знаем, что для нижних планет — Меркурия и Венеры — эти петли обусловлены, главным образом, их собственным обращением вокруг Солнца, а для верхних — обращением самой Земли. Однако в древности этого не знали, но понимали, что объяснять такое странное движение надо: это называлось задачей «спасения явлений, представляемых планетами», то есть задачей нахождения комбинации таких равномерных правильных движений, которые объясняли бы данные явления. Сама постановка этой задачи, а также ее первое решение принадлежали Евдоксу Книдскому (IV в.), который предложил так называемую «теорию гомоцентрических сфер». Он предположил, что движение пяти известных планет описывается четырьмя взаимосвязанными и взаимовлияющими хрустальными сферами, имеющими один центр, центр Земли, но вращающимися с разными скоростями и вокруг разных осей. На движение Солнца и Луны отводилось по три сферы, и последняя, 27-я сфера, объясняла движение звезд. Эта теория была усовершенствована Калиппом, учеником Евдокса, а также философом Аристотелем, который ввел так называемые «ретроградные сферы» для компенсаций движений основных несущих. Получившаяся система состояла уже из 55 сфер (см. Arist., Met., XII, 8). Следующий шаг в объяснении сложного движения планет был сделан Аполлонием, предложившим иной способ разложения движения планет на несколько простых равномерных круговых движений: это были хорошо известные эксцентрическая и эпициклическая модели, то есть модели, согласно которым планета двигалась равномерно по окружности (эпициклу), центр которой сам равномерно двигался по другой большой окружности (деференту), центр которой был смещен на некоторое расстояние (эксцентр) от центра мира. Эти модели были использованы Аристархом при построении гелиоцентрической системы мира, а также Гиппархом; но модель мира Аристарха, основывавшаяся на круговых движениях планет вокруг Солнца, имела недостаточную точность и, в основном, критиковалась. Их же взял за основу Птолемей, который усложнил систему тем, что ввел в нее так называемые экванты. То есть он впервые нарушил аксиому движения Платона, так как движение центров эпициклов по деферентам у него происходит не равномерно, а таким образом, что линия, соединяющая планету с некоторой точкой — эквантом, описывает за равные интервалы времени равные углы. Экспериментируя, Птолемей обнаружил, что проще всего поместить эквант в точку, удаленную от центра деферента на то же расстояние, что и Земля. То есть центр деферента делил пополам отрезок, соединяющий эквант с Землей (Ptol., Alm., III, 3; IX, 5—

6; XII, 1—2). Так была пройдена половина пути, отделявшая античные кольцевые орбиты от кеплеровских эллипсов. Вся эта система изумительна с математической точки зрения, так как предвосхищала Фурье-спектроскопию, то есть она являлась геометрической интерпретацией разложения сложной функции в тригонометрический ряд Фурье. С помощью такого метода, увеличивая количество эпициклов (у Птолемея их было 40, а ко времени Коперника, точнее, у его ученика Фракасторо — 79), можно было рассчитать положение светил на небе с любой заданной точностью. Однако эта же система совершенно неудовлетворительна с точки зрения физической, так как дает совершенно неправдоподобные расстояния между светилами. Эти неувязки резко расходятся с экспериментальными данными, например, они дают невероятно большие изменения видимого диаметра Луны, чего не мог не заметить Птолемей. Такое несоответствие геометрии и физики породило гипотезу, споры о которой не прекращаются и сегодня. Согласно этой гипотезе, поддерживаемой школой Нейгебауэра, Аполлонию, Гиппарху и Птолемею было математически безразлично, является ли система мира геоцентрической или гелиоцентрической и каковы реальные пространственные движения Солнца и планет. Их теория была принципиально предназначена для вычисления эфемерид (т. е. положения планет на небе) в рамках той точности, которая была накоплена наблюдениями своего времени. Мы считаем возможным отчасти присоединиться к этой позиции по двум причинам. Во-первых, в своих «Планетарных гипотезах» сам Птолемей развивает как раз физическую, точнее гидромеханическую, модель геоцентрического космоса в духе Аристотеля, но с заменой хрустальных сфер на вращающиеся жидкие тела. Во-вторых, представление о нескольких небесных сферах в духе теории Евдокса и гармонии движения этих сфер в духе пифагорейцев бытовало все средние века; у нашего автора оно тоже встречается (см. гл. 32). И с этим совмещалась птолемеяевская картина мира из «Альмагеста» (который перевели с арабского), хотя такое совмещение физически невозможно. В птолемеяевской геометрии круги планет пересекаются и уже поэтому не могут быть сферами: такие «сферы» просто переломали бы друг друга. Остается предположить, что средневековые ученые, следуя Птолемею, использовали его систему для расчета эфемерид, тогда как реальная физическая картина мира строилась на основе наиболее прогрессивной для своего времени перипатетической физики, которая исходила из теории гомоцентрических сфер. Но, конечно, совершенно невозможно, чтобы Птолемей был «тайным» гелиоцентристом или чтобы он был безразличен к выбору точки центра мира. В «Альмагесте» он убийственно точно критикует гелиоцентрическую систему Аристарха (Ptol., Alm., I, 5—7), а в «Планетарных гипотезах» недвусмысленно высказывается в пользу Земли как мирового центра.

Светило находится в собственном движении и чему-то против обыкновения предшествует. Здесь у Исидора путаница: термином «предшествование» (προήγησις) применительно к планетам в греческой астрономии обозначалось как раз попятное движение светил, так как в последнем случае движение светила происходит в направлении суточного движения небесной сферы (то есть с востока на запад), обгоняя звезды (ср.: Ptol., Alm., XII, 1). Если «предшествование» применяется для обозначения прямого движения планет (с запада на восток), то это таинственное «что-то», что им предшествует, — это какие-нибудь звезды, от движения которых планеты отстают. Вообще про одно светило говорят, что оно предшествует другому, если оно раньше восходит из-за горизонта, то есть попросту расположено западнее. См., например, определение Цицерона: «Венера, когда она предшествует Солнцу, называется Люцифером».

Падающие звезды. Здесь упрощенно излагается перипатетическая метеорология. Она основывалась, во-первых, на космологическом представлении, что воздушная земная атмосфера простирается до орбиты Луны, а за Луной мир состоит из эфира, «пятого элемента», который был изобретен Аристотелем. Во-вторых, метеорологические, то есть атмосферные, или подлунные, явления объяснялись теорией двух испарений. То есть философ предположил, что под действием солнечного тепла из воды выделяется возносящееся вверх влажное испарение (водяной пар), а из земли — сухое (огненная пневма). Последнее испарение поднимается выше первого и занимает «естественное место» вблизи лунной орбиты, то есть вблизи эфира, частично смешиваясь с его нижними слоями. Эта пневма, собственно, и есть огонь, а те языки пламени, которые мы в быту называем огнем, — это как бы вскипевшая пневма. Соответственно, взаимными влияниями и движениями верхних слоев воздуха, пневмы и эфира Аристотель объясняет такие явления, как метеоры (метеорные потоки, болиды), северные сияния и даже кометы (Arist., Meteor., I, 4—5).

Аркт (Медведица), Септентрион (Трион), Возок (Колесница) — это названия созвездий Большой и Малой Медведиц или только Большой. Медведицей оно названо в честь Каллисто (Гелики), дочери Ликаона, нимфы из окружения Артемиды, которая стала возлюбленной Зевса, была превращена в медведицу и убита Артемидой. После этого Зевс перенес ее на небо и сделал созвездием Большой Медведицы. Малая Медведица — это ее сын, Аркад, не пожелавший расстаться с матерью, или одна из подруг-нимф, также превращенная в медведицу (Apoll., Bibl., III, 8, 2; Ovid., Fast., II, 153—192; III, 108). В Древней Месопотамии это созвездие называлось Мар-гид-да («грузовая повозка»). Удивительно, но во многих культурах мира, в том числе и не связанных между собою, — у вавилонян, индусов, китайцев, южноамериканских индейцев, балтийских народов — это созвездие издревле носило название, имевшее значение повозки, колесницы или упряжного животного. Большая Медведица содержит, по античным подсчетам, 27 звезд, видимых невооруженным глазом, то есть до 6-й звездной величины включительно (здесь и далее количество звезд в созвездиях указывается по Ptol., Alm., VII-VIII).

Медвежий страж (Волопас). Считалось, что он был поставлен Герой, чтобы преследовать ненавистную ей Медведицу-Каллисто и на небе. Однако были разные версии того, кем мог быть этот человек при жизни. Большинство полагало, что это Икарий, который впервые ввел в Афинах употребление вина и был убит людьми, посчитавшими себя отравленными (Aroll., Bibl., III, 14, 7). Другая легенда связана с Триптолемом, сыном Келея. Третью приводит наш автор, см. §35. Созвездие содержит 22 звезды, видимых невооруженным глазом.

Арктур — четвертая по яркости звезда нашего неба. Видимая звездная величина — 0,04m. В науке Арктур — звезда вполне заслуженная, так как это первая звезда, которую удалось наблюдать днем (М. де Вильфранш, 1636 г. н. э.), и у которой удалось определить движение в пространстве (Э. Галлей, 1717 г. н. э.). Этимология Исидора, скорее всего, ошибочна: Арктур — это Ἄρκτου οὐρανῶς, «медвежий страж, надзиратель».

Орион. Тут наш автор стыдливо умалчивает о настоящей этимологии имени этого беотийского героя, так как оно происходит от οὐρῶν, мочи. По преданию, он был рожден из воловьей шкуры, в которую помочились три бога (Ovid., Fast., V, 531—544: 11 мая; Apoll., Bibl., I, 4, 5). Он был великаном и замечательным охотником, но имел очень много несчастий из-за женщин, от них же и погиб. Гомер утверждает, что и после смерти Орион остался охотником. В Древнем Вавилоне созвездие называлось Сибазанна («верный пастух небес»). Греки насчитывали в нем 38 звезд.

Гиады. Хорошо заметное невооруженным глазом звездное скопление, образующее «рога» Тельца. В телескоп видны около 100 звезд, расположенных недалеко от звезды Альдебаран. Восходят они по календарю времен Овидия 2 мая. Гиады были дочерьми Атланта и, по одной из версий, были перенесены на небо из-за своего благочестия: они умерли от горя, оплакивая своего рано погибшего брата (Ovid., Fast., V, 164—182: 2 мая; Apoll., Bibl., III, 4,3).

Плеяды. Прекрасно видимое невооруженным глазом рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца. Видны 6—9 самых ярких звезд, но всего их около 120 (диаметр скопления — 50 световых лет). Они были также дочерьми Атланта, но по какой причине они оказались на небе, не вполне известно. Возможно, в награду за труды, ведь они разносили богам амброзию. Их восход Овидий относит к 14 мая, заход — к середине ноября (Ovid., Fast., V, 599—602; III, 105; Apoll., Bibl., III, 10, 1).

Она была названа Сириусом, потому что ее знали лучше других звезд. На самом деле, по-гречески σείριος — жгучий, палящий. Сириус (α Большого Пса) — самая яркая звезда нашего неба, не считая Солнца. Он имеет блеск $-1,58m$ и удален от нас всего на 2,67 пк. В Египте он восходил во время летнего солнцестояния и знаменовал начало разлива Нила, а его подъем совпадал со временем наибольшей летней жары, откуда и название — «палящий». В науке эта звезда прославилась тем, что оказалась двойной: в 1862 г. н. э. по расчетам математика Бесселя был открыт белый карлик, названный Сириусом В. Кроме того, в «Четверокнижьи» и «Альмагесте» Птолемей отмечал, что Сириус временами имеет красный цвет наподобие Марса. Сегодня предполагают, что это были вспышки Сириуса В, находящегося в критической фазе свой эволюции.

Кометы. О них в древности было мало что известно: их считали то аномальными планетами, то атмосферными явлениями. Суеверные люди полагали, что они приносят бедствия.

Среди прочих звезд несет больше света. Это совершенно справедливо. Венера является самым ярким светилом нашего неба после Солнца и Луны — ее блеск колеблется в пределах от $-3,7m$ до $-4,2m$ (звездной величины). Вообще Светоносцем или Утренней звездой называли Венеру в период утренней видимости.

Они распространяют свои лучи в виде гривы. Речь идет об эффекте дифракции лучей света, исходящих от некоего источника, в хрусталике человеческого глаза. Благодаря этому эффекту звезды имеют вид не светящихся точек, а как бы «звездочек» () или, в терминологии Исидора, гривы (iuba). Поэтому в латинском языке iubar — это блеск, сияние, но не всякое, а именно такое, «гривастое». Этот эффект довольно заметен для такого яркого светила, как Венера.

Геспер, сын титанида Атланта (или его брат) и Эос. Жил, как и его дочери, Геспериды, на далеком Западе. См. Diod. Sic., III, 60; IV, 27.

Открытие того, что Утренняя и Вечерняя звезды — это одна и та же планета (Венера), приписывают Пифагору. Римлянам это было известно уже во времена Катутла (LXII, 34 sqq.) и Цицерона (Cic., Nat. deor., II, 20, 53).

Имена планет приводятся, очевидно, по Цицерону (Cic., Nat. deor., II, 20, 51—53), за исключением Марса, греческое имя которого оратор правильно пишет как Πυρόεις. Цицерон, в свою очередь, заимствует их у Аристотеля (Arist., De mund., 392a23—31). В VI-V вв. планеты у эллинов имели различные наименования и не относились к почитаемым божествам греческой мифологии, то есть их считали не более и не менее божественными, чем, скажем, ночь, день, ветер или заря. Приведенные имена, видимо, были самыми распространенными, и их перевод таков: «светящий», «сияющий», «огненный», «вечерний», «сверкающий», — подразумевается αἴστῆρ, звезда, которая в греческом языке мужского рода. Заметно, что только два имени были осмыслены, остальные — просто синонимы. Впервые мысль, что планеты суть боги, высказал Платон в «Тимее», связав это представление с заимствованным у ранних пифагорейцев представлением о равномерном круговом движении планет. Для этого он заимствовал названия планет у вавилонян, сделав греческую кальку имен их богов (по словам его ученика Филиппа Опунтского, когда Платон был уже в преклонном возрасте, его посетил некий халдей). Так и появились современные названия планет, в греческом, конечно, варианте их произношения: Гермес, Афродита, Арес, Зевс и Кронос, что соответствовало вавилонским богам Набу, Инанне-Иштар, Нергалу, Мардуку и Нинурте. (Напомним, что Уран был открыт только в 1781 г. н. э. В. Гершелем, Нептун — в 1846 г. н. э. И. Галле по вычислениям У. Леверье, а Плутон — в 1930 г. н. э. американской обсерваторией им. Ловелла.) Впервые эти имена встречаются в платоновском «Тимее» (Plat., Tim., 38d) и в «Послезаконии» Филиппа Опунтского (986e-987a), а приобрели известность они из-за популярного аристотелевского трактата «О мире», где философ приводит и старые, и новые названия. Цицерон выбирает оттуда только старые, а новые приводит в латинском «переводе»: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Кроме того, в эллинистическое время, в период всеобщего увлечения разной египетско-вавилонской мистикой, планеты получили еще и сакральные имена, которые мы здесь не приводим именно ввиду их сакральности.

Этот выпад направлен, главным образом, против Овидия, по «Фастам» которого (с некоторыми отступлениями и дополнениями) составлена эта глава.

Средняя линия мира — небесный экватор. Исидор начинает перечисление созвездий Зодиака, начиная с точки пересечения эклиптики и небесного экватора, то есть с весеннего равноденствия. Из-за прецессии земной оси даты нахождения Солнца в созвездиях Зодиака в древности существенно отличались от современных. Это выглядит как медленное смещение точки, например, весеннего равноденствия назад по эклиптике. При этом полный круг совершается за 25729 лет. Так, во времена Платона и Аристотеля эта точка находилась в созвездии Овна, на рубеже эр она перешла границу Овна и Рыб и сегодня находится в Рыбах, а после 2600 года н. э. перейдет в созвездие Водолея. Поскольку Овидий жил на рубеже эр, то он был совершенно прав, говоря, что Солнце вступает в созвездие Овна около дня весеннего равноденствия. Зато не прав был Исидор, когда утверждал то же самое. Для этого было достаточно оторваться на время от переписывания старых рукописей и просто взглянуть на небо. Современные астрологи прекрасно осведомлены об этом явлении (прецессии), открытом еще Гиппархом, поэтому в их терминологии «вступление Солнца в знак Зодиака» и «вступление в созвездие Зодиака» — понятия разные и отличающиеся почти на целый знак.

Овен. Этимология названия этого созвездия указана Исидором по неизвестному источнику и с ошибкой. Среди богов египтян бараньи рога имел не Амон, а Хнум; баран же был священным животным Амона в Фивах, а не самим этим богом. Общепринятая же античная версия состояла в том, что на небо был вознесен золоторунный баран Гермеса, который увез Фрикса, сына Афаманта, в Колхиду (Ovid., Fast., III, 851 — 876: 23 марта; Apoll., Bibl., I, 9, 1). По-шумерски оно называлось Лу-хун-га («наемный работник»). Греки включали в него 13 звезд.

Телец — это Критский бык. См. Ovid., Fast., IV, 717—720 апреля; V, 604—620; Apoll., Bibl., III, 1, 1. У вавилонян — Гу-анна («бык небес»). Состоит из 32 звезд, видимых невооруженным глазом.

Близнецы — это братья Диоскуры, Кастор и Полидевк, сыновья Леды от Тиндарея и Зевса. Поэтому первый был человеком, а второй — богом. После гибели Кастора Полидевк проклял свое бессмертие, и по решению Зевса оба были помещены на небо с тем, чтобы один день проводить на небе, а другой — на земле (Ovid., Fast., V, 693—720: 20 мая; Ном., II, XI, 300 sqq; Apoll., Bibl., III, 11, 2). И они на самом деле возвращаются с небес в том электростатическом явлении, которое мы сегодня называем коронным разрядом. Его хорошо знают моряки, так как в сильную бурю и грозу огни Диоскуров зажигаются на концах корабельных мачт и рей, неся спасение терпящим бедствие людям. Шумерское название — Маш-таб-ба («великие близнецы»). 18 звезд.

Рак. См. Ovid., Fast., VI, 727—728: 19 июня; Apoll., Bibl., II, 5, 2. По преданию, рак впился клешнями в ногу Геракла, когда тот боролся с многоголовой Гидрой. Когда рак был убит, ненавидевшая Геракла Гера отблагодарила это создание тем, что поместила его на небе. Вавилоняне называли его Аль-лул («краб» или «рак»). Всего насчитывалось 9 звезд.

Лев. Считалось, что это тот самый Немейский лев, сын Ортра, которого победил Геракл, совершив первый подвиг из двенадцати (Hes., Theog., 326 sqq.; Apoll., Bibl., II, 5, 1). Однако еще в Шумере это созвездие было известно под именем Ур-гу-ла («лев» или «большая собака»). Состоит из 27 звезд. Этесийские ветры — северные сухие ветры, постоянно дующие летом (с июля по сентябрь) в районе Средиземного моря.

Дева. В Древнем Вавилоне это созвездие называлось Абсин («колос»). Поэтому и в Элладе его изображали в виде девы с пучком колосьев в руке и связывали с богиней плодородия — Деметрой или ее дочерью, Персефоной (Корой). В созвездии насчитывали 26 звезд. Каникулярные дни (каникулы) — это самая знойная пора года — с конца июля до середины октября, — названная так от видного только в это время созвездия Большого Пса (Canis) и его главной звезды — Сириуса (Canicula). В переносном смысле каникулы — это просто невыносимая жара. Разумеется, это было время свободное от занятий в римских школах, которые в то время располагались почти что под открытым небом.

Весы. У этого созвездия была сложная судьба. В Вавилоне оно как раз и называлось Рин («весы»), а в Древней Греции его не считали отдельным созвездием, а относили к Скорпиону в качестве клешней последнего. Но в римское время, в период повального увлечения восточной астрологией, его «восстановили в правах» под вавилонским названием, связав с весами Дики (Фемиды), богини правосудия. В древности к Весам (Клешням) относили 8 звезд. Осеннее равноденствие в начале нашей эры действительно приходилось на созвездие Весов.

Скорпион — это то самое животное, которое нанесло смертельный укус Ориону. По всеобщему мнению, это было заказное убийство, но установить заказчика следствию, как водится, не удалось. Поговаривали, что это была Артемида или Гея. Кто и зачем вознес его на небо, непонятно. По-шумерски назывался также Гиртаб («скорпион»). Включал в себя 21 звезду.

Стрелец. Древнейшее название — Па-Билсаг («конный лучник»). Греки считали, что это кентавр Фол, один из немногих приличных кентавров, который был другом Геракла, но случайно погиб от руки этого героя, когда защищал его от озверевших соплеменников (Apoll., Bibl., II, 5, 4). Целится из лука он как раз в Скорпиона, охраняя от этой твари остальных небожителей. В этом созвездии насчитывалась 31 звезда.

Козерог. Древние шумерские имена Сухур («коза») или Мас («рыба»). Эллины полагали, что в этом виде на небо был помещен бог Пан, а вид этот он получил при следующих трагикомических обстоятельствах. Во время битвы богов с титанами Пан, спасаясь от чудовища Тифона, попытался превратиться в козла, но, поскольку он прыгнул в Нил до того, как превращение было закончено, половина, которая осталась над водой, трансформировалась в козла, а другая половина, под водой, стала рыбьим хвостом. Оказавшись на небе, объединил 28 звезд. Коза, кормилица Зевса — Амалфея (Нот., II., XXI, 194; Apoll., Bibl., I, 1, 5).

Сі. (Линдсей): саргеат вл. саргет.

Водолей. Греки не могли вполне точно установить, кто был вознесен на небо под этим именем. Чаще всего считали, что это юноша Ганимед, сын царя Троя, ставший любовником Зевса и виночерпием богов (Нот., II, V, 265; XX, 232; Apoll., Bibl., III, 12, 2). Но вспоминали также и Девкалиона, который пережил Великий Потоп (Schol. Нот., II, I, 126; Apoll., Bibl., I, 7, 2). У шумеров — Гула («великан»). По подсчетам эллинов в это созвездие входило 42 звезды.

Рыбы. Считалось, что в этом созвездии был увековечен образ тех двух рыб из реки Евфрат, которые спасли Афродиту и Эроса от Тифона. В Древнем Вавилоне этому созвездию соответствовали три разных: Кун-меш («хвост»), Сим-мах («великая ласточка»), Анну-ни-тум («владычица небес»), но употреблялся и термин Рикис- нунни («лента рыб»), которых насчитывали три. У греков затем их стало две, связанных лентой (всего 34 звезды), а Исидору, как видно, достаточно и одной.

Орел и Лебедь. Оба созвездия связаны с любовными похождениями Зевса на земле. В виде орла он похитил юного пастуха Ганимеда, сына троянского царя Троя (Нот., II, V, 265; XX, 232; Apoll., Bibl., III, 12, 2). А в образе лебедя он сошелся с Ледой, женой спартанского царя Тиндарея (Apoll., Bibl., III, 10, 7). (Подругой версии, это Кикн, царь лигуров, безутешно оплакивавший гибель своего друга Фазтона, сына Гелиоса.) Созвездие Орла еще у вавилонян именовалось Те («птица»), а Лебедя — Уд-ка-дух-а. Согласно Птолемею, созвездие Орла состояло из 9 звезд, а Лебедя (Птицы) — из 17.

Персей, сын Зевса и Данаи, и Андромеда, дочь эфиопского царя Кефея, — персонажи известного древнегреческого мифа, все основные участники которого попали на небо: герой-спаситель, спасенная царевна, ее родители (Цефей и Кассиопея) и даже убитое героем чудовище (Кит) (Aroll., Bibl., II, 4, 3). В Древнем Междуречье созвездие Персея именовалось Шуги («старик»), а Андромеды — Лулим («олень»). В первом эллины насчитывали 26 звезд, во втором — 23.

Возничий. По-шумерски Гам («сабля»). Греки же полагали, что это человек, но не знали точно, какой. По одной из версий, это афинский царь Эрихтоний, сын Гефеста, который первым впряг коней в колесницу, первым стал пахать землю плугом, а также учредил праздник Панафиней. Исидор говорит об уподоблении Солнцу, поскольку до Эрихтония колесница была только у бога Гелиоса (Apoll., Bibl., III, 14,6—7). По другой версии, это Миртил возничий элидского царя Эномая, предавший и погубивший этого царя и сам убитый Пелопом (Apoll., Bibl., Ep., 2,6—8). Говорили также, что Возничий — это мчащийся по небу Фэтон, сын Гелиоса, или даже бог морей Посейдон на своей колеснице. Всего 14 звезд, видимых невооруженным глазом.

Ли́ра. У вавилонян — Уз («коза»). 10 видимых звезд. Миф о лире и Гермесе см. в гл. 22, §2 (и примечание к нему) и §8.

Центравр. Созвездие названо в честь кентавра Хирона, который был самым мудрым и благородным в этом крайне разнузданном племени. Он был рожден бес-смертным, счастливо избежал участи своего народа, был воспитателем героев Актеона, Асклепия, Ахилла, Ясона, но был обречен на вечные мучения после того, как его случайно ранил Геракл. Титанид Прометей предложил себя в обмен и обрел бессмертие, а Хирон скончался и был вознесен на небо (см. Aroll., Bibl., 1,2,4; II, 5,11; III, 13). Правда, поскольку на небе оказалось сразу два кентавра, Хирон и Фол, то люди не всегда знали, который из них Центравр, а который — Стрелец, и часто их путали. У шумеров это созвездие носило описательное название Эн-те-на (Маш-лум) («созвездие холодов (в виде свиньи)»). Насчитывало 37 звезд.

«Ученые христианской религии», которые считали астрологию разновидностью черной магии и порождением Сатаны, — это Ипполит (кон. II — нач. III в. н. э.), Тертуллиан (кон. II — нач. III в. н. э.), Евсевий Кесарийский (вт. пол. III в.), свт. Григорий Нисский (IV в.), бл. Аврелий Августин (кон. IV в. — нач. V в.) и большинство прочих. Борьба с астрологией во времена христианской патристики шла на волне борьбы с гностическими ересями. См. знаменитые «Семь аргументов против астрологии» Августина в книге «Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского.» — Ч. 3. — К., 1907, а также у Св. Василия Великого (Р. G., XXIX, col. 9C). Исидор здесь приводит второй довод Августина. Что касается Платона и Аристотеля, то с их космологией учение о гадании судеб по звездам, действительно, не совместимо. В целом, отрицательное отношение к «халдейским предсказаниям» было характерно для Греции до времен эллинизма (см.: Cic., De div., II, 42, где против астрологии прямо выступает Евдокс, или Gell., XIV, 1).

Аммиан Марцеллин. Римская история. — СПб.: Алетейя, 1994. — С. 37—38, 421.

Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х тт. — Т. 2. -М.: Ладомир, 1993. — С. 371.

Моммзен Т. История римских императоров. — СПб.: Ювента, 2002. — С. 546—549, 552, 561.

Моммзен Т. История рима. — Т. 5. — СПб.: Наука; Ювента, 1995. — С. 50—52.

Вольфрам Х. Готы. — СПб.: Ювента, 2003. — С. 243—246.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. — Т. 1. — М.: Арктос-Вика-Пресс, 1996. — С. 62—63.

McKenna S. Paganism and Pagan Survivals in Spain up tj the Fall of the Visigothic Kingdom
— Wash., 1938.

Brehaut E. An Encyclopedist of the Dark Age. Isidore of Seville. — N. Y.: Columbia University, 1912. — C. 81—86.

Источники биографических сведений об Исидоре у его современников — это: 1. Продолжение исидоровских «О сиятельных мужах», написанное епископом Идельфонсо Толедским (Migne J.-P. Patrologiae cursus completus... Series secunda [Latina] / Accurante J.-P. Migne. — Paris: Garnier, 1850. — Т. LXXXII, col. 68 (Далее — P.L.)); 2. «Введение к книгам Исидора» епископа Браулona Сарагосского (P.L., LXXXII, col. 65; 3. Описание смерти Исидора, составленное клириком Редемптом (P.L., LXXXII, col 68); 4. Письма Исидора (P.L., LXXXII, col 893); 5. «Regula» Леандра (P.L., LXXII, col 892).

P.L., LXXXIII, col 905.

P.L., LXXXII, col. 68. Менее полный список работ Исидора есть у Браулоне во «Введении к книгам Исидора» (P.L., LXXXII, col. 65).

Лукомский Л.Ю. Прокл Диадок и главный труд его жизни — «Платоновская теология»
// Прокл. Платоновская теология. — СПб.: Изд. РХГИ, 2001. — С. 515.

Генгель К., Бенсон У. История и философия христианского образования. — СПб.: «Библия для всех», 2002. — С. 47—54, 92—96.

Aug., Conf., VIII, 2—5.

*Lejay**P. Martianus**Capella*

//

*Catholic**Encyclopedia*

(<http://www.newadvent.org/cathem/09723a.htm>). — 2003.

Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — начало VII века). — М.: Наука, 1989. — С. 131.

Маковельский А.О. Софисты. — Баку: Изд. НКП АзССР, 1940. — С. 23, 28. Античные теории языка и стиля (антология текстов). — СПб.: Алетейя, 1996. — С. 16—23.

См. примеч. К кн. 1, гл. 28 §2.

Уколова В. И. «Последний римлянин» Бозций — М.: Наука, 1987. — С. 60—64.

Зубов В. П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. — М.: Едиториал УРСС, 2000. — С. 195.

Диллон Дж. Средние платоники. 80 г. До н. э. — 220 г. н. э. — СПб.: Алетейя; Изд. О. Абышко, 2002. — С.281—284.

Уколова В. И. «Последний римлянин» Бозций — М.: Наука, 1987. — С. 60—64, 80—81.

Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. — СПб.: Изд. РХГИ, 2002. — С. 66—72, 272—276, 339—347.

Cp.: Arist., Met., I, 5: 985b23 sq.

Philol., frg. В 4 Лебедев.

Waerden B. L. van der. *Die Postulate und Konstruktionen in der Frühgriechischen Geometrie*
// *AHES 18 (1978)* — 354ff.

Gemin // Procl., In Eucl., 38.4—42.2

Xen., Mem., IV, 7.1—8.

Plat., Resp., 517e-535a.

Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. — СПб.: Изд. РХГИ, 2002.

См. прмеч. К кн. III, гл. 2.

См. примеч. К кН III, гл. 5, §7 и §11.

См. примеч. к кн. III, гл. 5, §11.

См. примеч. к кн. III, гл. 2.

Procl., In Eucl., 65.15 sq.

Лурье С. Я. Демокрит: Тексты, перевод, исследования. — Л.: Наука, 1970.

Cass., Inst., II, 6; Var., I, 45.

О разделении октавы, ладах и наклонения, см. примеч. к кн. III, гл.20.

См.: Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. — Л.: Наука, 1990.

Schmidt C. Questiones de musicis scriptoribus Romanis, imprimis de Cassidoro et Isidoro. — Darmstadt, 1899.

Arist., Cael., II, 9.

Plat., Resp., 530d.

Arist., An. Pr., I, 30.

Подробнее о геоцентрических моделях мира от Пифагора до Птолемея см. примеч. к кн. III, гл 67.

См. примеч. к кн. III, гл. 33 §1.

См. примеч. к кн. III, гл. 47 и 57.

См. примеч. к кн. III, гл. 67.

Cic., De div., II, 43; вообще о порядке планет см. Ptol., Alm., IX, 1.

О птолемеевской системе мира см. примеч. к кн. III, гл. 67.

Ptol., Tetr., I, 9.

Тредер Г.-Ю. Эволюция основных физических идей. — К.: Наук. Думка, 1989. — С. 173—178.

См. примеч. к кн. III, гл. 30.

Arist., Met., V, 7; VI, 2.

Само понятие «сущность» (οὐσία) в античной философии означает «определенность вещи», то есть то, что позволяет отличить ее от другой.

См. кн. I, гл. 4, 7, 9.

Об этом см. гл. IV «Творческой эволюции» А. Бергсона и «Введение в метафизику» М. Хайдеггера.

Chrys., frg. 146.

Plat., Crat., 438d sqq.

См. кн. II, гл. 1 и 3.

Brehaut E. An Encyclopedist of the Dark Age. — N. Y.: Columbia University, 1912. — C. 35—36.

См. кн. II, гл. 5.

Plat., Leg., 965a-966a. Подробнее см.: Светлов Р. В., Лукомский Л. Ю. Дамаский Диадох как представитель Афинской школы неоплатонизма. // Дамаский Диадох. О первых началах. — СПб.: Изд. РХГИ, 2000. — С. 807—810.

См. кн. I, гл. 3, 5, 9, 23.

«Различения», II, 13, 36.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм, гл. 2 §1.

*Fontain J. Isidore de Séville. Traité de la natura, suivi de l'Espître en vers du roi Sisebut a%
Isidore. — Bordeaux, 1960. — C. 13.*

Sri Aurobindo. The Human Cycle — Pondichery, 1949. — Гл. 15, 177.

Шри Ауробиндо. Западная метафизика и Йога // Сатпрем. Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. — Бишкек: РИА «Новости»; «Глобус», 1992. — Сс. 259—262.

Об этом см. у кн. Н. С. Трубецкого «Идея-правительница идеократического государства» (1938).

Гаспаров М. Л. Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения. — М.: Наука, 1993. — С. 272.

*

Ci.: habere ем. habent.

**

Ci.: subsuperpartionalis в. superpartionalis.